

проблема личности

диалог полифония К

е-воскресение диалогич

ХРОНОТОП *культура*

СОФИЯ познание лингвисти

дух язык смеховая культура

ИЗДАЦИЯ речевой жанр *стиль*

плюрализм **СОБЫ**

симфония **ПРАЗДНИК**

**ИДЕИ МИХАИЛА БАХТИНА
И ВЫЗОВЫ XXI СТОЛЕТИЯ:
ОТ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ
К ПОЛИФОНИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ**

**МАТЕРИАЛЫ XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ
БАХТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

г. САРАНСК, 5-10 ИЮЛЯ 2021Г.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. П. ОГАРЁВА»

ИДЕИ МИХАИЛА БАХТИНА
И ВЫЗОВЫ XXI СТОЛЕТИЯ:
ОТ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ
К ПОЛИФОНИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ

МАТЕРИАЛЫ XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ
БАХТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

г. Саранск, 5–10 июля 2021 г.

САРАНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2021

УДК 130.2:159.9Бахтин
ББК С.я43
И 291

Ответственный редактор:
Н. И. Воронина

Редакторы - составители:
С. А. Дубровская, И. В. Ключева, А. А. Сычев

Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению : материалы XVII Междунар. Бахтинской конф., г. Саранск, 5–10 июля 2021 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. Н. И. Воронина ; ред.-сост.: С. А. Дубровская, И. В. Ключева, А. А. Сычев. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2021. – 3,02 Мб.
ISBN 978-5-7103-4255-8

XVII Международная Бахтинская конференция «Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению», по материалам которой сформирован данный сборник, демонстрирует понимание особой роли идей русского мыслителя Михаила Бахтина в становлении нового мышления, изменившего интеллектуальный и культурный климат мира в осознании единства культуры, науки, образования и творчества. Выступили с докладами и сообщениями более 130 участников, среди которых бахтиноведы из 22 зарубежных стран. Кроме того, проведены онлайн-симпозиумы по идеям диалогизма в практике учителя, на которых обсуждался опыт диалогической педагогики в разных странах (Норвегия, Новая Зеландия, Австралия, Япония, США).

Таким образом, участники конференции своими идеями создавали бахтинское пространство, насыщая его новыми диалогическими созвучиями и научными резонансами.

Научное издание

**ИДЕИ МИХАИЛА БАХТИНА И ВЫЗОВЫ XXI СТОЛЕТИЯ:
ОТ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ
К ПОЛИФОНИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ**

Материалы XVII Международной Бахтинской конференции

Издательство Мордовского университета
430005, г. Саранск, ул. Советская, 24

ISBN 978-5-7103-4255-8

© Авторы статей, 2021

© ФГБОУ ВО «МГУ

им. Н. П. Огарёва», 2021

© Оформление. Издательство

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

1. Alvarado R. (Mexico City, Mexico). Voices at the threshold: Stories of life around Bakhtin's dialogic thinking
2. Брэндист К.С. (Шеффилд, Великобритания). Круг Бахтина и Восток (или Что бахтинские идеи говорят нам о «деколонизации учебной программы»)
3. Дубровская С.А. (Саранск, Россия). Проект «Бахтинская энциклопедия» в контексте актуальных задач современного бахтиноведения
4. Лу Сяо-хэ (Шицзячжуан, провинция Хэбэй, Китай). Особенности культурных смыслов в трудах М.М. Бахтина
5. Matusov E. (Newark, USA). The educational regime of the Bakhtinian dialogue
6. Махлин В.Л. (Москва, Россия). «Творящее сознание»: авторство М.М. Бахтина как проблема
7. Николаев Н.И. (Санкт-Петербург, Россия). М.М. Бахтин в 1910-е и 1920-е годы: единство пути
8. Новиков В.И. (Москва, Россия). Опыт сопряжения бахтинской эстетики и теоретико-литературных идей ОПОЯЗа
9. Осовский О.Е. (Саранск, Россия). М.М. Бахтин и советский литературоведческий истеблишмент: конец одного мифа
10. Sandler S. (Beer Sheva, Israel). On death and turn-taking in conversation: the concept of succession (*smena*) in Bakhtin's late philosophy
11. Смирнов С.А. (Новосибирск, Россия). Философская рефлексия М. М. Бахтина: опыт устной автобиографии
12. Сычев А.А. (Саранск, Россия). Моральные смыслы хронотопа
13. Тиханов Г. (Лондон, Великобритания). Бахтин открывает «Философский словарь» и натывается на «Космополитизм»
14. Тульчинский Г.Л. (Санкт-Петербург, Россия). Поступок, ответственность и самосознание: самость как наррация «не-алиби в бытии»
15. Тюпа В.И. (Москва, Россия). Бахтин и нарратология

16. [Hirschkop K. \(Ontario, Canada\). Mythmaking: why Bakhtin went back to the future in the 1930s](#)

17. [Эмерсон К. \(Принстон, США\). Странная мода на ниспровержение Бахтина \(и в чем ошибка\)](#)

БИОГРАФИЯ М.М. БАХТИНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

18. [Воронина Н.И. \(Саранск, Россия\). Поклонение «пожизненному другу...»:](#)
[М.В. Юдина – М.М. Бахтин](#)

19. [Клюева И.В. \(Саранск, Россия\). «Последняя любовь Керенского...»: некото-](#)
[рые дополнения к портрету М.К. Юшковой и ее семьи](#)

20. [Медведева Д.А. \(Санкт-Петербург, Россия\). Судьба автора, судьба текстов](#)

М.М. БАХТИН В МИРОВОЙ ФИЛОСОФИИ

21. [Atsushi T. \(Tokyo, Japan\). Bakhtin's views on celebrating multiplicity in the cul-](#)
[turally diverse world: Nicholas of Cusa's inspirations for interculturalism](#)

22. [Елдин М.А., Мочалов Е.В. \(Саранск, Россия\). Духовно-нравственная тради-](#)
[ция русской философии и диалогическая этика М.М. Бахтина](#)

23. [Емелькина И.В. \(Саранск, Россия\). Философия поступка М.М. Бахтина и ее](#)
[значение для современности](#)

24. [Ерохина Т.И. \(Ярославль, Россия\). «Феноменология поступка» М. Бахтина:](#)
[мифотворчество и культурная память](#)

25. [Кравченко О.А. \(Тегеран, Иран\). Архитектоника возвышенного: от](#)
[Б. Христиансена к М. Бахтину](#)

26. [Логинова М.В. \(Саранск, Россия\). Методологическое значение идей](#)
[М.М. Бахтина для современной философии искусства](#)

27. [Mas Diaz S. \(Barcelona, Spain\). On the role of love in Bakhtin's thinking. Some](#)
[remarks to show the actuality and future of Bakhtin's thought](#)

28. [Песоцкая Е.Н., Инчина В.И. \(Саранск, Россия\). Герменевтический анализ](#)
[феномена субъективности в культурном наследии М.М. Бахтина \(аспекты технокультур-](#)
[ной сингулярности\)](#)

29. [Писачкин В.А., Бикейкин Е.Н. \(Саранск, Россия\). Социальный самокон-](#)
[троль в контексте философии поступка М.М. Бахтина](#)

М.М. БАХТИН КАК ФИЛОЛОГ

30. [Абрамовских Е.В. \(Самара, Россия\). Роль концепции М.М. Бахтина о композиционных и архитектурных формах в разграничении понятий незаконченного/незавершенного текста](#)
31. [Автухович Т.Е. \(Гродно, Белоруссия\). Экфрасис как метатекст в контексте металингвистической теории М.М. Бахтина](#)
32. [Акимова Т.И. \(Саранск, Россия\). М.М. Бахтин и Л.В. Пумпянский о литературе XVIII века \(к проблеме романа воспитания\)](#)
33. [Ангушева А. \(Манчестер, Великобритания\). Насколько «народна» народная культура у Рабле? Замечания о прочтении Бахтиным европейской народной культуры в эпоху Средневековья и Возрождения](#)
34. [Арискина О.Л. \(Саранск, Россия\). Концепт «Путь» в научном дискурсе XX века \(по материалам защиты диссертации М.М. Бахтина\)](#)
35. [Васильев Н.Л. \(Саранск, Россия\). О методологии книги М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского»](#)
36. [Вишленкова С.Г. \(Саранск, Россия\). От «образовательного романа» С.И. Гессена к «роману воспитания» М.М. Бахтина: предварительные замечания](#)
37. [Владимирова С.М. \(Саранск, Россия\). Ранняя проза С.С. Кондурушкина в свете бахтинской теории смеха](#)
38. [Giesbergen M. \(Amsterdam, Netherlands\). Shaking the habitual: a synthesis between Bakhtinian dialogism and Shklovsky's defamiliarisation](#)
39. [Гудкова С.П. \(Саранск, Россия\). Процесс романизации в современной поэзии как объект осмысления отечественного литературоведения и критики](#)
40. [Denisenko I. \(Nashville, USA\). Beyond the Novel: Polyphony and Democratic representation in Art](#)
41. [Денисова Г.В. \(Москва, Россия\). «Чужое слово» в современной русской литературе: векторы интертекстуального преломления](#)
42. [Долгорукова Н.М. \(Москва, Россия\). «Бахтин средневековый»: хронотоп таверны в латинском тексте XII в.](#)
43. [Domingues T. \(São Paulo, Brazil\). Humboldt's and Voloshinov's word emergence as the investigation path to an ontological dispute](#)

44. [Дрянгина Е.А. \(Саранск, Россия\). Особенность проявления языковой личности М.М. Бахтина как автора работы «Проблемы творчества Достоевского»](#)
45. [Жерноклеев Д.А. \(Нэшвилл, Теннесси, США\). Бахтин о Флобере – проблема образа в философии Бахтина](#)
46. [Иваницкий А.И. \(Москва, Россия\). «Другой» в устном поэтическом фольклоре: предок – антипод – второе «я»](#)
47. [Carr-Phillips J. \(Ormskirk, United Kingdom\). Bakhtinian theory and implicitness in the short story](#)
48. [Лаптева И.В. \(Саранск, Россия\). Блог в контексте учений Михаила Бахтина](#)
49. [Ларокка Дж. \(Мачерата, Италия\). Внутри и вокруг Гоголя. Лев Пумпянский и Михаил Бахтин](#)
50. [Лю Мяовэнь \(Пекин, Китай\). Теория романа Бахтина и ее вклад в теорию метапрозы](#)
51. [Мариниченко А.И. \(Саранск, Россия\). «Слово с лазейкой» в историко-литературном и научно-методическом контексте современной рецепции идей М.М. Бахтина](#)
52. [Небыков А.А. \(Москва, Россия\). Рецепция идей Михаила Михайловича Бахтина в современном литературоведении \(некоторые наблюдения\)](#)
53. [Осьмухина О.Ю. \(Саранск, Россия\). Традиции романа воспитания в современной отечественной прозе](#)
54. [Souris S. \(Denton, USA\). Dialogic Agreement or "Shared Spatial and Ideational Purview?": Bakhtin, Voloshinov, and Anne Tyler's "Holding Things Together"](#)
55. [Филей А.В. \(Рига, Латвийская Республика\). Речежанровый аспект фразовой части разговорника «Ein Rusch Voeck»](#)
56. [Филей А.В. \(Рига, Латвийская Республика\). Эсхатологические концепты в народной драме «Гроза»](#)
57. [Филей Т.В. \(Саранск, Россия\). Разноречие как способ создания гротеска в трилогии А.В. Сухово-Кобылина «Картины прошедшего»](#)
58. [Филиппова О.В. \(Саранск, Россия\). Бахтинская теория речевых жанров в практике обучения русскому языку как иностранному](#)
59. [Шаронова Е.А., Шаронов А.М. \(Саранск, Россия\). Пространство и время эрзянского и мокшанского героического эпоса в свете учения М.М. Бахтина о хронотопе](#)
60. [Юрина Н.Г. \(Саранск, Россия\). «Воскресные письма» В.С. Соловьева в ракурсе концепции речевых жанров М.М. Бахтина](#)

ИДЕИ М.М. БАХТИНА
И ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

61. **Бокатина Ю.И. (Саранск, Россия). Диалогическая концепция М.М. Бахтина и интерактивные методы обучения русскому языку как иностранному**
62. **Watanabe R. (Hamamatsu, Japan). Occupational therapists as a dialogic author in dementia care**
63. **Guedes-Pinto A. (Campinas, Brazil) From the speaking of trainee teachers to enunciate themselves like a teacher: challenges in the initial Brazilian teacher education**
64. **Janfada M. (Melbourne, Australia). Dialogic Approach to Curriculum Design in Plurilingual Era: Fortifying Heteroglossic Narratives**
65. **Ziebell L. (Perth, Australia). М.М. Bakhtin's action of the image: imagination's significance for learning**
66. **Campbell B. (Newark, USA). Analysis of institutionalization of public schools through a Bakhtinian lens**
67. **Марчукова О.Г. (Москва, Россия). Содержательно-смысловые основания обучения как развитие идеи текстоцентризма в познании**
68. **Matsuo C. (Fukuoka, Japan). Thought "directed towards other thoughts, ideas, meanings": using Bakhtin's "The problem of the text" and Voloshinov's "Marxism and the philosophy of language" in foreign language education**
69. **Mello L. (Goiânia, Brazil) Dialogical and collaborative practices at a Brazilian public school: investigating the process of reading and writing literary texts in English**
70. **Miyazaki K. (Tokyo, Japan). Teachers as the listener to students' questions.**
71. **Nishimoto Y. (Kyoto, Japan). Pedagogically-motivated architectonic of chronotope: Perezhivanie, Mimesis, and Conatus**
72. **Noguchi S. (Tokyo, Japan). Kindergarten teacher as the collaborative creator of children's imaginative world**
73. **Satake T. (Sapporo, Japan). Teacher's learning to be dialogic: a simulated lesson in the «novelistic pedagogy»**
74. **Обласова Т.В. (Тюмень, Россия). «Диалогическая методика» в школьном изучении литературы: цели, содержание, методы.**
75. **White J. (Canterbury, New Zealand), Janfada M. (Melbourne, Australia.) Dialogic method(ologie) for understanding practice: a dialogue exchange across disciplines**

76. [Figueredo C. \(Goiânia, Brazil\). Tackling neoliberal forces in a second language education program in Brazil: responsible situated agency as a dialogical and decolonial counter-action](#)

[ЖИЗНЬ ИДЕЙ М.М. БАХТИНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ](#)

77. [Atsushi T. \(Tokyo, Japan\). Bakhtin's views of love towards alien others: generating dialogue beyond critical evaluation from the outside world](#)

78. [Беломоева О.Г. \(Саранск, Россия\). Народное искусство в контексте проблемы диалога культур](#)

79. [Bernabe M. \(Bohol, Philippines\). The dynamics of dialogism and carnival laughter: a Bakhtinian interpretation of a Filipino worldview](#)

80. [Бурлина Е.Я. \(Самара, Россия\). Хронотоп романа – хронотопия города.](#)

81. [Власкина О.Н. \(Саранск, Россия\). Культурологические концепции Г.П. Федотова и М.М. Бахтина](#)

82. [Дадаева Т.М. \(Саранск, Россия\). Социологическое осмысление творчества М.М. Бахтина](#)

83. [Delaram H. \(Amsterdam, Netherlands\). Unveiling the other: the metamorphosis of feminist persian art from the mid-twentieth century to the present day](#)

84. [Злотникова Т.С. \(Ярославль, Россия\). Автор и контекст: выбор М.М. Бахтина и последующий опыт эстетических исследований](#)

85. [José A. \(Araraquara, Brazil\). The reception of Bakhtin's thought in Brazil: ver-bivocovisual proposals](#)

86. [Коваль Е.А. \(Саранск, Россия\). Нормотворческий потенциал карнавала](#)

87. [Кондратенко Ю.А. \(Саранск, Россия\). Типы хронотопов в сюжетах Балетных спектаклей классического наследия](#)

88. [Кузовенкова Ю.А. \(Самара, Россия\). Хронотоп как инструмент исследования молодежных уличных арт-практик](#)

89. [Kumakura Y. \(Tokyo, Japan\). "Housing First" as a way of "dialogue" for people to live together in the community](#)

90. [Левина Л.Д. \(Саранск, Россия\). Художник и творчество: проблема ответственности в контексте искусства рубежа XX–XXI вв.](#)

91. [Лысова Н.Ю. \(Саранск, Россия\). Диалог автора и героя в графической серии А.С. Алешкина «жизнь и творчество Ф.М. Достоевского».](#)

92. [Paula de L. \(São Paulo, Brasil\), Villarta-Neder M. \(Lavras, Brasil\). Boundaries between art and life: a bakhtinian point of view on the movie *Selma*.](#)

93. [Razuck F., Razuck R. \(Rio de Janeiro, Brazil\).The importance of Mikhail Bakhtin's ideology in scientific communication in Brazil](#)
94. [Семенова Е.А. \(Москва, Россия\). Карнавальная амбивалентность инвективы в современной российской субкультуре](#)
95. [Сорокина С.С. \(Москва, Россия\). Условие возможности диалога по Бахтину: полифония или какофония?](#)
96. [Фофанова К.В. \(Саранск, Россия\). Методология социологических исследований в контексте идей М.М. Бахтина](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению» – под таким названием в Саранске, в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарёва 5–10 июля 2021 г. проходила XVII Международная Бахтинская конференция, на которой выступило более 100 ученых из разных стран мира: от США, Бразилии, Канады до Австралии, Японии, Китая, европейских стран и, конечно, бахтиноведы России. С одной стороны, это стало актом поклонения великому человеку, мыслителю, философу и филологу Михаилу Михайловичу Бахтину (1895–1975), оставившему величайшее научное наследие, которое вдохновляет на творческие исследования уже не одно поколение. С другой стороны, это был грандиозный праздник мысли, показавший, как идеи Бахтина не только живут, но и активно развиваются в мире. В-третьих, и это следует подчеркнуть, изменился подход к творчеству Бахтина: ушел формализм, был увиден «филолог в философии и философ в филологии» (В.Л. Махлин). И, в-четвертых, особо значимо это мероприятие именно для города Саранска и Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва: в течение недели бахтинский форум был средоточием торжества гуманитарной мысли России и мира.

Почему Саранск? Почему Мордовский университет получили право провести этот форум? В стенах Мордовского университета более 20 лет преподавал Бахтин, работали и продолжают трудиться ведущие российские исследователи бахтинского научного наследия. В Мордовском университете открыт Центр М.М. Бахтина, главная задача которого – освоение и актуализация теоретического наследия мыслителя во всей полноте: сохраняются книги и мемориальные вещи ученого, ведется активная научно-исследовательская работа по изучению биографии мыслителя, концентрируются воспоминания и архивные записи, а также конспекты лекций, прочитанных Бахтиным. В Саранске установлен памятник Бахтину – первый и на сегодняшний день единственный в мире. С 2019 г. издается научный журнал «Бахтинский вестник».

Саранск сыграл большую роль в жизни Бахтина. Отечественная провинция в лице Саранска спасла Бахтина от катаклизмов времени, «на долгие годы пригрела, чтя его, доверив ему, недавнему ссыльному, кафедре...» (В.Н. Турбин). А мы, современники Бахтина, действительно чтим его за исключительную жизнестойкость, мудрость, талант ученого, глубину его трудов, за высокий пример человечности в общении со студентами и коллегами. И гордимся, что Бахтин создал некую «визитную карточку» не только

Мордовскому университету, но и Саранску, ставшему для российского и зарубежного научного мира «городом Бахтина».

В форуме приняли участие ведущие бахтиноведы: Крейг Брэндиш (Лондон, Великобритания), Галин Тиханов (Лондон, Великобритания), Кен Хиршкоп (Ватерлоо, Канада), Кэрил Эмерсон (Пристон, США), Сяо-хэ Лу (Шанхай, Китай), Сергей Сандлер (Израиль), Евгений Матусов (Делавер, США), Виталий Махлин (Москва, Россия), Николай Николаев (Санкт-Петербург, Россия), Владимир Новиков (Москва, Россия), Григорий Тульчинский (Санкт-Петербург, Россия), Валерий Тюпа (Москва, Россия), Олег Осовский (Саранск, Россия).

В числе основных задач XVII Международной Бахтинской конференции было обсуждение научного, общественного и культурного значения творческого наследия Бахтина; актуализация его в современном поликультурном мире; рассмотрение перспективности идей мыслителя для развития гуманитарных наук в условиях глобализации; анализ трансформации образовательной среды; укрепление сотрудничества отечественных и зарубежных исследовательских центров, вузов и академических институтов на основе изучения и применения идей Бахтина в поиске ответов на вызовы XXI столетия.

В рамках основных направлений конференции было заслушано 18 пленарных докладов, работали 12 панелей, в их числе: «Биография М.М. Бахтина в социокультурном контексте»; «М.М. Бахтин в мировой философии»; «М.М. Бахтин как филолог»; «Идеи М.М. Бахтина и проблемы педагогики и психологии»; «Жизнь идей М.М. Бахтина в современном мире». Кроме того, были проведены онлайн-симпозиумы: «Бахтинские идеи диалогизма в практике учителя» в Японии; «Диалогический метод понимания практики: диалогический обмен между дисциплинами» в Новой Зеландии и Австралии, а также отдельная панельная дискуссия «О любви и избытке видения в диалогизме Бахтина» в Норвегии, Японии и Новой Зеландии. Каждый доклад и выступление сопровождали десятки вопросов, которые вызывали интереснейшие продолжительные дискуссии.

Участники из разных стран и континентов говорили о реальной жизни идей Михаила Бахтина в современных философских, филологических, педагогических и психологических, культурологических исследованиях, о применении их в реальных практиках. Отмечалось, что в первые десятилетия нового тысячелетия окончательно определилась значимость идей Бахтина. Русский мыслитель стал одним из наиболее цитируемых ученых не только в отечественной, но и в зарубежной гуманитаристике. И как вывод звучало утверждение о том, что наследие Михаила Бахтина, Бахтинская идея диалога, Бахтинское слово имеют непреходящее научное, культурное и общественное значение.

Круг вынесенных на обсуждение конференции проблем еще раз свидетельствует об особой роли идей Бахтина в становлении нового мышления, в осознании единства культуры, науки, образования и творчества. При этом подчеркивалось, что сегодня в мире, в России, и, в частности, на конферен-

ции происходит отказ от штампов, нарабатываются новые подходы в бахтиноведении. Собор и карнавал, диалог и философия поступка, хронотоп дороги либо хронотоп пути – известные категории Бахтина, но мы услышали на конференции совершенно новый поворот в их осмыслении. Так, философы и культурологи наряду с теоретическими проблемами, такими как философия поступка с различными спецификациями внутри этого контекста (социальный самоконтроль, долженствование и нравственный субъект, моральная ответственность, феноменология поступка, нравственные измерения хронотопа, мифотворчество и культурная память и др.), рассматривали идею вненаходимости, смыслы «Я» и «Другого», аспекты технокультурной сингулярности, полифоническую инаковость и полифоническое мышление, диалогическую философию и др. Филологи, представляя Бахтинские идеи в литературоведении, сумели выделить очень много новых проблем, которые касались прежде всего поиска концептуальности в литературном творчестве. Рассматривалась рецепция Бахтинских идей в современном литературоведении: схождение и отталкивание; жанровые параллели в европейских литературах; теория романа Бахтина и ее вклад в теорию метапрозы. Многие доклады были посвящены конкретным писателям либо литературным произведениям, прочитывая их под преломлением бахтинских смыслов: вокруг и внутри Гоголя; Лев Пумпянский и Михаил Бахтин; хронотоп романа – хронотопия города и науки; репрезентация смеховой культуры в городской газете; полифоническая инаковость в «Заратустре» Ф. Ницше; «Другой» в устном поэтическом фольклоре; предок – антипод – «второе я» и др.

Психологи и педагоги обсуждали проблемы диалогической педагогики, исследовательский и критический диалог как инструмент рефлексии и обучения, «диалогические методики» в школьном образовании и др.

Михаил Бахтин – русский мыслитель, но его идеи изменили интеллектуальный и культурный климат мира. Его труды – живой источник сил и вдохновения для нескольких поколений исследователей. Так, на секции «Жизнь идей М.М. Бахтина в современном мире» были актуализированы следующие темы: рецепция мысли Бахтина в Бразилии, жизнь бахтинских идей в Китае, хронотопическая встреча с Бахтиным на пороге и др.

Таким образом, шесть дней участники конференции своими идеями создавали бахтинскую ауру, бахтинский воздух, бахтинское пространство, насыщая его новыми диалогическими созвучиями, научными резонансами и, как отметил Г.Л. Тульчинский (Санкт-Петербург), – «радостью узнавания развития идей Бахтина».

Так, В.Л. Махлин (Москва) предложил для осмысления в первый же день блестящую категорию «творящее сознание», придав ей тут же «хоровой характер». Она была подхвачена, активно развивалась и подтверждалась участниками в выступлениях, в раскрытии своих заявленных тем.

С.А. Смирнов (Новосибирск) как бы обобщил, сказав, что шесть дней работал «Всемирный гуманитарный университет», который выработал свою особую институциональную сеть. «Нет таких эпитетов, чтобы оценить данный конгресс».

Галин Тиханов (Лондон) подчеркнул значимость виртуального проведения конференции. Оно создало «четкую интеллектуальную амбицию». Он же заявил, что конференция позволяет говорить о «Третьем Бахтинском круге» (Англия, Россия), который «думает по-бахтински».

Много слов благодарности прозвучало на конференции в адрес Центра М.М. Бахтина в Мордовском университете.

Безусловно, наследие Бахтина имеет непреходящее научное, культурное и общественное значение, бахтинская идея диалога как никогда актуальна в современном поликультурном мире. Бахтинское слово обладает вдохновляющей энергией, а его идеи подвигают к творческому поиску. Одним словом, в дни конференции состоялся грандиозный праздник мысли.

Объединил всех участников Михаил Бахтин – «Великий Творец высокой интеллектуальной культуры». Через «прикосновение» к наследию такой личности проявляется страстный интерес к другому бытию, отражающемуся в способности к самосовершенствованию, самоуглублению и самопознанию в поиске ответов на вызовы XXI столетия.

*Н.И. Воронина,
доктор философских наук, профессор,
директор Центра М.М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва*

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 159.955Бахтин

Alvarado Ramon
Metropolitan Autonomous University
(Mexico City, Mexico)
ramnalvarado@gmail.com

VOICES AT THE THRESHOLD: STORIES OF LIFE AROUND BAKHTIN'S DIALOGIC THINKING

Abstract. All along these years, I have been collecting the stories of lives among Bakhtin words and writings of R. Lachman, C. Emerson, K. Hirschkop, A. Wall, C. Brandist, G. Tihanov, P. Sériot, among others. I would like to share these materials during the XVII International Conference in Saransk, and my own analysis around the different frames of reception in academic cultures and languages of Bakhtin's dialogical thinking.

Keywords: M. Bakhtin, dialogic thinking, stories of life, Bakhtin Studies.

Альвардо Рамон
Автономный Университет Метрополитана
(Мехико, Мексика)
ramnalvarado@gmail.com

ГОЛОСА НА ПОРОГЕ: ЖИЗНЕННЫЕ ИСТОРИИ В СВЕТЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ М.М. БАХТИНА

Аннотация. В последние годы я собирал жизненные истории специалистов, которые изучали жизнь и творчество М.М. Бахтина. Среди них Р. Лаксман, К. Эмерсон, К. Хиршкופ, А. Уолл, К. Брандист, Г. Тиханов, П. Серио и другие. Мне бы хотелось поделиться этими материалами во время XVII Международной конференции в Саранске, а также представить свой собственный анализ рамок восприятия диалогического мышления Бахтина в различных академических культурах и на разных языках.

Ключевые слова: М. Бахтин, диалогическое мышление, жизненные истории, бахтиноведение.

In the frame of the Bakhtin's Conference at Bertinoro in 2011, organized by Federico Pellizzi, Bologna University, Italy, I had proposed to the organizers, to register in video the voices of eminent scholars that took part in this dialogic experience: Cesare Segre, Katherina Clark, among others. In any case, I have decided to develop this task by myself. The next Year, 2012, I've made a series of video recordings of colleagues and well-known intellectuals in France and Italy. It all began with the testimonial stances, a self-reflective narrative, of Tsvetan Todorov around the ethical turn in his research when he wrote one of the first monographic

books around the dialogic thinking of M.M. Bakhtin and his book around the question of the Other [Todorov, 1981, 1982].

In another space and almost at the same time in Bari, Italy, Augusto Ponzio was also engaged in the introduction of Bakhtin's dialogism in the frame of reception, the episteme and the sensorium of what has been called the era of Poststructuralism or Deconstructionism [Ponzio, 1980]. Neither of them, were aware, at that time, of each other's readings and appropriations of Bakhtin's writings. In 2018, I've got in touch and met two Japanese colleagues that attended in recent years different Bakhtin's Conferences, in order to capture in video their own stories of academic experience around Bakhtin's dialogism. Both of them are researchers in the field of Cognitive Psychology, one in Tokyo, Kiyo Miyazaki, and the other in Kyoto, Yuichi Nishimoto, both of them are working in their research and share a conceptual framework from Bakhtinian theories and the writings of Lev Vygotsky. Paradoxically, they are both contemporaries, working in the Japanese academia, but they are not aware of each other's work. By the end of last year, October 2019, I have registered in video in Madrid and Granada, Spain, three stories of intellectual, academic life of colleagues that they do know each other because they work at the same Department at the University of Granada. One of them, the elder of this generation of Bakhtinian, Antonio Sánchez Trigueros, was one of the first scholars in Spain, to read and appropriate Bakhtin in his teaching practice and research. He was a mentor and director of a doctoral thesis of Domingo Sánchez-Mesa who wrote a monograph in Spanish language on the dialogic thinking of Bakhtin [Sánchez-Mesa, 1999]. Sultana Wahnón a specialist in hermeneutics, read Bakhtin's works under the influence of A. Sánchez Trigueros and through her trajectory of teaching and research has been in touch of what she calls the dialogic criticism of Bakhtin.

All along these years, I have been collecting the stories of lives among Bakhtin words and writings of R. Lachman, C. Emerson, K. Hirschkop, A. Wall, C. Brandist, G. Tihanov, P. Sériot, among others. I would like to share these materials during the XVII International Conference in Saransk, and my own analysis around the different frames of reception in academic cultures and languages of Bakhtin's dialogical thinking.

References

1. Ponzio A. Michail Bachtin. *Alle origini della semiotica sovietica*. Bari : Dedalo, 1980, 230 p.
2. Sánchez-Mesa D. *Literatura y cultura de la responsabilidad: el pensamiento dialógico de Mijaíl Bajtín*. Granada : Editorial Comares, 1999. 372 p.
3. Todorov T. *Mikhaïl Bakhtin: Le principe dialogique*. Suivi de : *Ecrits du Cercle de Bakhtine*. P. : Seuil, 1981. 320 p.
4. Todorov T. *La Conquête de l'Amérique. La question de l'autre*. P. : Seuil, 1982. 288 p.

УДК 81Г37:371.214

Брэндист Крейг Стивен
Шеффилдский университет
(Шеффилд, Великобритания).
c.s.brandist@sheffield.ac.uk

КРУГ БАХТИНА И ВОСТОК (ИЛИ ЧТО БАХТИНСКИЕ ИДЕИ ГОВОРЯТ НАМ О «ДЕКОЛОНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЫ»)*

Аннотация. Идеи Круга Бахтина, в частности идеи М.М. Бахтина и М.И. Тубянского, обсуждаются в связи с современным проектом по деколонизации университетской учебной программы.

Ключевые слова: колониализм, семантическая палеонтология, Михаил Бахтин, Николай Марр, Михаил Тубянский.

Brandist Craig
University of Sheffield
(Sheffield, UK).
c.s.brandist@sheffield.ac.uk

THE BAKHTIN CIRCLE AND THE EAST (OR WHAT BAKHTINIAN IDEAS TELL US ABOUT "DECOLONISING THE CURRICULUM")

Abstract. The ideas of the Bakhtin Circle, specifically those of Bakhtin and Tubianskii are discussed with regard to the contemporary project to decolonise the university curriculum.

Keywords: colonialism, semantic palaeontology, Mikhail Bakhtin, Nikolai Marr, Mikhail Tubianskii.

1. Попытки «деколонизации учебной программы» должны включать нечто большее, чем дополнение или замена элитного белого канона фигурами из элитных неевропейских культур.
2. Современный колониализм немислим без учета экспансии государства и капитала, которой поддались правители современных постколониальных государств.
3. Коренные социальные группы были «субальтернизированы» вместе с их формами сознания, знаний и культуры, которые сопротивляются вторжению капитала и формулируют альтернативные системы ценностей и социальной организации. Любая серьезная попытка «деколонизации учебной программы» должна высвечивать эти явления.

*Полностью доклад опубликован в виде статьи The Bakhtin Circle and the East (or What Bakhtinian Ideas Tell Us about "Decolonising the Curriculum") [Brandist, 2021].

4. Определенные идеи Круга Бахтина, должным образом разработанные, предлагают мощные средства для понимания и критического взаимодействия как с господствующими формами правления, так и с постоянством и периодическим повторением альтернативных точек зрения снизу.

5. Идеи Михаила Тубьянского и самого Бахтина имеют особый резонанс в этой области.

6. Вместо поверхностного применения бахтинских категорий к колониальным явлениям именно анализ концептуальных основ этих идей позволяет нам выявить черты, соответствующие и полезные для реализации повестки дня деколонизации.

7. Особенно важным здесь является пересечение идей Бахтинского круга с ранними советскими востоковедческими исследованиями. Работы Николая Марра и его единомышленников, а также разработка новой советской индологии под руководством Алексея Баранникова являются важными точками отсчета.

8. Эти перспективы находят значительные параллели с недавним появлением исследований далитов в Индии, и можно установить некоторые моменты исторической и концептуальной преемственности.

9. Теории диалога Бахтина могут сыграть важную роль в установлении динамики между социальными группами, наряду с их идеологическими ориентациями, и, таким образом, обеспечить более прочную теоретическую основу для такого анализа.

10. Такая работа помогает преодолеть упрощенные дихотомии «колониального» или «ориенталистского дискурса» и органических, доколониальных обществ, которые остаются распространенными в постколониальных исследованиях.

Библиографические ссылки

Brandist Craig. The Bakhtin Circle and the East (or What Bakhtinian Ideas Tell Us about "Decolonising the Curriculum") // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].

УДК 82(092)Бахтин

Дубровская Светлана Анатольевна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
s.dubrovskaya@bk.ru

ПРОЕКТ «БАХТИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОГО БАХТИНОВЕДЕНИЯ*

Аннотация. Автор статьи показывает перспективность и эвристическую ценность энциклопедического формата описания биографии и научного наследия М.М. Бахтина.

* Полностью доклад опубликован в виде статьи «„Бахтинская энциклопедия“ как формат изучения и описания биографии и научного наследия» [Дубровская, 2021].

«Бахтинская энциклопедия» рассматривается как первый шаг на пути создания бахтинского справочно-информационного ресурса.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, «Бахтинская энциклопедия», научное наследие, биография, история науки.

Dubrovskaya Svetlana A.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
s.dubrovskaya@bk.ru

THE PROJECT "BAKHTIN ENCYCLOPEDIA" IN THE CONTEXT OF CURRENT PROBLEMS OF MODERN BAKHTIN STUDIES

Abstract. The author of the article shows the perspective and heuristic value of the encyclopedia format for describing the biography and scientific heritage of M.M. Bakhtin. *The Bakhtin Encyclopedia* is considered to be the first step towards the creation of the Bakhtin reference and information resource.

Keywords: M.M. Bakhtin, *The Bakhtin Encyclopedia*, scholarly legacy, biography, the history of science.

На протяжении последних десятилетий проблемы изучения научного наследия и биографии Бахтина вызывают устойчивый интерес гуманитариев [см. подробнее: Анкета..., 2020]. К настоящему времени усилиями отечественных и зарубежных бахтиноведов сделано немало: собран большой биографический и историко-культурный материал, труды мыслителя переведены на многие языки мира и – главное – завершено издание собрания сочинений М.М. Бахтина с подробным комментарием [Бахтин, 1996–2012].

«Бахтинская энциклопедия» задумывалась как проект, нацеленный на обозначение ключевых уровней презентации наследия Бахтина, его идей и замыслов, выявление этапов их формирования и рецепции – всего, что создает новое видение историко-культурного и научного пространства. Персоналии, объединения, организации интересовали авторов не сами по себе, а постольку, поскольку их творчество, жизнь, деятельность пересекались с судьбой М.М. Бахтина и позволяли уточнить сюжеты научного творчества мыслителя, восстанавливая событие «малого» времени, увидеть его в большом времени. Цели и задачи проекта потребовали выработки комплексной методологии, сочетающей исторический анализ имеющегося массива бахтинских материалов, взятых в широком социокультурном контексте, с элементами общегуманитарного подхода к их осмыслению, определением места бахтинского наследия и его составляющих в системе гуманитарных парадигм XX–XXI вв., приемами кросс-культурного и контент-анализа, а также текстологического анализа при работе с архивными материалами. Подобный подход обеспечил комплексность создаваемых на его основе словарных статей.

«Бахтинская энциклопедия» в понимании участников проекта отличается от энциклопедий или справочников в традиционном смысле. Главной

своей задачей авторы видели реконструкцию «бахтинского пространства», создание своего рода гипертекста, завершение которого обеспечит попадание читателя в историю жизни мыслителя и в историю его идей. Все это нацелено на понимание тех вех диалога, которые разворачиваются у Бахтина в «большом времени» не только с предшественниками и современниками (от Рабле до Достоевского, от Канта до Кассирера), но и с огромными пластами культуры, которые были неотъемлемой частью бахтинского мировидения. Многие статьи «Бахтинской энциклопедии» связаны со специальными разысканиями и основываются на материалах Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального государственного архива Республики Мордовия, Архива Национального исследовательского Мордовского государственного университета, фондов Центра М.М. Бахтина, личных архивов. Систематизация биографической и библиографической информации шла в нескольких направлениях и представлена блоками о философах, писателях, критиках, исследователях, упомянутых в трудах Бахтина (статьи «Гераклит Эфесский», «Гераклит Понтийский», «Эрнст Кассирер», «Вольфганг Кайзер», «А.М. Пешковский», «В.Б. Шкловский», «К.А. Федин», «Б.М. Эйхенбаум» и др.), современниках, научный и человеческий диалог с которыми продолжался многие годы (статьи «М.П. Алексеев», «Н.П. Анциферов», «В.В. Виноградов», «В.М. Жирмунский», «И.М. Нусинов», «А.А. Смирнов», «Эрнст Неизвестный» и др.), коллегам по саранской кафедре (статьи «Л.Г. Васильев», «И.Д. Воронин», «С.С. Конкин», «К.Т. Самородов» и др.). Исследователями была предпринята попытка создания достаточно подробного биографического очерка о М.М. Бахтине, выдержанного в жанре энциклопедической статьи [Осовский и др., 2020; Осовский и др., 2021б].

Отдельный блок представляют материалы, дающие комплексное описание работ Бахтина и «круга Бахтина» (статьи «Искусство и ответственность», «Субъект нравственности и субъект права», «Проблема текста», «Книга о Рабле», «Спорные тексты» и др.). Статьи, описывающие ключевые для определенных этапов биографии Бахтина публикации отдельных авторов и их роль в его судьбе («Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения» В. Николаева, «Против буржуазного либерализма в литературоведении (По поводу дискуссии об А. Веселовском), 11 марта 1948» и др.), имеют приложения. Подчеркнем, что в этом случае приложение не менее важно самой статье, так как материал (как правило, газетный) не воспроизводился, и детали, существенные для понимания атмосферы тех лет, утрачены.

Детальный анализ отдельных понятий и категорий бахтинского тезауруса дан в энциклопедических статьях «авантюрное», «большое время», «малое время», «романизация», «скандал», «смеховое слово» и др. Рассмотрению рецепции бахтинских идей в гуманитаристике XX–XXI вв. посвящены статьи «Гоголь и Рабле», «Книга о Достоевском» и др. Специального упоминания заслуживают аналитические обзоры исследований научного наследия Бахтина в отечественной и мировой науке (статьи «The Baxtin industry», «Бахтинский сборник», «Диалог. Карнавал. Хронотоп» и т.п.).

Первые результаты исследования были реализованы в изданных коллективных монографиях «Михаил Михайлович Бахтин: проблемы изучения биографии и научного наследия» (2019), «Михаил Михайлович Бахтин: личность и наследие» (2020). В материалах книг нашел отражение комплексный характер осуществленного исследования. Монографии посвящены рассмотрению проблемных вопросов создания биографии М.М. Бахтина, освещают

малоисследованные периоды его жизни и деятельности, выявляя подтексты и контексты жизни и творчества мыслителя. Предложенная авторами идея «бахтинского фильтра» позволила по-новому работать с широким биографическим контекстом и интеллектуальной историей России в целом. Предметом исследования стали бахтинские термины и понятия, их возникновение, контексты и рецепция в гуманитаристике.

Работа над статьями, предполагаемыми к публикации в «Бахтинской энциклопедии», позволила участникам проекта выйти на целый ряд моментов, отчасти дополняющих и уточняющих отдельные страницы научной биографии М.М. Бахтина, позволяющих переосмыслить его отношения с хорошо известными персонажами российской интеллектуальной истории, сюжеты его собственного научного творчества и т.д. Так, был выявлен основной источник цитат из статей А.И. Герцена, представленных в редакции рукописи М.М. Бахтина о Рабле (1949–1950) и подготовленной на ее основе монографии (1965); описан сюжет встречи Н.П. Анциферова и Бахтина в день защиты последнего – 15 ноября 1946 г., свидетельством чему стал подаренный Анциферовым сборник статей «А.И. Герцен» (1946) и сохранившиеся в нем бахтинские пометы [Дубровская и др., 2020].

Еще одним дополнением биографии Бахтина стало воссоздание эпизодов последнего московского периода жизни мыслителя, связанных с участием в нем К. Федина, Вяч. Иванова и В. Шкловского. Документы, обнаруженные в РГАЛИ, позволили восстановить неизвестные детали участия К. Федина и Вяч. Вс. Иванова в процессе получения Бахтиным московской прописки в начале 1970-х. А хранящаяся в фонде В.Б. Шкловского почтовая карточка стала уникальным штрихом в сюжете дружеских отношений Бахтина и Шкловского после их встречи в Доме творчества в Переделкино в марте 1972 г. [Осовский и др., 2021a].

В пространстве большого времени оказываются рядом (и в этом специфика судьбы Бахтина) фигуры интеллектуальной России первой величины (от Е.В. Тарле и М.В. Юдиной до В.В. Виноградова) и те, с кем Бахтин интенсивно общался в саранские годы на «саранской территории» [см. подробнее: Дубровская, 2020]. Ценнейшим источником для изучения биографии и научного творчества ученого, а также для переосмысления характера литературного процесса в Мордовии, самой интеллектуальной культуры и роли в ней М. М. Бахтина являются обнаруженные архивные материалы (прежде всего протоколы заседаний общества «Знание» и Союза писателей Мордовии) и хранящиеся в Саранске книги с инскриптами из личной библиотеки Бахтина [Собрание..., 2020].

Многовекторность поставленных и решаемых в рамках проекта «Бахтинская энциклопедия» задач подвигала к постоянному «мониторингу» современного отечественного и зарубежного бахтиноведения [подробнее см.: Kirzhaeva et al., 2021; Osovsky et al., 2021]. Одним из итогов осмысления специфики российской рецепции Бахтина во второй половине 1990–2010-х гг. стал обзор «Бахтин Россия и мир», на страницах которого авторы попытались обозначить основные тенденции изучения наследия Бахтина в последние десятилетия, реконструировать контекст его первой рецепции и выделить проблемные точки современного бахтиноведения [Осовский и др., 2021].

Проект «Бахтинская энциклопедия», над которым мы работали последние три года, позволил наметить подходы к представлению наследия мыслителя как многоуровневой системы, комплексное описание важнейших составляющих которой должно обеспечить углубленное восприятие и дальнейшую интерпретацию биографии Бахтина и его научного наследия как единого целого. Мы считаем этот проект первым шагом на пути создания бахтинского справочно-информационного ресурса, полагая, что предложенный путь лишь один из многих. Залогом общего успеха проекта подобного формата должно стать подлинное многоголосие – соучастие намного большего количества исследователей, в совместном творчестве которых жизнь и наследие М.М. Бахтина получают комплексное описание. Среди задач, стоящих перед бахтиноведческим сообществом, на первое место выходит завершение обработки и цифровизация архива Бахтина, возвращение к идее электронного издания собрания сочинений Бахтина (идея, впервые высказанной в середине 1990-х гг. Д.Г. Шеппардом), реализация «Бахтинской энциклопедии» как международного интернет-проекта. Обсуждение перспектив дальнейшей работы над «Бахтинской энциклопедией» на XVII Международной Бахтинской конференции позволило прийти к следующему заключению. Энциклопедия имеет особое значение и актуальность как научный проект, позволяющий получить структурированную и комментированную базу данных, облегчающую работу с идеями и текстами М.М. Бахтина, биографической и библиографической информацией, и способный стимулировать поиски новых подходов в изучении научного творчества Бахтина и в целом – гуманитарной науки XX в.

Библиографические ссылки

1. Анкета «Бахтинского вестника» к 125-летию М.М. Бахтина // Бахтинский вестник. 2020. № 2(4) URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2020/11/2020-%E2%84%964-%D0%90%D0%BD%D0%BA%D0%B5%D1%82%D0%B0-%D0%91%D0%B0%D1%85%D1%82%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0.-%D0%9A-125-%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%8E-%D0%9C.%D0%9C.-%D0%91%D0%B0%D1%85%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf> (дата обращения: 20.08.21).

2. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М. : Русские словари : Языки славянских культур, 1996–2012.

3. Дубровская С.А. «Бахтинская энциклопедия» как формат изучения и описания биографии и научного наследия М.М. Бахтина // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].
4. Дубровская С.А. М.М. Бахтин в литературной жизни Мордовии 1940-х – 1960-е гг. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 4. С. 633–641.
5. Дубровская С.А., Осовский О.Е. О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.
6. Михаил Михайлович Бахтин : личность и наследие : монография / отв. ред. С.А. Дубровская. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 232 с.
7. Михаил Михайлович Бахтин : проблемы изучения биографии и научного наследия : монография / отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 176 с.
8. Осовский О.Е. Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–265.
9. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Федин, Шкловский. Два малоизвестных эпизода из биографии Михаила Бахтина // Вопросы литературы. 2021а. № 1. С. 191–215.
10. Осовский О.Е., Киржаева В.П. Михаил Михайлович Бахтин: опыт реконструкции биографии ученого. Статья первая // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2020. № 4(69). С. 89–101.
11. Осовский О.Е., Киржаева В.П. Михаил Михайлович Бахтин: опыт реконструкции биографии ученого. Статья вторая // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2021б. № 1(70). С. 90–102.
12. Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина / авт.-сост.: И.В. Ключева, Н.Н. Земкова ; науч. ред. Н.И. Воронина. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.
13. Kirzhaeva, V., Maslova, E. Fruitful Inspiration: Fresh View on Bakhtinian Dialogism in Some Fields of the Humanities // Dialogic Pedagogy: An International Online Journal. 2021. № 9. R1–R6. (In English).
14. Osovsky O., Dubrovskaya S., Chernetsova E. Social education through the lens of Bakhtinian theory // Dialogic Pedagogy: An International Online Journal. 2021. № 9. R7–R16. (In English).

УДК 124.2Бахтин

Лу Сяо-хэ
Академия общественных наук провинции Хэбэй
(Шицзячжуан, провинция Хэбэй, Китай)
1092739597@qq.com

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ В ТРУДАХ М.М. БАХТИНА*

Аннотация. В центре внимания автора – уникальность бахтинского взгляда на понятие «смысл».

Ключевые слова: смысл, поступок, ответственность, понимание.

Lu Xiao-he
Academy of Social Sciences of Hebei Province
(Shijiazhuang, Hebei Province, China)
1092739597@qq.com

* Полностью доклад опубликован в виде статьи «Особенности культурных смыслов в трудах М.М. Бахтина» [Лу Сяо-хэ, 2021].

FEATURES OF CULTURAL MEANINGS IN THE WORKS OF M.M. BAKHTIN

Annotation. The author focuses on the uniqueness of Bakhtin's view of the concept of "meaning".

Keywords: meaning, action, responsibility, understanding.

Творчество М.М. Бахтина можно условно разделить на ранний и поздний периоды. Ранние работы мыслителя написаны, можно сказать, под влиянием феноменологии. Однако это влияние – лишь внешнее, у Бахтина – собственное представление о смысле, отличное, например, от трактовки смысла в трудах другого российского философа – Густава Шпета. В более поздних работах Бахтина, написанных в 1950–1960-е гг., в которых рассматриваются проблемы диалогизма, общения, вновь возникает проблема смысла. В последние десятилетия эти вопросы активно рассматриваются в работах российских и западных бахтиноведов, обсуждаются на международных бахтинских конференциях [Махлин, 2015; Дубровская, 2018; Осовский, 2019; Сычев, 2018; Эмерсон, 2020].

1. Цель рассуждений Бахтина о смысле заключается не только в утверждении его объективности, но и в критике философии того времени.

По мнению Бахтина, кризис современной ему философии заключается в том, что образовалась бездна между мотивом поступка и его продуктом, т.е. жизнь и культура не соединены «внутренним единством смысла», а разделены на две части: «наполовину объективный смысл и наполовину субъективный процесс завершения»; этот «акт нашей деятельности, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни» [Бахтин, 2003, с. 45].

В поисках «внутреннего единства смысла» Бахтин поднимает вопрос об ответственности, утверждая, что это единство может быть достигнуто только в случае ответственного «участия-поступка» субъекта, его активного поведения в бытии.

Идея «участия» и «практический разум», предложенные Бахтиным, по нашему мнению, являются эффективной мерой, направленной на преодоление разрыва между «смысловым содержанием» и действием. Бахтинская философия поступка есть практическая философия.

2. «Мое участие» в этом процессе означает, что в «единстве культуры» Бахтина содержится «эмоционально-волевой тон», «эмоциональная воля», «эмоциональная ответственность» в «эмоционально-волевом единстве смысла».

Утверждение о том, что эмоционально-волевой тон является неотъемлемой частью «культурного единства», отличает бахтинское понимание смысла от позиций других исследователей. Культурный смысл у Бахтина невозможен без субъекта (человека).

Поступок является «практическим действием» человека, движущей силой, находящей смысл, и фактором формирования смысловой ценности. Лейтмотив его идей состоит в том, что «другие – важнее». Классическая формулировка этих центральных элементов гласит: я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого.

3. Объективный бытийный смысл требует, чтобы субъект обнаружил его. Это важнейший постулат бахтинской философии поступка и его концепции культурного смысла. Эта идея также получила отражение в «Авторе и герое в эстетической деятельности».

Бахтин с точки зрения феноменологии обнаруживает принципиальную разницу в значении времени в самопереживании и переживании мною другого. Это отличие состоит в том, что когда я переживаю другого, то другой человек сплошь находится во времени, как и в пространстве, и ничто не может разрушить моего переживания его во времени; когда я переживаю самого себя, то сам для себя я не весь во времени, потому что большая часть меня интуитивно ощущается за границей времени, у меня есть непосредственно данная опора в смысле. Эта опора непосредственно не дана мне в другом, его я сплошь помещаю во времени.

Наконец, он приходит к выводу, что «мое единство – смысловое единство (трансцендентность дана в моем духовном опыте), единство другого – временно-пространственное» [Бахтин, 2003, с. 184]. Здесь и «духовный опыт» и «непосредственно данная опора в смысле» показывают, что дух – это «совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя (без отвлечения от я)» [Бахтин, 2003, с. 184].

4. Будущая природа смысла. Смысловое будущее играет важную роль в понимании и совершенствовании себя. Бахтин считает, что для моей собственной ценности мне необходимо полагать эту ценность в смысловое будущее. Я – в своем смысле и ценности для себя самого – отброшен в мир бесконечно требовательного смысла. Только в смысловом будущем я становлюсь настоящим человеком. Бахтин и Хайдеггер.

Цель анализа отношений между смыслом и временем у Бахтина заключается в том, что его художественное задание устрояет конкретный мир: пространственный с его ценностным центром – живым телом, временной с его центром – душой и, наконец, смысловой – в их конкретном взаимопроникающем единстве [Бахтин, 2003, с. 248]. Только активное участие в бытии-событии может создать такое единство.

5. Смысл и понимание. В 1920-х гг. Бахтин разделил понимание на два типа: пассивное – понимание значения (семантики) словарного слова, и активное, диалогическое – понимание высказывания (книга В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка»).

По мнению Бахтина, пассивное понимание – это объяснение (интерпретация) значения (семантики) произведения. Такой семантический анализ рассматривает произведение как объект. При объяснении – только одно сознание, один субъект, поэтому у него нет «диалогических моментов» и не может быть диалогических отношений. Активное понимание – это понимание (ответ, диалог) в отношении высказывания. При понимании – два созна-

ния, два субъекта, так как у высказывания существуют субъект и сознание. Здесь есть оценка и понимание «ценностно-смысловых элементов слова».

Глубина понимания, по его мнению, является одним из самых высоких критериев в гуманитарном познании. Слово, если только оно не заведомая ложь, бездонно, оно набирает глубину, а не высоту и ширь, ведет к поиску «третьего лица», его ответного понимания.

6. «Третий» Бахтина и «сверхсмысл» Виктора Франкла. Несмотря на то, что у Бахтина нет термина «сверхсмысл», его понятие «третий» («нададресат») соотнесено с понятием «сверхсмысл» Франкла. Оба считают, что в метафизической концепции, как и в религиозном смысле, «сверхсмысл» имеет огромное значение. «Третий» и «нададресат» Бахтина отличают его от взглядов других мыслителей своим «диалогическим смыслом». Бахтин, хотя признает бесконечность диалога (смысла), считает, что диалог может искать третье, т.е. «Абсолютную истину», «конечное значение», «вселенский смысл», и это искание бесконечно. У таких теоретиков, как Ханс-Георг Гадамер, Поль Рикёр, Ролан Барт, литературоведов-структуралистов и т.п. «диалог» – это языковое явление; Бог (автор) уже мертв, остался только один субъект – читатель, подчеркивается «слияние горизонтов» текста и читателя. Это привело к относительности и нигилизму в теории диалога. «Третье» и «нададресат» предложенные Бахтиным, являются контрверсией подобных теорий.

7. Овеществление смысла и личности. Овеществление смысла означает включение его в каузальный ряд. По сути это является эпистемологической и методологической проблемой.

Смысл персоналистичен: в нем всегда есть вопрос, обращение и предвосхищение ответа, в нем всегда двое (как диалогический минимум) [Бахтин, 2002, с. 424–425]. Это ядро бахтинской теории смысла.

8. Сила смысла. Цель нашего исследования – в том, чтобы признать огромную силу смысла: его универсализм, всемирность и всевременность. Все вещи в мире существуют сами по себе, но когда они встречаются с человеком, обретают значение и смысл.

Итак, смысл определяется в сознании и мышлении. Здесь смысл может соответствовать духу. Мы говорим о том, что духовная сила невероятно сильна, что она просто играет роль в области сознания и мышлении и меняет смысл в целом, но в других областях, например в области материальной жизни, он также мал, и не стоит ожидать, что он обладает силой, способной непосредственно изменять физический мир. Его действие не прямое, а косвенное. Роль культурного смысла в действительности заключается, во-первых, в изменении идеологии и нравственности реципиента, в его самосовершенствовании и нравственном самообразовании, во-вторых, в воздействии на экономические основы через человека. В противном случае, когда мы возвышаем наши смысловые ценности, легко впасть в пропасть идеализма или догматизма.

Таким образом, мы должны избегать того, чтобы стремиться к чисто экономическим интересам, игнорируя мораль и этику, или к тому «овеществ-

лению» смысла и радикальному преувеличению его силы. Наши исследования смысла не могут позволить читателям получить экономическую выгоду, но помогут развивать сознание людей для обретения ими истинных знаний, духовно-душевного здоровья, для их самосовершенствования.

Библиографические ссылки

1. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. Самара : БАХРАХ-М, 2000. 336 с.
2. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. 957 с.
3. Бахтин М.М. Работы 1940-х – начала 1960-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. 732 с.
4. Бахтин М.М. Рабочие записи 1960-х – начала 1970-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. С. 371–439.
5. Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / коммент. В. Махлина. М. : Лабиринт, 1993. 189 с.
6. Дубровская С.А. Международная Бахтинская конференция в Шанхае // Регионология. 2018. Т. 26, № 1(102). С. 179–183.
7. Махлин В.Л. Большое время: Подступы к мышлению М.М. Бахтина. Siedlce : Uniwersytet przygodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. 174 с.
8. Лу Сяо-хэ Особенности культурных смыслов в трудах М.М. Бахтина // Бахтинский вестник. № 2(6). [В печати].
9. Осовский О.Е. Бахтин в Шанхае: «Уроки китайского» для бахтинистики // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 207–223.
10. Сычев А.А. М.М. Бахтин об особенностях методологии гуманитарных наук // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20, № 6. С. 85–90.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
12. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Томск : Водолей, 1996. 192 с.
13. Эмерсон К. Очерки по русской литературной и музыкальной культуре / пер. с англ. СПб. : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 559 с.

УДК 130.2Бахтин

Matusov Eugene
University of Delaware
(Newark, USA)
ematusov@udel.edu

THE EDUCATIONAL REGIME OF THE BAKHTINIAN DIALOGUE

Abstract. Many dialogue-oriented educationalists are attracted to the Bakhtinian dialogue. In this theoretical essay, I have abstracted five major features of the Bakhtinian dialogue and considered what kind of educational regime emerges from these features. In conclusion, I problematize the notion of Bakhtinian dialogue and its regime for education.

Keywords: Bakhtin, dialogic pedagogy, educational regime, Bakhtinian dialogue, a plurality of unmergeable consciousnesses with equal rights.

Матусов Юджин
Делавэрский университет

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ БАХТИНСКОГО ДИАЛОГА

Аннотация. Многих педагогов, ориентированных на диалог, привлекает бахтинский диалог. В этом теоретическом эссе автор выделил пять основных особенностей бахтинского диалога и рассмотрел, какой образовательный режим вытекает из этих особенностей. В заключение автор проблематизирует понятие бахтинского диалога и его режима для образования.

Ключевые слова: Бахтин, диалогическая педагогика, образовательный режим, бахтинский диалог, множество неразделимых сознаний с равными правами.

The goal of my inquiry presented here is to figure out a regime of education that favors and facilitates the Bakhtinian dialogue – a dialogue among characters in Dostoevsky’s polyphonic novels, abstracted by philosopher Bakhtin. Conversely, as Bakhtin implicitly suggested in his choice of the examples for his notion of excessive monologism, conventional foisted education suppresses dialogism:

In essence [excessive monologism] knows only a single mode of cognitive interaction among consciousnesses: someone who knows and possesses the truth instructs someone who is ignorant of it and in error; that is, it is the interaction of a teacher and a pupil, which, it follows, can be only a pedagogical [exchange] [Bakhtin, 1999, p. 81].

Although it is definitely true that the Bakhtinian dialogue is possible under any oppressive condition [Matusov, 2009], it might be helpful to search for its most, rather than its least, favorable conditions. From the fact that plants can grow through cracks on the asphalt sometimes, it does not make sense to cover a garden floor of the plants’ seeds with asphalt and expect the garden plants to flourish. In contrast, it makes sense to search for types of soil that will be nutritious for the desired garden plants. Similarly, I want to analyze the notion of the Bakhtinian dialogue in Bakhtin’s work, primarily his book on Dostoevsky [Bakhtin, 1999], to abstract its most important features in order to search for an educational regime that promotes such a dialogue.

Some innovative educationalists [see for some of them here: Matusov, Marjanovic-Shane, Gradovski, 2019] are highly attracted to the notion of Bakhtinian dialogue. They have realized that for education to be meaningful for its participants, education must be dialogic and ontological. For education to be humanistic, it must be based on dialogic relationships among the participants. For education to be deep, it must be unfinalizable and critical. These educationalists argue that genuine education must be voiceful, eventful, and full of heteroglossia, heterodiscoursia, pluralism, disagreements (including irreconcilable one), "the final damned questions", and polyphony. However, these dialogic pedagogy educationalists have also noticed that it is often difficult to practice the Bakhtinian dialogism in the context of conventional and even innovative foisted education [Matusov, 2021; Matusov et al., 2019]. A dialogic educator often has to smuggle the Bakhtinian dialogue into their otherwise monologic institutional setting that forces the educator (and the students) either to accept its monologism, smuggle dialogism in the un-

derground, or to be expelled from the educational practice. This observation begs for an inquiry of searching for the more, if not the most, favorable conditions for practicing Bakhtinian dialogue in education.

The title of my essay summarizing my inquiry, "The educational regime of the Bakhtinian dialogue", is full of apparent contradictions. To start with, the humanistic notion of "Bakhtinian dialogue" resists the political notion of a "regime". Politics involves the imposition of actions, values, and views on people who disagree with them – the very act that arguably defines the Bakhtinian monologism, not dialogism. Further, as I argued elsewhere [Matusov, 2007], it is not that clear that the notion of "education" is compatible at all with the notion of "Bakhtinian dialogue". As I said above, it is was not by chance that Bakhtin often used examples of education to illustrate his idea about excessive monologism [Bakhtin, 1999]. Finally, some radical innovative educationalists may oppose the idea of politics, intrinsically shaping education, in any way [I think that Dutch educators and founders of "sociocracy" and "dynamic governance" Betty Cadbury and Kees Boeke might be a good example of that, see Shread & Osório, 2018]. Instead, they would argue that genuine education must be based on Bakhtin's notion of "the internally persuasive discourse" [Bakhtin, 1993] rather than on any "regime" imposing disagreeable actions and ideas on the participants of education. They might argue that education must be free of politics and its regimes – i.e., ways of organization of politics. Yet, although I do not deny these contradictions, I view them unavoidable and even fruitful [Matusov, Marjanovic-Shane, 2015]

For the purpose of my inquiry, I have abstracted the following five major features of the Bakhtinian dialogue – or how I understand it (i.e., my authorial understanding of this concept). I am aware that it is legitimately possible to have other authorial understandings of the notion of Bakhtinian dialogue different from mine, and also, it is possible to abstract more or different features of the Bakhtinian dialogue within my authorial understanding of it. Yet, these five features not only allow me to define the notion of Bakhtinian dialogue but also help me think about the political conditions of promoting the Bakhtinian dialogue.

References

1. Bakhtin M.M. *Toward a philosophy of the act* / transl. 1st ed. V. Liapunov. Austin : Univ. of Texas Press. 1993.
2. Bakhtin M.M. *Problems of Dostoevsky's poetics*. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press. 1999.
3. Matusov E. Applying Bakhtin scholarship on discourse in education: A critical review essay // *Educational Theory*. 2007. № 57(2). P. 215–237.
4. Matusov E. *Journey into dialogic pedagogy*. Hauppauge, NY : Nova Science Publishers. 2009.
5. Matusov E. Progressive Education is the opium of the educators // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2021. March. P. 1–34.
6. Matusov E., Marjanovic-Shane A. Rehabilitation of power in Democratic Dialogic Education // *Democracy in dialogue, dialogue in democracy* / eds.: K. Jezierska, L. Koczanowicz. Farnham, UK : Ashgate Publishing Ltd. 2015. P. 193–209.

Matusov E., Marjanovic-Shane A., Gradovski M. Dialogic pedagogy and polyphonic research art: Bakhtin by and for educators. N.Y. : Palgrave Macmillan. 2019. URL: <https://doi.org/10.1007/s12124-021-09610-2>

7. Shread C., Osório M. School Circles: Wondering school in the Netherlands [Documentary film]. Netherlands: Wonder school, 2018. URL: <https://schoolcirclesfilm.com/>.

УДК 82Бахтин

Махлин Виталий Львович
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия)
vitmahlin@mail.ru

**«ТВОРЯЩЕЕ СОЗНАНИЕ»:
АВТОРСТВО М.М. БАХТИНА КАК ПРОБЛЕМА***

Аннотация. Статья посвящена проблеме автора/авторства в наследии М.М. Бахтина, причем в двух направлениях: в направлении общей концепции авторства в философских и литературно-критических его исследованиях, а с другой стороны – в контексте теорий авторства в интеллектуальной культуре XX в. Бахтинское словосочетание «творящее сознание», в свою очередь, двойственно: в эпоху «смерти автора» этот концепт Бахтина подчеркивает персональный момент инициативы как поступка, так и высказывания, а с другой стороны – «другость» авторства, его «внутреннюю социальность», т.е. опору автора на «внутренне убедительное слово» как условие возможности поступка, высказывания и самосознания авторства. Общую формулу творящего авторского сознания у Бахтина находим в его раннем методологическом исследовании о словесном художественном творчестве (1924): «автономная причастность – или причастная автономия».

Ключевые слова: автор/авторство, другость, поступок, высказывание, историчность.

Makhlin Vitaly L.
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
Moscow Pedagogical State University
(Moscow, Russia)
vitmahlin@mail.ru

**«CREATING CONSCIOUSNESS»:
M.M. BAKHTIN'S AUTHORSHIP AS A PROBLEM**

Abstract. The article is on the problem of author and authorship in M.M. Bakhtin's work. The Bakhtinian concept of "creating consciousness" is treated, on one hand, as a theoretical concept as such, on the other hand, as an alternative to the tendency to "efface" the author as an essential element in a historical action and in artistic creation. According to Bakhtin, "creating consciousness", in fact, consist of two creating elements: the authorial intent

* Полностью доклад опубликован в виде статьи «“Творящее сознание”, или Бахтин между прошлым и будущим» [Махлин, 2021].

of the individual author, and the concrete socio-historical "otherness" as the so-called condition of possibility of one's own act or enunciation. In this sense, the idea of the "creating consciousness" seems to be an alternative to the postmodern concept of the "death of the author". Bakhtin's general formula of authorship one finds in his early methodological work on literary art (1924): "autonomous participation or participating autonomy".

Keywords: author/authorship, otherness, the act, enunciation, historicity.

Сегодня, сто лет спустя после того, как молодой М.М. Бахтин в Витебске взялся за осуществление своей научно-философской программы, – уместен вопрос: в чем собственно *уникальность* бахтинского наследия, точнее, его авторства?

В своем выступлении я попытаюсь прояснить *три* основополагающие и взаимосвязанные проблемы бахтинского авторства, которые, как мне кажется, позволяют поставить вопрос об относительной уникальности («единственности») его наследия в научной и духовно-идеологической культуре XX в.

Во-первых, прояснению подлежит одна из предсмертных записей М.М. Бахтина о фрагментарно развивавшемся в историческом времени *единстве «идеи»* (программы) его научно-философского авторства [Бахтин, 1996–2012, т. 6, с. 431].

Во-вторых, важно показать, каким образом это «становящееся (развивающееся) единство», сложившееся в первый, Невельско-Витебский период творчества (1919–1923), подверглось вынужденной, но продуктивной трансформации: начиная с середины 1920-х и до середины 1970-х гг. Бахтин вышел за институционально-дискурсивные границы философии, при сохранении и даже развитии религиозно-философских оснований своего авторства, – переход, который, если не ошибаюсь, не имел и не имеет аналогов среди современников нашего автора ни в России, ни на Западе, но при этом совпадает по времени и смыслу с тем «переходом от мира науки к миру жизни» в самом научно-гуманитарном познании, о котором немецкий современник Г.-Г. Гадамер писал в своем опоздавшем на советский век обращении «К русским читателям» (1991).

В-третьих, наконец, «прерывистое и непрерывное» авторство Бахтина с самого начала ориентировано на то, что он называет в своей философской программе «абсолютным будущим». Эта христологически-достоевская установка («Буди! буди!») принципиально отличает *межпредметный* проект Бахтина как от его модернистской современности, так и от «постмодернизаций» и «деконструкций» бахтинского авторства, начиная с 1960-х гг. и вплоть до сего дня.

Все три этих аспекта авторства Бахтина в новом столетии остаются как бы «в нетях»: (1) внутреннее единство его авторства зачастую не осознается или сознательно «расхищено» и подменяется чем-то совсем другим; (2) единственную в своем роде междисциплинарность Бахтина путают с модными «культурологическими» подходами; (3) представление об «абсолютном будущем», перспектива, что «последнее слово мира и о мире еще не сказано», и «еще все впереди и всегда будет впереди» [Бахтин, 1996–2012, т. 6, с. 187],

скорее чужда современности после конца Нового времени в прошлом столетии. Не удивительно поэтому, что для филологов Бахтин – слишком «философ», а для философов – слишком «литературовед и филолог»; для западных гуманитариев он чересчур «русский», а для советских и постсоветских – чересчур «европеец». Это можно назвать «*черным квадратом*» в истории рецепции бахтинского авторства, глубоким отчуждением между эпохой «переживания» в начале XX в. и эпохой «выживания» сто лет спустя, который был с самого начала, но в новом столетии, так сказать, вышел наружу и «оплотнился».

Тем не менее «несвоевременность» бахтинского авторства остается подспудной проблемой как в отношении единства этого авторства, так и в отношении *будущего* гуманитарного мышления в России и за рубежом.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 1996–2012.
2. Махлин В.Л. «Творящее сознание», или Бахтин между прошлым и будущим // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].

УДК 101.9Бахтин1910/1920

Николаев Николай Иванович
Научная библиотека им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)
n.nikolaew@spbu.ru

М.М. БАХТИН В 1910-е И 1920-е ГОДЫ: ЕДИНСТВО ПУТИ*

Аннотация. Единство работ М.М. Бахтина, как написанных и опубликованных во второй половине 1920-х гг. под его собственным именем, так и изданных под именами его друзей, образует совокупность определенных тематических комплексов, восходящих к его статье 1924 г. Таким образом, в текстах социологического периода был продолжен анализ эстетических проблем, поставленных в ранних работах М.М. Бахтина первой половины 1920-х гг.

Ключевые слова: феноменология, эстетика, марксизм, социологический метод, теория художественного творчества.

Nikolaev Nikolay I.
St. Petersburg State University.
Maxim Gorky Scientific Library
(St. Petersburg, Russia)
n.nikolaew@spbu.ru

M.M. BAKHTIN IN THE 1910s AND 1920s: THE UNITY OF THE PATH

Abstract. The unity of M.M. Bakhtin's works, written and published in the second half of the 1920s both under his own name and under the names of his friends, forms a set of certain

* Полностью доклад опубликован в виде статьи [Николаев, 2021].

thematic complexes dating back to his article in 1924. Thus, the texts of the sociological period continued the analysis of the aesthetic problems posed in the early works of M.M. Bakhtin of the first half of the 1920s.

Keywords: phenomenology, aesthetics, Marxism, sociological method, theory of artistic creativity.

У непредубежденного исследователя неизбежно возникает вполне уместный вопрос о внутреннем единстве представленной столь фрагментарно философии М.М. Бахтина конца 1910-х – начала 1920-х гг. И вслед за ним – следующий: как соотносится эта философия М.М. Бахтина с написанными им в совсем ином ключе книгами и статьями второй половины 1920-х гг.?

Уже первые непосредственные свидетельства конца 1910-х гг. говорят нам о М.М. Бахтине как о сложившемся философе, хотя мы вынуждены судить об этом по крохотной статье 1919 г., по упоминаниям его суждений в невельских докладах Л.В. Пумпянского, по обзорам его выступлений в невельской газете «Молот» и по поздним воспоминаниям М.В. Юдиной. Но о происхождении его философии приходится только гадать: виленский кружок гимназистов, объединенных идеей Третьего Возрождения вкупе с культом Вяч. Иванова и Ф.Ф. Зелинского, лекции психолога Н.Н. Ланге в Новороссийском университете, неокантианство (Г. Коген), феноменология (Э. Гуссерль, М. Шелер), религиозно-философское общество и т.д. Но эти и другие контексты никак не сходятся в объяснении генезиса той философии М.М. Бахтина, которая нам отрывочно известна для конца 1910-х гг.

Философия М.М. Бахтина 1920-х гг. столь же труднопостижима, хотя и дошла до нас не только отрывочно, но и в виде книг и статей. Наличие непрерывной с 1919 г. его главной философской линии показывают трактаты «К философии поступка» (1922) и «Автор и герой» (1923–1924), доклады и лекции в записи Л.В. Пумпянского (1924–1925) и суждения о М. Шелере, высказанные во время допроса в конце 1928 г. Сюда же следовало бы отнести и лекции по истории русской литературы в записи Р.М. Миркиной (1922–1927), но они ограничены при всей их открытости темой и педагогическим заданием. Для заработка М.М. Бахтин пишет осенью 1924 г. статью с критикой формализма и вскоре после этого, судя по его реплике при обсуждении доклада Л.В. Пумпянского о марксизме в декабре 1924 г., приходит к выводу о возможности относительно свободного высказывания в официальной печати в такой автономной области, как художественное творчество и его теория. В соответствии с этим выводом М.М. Бахтин начинает развивать идеи статьи 1924 г. в статьях и книгах, изданных под именами друзей. Надо признать, что столь же ограничена данным местом и временем его беспримерная по своей необычности и талантливости книга о Достоевском 1929 г. Именно так, как вынужденно ограниченную, оценил ее сам М.М. Бахтин в разговоре с С.Г. Бочаровым. То есть во всех этих работах в отличие от главной философской линии речь ведется непрямым словом. Однако главная философская линия непременно присутствует во всех этих работах, изнутри просвечивая каждое не прямое слово. И эта подсветка является тем смысловым регулято-

ром (семантическим оператором), без учета и усвоения которого эти тексты остаются и будут оставаться недоступными для понимания.

Библиографические ссылки

Николаев Н.И. М.М. Бахтин в 1910-е и 1920-е годы: единство пути // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].

УДК 82.01: 81'42 Бахтин

Новиков Владимир Иванович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

novikovu@yandex.ru

ОПЫТ СОПРЯЖЕНИЯ БАХТИНСКОЙ ЭСТЕТИКИ И ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ИДЕЙ ОПОЯЗА

Аннотация. У Бахтина и теоретиков ОПОЯЗа (Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум) была общая особенность – решительное противопоставление материала искусства и собственно эстетического фактора. Две различные системы сориентированы на постижение объективно-исторических закономерностей. Сопряжение этих научных миров – реальная перспектива для современной филологии.

Ключевые слова: материал, эстетический фактор, сопряжение.

Novikov Vladimir I.

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

novikovu@yandex.ru

THE EXPERIENCE OF COMBINING BAKHTIN'S AESTHETICS AND THE THEORETICAL AND LITERARY IDEAS OF OPOYAZ

Abstract. Bakhtin and the theorists of OPOYAZ (Yu.N. Tynyanov, V.B. Shklovsky, B.M. Eichenbaum) had a common feature – a decisive opposition of the art material and the aesthetic factor. Two different systems are oriented towards the comprehension of objective historical patterns. The combination of these scientific worlds is a real prospect for modern philology.

Keywords: material, aesthetic factor, combination.

Современная филология нуждается в обретении полифонического научного мышления. Около ста лет назад в статье «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (опубликованной лишь в 1970-е годы) М.М. Бахтин начал принципиальную полемику с русским формализмом. Однако при всей разности позиций Бахтина и опоязовцев

(Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум) у них была общая особенность – решительное противопоставление материала искусства и собственно эстетического фактора. У опоязовцев, избегавших самого слова «эстетика», материалу противопоставлялся «прием», «конструкция», «стиль».

Бахтин разрабатывал противоположение материала и «эстетического объекта». Материал как дотворческая реальность любого художественного произведения – важнейшая категория эстетического мышления, впоследствии утраченная структурно-семиотическим и тем более постструктуралистским подходами. В этом смысле и Бахтин, и опоязовцы как классики отечественной филологии, как носители ценностного мышления противостоят позднейшим «неклассическим» релятивистским теоретическим моделям, где нет места ответственной аксиологии и ориентации на познание объективных исторических закономерностей.

Представляется, что сегодня актуальны в первую очередь моменты схождения между бахтинской и опоязовской системами. Опоязовский акцент на то, «как сделано» произведение, созвучен бахтинскому принципу «войти творцом в видимое, слышимое, произносимое». Идея «гамбургского счета» (В.Б. Шкловский) по своей сути близка бахтинской идее «ответственности», тыняновское определение литературы как «динамической речевой конструкции» – своеобразный эквивалент бахтинского «эстетического объекта». Можно говорить и о координации опоязовской идеи «противоречия» («отталкивания») с бахтинской категорией диалога.

Сопряжение двух научных миров поможет обрести новые исследовательские приемы анализа и интерпретации, упрочить теоретическую базу изучения истории литературы.

УДК 808.1:008Бахтин

Осовский Олег Ефимович
Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева
(Саранск, Россия)
osovskiy_oleg@mail.ru

М.М. БАХТИН И СОВЕТСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ИСТЕБЛИШМЕНТ: КОНЕЦ ОДНОГО МИФА

Аннотация. Одна из важнейших задач бахтиноведения сегодня – создание полноценной научной биографии М.М. Бахтина. Это требует отказа от ряда бахтинских культурных мифов. Задача нашего выступления состоит в том, чтобы показать причины возникновения мифа о Бахтине – «изгое» советского литературоведения: обозначить с опорой на вновь обнаруженные документы реальное место Бахтина в литературной жизни, в том числе и официальной жизни Ленинграда 1920-х – начала 1930-х гг., в научном и образовательном пространстве Саранска и Москвы середины 1930-х – начала 1970-х гг.; описать его взаимоотношения с ведущими представителями советского литературоведения.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, биография, культурные мифы, академический истеблишмент, советская повседневность.

Osovsky Oleg E.
M. E. Evseviev Mordovia State Pedagogical University
(Saransk, Russia)
osovskiy_oleg@mail.ru

M.M. BAKHTIN AND THE SOVIET LITERARY ESTABLISHMENT: THE END OF A MYTH

Abstract. One of the most important tasks of the Bakhtin Studies is the creation of a full-fledged scientific biography of M.M. Bakhtin. This requires a rejection of a number of Bakhtin cultural myths. The goal of our presentation is to show the reasons for the emergence of the myth about Bakhtin – the "outcast" of Soviet literary criticism: to designate the real place of Bakhtin in literary life, including the official life of Leningrad in the 1920s – early 1930s years, in the scientific and educational space of Saransk and Moscow in the mid-1930s – early 1970s; describe his relationship with the leading representatives of Soviet literary criticism.

Keywords: M.M. Bakhtin, biography, cultural myths, academic establishment, Soviet everyday life.

Современное состояние бахтиноведения ставит перед исследователями большое количество самых разных вопросов – от глобальных до частных. При всем многообразии взглядов на М.М. Бахтина и его наследие, подходов и интерпретаций исследователи бахтинского творчества единодушны в одном – в понимании того, что к сегодняшнему дню сложилось несколько образов Бахтина: то, что мы условно можем назвать «Бахтин реальный или исторический», «Бахтин идеальный», и, конечно же, «Бахтин XXI века».

Все более отчетливо звучащая в последние годы мысль о «Бахтине XXI века» или о «Бахтине для XXI века» побуждает нас задаваться новыми вопросами и осмысливать старые, до сих пор не решенные проблемы бахтиноведения в новом ключе.

На мой взгляд, одна из важнейших задач, стоящих перед бахтиноведением, – это задача перечитывания Бахтина. Перечитывание в данном случае подразумевает не столько еще одно чтение бахтинских текстов из собрания его сочинений или небольшого количества других источников (здесь я прежде всего имею в виду тексты «Круга Бахтина» или то, что не вошло по каким-то причинам в собрание сочинений), но новое чтение-интерпретацию, дополняющую и уточняющую то, что было сделано в блестящем комментарии к семитомнику.

Два примера легко подтвердят обоснованность этой мысли. Прежде всего сошлюсь на профессора Виталия Махлина, не раз повторявшего, что Бахтин «еще не прочитан и не скоро будет прочитан». Рядом я поставлю замечательную фразу профессоров Э. Джейн Уайт и Майкла А. Питерса о необходимости «прочитать Бахтина с точки зрения педагогики» («Reading Bakhtin educationally»), которая провоцирует понятный ряд продуктивных продолжений – с точки зрения лингвистики, психологии, социологии, семиотики, истории и т.д. Таким образом, мы можем сказать, что понимание необходимости нового прочтения Бахтина присутствует на всем пространстве бахтиноведения – от России до Австралии и Новой Зеландии.

Подчеркну, что новое прочтение Бахтина как основа его понимания включает в себя не только чтение бахтинских текстов, точнее сказать – не только чтение бахтинских текстов как текстов. Как свидетельствует удачный проект Светланы Дубровской – Анкета «Бахтинского вестника», приурочен-

ная к 125-летию Бахтина, у бахтиноведческого сообщества есть понимание насущной необходимости создания научной биографии мыслителя [Анкета..., 2020].

Несмотря на грандиозный труд и несомненные достижения в этой сфере Майкла Холквиста и Катарины Кларк, Виктора Дувакина, Семена и Ларисы Конкиных, Николая Панькова и Николая Николаева, эта задача по-прежнему не решена до конца и сохраняет свою актуальность. Замечу, что с каждым годом она становится все важнее, поскольку в отличие от бахтинистов старшего поколения, молодые исследователи в России и за ее пределами с трудом представляют реалии советской жизни, условия существования Бахтина в революционной и постреволюционной, сталинской, хрущевской и брежневской России, условия научной, культурной и педагогической жизни тех лет и т.д.

Если большая часть мифов уже написанной бахтинской биографии появилась из простого незнания конкретных обстоятельств, отсутствия документов или собственного мифотворчества Бахтина и его круга или их оппонентов, то сегодня к этому добавляется отсутствие реальных представлений современного поколения об этой жизни, непонимание исторической и политической обусловленности тех или иных событий бахтинской биографии и – как результат – порождение биографических конструкций, не имеющих ничего общего с биографической реальностью и историческим временем бахтинской жизни.

Задача нашего выступления состоит в том, чтобы показать причины возникновения мифа о Бахтине – «изгое» советского литературоведения:

– показать с опорой на вновь обнаруженные документы реальное место Бахтина в литературной жизни, в том числе и официальной жизни Ленинграда 1920-х – начала 1930-х гг., в научном и образовательном пространстве Саранска и Москвы середины 1930-х – начала 1970-х гг. [см.: Дубровская и др., 2020; Осовский и др. 2018; Осовский и др., 2021];

– обозначить его взаимоотношения с ведущими представителями советского литературоведения как старшего поколения (условными ровесниками Бахтина), так и среднего и младшего поколений и влияние Бахтина на последних [см.: Дубровская, 2020; Маслова и др., 2021];

– выявить формы и способы интеграции Бахтина и его идей в советское литературоведение на рубеже 1960–1970-х гг., проанализировав деятельность Вадима Кожина и Сергея Бочарова и их единомышленников по восстановлению имени Бахтина в отечественной гуманитаристике. Их усилиями Бахтин предстает в сознании литературоведческого сообщества не только как автор работ о Достоевском и Рабле, но и как ведущий теоретик романа, а затем автор оригинальных философских построений – от постнеокантианской «философии поступка» до глобальной «эстетики словесного творчества».

Библиографические ссылки

1. Анкета «Бахтинского вестника» к 125-летию М.М. Бахтина // Бахтинский вестник. 2020. № 2(4). URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2020/11/2020->

[%E2%84%964-%D0%90%D0%BD%D0%BA%D0%B5%D1%82%D0%B0-%D0%91%D0%B0%D1%85%D1%82%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0.-%D0%9A-125-%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%8E-%D0%9C.%D0%9C.-%D0%91%D0%B0%D1%85%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf](#) (дата обращения: 20.08.21).

2. Дубровская С.А. Международная Бахтинская конференция в Шанхае // Регионология. 2018. Т. 26, № 1(102). С. 179–183.

3. Дубровская С.А. М.М. Бахтин в литературной жизни Мордовии 1940-х–1960-е гг. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 4. С. 633–641.

4. Дубровская С.А., Осовский О.Е. О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.

5. Маслова Е.Г., Дубровская С.А. «Гениальному Михаилу Михайловичу Бахтину...»: каталог инскриптов на книгах, подаренных М.М. Бахтину, как источник к его научной биографии // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 26. С. 164–175.

6. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов. Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–265.

7. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Федин, Шкловский. Два малоизвестных эпизода из биографии Михаила Бахтина // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 191–215.

8. Осовский О.Е., Киржаева В.П. Бахтин ходил по этим тротуарам. Визуализация хронотопа города в книгах о старом Саранске // Центр и периферия. 2018. № 4. С. 98–101.

УДК 141.144:81-25Бахтин

Sandler Sergei
(Beer-Sheva, Israel)
sergeys@gmail.com

ON DEATH AND TURN-TAKING IN CONVERSATION: THE CONCEPT OF SUCCESSION (*SMENA*) IN BAKHTIN'S LATE PHILOSOPHY*

Abstract. A tension between personalism and holism is often noted in Bakhtin's work. While Bakhtin rejects attempts to reduce the person and being as a whole to either abstract objectivity or to a single subject, he does not reject the holistic approach as such. The notion of *succession* (*smena*) becomes a central element in Bakhtin's description of being as a whole. In this paper, I examine this term in the various contexts of its use, and clarify its significance for Bakhtin's philosophy.

Keywords: M.M. Bakhtin, holism, personalism, succession, dialogue.

Сандлер Сергей Владимирович
(Беер-Шева, Израиль)
sergeys@gmail.com

О СМЕРТИ И ОБМЕНЕ РЕПЛИКАМИ В РАЗГОВОРЕ: ПОНЯТИЕ СМЕНЫ В ПОЗДНЕЙ ФИЛОСОФИИ М. М. БАХТИНА

* Полная версия доклада в виде статьи готовится к изданию. См.: Sandler S. On Death and Turn-Taking in Conversation: The Concept of Succession (*smena*) in Bakhtin's Late Philosophy // Understanding Bakhtin, Understanding Modernism / ed. by P. Birgy. L. : Bloomsbury Academic, 2022.

Аннотация. В трудах М.М. Бахтина часто замечается напряжение между персонализмом и целостностью, но покуда Бахтин отвергает попытки свести личность и бытие к абстрактной объективности или подвести их под коллективное сознание, он не отрицает целостного подхода как такового. Понятие *смены* становится центральным элементом бахтинского описания бытия как целого. В моем докладе я рассматриваю это понятие в разных контекстах его использования и выясняю его значение для бахтинской философии.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, целостность, персонализм, смена, диалог.

An apparent tension in Bakhtin's work, which Bakhtin scholarship has been often concerned with, is that between personalism and holism. A closer reading, though, shows the tension here is merely apparent.

Already in his early writings, Bakhtin speaks of an all-encompassing organic whole – the "being-event" (*bytie-sobytie*) – which contains both the objective world we all share and the interacting individual perspectives of all conscious beings. He rejects attempts to reduce this whole to either the objective reality common to all or to some collective consciousness as attempts *to pass one part (consciousness) for the entire whole* [Bakhtin, 1993, p. 17]. The whole of being contains an irreducible plurality of consciousnesses, while nevertheless remaining an organic whole. To see how Bakhtin thought this can be possible, I examine the term "succession" (*smena*).

This term appears in several contexts in Bakhtin's works. First, he speaks of the succession of natural cycles, epochs, truths, regimes, and especially generations [Bakhtin, 1968]. The tone is optimistic: the old will be succeeded by the new and thus renewed. But there is also the darker aspect of an individual's hostility to being replaced by a successor. Shakespeare's Macbeth, who, by rejecting succession, commits "the suprajudicial crime of any self-asserting life (implicitly containing, as its constitutive moment, the murder of one's father and the murder of one's son)" [Bakhtin, 2014, p. 527] is a case in point. In both these contexts, succession implies *death*. In addition, "succession" appears in a linguistic context: an utterance is delimited by the *succession of speaking subjects* (*smena rechevykh sub`ektov*), and traces of speaker succession delimit ever smaller elements within an utterance [Bakhtin, 1986].

In a sense, for Bakhtin, death is like speaker transition in a conversation, and thus life is like an utterance. Bakhtin attributes *meaning* not only to the individual utterance, but also to a person's ultimate position vis-à-vis the world, to the human life as a whole. He seeks that meaning in the *responses* both the utterance and the human life receive.

Succession thus marks a *liminal* zone in time. It is a boundary between persons, between I and the other, *viewed as an element in the construction of a larger whole*. The parts, delimited by succession, are not subsumed under the whole, nor explained by the unitary principle of the whole. Instead, they *interact to form the whole*.

An important way in which the notion of succession helps connect different aspects of Bakhtin's philosophy has to do with how Bakhtin uses one's attitude toward succession as a sort of litmus test. If the whole (of some phenomenon in

question) is accessed the right way, succession is embraced merrily and fearlessly, celebrated; otherwise, it is ignored or met with hostility.

Macbeth is hostile to succession. He seeks to remain on the throne forever, and thus be *a part in the chain of generation attempting to pass for the whole*. On a larger scale, the agelasts and other comical villains of Rabelais' novel are hostile to the succession of historical epochs and of truths and beliefs. They claim to represent the *only* truth, the *only* legitimate order of things, and thus, again, are trying to pass a part – one truth and order – for the whole. The same goes for an utterance in dialogue that seeks to proclaim the *only* truth, oblivious to its predecessors and future response to it – in short, a *monologic* utterance.

What does this imply regarding what Bakhtin has to say positively about the supra-individual whole?

An utterance contains multiple successions of speaking subjects within it, while remaining a coherent whole (with an author). Any conversation is a whole containing the utterances making it up, with speaker succession happening repeatedly. In the process, the individual speakers and their utterances do not lose their individuality. *No simple static meaning can be assigned* to the conversation as a whole, nor to each individual utterance. An utterance only becomes meaningful when it meets a responding utterance, and then gains new meaning with each new response. And as goes the meaning of an utterance, so goes the meaning of a human life. the moment of succession is the moment of death, but the meaning is *reborn, bigger and better* with every new response it receives [Bakhtin, 1986, p. 146, 170].

Late Bakhtin thus conceives of the ultimate whole of being as a big dialogue. It spans the individual perspectives that succeed each other in it the way a conversation spans the utterances that succeed each other in it. It is a unity that contains a true plurality of irreducible individual perspectives within it. However, it cannot itself be brought to completion, cannot be assigned a definite final meaning, and thus could be made to fit into the purview of a single consciousness. Thus, all individual perspectives, and all meanings, also transgress the limits of any one consciousness. Indeed, my own perspective, even though it is constituted by my consciousness, always transgresses the limits of this consciousness. I received myself as a gift from others – tells us early Bakhtin – and I will go on receiving this gift after I die – late Bakhtin adds.

Bakhtin offers no clear positive image of the ultimate whole of dialogue; it forever remains posited as a task, not given. Nevertheless, Bakhtin did make a truly novel attempt to reimagine the very idea of what a whole is, with the notion of succession at its center. This, in turn, led him to offer a fresh and unusual take on various cultural phenomena, which often opened the door to truly original applications.

In this paper, I painted a picture of Bakhtin not as the hardline anti-systematic thinker some claimed he was, but also not as a passive follower of the philosophical systematizers he looked up to in his youth. Instead, he sought to be systematic on his own novel terms, and his concept of succession illustrates what such a systematic approach looks like, and why it is not quite like any other philosophical system we know.

References

1. Bakhtin M.M. Rabelais and his world. Boston : The Massachusetts Institute of Technology Press, 1968.
2. Bakhtin M.M. Speech genres and other late essays. Austin : Univ. of Texas Press, 1986.
3. Bakhtin M.M. Toward a philosophy of the act. Austin: Univ. of Texas Press, 1993.
4. Bakhtin M.M. Bakhtin on Shakespeare: Excerpt from "Additions and Changes to Rabelais" // Publications of the Modern Language Association. 2014. Vol. 129, № 3. P. 522–537.

УДК 101.9Бахтин

Смирнов Сергей Алевтинович
Институт философии и права СО РАН
(Новосибирск, Россия)
smirnoff1955@yandex.ru

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ М. М. БАХТИНА: ОПЫТ УСТНОЙ АВТОБИОГРАФИИ*

Аннотация. В статье показано, что в рамках своей философской антропологии М.М. Бахтин вводит также концептуальное обоснование автобиографии как культурной формы и практики самообъективации личности. Автобиографию Бахтин отличал от самоотчета-исповеди. Автор статьи считает, что несмотря на то что Бахтин не оставил привычный нам опыт письменной автобиографии, он по факту показал пример устной автобиографии в многочисленных разговорах и беседах с младшими современниками.

Ключевые слова: биография, автобиография, антропология, исповедь, Бахтин.

Smirnov Sergey A.
Federal State Public Research Institution Institute of Philosophy
and Law Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)
smirnoff1955@yandex.ru

PHILOSOPHICAL REFLECTION OF M.M. BAKHTIN: THE EXPERIENCE OF ORAL AUTOBIOGRAPHY

Abstract. The article shows that, within the framework of his philosophical anthropology, M.M. Bakhtin also introduces a conceptual substantiation of autobiography as a cultural form and practice of personality self-objectification. Bakhtin distinguished autobiography from self-report-confession. The author of the article believes that despite the fact that Bakhtin did not leave the usual experience of a written autobiography, he actually set an example of an oral autobiography in numerous conversations and conversations with younger contemporaries.

Keywords: biography, autobiography, anthropology, confession, Bakhtin.

Известно, что жизнь и мысль М.М. Бахтина сотканы из парадоксов и противоречий. Но это только на первый взгляд.

* Полностью доклад опубликован в виде статьи «Михаил Бахтин: возрождение автора» [Смирнов, 2021].

Да, М.М. Бахтин не писал автобиографии и был противником такого опыта по отношению к себе. Но одновременно в серии разговоров с Дувакиным эта устная автобиография все же состоялась [Беседы..., 1996].

М.М. Бахтин отказывался от авторства целого ряда своих произведений в пользу своих друзей (так называемые «девтороканонические тексты», как выразился С.С. Аверинцев). Но в то же время в других разговорах он признавал свое авторство, помогая друзьям («я считал, что могу это сделать для своих друзей, а мне это ничего не стоило, я ведь думал, что напишу еще свои книги...») [Бочаров 2009, с. 50]).

М.М. Бахтин стал известным прежде всего благодаря книге о Достоевском. Но в то же время считал, что он был не искренен в этой книге. А.Ф. Лосев не увидел в ней идеи Бога: «Разве можно говорить и писать о Достоевском, исключив Христа!» [Анциферов, 1992, с. 385].

Сам же Бахтин был еще более жестким по отношению к себе: «Все, что было создано за эти полвека на этой безблагодатной почве под этим несвободным небом, все в той или иной степени порочно... Я... не мог прямо говорить о главных вопросах... – о философских, о том, чем мучился Достоевский – существованием Божиим. Мне... приходилось все время вилять – туда и обратно. Приходилось за руку себя держать» [Бочаров, 2009, с. 50]. А позже выносит себе приговор: «...тогда разложение было в полном ходу, царило презрение к нравственным устоям, все это казалось смешно, казалось, что все рухнуло... Мы ведь все предали – родину, культуру».

«А как можно было не предать?» – спрашивает С.Г. Бочаров. «Погибнуть», – отвечает М.М. Бахтин [Бочаров, 2009, с. 68–69].

Бахтин всей своей жизнью как бы скрывался, пытаясь сохранить себя, сохранить для самого важного дела – жизни с Богом, что не требует публичности. Но в то же время разработал настоящий полноценный концепт антропологии автобиографии, полагая, что именно автобиография задает ценностное целое человеку, помогает ему обрести место в мире и становится событием бытия.

Бахтин, выработавший уникальную авторскую концепцию философии поступка, в конце жизни выносит приговор самому себе: единственный выход был один – погибнуть. Его внутренняя эмиграция, скрытость, дневниковость, конспективность, принципиальная незаконченность его записей выглядят такой формой гибели. Но гибели символической, в форме многоточия.

Свидетельства Бахтина и его собеседников вызывают ощущение, что автор «Бахтин», понимая это и всегда чувствуя, переживая надлом, решил замуровать свое авторство, вообще свою мысль, свою жизнь, закрыв себе рот. Замолчать. Не жить. Не быть.

Все шло к этому. Он мог бы так и работать дальше в Саранске до конца жизни простым преподавателем-доцентом. Но благодаря его почитателям и последователям, филологам из Москвы, он оказался вызволен из небытия. Только благодаря почитателям были открыты, впервые прочитаны его тексты по философской антропологии, его нравственной философии.

Был вновь открыт Автор. Открыт вопреки ему самому. Открыт не по привычной логике – когда автор ставит на произведении свое имя, творит его, или конструирует свой образ. Автор, всячески избегавший собственного авторства, все же был вновь открыт, возвращен к жизни.

Но опять же, в его духе, состоялся праздник возрождения. Он выжил. И не только. Начался праздник бахтинского возрождения. Автор родился вновь. И тем показал, что мысль бессмертна! И автор бессмертен!

Бахтин разработал глубокую, авторскую концепцию автобиографии как культурной формы «самообъективации личности», как «трансгredientной формы, в которой я могу объективировать себя самого и свою жизнь художественно» [Бахтин, 2003, с. 216]. Автобиография задает личности смысловое целое. К формам объективации себя Бахтин относил самоотчет-исповедь, автобиографию, биографию, житие и др. [Бахтин, 2003, с. 205–206 и др.].

Для Бахтина было важно найти адекватные личности смысловые формы построения своего смыслового целого, в котором стержневой опорой выступает «смысловая установка героя в бытии, то внутреннее место, которое он занимает в едином и единственном событии бытия, его ценностная позиция в нем» [Бахтин, 2003, с. 206]. Это означает, что исходным местом для ориентации человека выступает ориентация с точки зрения нахождения *места в событии бытия, построение места посредством этого смыслового целого*. Формы смыслового целого бывают разные – исповедь, автобиография, лирическая поэзия. Автобиографией как смысловым целым культурной формы преодолевается «в единстве ответственности» (есть у человека такой онтологический шанс) разрыв между жизнью и искусством, между внутренним и внешним, словом и действием, мыслью и поступком. Вся жизнь выстраивается как такой жизненный поступок: «За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своею жизнью... Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов. Личность должна быть сплошь ответственной...» [Бахтин, 2003, с. 5].

Онтологическое укоренение личности в бытии связано с архитектурной ответственности личности. Культурной формой жизни такой архитектуры и выступает автобиография, в которой сопрягаются полюса и пределы – искусства и жизни, публичного и интимного, внешнего и внутреннего.

Автобиография в своем корне рассматривается в рамках концепта автора. Бахтин рассматривает концепт автора прежде всего в рамке художественного события произведения как его участника. Человек выступает принципом-центром произведения. Но проблема заключается в том, что не я как я, а я как другой может быть центром события: «только другой как таковой может быть ценностным центром художественного видения, а следовательно, и героем произведения, только он может быть с у щ е с т в е н н о оформлен и завершен, ибо все моменты ценностного завершения – пространственного, временного и смыслового – ценностно трансгredientны активному самосознанию... я – оставаясь для себя самим собою – не могу быть ак-

тивным в эстетически значимом и уплотненном пространстве и времени, в них меня ценностно нет для себя самого, я не создаю, не оформляю и не определяю в них... я для себя эстетически не реален. Я могу быть только носителем задания художественного оформления и завершения, но не его предметом-героем...» [Бахтин, 2003, с. 246].

Получается, что автобиография как автописьмо от первого лица в принципе невозможна. Она будет несостоятельной уловкой и хитростью одностороннего Я. Я не могу быть героем собственной автобиографии. Более того, автобиография как биография моего я вообще-то не реальна. Не реальна онтологически, в архитектонике ответственного события-бытия. Просто потому, что я для себя не могу существовать как оформленная реальность. Героем здесь выступает другой, то есть я как другой. И потому при создании автобиографии я строю другого как своего героя. Я сам как реальность, определенность, «могу стать субъектом (не героем) только одного типа высказывания – самоотчета-исповеди, где организующей силой является ценностное отношение к себе самому и которое поэтому совершенно неэстетично» [Бахтин, 2003, с. 247]. Исповедь не является реальностью художественной.

Отказ Бахтина от создания собственной автобиографии как специальной искусственной формы самообъективации личности не означал отказа от фактического построения автобиографии в реальности творчества. Идея Автора как Другого воплотилась в самих исследованиях Бахтина, но удивительным образом. Он создавал себя как автора через Большой Разговор со своими собеседниками. Три его великих собеседника, Гете, Рабле и Достоевский, выступая Другими по отношению к «Я» Бахтина, имплицитно помогали ему самому строить свое я, свою биографию. Бахтин, создавая концепты автора и героя, романа воспитания или полифонического романа, строил и концепт собственного авторства. Бахтин фактически воплотил на себе житие святого, но как монастырь в миру.

Если относиться к автобиографии как к самостоятельной законченной культурной форме, имеющей в этой связи свои механизмы и законы самостановления и формирования, то важно учесть следующее.

Автобиография – часть необходимой человеку антропопрактики «заботы о себе», в которой нуждается человек для осознания своего незаменимого места в мире.

Автобиографию пишет не Я, а Другой, имеющий избыток видения, в отличие от Я.

В автобиографии как форме творения автор, являясь ценностным центром единого целого произведения, соотносится с героем как с другим. Связь я–другой является крепким центром целого произведения.

Автобиография как произведение существует в особой реальности, в которой и создается концентрат жизни, то есть ее событийность, через которую человеку является бытие.

Это являющееся человеку через событие бытие может быть лишь феноменологически ухвачено: «с о б ы т и е бытия есть понятие феноменологическое, ибо живому сознанию бытие является – как событие – и – как в событии – оно действительно в нем ориентируется и живет» [Бахтин, 2003, с. 246].

За свое произведение, автобиографию, встроенную в архитектуру поступающей личности, автор-личность несет онтологическую ответственность, поскольку у человека нет алиби в событии бытия. Произведение становится формой поступка личности автора. Если автор подкладывает это алиби в начале создания произведения как исходное правило, то в таком творчестве не может быть ничего значительного, серьезного и ответственного.

Библиографические ссылки

1. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М. : Феникс : Культурная инициатива, 1992. 512 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2003. 957 с.
3. Беседы В.Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М. : Прогресс, 1996. 378 с.
4. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л. Махлина. М. : РОССПЭН, 2010. С. 47–79.
5. Смирнов С.А. Михаил Бахтин: возрождение автора // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].

УДК 17:115.4

Сычев Андрей Анатольевич
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
sychevaa@mail.ru

МОРАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ ХРОНОТОПА*

Аннотация. На основании анализа работ А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина реконструируются моральные смыслы хронотопа как совокупности пространственно-временных условий, задающих возможности для человеческого поступка. Развитие хронотопа рассмотрено в историческом контексте перехода от этики норм (коренящихся во вневременном и надпространственном абсолюте) к этике поступков (совершаемых в конкретном времени и пространстве). Этот переход трактуется как аналог поворота от классической к неклассической механике.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, А.А. Ухтомский, хронотоп, время, пространство, этика, Другой, поступок, доминанта.

Sychev Andrey A.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
sychevaa@mail.ru

MORAL SENSES OF CHRONOTOPE

Abstract. The paper reconstructs the ethical implications of a chronotope in the works of Alexei Ukhtomsky and Mikhail Bakhtin. The chronotope is interpreted as a set of spatio-temporal conditions that sets the possibilities for a moral act. The development of the concept is

* Полностью доклад опубликован в виде статьи «Нравственные измерения хронотопа» [Сычев, 2021].

analyzed in the historical context of the transition from the ethics of norms (rooted in the timeless and non-spatial absolute) to the ethics of acts (performed in the specific time and space). This transition is understood as an analogy of the turn from classical to non-classical science.

Keywords: Mikhail Bakhtin, Alexei Ukhtomsky, chronotope, time, space, ethics, the Other, act, the dominant.

Хронотоп до сих пор остается на периферии этических исследований. Во многом это объясняется характерной для Нового времени традицией понимания морали как совокупности безусловных универсальных норм. В ее рамках обязывающая сила моральных норм не зависит от временных и пространственных условий их реализации (как, впрочем, и любых других условий). Однако в XX в. были намечены альтернативные (феноменологические, экзистенциальные и т.д.) варианты переосмысления этики, раскрывающие перспективы для увязывания поступков и ценностей с пространством и временем. Весомый вклад в этот процесс внесли идеи А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина.

Универсальная норма (например, категорический императив) действительна всегда и везде. Поступок же совершается в определенный момент и имеет четкую локализацию. Хронотопический анализ наилучшим образом иллюстрирует этот поворот в понимании морали. Смещение фокуса этики от абстрактной нормы к конкретному поступку по своему значению может быть сопоставимым с поворотом от механики И. Ньютона к физике А. Эйнштейна в естественных науках.

Несмотря на то, что мораль в интерпретациях как Ухтомского, так и Бахтина получает специфическое пространственно-временное измерение, развернутых исследований хронотопа на материале морали ни тот, ни другой не предпринимали. Идеи этих мыслителей, посвященные моральному измерению хронотопа, можно не столько описать, сколько реконструировать, опираясь, соответственно, на учения о доминанте и поступке.

Понятие «хронотоп» было предложено Ухтомским в середине 1920-х гг. Именно оно, по его мнению, позволяет наилучшим образом связать воедино гуманитарные и естественные науки, и посредником между ними может стать физиология, исследующая взаимодействия организма со средой. Жизнедеятельность разворачивается в пространственно-временной среде, поэтому принципы, определяющие характер реакций организма, организованы хронотопически. Организм как целостная система реагирует одновременно на весь комплекс временно-пространственных параметров (проще говоря, организм пытается сократить интервал до того, что удовлетворяет потребности и увеличить – до того, что представляет угрозу. А выраженность интервала в метрах или секундах вторична).

Организм реагирует в диапазоне, заданном противоположными векторами. На низших уровнях организации он выбирает путь наименьшего сопротивления, т.е. стремится к максимальному сокращению пространственно-временного интервала до события удовлетворения своих потребностей. Наиболее явно и последовательно результат этого стремления представлен в

организме сидячего паразита, в ходе приспособления которого большинство органов (например, мозг или глаза) упрощаются или атрофируются за ненадобностью.

Альтернативный путь развития предполагает, что организм может пожертвовать удовлетворением своих непосредственных потребностей в настоящем ради получения чего-то более важного спустя определенный промежуток времени. Такой путь предполагает развитие способности к просчитыванию будущего и стимулирует усложнение мозга. Высшим продуктом биологической эволюции является мозг человека, способный предвосхищать пути разворачивания мировых линий и осознавать, что движение по пути наибольшего сопротивления ради достижения отдаленных целей может принести более значимые результаты, чем простая экономия сил.

Всякая человеческая мысль сама по себе является потенциальным окном в будущее. Но существуют люди с особенно развитой способностью ориентации в хронотопе, те, чьи идеи далеко опережают свое время, – гении. Таким образом, два крайних полюса хронотопического отношения к миру суть хронотоп паразита и хронотоп гения.

Мораль – это способ регулировать действия человечества на основе гениального предвидения будущего. Всем не обязательно быть гениями, поскольку мораль дает возможность стоять на плечах гигантов (Моисея, Сократа, Христа). Она постоянно «беспокоит» человека, требует работы над собой и понимания своей ответственности.

Человек, замкнутый в своей индивидуальности, ориентирован на согласие с собой, самоудовлетворенность. Он глух к голосам других, и пропускает через фильтр своего восприятия только то, что согласуется с его собственными мыслями. Чужие действия он пытается подогнать под свои теории, и нередко ради их подтверждения готов жертвовать конкретными людьми. В чужом сознании он пытается рассмотреть только свое отражение. Такой человек демонстрирует неспособность к пониманию того, что выходит за рамки его житейского кругозора и доктрин, в которые он верит; стремится избежать конфликтов, поиска, метаний: жизни как таковой. Его цель – душевное спокойствие, полное совпадение с собой, достижение которого уже не предполагает дальнейших изменений. Ухтомский ассоциирует такое состояние с аутизмом, солипсизмом, духовной смертью.

Только Другой, как нечто отличное от меня, каждый раз иная реальность, способен разрушить эту самодовольную тождественность. Другой – это всегда загадка, которую нужно разгадать. Лицо другого – не застывшая маска, а нечто постоянно обновляющееся, провоцирующее к ответным действиям. Хронотоп морали, таким образом, определяется способностью выстроить «доминанту на лицо», заинтересоваться Другим, поставить его интересы выше своих, полюбить его (не теоретического «человека вообще», а конкретного ближнего).

В 1925 г. в Петергофском естественно-научном институте прошла лекция Ухтомского о хронотопе, в числе посетителей которой был Бахтин. Отталкиваясь от услышанных идей, он разработал собственную концепцию

хронотопа в применении к литературному творчеству. Однако эта концепция допускает более широкую трактовку. Одну из ее интерпретаций предлагает Л. Стейнби: «В бахтинской идее хронотопа человеческий поступок в романе помещен в рамки темпорально и пространственно определенных возможностей. Хронотопы открывают для персонажей определенное время-пространство возможного поступка, который обусловлен локальностью или социальной ситуацией, но все же оставляет индивиду свободу морального выбора. Таким образом, хронотопы, являются категориями, прежде всего, не познания, но возможности человеческого поступка» [Steinby, 2013, p. 122]. Корни хронотопа в такой трактовке следует искать в философии поступка.

Нравственная философия Бахтина признает первенство поступка, который реализуется в конкретных времени и пространстве. Она не отрицает важности общих норм, но считает, что они значимы только для выстраивания теоретических суждений. Если для этики норм существует единая и абсолютная система отсчета, то в нравственной философии Бахтина отсчет ведется с позиции субъекта, придающего хронотопу ценностное измерение. Каждый человек уникален, находится «в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия» [Бахтин, 2003, с. 38], и, следовательно, то, что он может понять и сделать, не может никто другой.

Событие – не точка на мировой линии в системе четырехмерных координат, а встреча, как минимум, двух мировых линий, пересечение разных жизненных траекторий. Это не просто событие, а со-бытие как сосуществование двух сознаний, меня и Другого, находящихся в диалоге и непрерывно поступающих.

В диалогическом общении структурируется пространство, отличное от физического. Оно характеризуется близостью и дистанцией между собеседниками, социальными и культурными границами т.д. Такое пространство общения – это уже не просто вместительное пространство объектов и неизменная данность (в духе механики Ньютона). В диалоге пространство задано – собеседники не помещены в него, а сами выстраивают его своими репликами. Смысл этого пространства возникает в общении, обмене вопросами и ответами.

Взаимодействие двух позиций – меня и Другого – создает архитектуру поступка, которая и представляет собой хронотоп морали: «Все пространственно-временные и содержательно-смысловые ценности и отношения стягиваются к этим эмоционально-волевым центральным моментам: я, другой и я для другого» [Бахтин, 2003, с. 50]. В пространстве морали хронотоп есть единство времени и пространства, получающее свой смысл извне: из хронотопа Другого.

Идеи Ухтомского и Бахтина о хронотопе, поступке, доминанте, полифонии и т.д. могут служить отправной точкой для исследований временных и пространственных характеристик морали. Их особенность состоит в том, что они не дают нам готовых схем и не предвосхищают конечных выводов. Они приглашают к диалогу: ставят вопросы и способствуют поиску собственных ответов на них. В этом смысле хронотоп есть инструмент не только понимания существующей, но и конструирования новой нравственной реальности.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. 957 с.
2. Сычев А.А. Нравственные измерения хронотопа // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].
3. Steinby L. Bakhtin's Concept of the Chronotope: The Viewpoint of an Acting Subject // Bakhtin and his Others: (Inter)subjectivity, Chronotope, Dialogism. L. : Anthem Press, 2013. P. 105–122.

УДК 172.16:1(038)

Тиханов Галин
Лондонский университет королевы Марии
(Лондон, Великобритания)
g.tihanov@qmul.ac.uk

БАХТИН ОТКРЫВАЕТ «ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ» И НАТЫКАЕТСЯ НА «КОСМОПОЛИТИЗМ»

Аннотация. Среди важнейших проблем послевоенной биографии М.М. Бахтина следует назвать отношение мыслителя к ведущим идеологемам сталинской эпохи. Бахтинские пометы на страницах «Краткого философского словаря» (1951) позволяют реконструировать отношение ученого к проблеме космополитизма, уточнить его взаимоотношения с советским политическим дискурсом.

Ключевые слова: Михаил Бахтин, интеллектуальный климат, сталинская эпоха, космополитизм, философский словарь.

Tihanov Galin
Queen Mary University London
(London, UK)
g.tihanov@qmul.ac.uk

BAKHTIN OPENS THE DICTIONARY OF PHILOSOPHY AND STUMBLES UPON «COSMOPOLITANISM»

Abstract. The attitude of M.M. Bakhtin to the leading ideologemes of the Stalinist era should be considered among the most important problems of the post-war biography of the thinker. Bakhtin's notes on the pages of the "Brief Philosophical Dictionary" (1951) make it possible to reconstruct the scientist's attitude to the problem of cosmopolitanism, to clarify his relationship with Soviet political discourse.

Keywords: Mikhail Bakhtin, intellectual climate, Stalin's era, cosmopolitanism, philosophical dictionary.

В докладе прослеживаются понятия открытости и чуждости в творчестве М.М. Бахтина. От принятия неевропейской версии культурной и литературной истории (во время подготовки своего диссертационного исследования о Рабле, но также и позже, в начале 1950-х годов в Саранске) до введения термина «большое время» (и воплощения идеи «глубокого времени», цитируя Димока), работа Бахтина была неотъемлемой частью идеологических дебатов его времени. В начале 1950-х годов, когда накладывающиеся друг на друга волны антикосмополитической кампании в Советском Союзе постепенно отступали, он жадно прочитал и подчеркнул несколько статей в санкционированном партией «Кратком философском словаре». Среди них была

запись о «космополитизме». Был ли Бахтин философски обеспокоен идеей космополитизма, стремясь отразить на ней свою собственную работу и поразмышлять о ценностях, которые выдвигает этот конкретный дискурс, но также и о присущих ему ограничениях, или он просто приспособился к системе, которая клеймила космополитизм как чуждый образ мышления, противоречащий преобладающему интеллектуальному климату? Именно эти вопросы я хотел бы затронуть в этой работе, которая частично основана на исследованиях в Библиотеке Бахтина в Саранске.

Библиографические ссылки

1. Ключева И.В., Лисунова Л.М. М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск, 2010. 468 с.
2. Конкин С.С., Конкина Л.С. М.М. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. 400 с.
3. Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Госполитиздат, 1951. 615 с.
4. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Федин, Шкловский. Два малоизвестных эпизода из биографии Михаила Бахтина // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 191–216.
5. Осовский О.Е. Филолог или философ? Интеллектуальное «странничество» М.М. Бахтина: взгляд из 1990-х // Русская литература. 2018. № 1. С. 250–251.
6. Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М. : Изд-во Москов. ун-та, 2009. 720 с.
7. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass. ; L. : Belknap press of Harvard univ. press, 1984. XIV. 398 p.
8. Laptun V.I., Tihanov G. Pedagogical work of Mikhail M. Bakhtin (1920s – early 1960s) // Dialogic Pedagogy : An International Online Journal. 2018. V. 6. P. T8–T18.
9. Tihanov G. The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford : Stanford Univ. Press, 2019. 272 p.
10. The Palgrave Handbook of Russian Thought / eds.: M.F. Vykova, M.N. Forster, L. Steiner, 2021. XXVII. 814 p.

УДК 111.1:159.923.2

Тульчинский Григорий Львович
«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург
(Санкт-Петербург, Россия)
gtul@mail.ru

ПОСТУПОК, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И САМОСОЗНАНИЕ: САМОСТЬ КАК НАРРАЦИЯ НЕ-АЛИБИ В БЫТИИ

Аннотация. Бахтинская философия поступка важна не только для целостного понимания наследия великого гуманистара, но и как концептуальная основа перспективных междисциплинарных исследований. Анализ поступка открывает механизм перехода внутреннего плана мотивации во внешний план как реализацию воли и свободы. В этом случае ключевую роль играет ответственность, сформированная в повествованиях от первого лица, которые складываются в процессе социализации и индивидуализации личности как вменяемого актора.

Ключевые слова: М. Бахтин, нарратив, ответственность, поступок, самосознание.

Tulchinskii Grigorii L.
HSE University – St. Petersburg

**ACT/DEED, RESPONSIBILITY AND SELF-AWARENESS:
SELF AS A NARRATION ABOUT NON-ALIBI IN BEING**

Abstract. Bakhtin's deed philosophy is important not only for a holistic understanding of the great humanist heritage, but also as a conceptual basis for promising interdisciplinary researches. The deed analysis opens the mechanism for the transition of the internal plan of motivation to the external plan as the realization of will and freedom. In this case, the key role played by the responsibility formed in the first-person narratives, which formed in the process of socialization and individualization of the personality.

Keywords: M. Bakhtin, deed, narration, responsibility, self-awareness.

Поступок – уникальный и благодарный предмет философского рассмотрения. Он интегрирует в себе и осмысление, и решение, и действие, и их оценку – как самой личностью, так и другими. В поступке реализуется взаимодействие знаний и убеждений, устремлений и объективных обстоятельств, действий и оценки их результатов. В нем фокусируются практически все философские проблемы: материального и идеального, объективного и субъективного, свободы и необходимости, детерминации и случайности, причины и следствия, социального и индивидуального, рационального и иррационального.

В этой связи не опубликованные при жизни М.М. Бахтина его идеи о философии поступка [Бахтин, 2003] не только важны для целостного понимания всего его наследия, но и оказываются ключевыми для понимания актуальнейших проблем гуманитарного знания и перспектив его конвергенции с исследованиями нейробиологии мозга и искусственного интеллекта.

Поступок делает поступком его вменяемость: рациональная мотивация, которая оказывается, по сути дела, не чем иным, как интерпретацией другими и, главное, самой личностью источников, факторов и целей своих действий. Сердцевиной же этого осмысления, зачастую не только объяснения, но и оправдания, выступает осознание своего «не могу иначе», взятие на себя ответственности за решение, за его реализацию и за последствия реализации – ответственность за свои действия и, в конечном счете, за свой жизненный путь. Иначе говоря, только та философия поступка является полнозвучной, которая основана на представлениях о социальной природе человеческой личности, ее взаимосвязей с обществом и ответственном самоопределении личности в этом обществе. Систематизация содержания поступка [Тульчинский, 2020] выводит на первый план вменяемость актора поступка и его мотивацию, предстающую не столько причиной, сколько объяснением и самообъяснением действия. При этом анализ перевода поступка из «внутреннего» («субъективного») плана во внешний фокусируется на соотношении воли и свободы. Причем свобода предстает вторичной, производной от изначальной ответственности (не-алиби в бытии).

Опыт и анализ показывают, что главным условием формирования самосознания является социальная коммуникация, обеспечивающая освоение

социально-культурного опыта, социализацию и индивидуализацию личности. В процессе воспитания, образования, профессиональной подготовки объективные каузальные связи разрываются и замыкаются на личность, делая ее *causa sui*, причиной происшедшего, вменяя ей ответственность за происходящее.

Социально-культурная среда инсталлирует определенные программы поведения, которые закрепляются в нейронных сетях головного мозга. Но сама эта инсталляция, как и ее формат, достаточно индивидуальны, фиксируя неповторимость нашего опыта. Закрепление этого опыта в нейронных сетях сопровождается освоением языка, формированием внутренней речи. Возможности языка, прежде всего – речи, позволяют интерпретировать поведение других людей и свое собственное, оценивать и корректировать их. С 6 лет ребенок осваивает рассказы о своем опыте от первого лица. Этот «измышленный» герой и есть самость, собственное Я.

Личность не субстратное, а функционально-презентативное образование. Это образование целостно в плане относительного единства нарративного по сути комплекса, подобного пишущемуся роману, действие которого не только развивается линейно во времени, но в котором могут пересматриваться, по-иному трактоваться начальные главы, постоянно переосмысляя пройденное и прожитое, открывая все более «полный» горизонт своего прошлого. Важно, что «роман самости» является результатом коллективного творчества, в котором принимает участие и сама самость.

Представление о вменяемости актора поступка – как носителя свободы и ответственности – делает необходимым уточнение современных трактовок сознания и самосознания (самости). Аналитики [Дамасио, 2018; Dennett, 2003; Волков, 2018], как представляется, дают достаточно убедительные представления о ключевой роли в их формировании эволюции системного гомеостаза и социально-культурной коммуникации, упорядоченной в формате наррации. Прото-сознание, базовое сознание и самосознание (самость) как *autobiographically self*. В этом плане самосознание предстает как память – способность личности связно рассказывать о своем опыте.

В самосознании самости я могу рассматривать себя самого как любой другой предмет рассуждения и познания, как некий природный объект, а то и машину. Важно сохранение самосознания, являемого в 1-м и 3-м лицах, согласие, отождествление самости в 1-м лице, Я как потока переживаний, с самостью в 3-м лице (Я=Он). Собственно, в этом и заключается суть идентичности (*identity*) как результат социализации. Он сохраняет меня в потоке переживаний Я, дает возможности отождествления меня с социальными ролями (Супер-Эго). При отсутствии отождествления самости в 1-м и 3-м лицах возникает раскол самости. Для их интеграции необходимы не просто нарративы, а поводы, события, в них описываемые. И чтобы центральным героем этих событий выступала сама личность.

Процесс наррации формирует самосознание актора поступка как «лица» – индивида, «пребывающего в знании о себе». Самосознание возникает и развивается как ощущение своей сопричастности происходящему, себя как

актера – хотя бы собственных действий, поступков. Ближе всего к этому подходил М.М. Бахтин в его идее «участного мышления». Такое знание себя достигается не размышлением, а активностью. Поведение – сложный комплекс произвольных и произвольных действий. Из последних, в плане самосознания, особое значение имеет именно поступок – действие ответственное, совершаемое принципиально индивидуально, как акты самотворения.

Жизнь как поступок, путь в ней суть сам человек в своей самореализации, самотворение, синтез творца и предмета творения – как по заданным правилам, так и себя самого по собственным правилам. Как лента Мебиуса социального (от 3-го лица) и индивидуального (от 1-го лица), точкой склейки которой является самость.

Тем самым открывается возможность обобщения идей гомеостаза и ответственности, выводящего к уточнению представлений о рациональности как эффективности и как обеспечения гармоничной целостности.

Описание самосознания от 1-го лица и описание его от 3-го лица позволяет рассматривать нарратив как платформу не только интеграции аналитической философии и континентальной философской традиции, но и конвергенции гуманитарного знания (humanities) и science в исследованиях нейрофизиологии мозга и их моделирования.

Более того, это создает достаточно прочное основание для перехода к анализу перехода социально-культурной нарративной перформативы оценок, контроля и морали, и далее – самоопределения личности в практиках себя, творчестве, смысложизненном поиске и практиках социальной идентификации и позиционирования личности в современном социуме.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.
2. Волков Д. Свобода воли. Иллюзия или возможность. М. : Центр исследования сознания, 2018. 368 с.
3. Дамасио А.Я. Мозг и возникновение сознания. М. : Карьера Пресс, 2018. 384 с.
4. Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб. : Алетейя, 2020. 826 с.
5. Dennett D. Freedom Evolves. L. : Penguin Books, 2003. 347 p.

УДК 808.1Бахтин

Тюпа Валерий Игоревич
РГГУ
(Москва, Россия)
v.tiupa@gmail.com

БАХТИН И НАРРАТОЛОГИЯ*

* Полностью доклад опубликован в виде статьи «Бахтин и нарратология» [Тюпа, 2021].

Аннотация. Доклад посвящен выяснению отмечавшейся Полем Рикёром значимости интеллектуального наследия Бахтина для нарратологии. В частности, рассмотрены: бахтинские трактовки события и сознания в отношении к современному пониманию нарративности как формирования и ретрансляции событийного опыта, а также положение Бахтина о двойкой событийности нарратива; бахтинская концепция авторства («первичный» и «вторичный» авторы) в отношении к современной аксиоме диссоциации фигур автора и нарратора; «металингвистика» позднего Бахтина в отношении к современным исследованиям в области вербализации наррации. Отмечается значимость бахтинской теории поступка для осмысления категории нарративного этоса. Подчеркивается актуальность бахтинского вклада в историческую поэтику для реализации инновационного проекта исторической нарратологии.

Ключевые слова: нарратив, событие, автор, нарратор, вербализация наррации, нарративный этос, историческая нарратология.

Tiupa Valery I.
RSUH
(Moscow, Russia)
v.tiupa@gmail.com

BAKHTIN AND NARRATOLOGY

Abstract. This paper is devoted to clarifying the importance of Bakhtin's intellectual heritage for narratology, as noted by Paul Ricoeur. In particular, the following are considered: Bakhtin's interpretations of event and consciousness in relation to the modern understanding of narrativity as the formation and retranslation of event experience, as well as Bakhtin's position on the dual eventfulness of narrative; Bakhtin's concept of authorship ("primary" and "secondary" authors) in relation to the modern axiom of dissociation of the figures of author and narrator; later Bakhtin's "metalinguistics" in relation to modern research into the verbalization of narrative. The significance of Bakhtin's theory of the deed for understanding the category of narrative ethos is noted. The relevance of Bakhtin's contribution to historical poetics for the realization of the innovative project of historical narratology is emphasized.

Keywords: Narrative, Event, Author, Narrator, Narrative Verbalization, Narrative Ethos, Historical Narratology.

1. Современная нарратология далеко ушла от начального проекта универсальной «грамматики рассказывания», выдвинутого французскими структуралистами под именем «нарратологии» (Цветан Тодоров). Теперь так именуется широкая междисциплинарная область исследований не только речевых, но разномедиальных практик формирования и ретрансляции событийного опыта.

2. Бахтин не пользовался распространенной в наше время нарратологической терминологией, однако проблематика этой междисциплинарной сферы познания была ему небезынтересна. В 1920-е гг. он высоко ценил незамеченный в России и не переведенный на русский язык труд Кете Фридеман «Роль повествователя в эпике» (1910), положивший начало нарратологическому подходу к литературе. В начале 1970-х гг. Бахтин заинтересовался рецензией начинающего нарратолога Вольфа Шмида на «Поэтику композиции» Б.А. Успенского и откликнулся на нее. А в 1973 г. Бахтин дописывает к своей работе 1930-х гг. «Формы времени и хронотопа в романе» раздел «Заключи-

тельные замечания». Эти замечания носят по большей части нарратологический характер и воспринимаются как отклик на опубликованное годом ранее классическое исследование Жерара Женетта «Discours du récit».

3. Поль Рикёр, обратившись в середине 1980-х гг. к философскому осмыслению нарративности, заявил в своем тексте, что следовал «урокам Бахтина». Эти уроки принципиально значимы для современной нарратологии в целом, они усвоены ею и вошли в состав ее концептуального ядра. Значимость бахтинской мысли особо ощущается в трех кругах нарратологических интересов: проблематика события и событийности; соотносительность фигур автора и нарратора; металингвистическое воззрение на природу нарративного слова.

4. В «Заключительных замечаниях» 1973 г. отчетливо сформулирована *двойкособытийная* природа нарративного дискурса, осуществляющего единство референтной и коммуникативной событийности: «Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания». Сопряжение неслиянных и нераздельных аспектов единого высказывания характеризует нарративность точнее, чем общеизвестная после Женетта дихотомия «история» – «дискурс», позволяющая предположить, будто «история» может отсутствовать или иметь место независимо от нарративного акта рассказывания.

5. Бахтин мыслил категорию события этимологически: как со-бытие, взаимодействие, встречу двух реальностей. При этом, по крайней мере, одна из этих реальностей – реальность человеческого сознания. «С появлением сознания в мире <...> событие бытия <...> становится совершенно другим, потому что на сцену земного бытия выходит новое и главное действующее лицо события – свидетель и судия» [Бахтин, 1996–2012, т. 6, с. 396]. Бахтинское событие *интенционально*, его событийный статус зависит от ценностной направленности сознания, которая «не может изменить бытие, так сказать, материально <...> она может изменить только *смысл* бытия <...> Истина, правда присущи не самому бытию, а только бытию познанному и изреченному» [Бахтин, 1996–2012, т. 6, с. 396–397]. Событийность – подобно истинности – не является «натуральным» качеством происходящего вокруг нас, это особый (нарративный) способ отношения человеческого сознания к бытию.

6. Бахтинская событийность события *интерсубъективна*. Она определяется нарративной интенцией «свидетеля и судии», кем выступает нарратор, событием своего рассказывания инспирирующий рецептивную интенцию адресата, что обращает новейшую нарратологию к риторической категории *этоса*. Здесь не пустая игра субъективностей, это один из важнейших механизмов культуры: нарративность представляет собой социокультурный инструмент формирования, хранения и передачи *событийного опыта* человеческого присутствия в мире, где постоянно случаются сингулярные, непредсказуемые, необратимые изменения. Параллельно в культуре функционирует противоположный механизм *прецедентного* человеческого опыта – опыта процессуальности бытия и ритуальности человеческого поведения.

7. Бахтинская концепция художественного авторства в основном сфор-

мировалась в его ранней философской работе «Автор и герой в эстетической деятельности». В заметках 1950–1970 гг. он остается верен своему исходному воззрению на фигуру автора как эстетического субъекта, «облеченного в молчание». При этом Бахтин акцентирует специфику художественной нарративности, для которой принципиальна не столько фикциональность повествоваемого мира, сколько неотожждественность автора и нарратора: если автор «выступает с прямым словом», то он «превращается в публициста, моралиста, ученого и т.п.». Для современной нарратологии диссоциированность инстанций автора и нарратора является одной из базовых аксиом.

8. Следует, однако, иметь в виду, что при отсутствии в его время разработанного нарратологического тезауруса Бахтин не всегда употреблял слово «автор» в строгом соответствии с собственной концепцией. В период написания книги о Достоевском он, вероятно, не желая отвлекаться от развития основной своей мысли, нередко именовал «автором» нарратора (повествователя, хроникера), что послужило причиной целого ряда критических оценок прославленного труда.

9. Позаимствовав термин «металингвистика» у Бенджамина Уорфа, чьи «очерки по металингвистике» фигурируют в бахтинской библиографии 1950-х гг., и, наполнив его собственными научными интенциями, Бахтин обозначил им дисциплину, призванную изучать такие значимые для нарратологии явления, как «романное разноречие», система «голосов» (соотносительная с системой «кругозоров», т.е. с фокализацией), «двуголосое слово» несобственно-прямой речи. Актуальный для современной нарратологии термин *гетероглоссия* возник как английский перевод Гэри Морсоном и Кэрил Эмерсон бахтинского неологизма «разноречие». О металингвистике Бахтин задумался в 1960-е гг., однако уже в 1929 г. на материале романов Достоевского он ставит одну из ключевых нарратологических проблем: «слово героя и слово рассказа» в их соотносительности и взаимодействии. Данный аспект пока еще недостаточно детально разработан, а Металингвистика Бахтина таит в себе эвристические импульсы дальнейшего развития данного аспекта нарратологических исследований, в частности в направлении еще одного риторического понятия – *логоса* наррации.

10. Однако основной урок бахтинского наследия для современной нарратологии видится мне в том, что свою теорию романного жанра Бахтин строил как *историческую поэтику* романа (о чем, в частности, гласит подзаголовок «Форм времени и хронотопа в романе»). Наиболее актуальная перспектива нарратологической науки на сегодняшний день состоит в переходе от чисто теоретической, я бы даже сказал, схоластической нарратологии к нарратологии исторической.

Библиографические ссылки

Тюпа В.И. Бахтин и нарратология // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].

УДК 130.2Бахтин

Hirschkop Ken
University of Waterloo
(Ontario, Canada)
kenneth.hirschkop@uwaterloo.ca

MYTHMAKING: WHY BAKHTIN WENT BACK TO THE FUTURE IN THE 1930s

Abstract. Since Bakhtin's emergence on the world scene in the 1970s and 1980s, Bakhtin scholars have had to spend an inordinate amount of time exploring and then refuting the various myths that have surrounded the man and his writing. In this paper, I take the opposite tack: I want to create a little myth. My myth consists of a sober, scholarly thesis attached to a somewhat fanciful biographical hypothesis. Like many myths, it seeks to explain a real phenomenon by means of a story. The scholarly thesis is this: although we habitually describe Bakhtin's writing in the late 1930s as fairly homogeneous, devoted to historical poetics or 'a general philosophy of the novel', there is in fact a major break within it. The break is located between Bakhtin's writing on Goethe and the Bildungsroman on the one hand, and Bakhtin's writing on the chronotope and Rabelais on the other hand. The break concerns the future.

Keywords: M.M. Bakhtin, M.I. Kagan, E. Cassirer, chronotope, future.

Хиршкоп Кен
Университет Ватерлоо
(Онтарио, Канада)
kenneth.hirschkop@uwaterloo.ca

СОЗДАНИЕ МИФОВ: ПОЧЕМУ БАХТИН В 30-Х гг. ВЕРНУЛСЯ В БУДУЩЕЕ

Аннотация. С момента появления Бахтина на мировой арене в 1970-х и 1980-х гг. бахтинологам пришлось потратить чрезмерно много времени на изучение, а затем опровержение различных мифов, окружавших этого человека и его сочинения. В этой статье я придерживаюсь противоположной позиции: я хочу создать небольшой миф. Мой миф состоит из трезвого научного тезиса, связанного с несколько фантастической биографической гипотезой. Как и многие мифы, он пытается объяснить реальный феномен с помощью рассказа. Научный тезис таков: хотя мы обычно описываем сочинения Бахтина конца 1930-х гг. как достаточно однородные, посвященные исторической поэтике или «общей философии романа», на самом деле между ними есть большой разрыв. Разрыв находится между работами Бахтина о Гете и «романе воспитания», с одной стороны, и его работами о хронотопе и Рабле, с другой стороны. Разрыв касается будущего.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, М.И. Каган, Э. Кассирер, хронотоп, будущее.

I. A somewhat playful introduction

For many years, Bakhtin scholarship was occupied with debunking myths that had grown around Bakhtin (his aristocratic origins, the smoked Bildungsroman manuscript, his indifference to publication and polemics)

Replacing myths with evidence-based scholarship is important and sobering, but sobriety is often less enjoyable than intoxication.

So I am going to allow myself to construct a little myth in this talk.

II. The myth

My myth, like many myths, will use a brief story to explain a genuinely significant and interesting phenomenon. It will link a speculative biographical hypothesis to a sober and scholarly argument about the development of Bakhtin's work.

The scholarly argument concerns a major transformation in Bakhtin's writing on the novel in the 1930s, which, I claim, separates the project on the Bildungsroman, abandoned in 1937 or 1938, from the discussion of the novel in terms of the chronotope and "contemporaneity", exemplified in 'Forms of Time and of the Chronotope in the Novel' and in the lecture-turned-essay, "The Novel as a Literary Genre" (Epic and Novel).

The speculation concerns a few conversations Bakhtin had in the mid to late 1930s. I claim the conversations were the trigger for this transformation.

III. The sober, scholarly argument: some preliminaries

We are used to dividing Bakhtin's work on the novel into three streams: the writing on style embodied in "Discourse in the Novel"; the writing on narrative, embodied in the works on Goethe and on the chronotope; and the writing on Rabelais.

I am going to redraw the boundaries: I believe there is a major change in Bakhtin's writing, which takes place within the so-called laboratory text, "On the Bildungsroman".

This major transformation in Bakhtin's argument separates the discussion of Goethe and the history of the Bildungsroman from the discussion of the chronotope and later, of Rabelais.

The crux of this transformation is the introduction of 'the future' into Bakhtin's conception of history and his conception of realism

IV. Scholarly, sober argument: the Bildungsroman

"On the Bildungsroman", dated to 1937–39, consists of more than 700 pages of manuscript. In its first half, Bakhtin plays with ideas that might have organized his book on Goethe and the Bildungsroman. In fact, the material that was published as 'The Bildungsroman and its Significance in the History of Realism' in 1979 was largely drawn from the first half of the laboratory text.

In this part of the text Bakhtin traces the slow evolution of the novel, in terms of the degree to which it represents the "historical becoming" of the world.

Crudely speaking: in the earliest novels, nothing becomes; in somewhat later novels, the hero "becomes", but not the world surrounding it; and finally, in the mature Bildungsroman – represented by Goethe, Rabelais and Grimmelshausen – 'the hero becomes together with the world' [Bakhtin, 2012, c. 331].

But in the course of thinking about the Bildungsroman, Bakhtin comes up with a few other ideas. On p. 278 of the printed text, while discussing "the artistic representation of time", Bakhtin mentions "Historical inversion. The connection

with the future". A few lines later we find the first mention in this text of the "chronotope".

For a few pages after these passages Bakhtin discusses how various events – "meetings", "partings", "the road" – are imaged, concluding with a famous definition:

In all the analysed cases there is a place where spatial and temporal markers are merged in a meaningful and concrete whole. Time here thickens, it is embodied, it becomes artistically perceptible; space likewise is intensified, it is drawn into the movement of time, of plot, of history. The marks of time are laid out in space; and space is made meaningful and is measured by time. The term, which we apply to this kind of phenomenon is chronotope, which means in literal translation "timespace" (or "spacetime") [Bakhtin, 2012, c. 287–288].

Although Bakhtin will continue to ruminate on the Bildungsroman for another 40 pages, he has in fact reached a decisive turning point. He will never write the Bildungsroman book. Instead, he will use the ideas of the chronotope and 'the future' to do something very different.

V. Sober, scholarly argument: the chronotope

We know, from the editorial commentary to "On the Bildungsroman", that the second half of this laboratory text consisted of the material that was later re-fashioned into "Forms of Time and of the Chronotope in the Novel".

It represents a new approach to the problem of historical becoming in the novel. What's new?

1. Bakhtin has changed horses. The hero of the essay is Rabelais, not Goethe (who is only briefly discussed in the chronotope essay).

2. What turns the parade of historical events into "historical becoming" is its orientation to a Messianic "future".

3. The novel approaches this "historical becoming" not by the incremental perfection of its form (as in the writing on the Bildungsroman), but by drawing on the resources of ancient forms of popular-festive culture, which have always been bubbling below the surface.

4. "Realism" is still used as an evaluative standard, but realism now depends on taking the standpoint of "contemporaneity" (современность), representing the present as something orientated to the future.

It's a change for the better: as Galin Tihanov has pointed out in the 1930s, "Bakhtin had to respond to the pressure and give realism primary importance" [Tihanov, 2000, c. 22]). In the Bildungsroman materials he does so in a fairly conservative manner: the realist novel represents becoming as social development or change.

In "Forms of Time and of the Chronotope in the Novel" and in 'The Novel as a Literary Genre', realism is not, strictly speaking, a matter of description or representation, because it invokes and depends on a future that is unrepresentable in principle. Bakhtin makes this clear in the discussion of historical inversion in the chronotope essay. In cases of historical inversion, he says, "something is depicted as having already existed in the past that actually can be or must be realised only in

the future, that, in essence, has the form of a goal, an obligation rather than an actual past" [Bakhtin, 2012, c. 400–401]. What is transposed from its place in the future to a place in the past are "such categories as goal, ideal, justice, perfectedness, the harmonious coexistence of person and society" [Bakhtin, 2012, c. 400]. The future has the form of an "obligation" that transforms the shape of the present.

In addition, the new doctrine implies a different version of "becoming" in which a drastic transformation – "the possibility of a life different in principle" as Bakhtin put it in his Flaubert essay [Bakhtin 1996, c. 132] – rather than incremental change is the model.

From this point onwards, the novel is defined by this relationship with contemporaneity.

VI. The speculative biographical hypothesis

Why this change? There's an interesting series of letters from M. I. Kagan to his wife, dating from August 1937, when Kagan was in Moscow, and Bakhtin was as well, having just escaped Saransk by the skin of his teeth.

From these letters we learn that in the first two weeks of August Bakhtin spent many, many hours talking with the man who was his most important philosophical companion and the conduit through which Bakhtin absorbed the ideas of Neo-Kantianism. What did they talk about? We don't know (and we probably never will).

But we do know:

1. that in the late 1930s, maybe 1938, Bakhtin made a lengthy conspectus of two of Ernst Cassirer's works, *The Individual and the Cosmos in Renaissance Philosophy* and the second volume, devoted to myth, of the *Philosophy of Symbolic Forms*.

2. that Bakhtin asked if could borrow two volumes of Cassirer's *Philosophy of Symbolic Forms* from Matvei Kagan's library, after Kagan had died.

3. that in Bakhtin's conspectus of Cassirer's second volume of the *Philosophy*, he noticed Cassirer's claim, which echoed Hermann Cohen, that monotheism had introduced a distinctive "feeling for the future" into human consciousness, which made possible "the time of human history".

Brian Poole, one of our great myth-busters, once noted that Ernst Cassirer seems to be more influential in Bakhtin's work in the mid to late 1930s than earlier, even though conventional wisdom assumed Bakhtin had moved "beyond" Neo-Kantianism in the 1920s [Poole, 1998].

There is a prosaic explanation for this, lying in Bakhtin's archive in Saransk: Bakhtin had been reading Olga Freidenberg's, *The Poetics of Plot and Genre*, which gave folklore a distinctive role in literary history, and Freidenberg had been heavily influenced by Cassirer [Osovskii, 2002; Perlina 2002].

There is a poetic explanation: Bakhtin met several times with his long-lost friend Kagan, and their deep conversations led him to draw on Cassirer once again, to make the feeling for the future central to his conception of historical becoming, embodied in the novel.

I have no proof! But it's a half-decent myth.

References

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. 732 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2012. 800 с.
3. Каган М.И. О ходе истории / ред.-сост. В.Л. Махлин. М. : Языки славянской культуры, 2004. 703 с.
4. Осовский О.Е. М.М. Бахтин читает Ольгу Фрейдберг: о характере и смысле бахтинских маргиналий на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // Бахтин в Саранске. Вып. 1. Саранск, 2002. С. 24–35.
5. Perlina Nina. Olga Freidenberg's Works and Days. Bloomington, 2002.
6. Poole Brian. Bakhtin and Cassirer: The Philosophical Origins of Bakhtin's Carnival Messianism // South Atlantic Quarterly. 1998. № 97(3–4). P 537–578.
7. Tihanov G. The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time. Oxford, 2000.

УДК 1:81'42 Бахтин

Эмерсон Кэрил
Принстонский университет
(Принстон, США)
cemerson@princeton.edu

СТРАННАЯ МОДА НА НИСПРОВЕРЖЕНИЕ БАХТИНА (И В ЧЕМ ОШИБКА)*

Аннотация. Взрывной успех вызывает обратную реакцию и забрасывание «комьями грязи» – а они летели в Бахтина много раз и по многим разным причинам. Иногда мы не понимаем того, что пытается сделать Бахтин. Иногда нам кажется, что Бахтин преувеличивает или чересчур пафосно излагает свою позицию. Однако зачастую именно в тех идеях, которые кажутся наиболее экстремальными, кроется ключ к его миру, удивительно разумному и прагматичному. В этом докладе я рассматриваю «тактику Коровашко»: в чем, на мой взгляд, она ошибочна и почему она появилась слишком поздно (ведь Бахтина уже не остановить, слишком много серьезных, думающих людей развивают его идеи). Затем я приведу более продуктивные подходы, с помощью которых мы можем критиковать Бахтина.

Во второй части доклада упомяну только два инновационных подхода в посвященных Бахтину англоязычных исследованиях, проведенных в последние двадцать лет. Одно посвящено Бахтину и телу (Dick McCaw); другое – Бахтину и духу (Mikhail Epstein).

Ключевые слова: Михаил Бахтин, биография, этика, дух, душа, тело, теория любви, Алексей Коровашко, Нина Перлина, Дик Мак-Ко, Михаил Эпштейн.

Emerson Caryl
Princeton University
(Princeton, USA)
cemerson@princeton.edu

THE FAD FOR BRINGING BAKHTIN DOWN (AND WHERE IT GOES WRONG)

Abstract. Any boom calls forth a backlash and a trashing – and Bakhtin has been trashed often, for many reasons. In this article I consider the recent biography of Bakhtin written by Aleksei Korovashko in the history of anti-Bakhtinistics, and attempt to evaluate the

* Полностью доклад опубликован в виде статьи The Fad for Bringing Bakhtin Down (and where it goes wrong) [Emerson, 2021].

"Korovashko tactic": where, in my view, it goes wrong, and what lessons we might learn from it in light of Bakhtin's teaching (especially his theory of love). I then discuss two more productive approaches to criticizing Bakhtin: one devoted to Bakhtin and the body (Dick McCaw), the other to Bakhtin and the spirit (Mikhail Epstein).

Keywords: Mikhail Bakhtin, biography, ethics, spirit, soul, body, theory of love, Alexey Korovashko, Nina Perlina, Dick McCaw, Mikhail Epstein.

Антибахтинская полемика достигает своей новой «высоты» в первой русскоязычной биографии М.М. Бахтина, автором которой стал литературовед-постмодернист, этнолог Алексей Коровашко. Аргументацией Коровашко движет не столько желание оспорить идеи Бахтина, сколько раздражение его мировым успехом. В этом докладе я рассматриваю ошибочность суждений Коровашко, а также привожу примеры более продуктивной критики Бахтина.

Коровашко утверждает, что Бахтин в советское время был канонизирован искусственно, насильственно навязан гуманитарным наукам и поэтому его биография «не до конца укладывается в каноны классического жизнеописания. По своей структуре она больше напоминает мифологический роман об умирающем и воскресающем „божестве“ гуманитарной науки, чем строго документальный рассказ о земной судьбе реально существовавшего человека» [Коровашко, 2017, с. 6].

Насмешливый тон Коровашко – не любвеобильный смех карнавала, а смех осуждающий, преднамеренно оскорбительный. Цель Коровашко (по словам Нины Перлиной, одного из потрясенных рецензентов) была двойкой: во-первых, разрушить миф, «десакрализовав Бахтина», доказав, что в его идеях нет ничего оригинального; и во-вторых, «дискредитировать гуманитариев» в России и на Западе, которые работали над сохранением его наследия. «Коровашко, – пишет Перлина, – не верит ни единому слову, сказанному Бахтиным о себе» [Перлина, 2018, с. 113–120].

Бахтин Коровашко – самозванец, гоголевский Хлестаков. Коровашко не доверяет ни свидетельствам современников, ни воспоминаниям, ни интервью, ни издателям, ни ученикам-помощникам, поскольку все они, по его мнению, канонизируют Бахтина, преследуя собственную выгоду. Он опирается на два типа документов, которые считает «объективными», то есть ничего не выигрывающими и не теряющими в «борьбе за Бахтина». Это официальные правительственные документы царской, большевистской, а затем и сталинской эпохи, а также вторичные современные интернет-источники.

Коровашко не понял Бахтина, потому что он его не любил. Речь здесь идет не о «симпатии» или «одобрении» человека (или даже вещи), но о проникновенной внимательности к нему. Для Бахтина любовь есть форма познания. Если вы не интересуетесь Другим и не доверяете ему, вы не сумеете проникнуть в его тайну. Коровашко не хватило любящей «внезаходимости». Его взгляд максимально далек от своего предмета. Не имея ни философской подготовки, ни представления о тех спорах, на которые откликнулся Бахтин, Коровашко интерпретирует философские тексты Бахтина так, как если бы они были литературными.

Как могла бы выглядеть любящая критика Бахтина? Достойным внимания является работа английского историка театра и преподавателя актерского мастерства и сценической пластики Дика Мак-Ко, который первым рассмотрел телесность Бахтина целостно и сложно [McCaw, 2016; McCaw, 2018; McCaw, 2020]. Первое, что Мак-Ко подмечает в телесности Бахтина, это статичность. Текучесть и переход могут быть чертами «познанного говорящего целого», но у Бахтина конкретное воплощенное целое фиксируется на месте. Мак-Ко интересуется «неспособность Бахтина понять, каким образом собственное тело человека является важным генератором смысла для себя как самостоятельного движущегося действующего субъекта» [McCaw, 2018, с. 238–239]. На вопрос о том, почему так получилось, ответить легко: начнем с того, что собственное тело Бахтина было больно и обездвижено. Большую часть времени подвижными для него были только слова. Но, как отмечает Мак-Ко, когнитивная потребность Бахтина в Другом абсолютна во всех областях, как вербальных, так и телесных. Для Бахтина «человек может осознать свое тело как целое лишь благодаря вмешательству любящего другого» [McCaw, 2018, с. 244]. Мак-Ко отрицает этот тезис Бахтина. Мозг человека развился именно потому, что людям приходилось двигаться. Здоровое, подвижное тело, даже если оно находится в одиночестве, является подвижным, «запечатленным в мозгу» организмом, способным к целостности и саморефлексии. Бахтин, по мнению Мак-Ко, не желает наделять подвижное, меняющееся, но целостное тело способностью к самопознанию. Бахтин, утверждает Мак-Ко, несправедливо обделяет тело, лишая его присущих ему движений – возможно, потому что для него его лично свободное движение не было ни естественным, ни комфортным. Складывается впечатление, что для Бахтина когнитивный опыт, которым мы желаем обладать, представляет собой результат не динамического-физического, не мышечного, но визуального или акустического ввода.

Мой второй пример – статья российско-американского теоретика культуры Михаила Эпштейна «The Unasked Question: What would Bakhtin Say?» [Epstein, 2004]. Статья задается вопросом, почему гуманитарные науки так одержимы всем пост-: постмодернистским, постколониальным, посткоммунистическим, постструктуралистским, постгендерным, постчеловеческим? Такой габитус делает нас полностью зависимыми от того, что было раньше. Эпштейн убежден, что Бахтин посоветовал бы нам переключиться с пост- на прото-, двигаться от завершенности к началам, от закрытого текста к бесконечно открытому, лишённому твердой фиксации текстоиду. Но множественность у Бахтина всегда должна сочетаться со специфичностью, с конкретной реализацией имеющейся возможности. Что же означает это предписание в аспекте нормативной этики? В «Этике воображения» Эпштейн ставит под сомнение способность кантианского обобщающего императива – «*Не делай другим того, чего не желаешь себе*» (Матф. 7:12) – соответствовать бахтинской множественности [Epstein, 1999]. Этика тождества предполагает «общность между мною и другими, которую трудно обнаружить в фактическом опыте, – мы все разные», – пишет он. Вместо «золотого правила» Эпштейн

предлагает «алмазное правило», допускающее со-существование разных этик: «Делай такое добро, какое никто другой не может сделать на твоём месте. Действуй так, чтобы твои наибольшие способности отвечали на наибольшие потребности другого» [Epstein, 1999, с. 165]. Алмазное правило основано не на нормативных правилах, а на вежливости и воображении и прекрасно работает в любой системе, которая не настаивает на справедливости, обеспечиваемой властью.

В заключение отмечу, что Бахтин не придавал первостепенного значения вопросам справедливости и власти. Это одна из причин, по которым, несмотря на его громкую известность, Бахтина очень легко не учитывать. Безусловно, у Бахтина была своеобразная политика. Карнавал и полифония – это энергии, направленные против монологизации и институциональной концентрации власти. Но ни карнавальная, ни полифоническая свобода не связаны с политическими правами главным образом потому, что энергии такого типа не могут быть организованы или оформлены в виде стабильной властной иерархии. Бахтин был открыт для всех, ни к кому не испытывал вражды, но и особым поборником равноправия не был. Он отделял права человека от человеческого потенциала.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 1996–2012.
2. Брандист К. Контексты Бахтина. Необходимость интеллектуальной истории // Новое литературное обозрение. 2006. № 79. С. 56–68.
3. Григорьев Аполлон. Бахтин и Коровашко. 4 апреля 2018. URL: <http://www.proza.ru/2018/04/03/1131>.
4. Долгорукова Н. Что могли бы кочевники сказать об Овидии? Рецензия на книгу А.В. Коровашко о М.М. Бахтине // Философия. Журнал Высшей школы экономики Т. 1, № 3. С. 183–190.
5. Зенкин С. Книга как событие. Galin Tihanov. The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2019 = Book as an Event. Galin Tihanov. The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford Univ. Press, 2019 // Новое литературное обозрение. 2021. № 167. С. 89–129.
6. Комаров А. Демон русской теории: для чего сегодня нужен Михаил Бахтин. К 125-летию со дня рождения автора «Проблем поэтики Достоевского». URL: <https://gorky.media/autor/komarov/>
7. Коровашко А.В. Михаил Бахтин. М. : Молодая гвардия, 2017. 464 с.
8. Липовецкий М., Сандомирская И. Как не «завершить» Бахтина? Переписка из двух электронных углов // Новое литературное обозрение. 2006. № 79. С. 7–38.
9. Мартынов В.А. Эпистемология критики (очень полемические заметки о новой книге про Михаила Бахтина) // Вестник Омского университета. 2018. Т. 23, № 2. С. 112–126.
10. Николаев Н.И. Опороченная жизнь философа // Литературный факт. 2018. № 7. С. 385–391.
11. Осовский О.Е. Ноу-хау биографического жанра // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 62–83.
12. Перлина Н. Не могу молчать! Я обвиняю! // Русская литература. 2018. № 3. С. 113–120.

13. Рясов А. Двойной промах биографа. В защиту неподсудных: о новой критике Михаила Бахтина. 27.12.2017. URL: <http://gefter.ru.archive/23628>
14. Эмерсон К. Двадцать пять лет спустя: Гаспаров о Бахтине // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 12–47.
15. Эпштейн М., Юрьенен С. Энциклопедия юности. М. : Эксмо, 2018. 589 с.
16. Bakhtin M.M. From Notes Made in 1970–71 // M.M. Bakhtin. Speech Genres and Other Late Essays / transl. V.W. McGee ; ed. by C. Emerson, M. Holquist. Austin : Univ. of Texas Press, 1986. P. 132–158.
17. Brandist C. The Bakhtin Circle. Philosophy, Culture and Politics. L. : Pluto Press, 2002. 240 p.
18. Emerson C. Bakhtin and the actor (with constant reference to Shakespeare) // Studies in East European Thought. 2015. Vol. 67, № 3/4. 2015. P. 183–207.
19. Emerson C. In Honor of Mikhail Gasparov's Quarter-Century of Not Liking Bakhtin: Pro and Contra // Poetics. Self. Place: Essays in Honor of Anna Lisa Crone / eds.: C. O'Neil, N. Boudreau, S. Krive. Bloomington, 2007. P. 26–49.
20. Emerson C. Shklovsky's ostranenie, Bakhtin's vnenakhodimost' (How distance serves an aesthetics of arousal differently from an aesthetics based on pain) // Poetics Today. Special issue on «Estrangement Revisited» / ed. S. Boym. 2005. Vol. 26, № 4. P. 637–664.
21. Emerson C. The Fad for Bringing Bakhtin Down (and where it goes wrong) // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].
22. Epstein M. Dialogism and the Methodology of the Humanities. Mikhail Bakhtin // Epstein M. The Phoenix of Philosophy. Russian Thought of the Late Soviet Period (1953–1991). Bloomsbury Academic. 2019. P. 178–185.
23. Epstein M. Filosofiya vozmoznogo [A Philosophy of the Possible]. Sankt-Peterburg : Aleteiya Publ., 2001. 334 с.
24. Epstein M. The Ethics of Imagination // Transcultural Experiments. Russian and American Models of Creative Communication / E.E. Berry, N.M. Epstein. N.Y. : St. Martin's Press. 1999. P. 164–168.
25. Epstein M. Mikhail Bakhtin and the Future of the Humanities // M. Epstein. The Transformative Humanities : A Manifesto / transl. I. Klyukanov. N.Y. ; L. : Bloomsbury Academic, 2012. P. 57–66.
26. Epstein M. A Philosophy of the Possible. Modalities in Thought and Culture / transl. by V.W. McGee, M. Eskina. Boston ; Leiden [et al.] : Brill Academic Publishers, Rodopi (Value Inquiry Book Series 333), 2019. 365 p.
27. Epstein M. The Unasked Question: What Would Bakhtin Say? // Common Knowledge. 2004. № 10. P. 42–60.
28. M. M. Bakhtin: Conversations with V. D. Duvakin / ed. S. G. Bocharov. Moscow : Soglasie Publ., 2002. 400 p.
29. Makhlin V.L. Future-in-the-Past: Mikhail Bakhtin's Thought Between Heritage and Reception // The Palgrave Handbook of Russian Thought / eds.: M.F. Bykova, M.N. Forster, L. Steiner. L. : Palgrave-Macmillan. 2021. P. 643–657.
30. McCaw D. Bakhtin and Theatre: Dialogues with Stanislavsky, Meyerhold and Grotowski. Routledge, 2016. 264 p.
31. McCaw D. Rethinking the Actor's Body. Dialogues with Neuroscience. L., 2020. 296 p.
32. McCaw D. Toward a Philosophy of the Moving Body // Mikhail Bakhtin's Heritage in Literature, Arts, and Psychology. Art and Answerability / eds.: S.N. Gratchev, H. Mancing. Lanham : Lexington Books, 2018. P. 237–254.
33. Mikhail Bakhtin. The Duvakin Interviews, 1973 / eds. S.N. Gratchev, M. Marinova ; transl. M. Marinova. Lewisburg, PA: Bucknell UP, 2019. 340 p.
34. Perlina N. Varieties of Poetic Utterance: Quotation in "The Brothers Karamazov". Lanham, MD : Univ. Press of America, 1985. 228 p.

35. Tihanov G. The Birth and Death of Literary Theory. Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford : Stanford UP. 2019. 258 p.

БИОГРАФИЯ М.М. БАХТИНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 130.2

Воронина Наталья Ивановна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия).
kafkmg@mail.ru

ПОКЛОНЕНИЕ «ПОЖИЗНЕННОМУ ДРУГУ...»: М.В. ЮДИНА – М.М. БАХТИН

Аннотация. В данной статье автор, «заглянув» в книгу М.В. Юдиной «Вы спасетесь через музыку», и из минимума информации о Бахтине выстроил смысловые характеристики со-творчества двух мыслителей (слова и звука!) на основе литературы и музыки, передав тем самым собственное прочувствование поклонения автора книги великому Бахтину.

Ключевые слова: М.В. Юдина, М.М. Бахтин, поклонение, музыка, многоголосие, интонация, литература, со-творчество, симфония жизни.

Voronina Natalia I.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
kafkmg@mail.ru

WORSHIP OF THE "LIFELONG FRIEND...": M.V. YUDINA – M.M. BAKHTIN

Annotation. In this article, the author "looked" into the book by M.V. Yudina "You will be saved through music", and from the minimum of information about Bakhtin, built the semantic characteristics of the co-creativity of two thinkers (words and sound!) based on literature and music, thereby conveying his own feeling of worship of the author of the book to the great Bakhtin.

Keywords: M.V. Yudina, M.M. Bakhtin, worship, music, polyphony, intonation, literature, co-creation, symphony of life.

В 2005 г. в издательстве «КЛАССИКА-XXI» в цикле «Литературное наследие» вышла книга Марии Вениаминовны Юдиной (1899–1970) «Вы спасетесь через музыку». Воспоминания, письма, статьи, очерки, выступления, просто высказывания о замечательных людях: друзьях, близких и дорогих ей; композиторах, творчество которых вошло в репертуар великой пианистки; писателях и поэтах, произведения которых она не просто читала и изучала сама, но и устраивала студентам «живые встречи» с ними на лек-

циях в Институте им. Гнесиных; и, конечно, о «ее величестве музыке». В этой Симфонии жизни сотни имен и в том числе «светлый», «драгоценный», «дорогой». Михаил Михайлович Бахтин («Мих Мих», «Михал Михальч»), которого А.М. Кузнецов назвал «пожизненным другом» Юдиной [Юдина, 2005, с. 319].

Дружба «Юдина–Бахтин» и «Бахтин–Юдина» длилась с молодости и до последних дней, а диалог носил самое многогранное содержание: научный (из разных областей), сугубо философский или искусствоведческий, о литературе либо музыке или даже бытийно-обыденный, экономический, а также по вопросам истории, стилистики внутри эпох, форм, жанров и творчества великих мира сего, по словам самой Юдиной: «в этой „жизненно-вибрирующей“ всеми красками и очертаниями – сфере...» [Юдина, 2005, с. 234–235]. Следует отметить и еще один важный момент: «два мыслителя (звука и слова!) совершенно, казалось бы, разные внешне, по характеру, образу жизни, работе, творчеству и в то же время настолько близкие, что сходство между ними иногда просматривается „дословно“» [Воронина, 2006, с. 106]. А отсюда обрисовываются и истоки музыкального слышания Бахтина и, наоборот, философско-эстетического мышления Юдиной.

И, казалось бы, подробности их дружбы и со-творчества известны по публикациям переписки и воспоминаний, однако эта тема и сегодня остается неисчерпаемой.

Итак, вернемся к вышеупомянутой книге Юдиной. В ней всего одиннадцать страниц из четырехсот двенадцати, на которых упоминается имя Бахтина в связи с конкретными обстоятельствами, а сам автор лишь говорит пока только о замысле книги о нем [Юдина, 2005, с. 142]. Казалось бы, трудно представить из этой информации какую-либо картину. Но, на наш взгляд, констатация присутствия Бахтина как факт на конкретном мероприятии или посыл из письма либо упоминание его в связи с чем-либо позволяют создать интереснейший контекст взаимодействия двух выдающихся личностей и отметить важное наблюдение – это постоянное «поклонение» Бахтину.

Немногим даровано право заглядывать в бездонные глубины всеохватывающего чувства, когда ты прикасаешься к музыкальному искусству. Среди избранных, по мнению Юдиной, – Бахтин. Он не только слушал, но великолепно слышал и мог высказать в полный голос свои переживания. Музыка часто становилась для него важным пространством для размышлений, а порой и идеей начала. У людей, одаренных исключительной творческой импульсивностью, пытливостью, волевое борение означает одно из важных свойств их творчества. Пульсирующие чувства и мысль творца, страстность, эмоциональность, волевые устремления и рождают определенный стиль музыкального мышления, индивидуальный в своих проявлениях, но базирующийся на духовно-творческих основаниях времени. Известно, что все элементы языка музыки обладают не конкретным предметно-понятийным значением, а лишь потенцией обрести смыслозначимость и лечь в основу образного решения в ходе творческого процесса. Вот этим принципом смыслопо-

лагания музыкального языка совершенно уникально владел Бахтин, рассматривая, например, поэтику Ф.М. Достоевского либо какое-то музыкальное сочинение. Так, Бахтину близки характеризующие повесть «Записки из подполья» «верные и тонкие наблюдения Л. Гроссмана над музыкальной природой композиции у Достоевского» [Бахтин, 2002, с. 53]: «Достоевский с большой тонкостью переносит в план литературной композиции закон музыкального перехода из одной тональности в другую. Повесть строится на основах художественного контрапункта... Это разные голоса, поющие различно на одну тему» [Бахтин, 2002, с. 52]. А далее Бахтин заключает, что у Достоевского «появляются новые принципы художественного сочетания элементов и построения целого, появляется – говоря метафорически – романский контрапункт» [Бахтин, 2002, с. 54].

Заметим, что образ литературного многоголосия в творчестве Достоевского Бахтиным рассматривался еще в двадцатые годы (первое издание книги о поэтике Достоевского датируется 1929 г.). Тем не менее в конце двадцатого столетия (1994) И.И. Гарин констатирует, что «Достоевский – человек новой парадигмы, лишь начинающий открываться нам» [Гарин, 1994, с. 11]. Действительно, Бахтин как бы распахнул двери в науку новой смысловой характеристике, обозначившей феномен полифонии (многоголосия и контрапункта) в синтезе разных видов искусств, которая сегодня заняла прочное место.

Для уяснения «конструктивной системы» в литературе, которую Бахтин сравнивает с музыкальной теорией «переходов и противопоставлений», он заимствует из последней понятия, приемы развития, характерные для музыки, а также такие средства, как ритм, темп, лад, перенося в план литературной композиции и «закон музыкального перехода из одной тональности в другую», то есть модуляцию. Кроме того, Бахтин активно использует в своих трудах теорию интонационной природы музыки и музыкальной природы композиции, разработанные Б.В. Асафьевым [см. подробнее: Асафьев, 1971].

Естественно, что такие заимствования предполагают частые переходы на язык музыки, иногда в метафорическом смысле, сопровождающиеся слиянием с философским мышлением. В некоторых случаях музыкальный ряд применяется для более глубокого психологического понимания и раскрытия истин. Однако всегда и «многоголосие», и «лейтмотивы», и «тон», и «импровизация звуков», и «хоровая поддержка», и «пауза», и «однотонность», и «многотонность» несут смысловую нагрузку, служат средством эстетических обобщений в структуре полифонического романа.

А что же в музыке? «Иной раз Михаил Михайлович присутствовал на моих занятиях с вокалистами („класс камерного пения“), – пишет М.В. Юдина, – всех их студентов, знал и порою говорил им и мне нечто поучительное, ибо мы изучали Шуберта и Баха в то время, и чего только не было сказано о Гёте, Шиллере, братьях Шлегель, о философии той эпохи или о смыслах у Баха... Потом Михаил Михайлович прочел в Институте имени Гнесиных (где и имелись наши занятия) замечательную лекцию о балладе (как жанре вообще) и читал вслух „Эдит – лебязья шея“ (Гейне)» [Юдина,

2005, с. 141]. Камерное пение, Шуберт, Бах и Шиллер, Гёте – это ли не многоголосие само по себе в процессе обучения?! Музыка как бы раздвигает свои границы до понимания времени, места, пространства, до очертания целого: и сюжетно-прагматический ряд, и личный композиторский стиль, и тон, и форма, и мелодика, и ритм, а главное – концепция жизни и концепция творчества через музыку сливаются в единую метафизику мироустройства.

Таким образом, концепция музыкально-полифонического мышления, показанная на двух примерах, выступает «в единстве высшего порядка», а точнее философо-музыкой, предполагающей факт органического эмоционально-образного взаимодействия.

В книге Юдиной в разделе «Воспоминания» есть очерк, скорее эссе, о Болеславе Леопольдовиче Яворском (1877–1942) – теоретике музыки, композиторе, пианисте, «блистательном лекторе». Бахтин упомянут в очерке в связи с ежегодными «Вечерами Памяти» (посвященными Яворскому) в Доме-музее А.Н. Скрябина в Москве, где, по словам Юдиной, «среди редких гостей М.М. Бахтин» [Юдина, 2005, с. 131]. Более двадцати страниц воспоминаний о Яворском, о «диспропорции человека, ученого, художника исторического масштаба и его скромных обязанностей» [Юдина, 2005, с. 133]. Написано возвышенно, но философствование о конкретном человеке раскрывает ясное и четкое понимание Юдиной всей сути ораторского искусства, ее культурфилософское прочтение таких понятий, как «личность», «ученый», «лектор», «музыкант», «преподаватель». «Меня особенно поразили его синтезы, сближение музыки и изобразительных искусств. В бурности речи, в тончайшем разнообразии интонации, в самом очаровании тембра голоса, в сверкании падающих кристаллов необозримой эрудиции, подобно метеорам осеннего неба, все было неповторимо индивидуально, неотразимо очаровательно и непререкаемо поучительно. Да, и здесь тоже был некий „штрих античности“, разнообразие греческих философских школ или даже добродетельная риторика Цицерона! О, Яворский, Яворский! Вы тогда всех покорили своим интеллектуальным гением...» [Юдина, 2005, с. 132]. Читая эти строки, невольно вспоминаешь упомянутого в них Бахтина. К нему в полной мере можно отнести все сказанное о Яворском. Сохранились впечатления студентов и преподавателей, слушавших лекции Бахтина в Саранске, о «завораживающем» голосе, тембре, интонации, и, конечно, о многогранном синтезе в контексте литературы, музыки, философии, науки. Бахтин к тому же читал стихи Гете, Гейне, Данте, Шекспира на языках оригинала, он включал воображение, говоря о музыке или живописи. А из уст Юдиной прозвучало: «Однажды для расширения поэтико-познавательной стороны всех участников вообще пригласила на открытую лекцию „Баллада и ее особенности“ Михаила Михайловича Бахтина (какой это был праздник!)» [Юдина, 2005, с. 97]. В этих словах нет конкретики, и вряд ли они нуждаются в комментариях, но важно подчеркнуть, что Бахтин владел особым культурфилософским мышлением и эмоционально-интеллектуальным всепониманием, и это проявлялось в любом общении с ним, что и вызывало подобный восторг. И не слу-

чайно, и в связи с этим Юдина говорит о Бахтине как о «великом среди живых» [Юдина, 2005, с. 155].

Таким образом, взяты всего девять реплик Юдиной о Бахтине в ее монографии «Вы спасетесь через музыку», но они дают основание заключить, что если в литературном тексте Бахтин абстрагируется и делает выводы о музыкальных композициях и формах на основе теоретических познаний, то слушая музыку, он подключает внутреннюю интуицию, свой глубочайший внутренний мир. В этой множественности, многоликости и многообразности заключен феномен великого Бахтина и прочитывается поклонение автора книги «пожизненному другу».

Библиографические ссылки

1. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс : в 2 кн. Л., 1971.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений : в 7 т. Т.6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. С. 6–300.
3. Воронина Н.И. М.М. Бахтин и М.В. Юдина: истоки и горизонты дружбы // Воронина Н.И. Лики провинциальной культуры. Саранск, 2006. С. 106–117.
4. Гарин И.И. Многоликий Достоевский // Пророки и поэты. М. : ТЕРРА, 1994. Т. 4. С. 7–414.
5. Юдина М.В. «Вы спасетесь через музыку». Литературное наследие. М. : Классика-XXI, 2005. 412 с.

УДК 929

Клюева Ирина Васильевна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
klyueva_irina@mail.ru

«ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ КЕРЕНСКОГО...»: НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ПОРТРЕТУ М.К. ЮШКОВОЙ И ЕЕ СЕМЬИ

Аннотация. В статье представлено резюме доклада «„Последняя любовь Керенского...“: о ком М.М. Бахтин говорил В.Д. Дувакину?», с которым автор выступила на конференции, а также некоторые дополнения к нему: приводится информация о матери М.К. Юшковой – О.П. Юшковой (урожденной Булгаковой, в первом браке – Дебособр (де Бособр)).

Ключевые слова: М.К. Юшкова, дворянский род Юшковых, казанское дворянство, О.П. Булгакова (Дебособр, Юшкова).

Klyueva Irina V.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
klyueva_irina@mail.ru

"THE LAST LOVE OF KERENSKY...": SOME ADDITIONS TO THE PORTRAIT OF M.K. YUSHKOVA AND HER FAMILY

Annotation. The article contains a short summary of the author's conference report "„The last love of Kerensky...“: whom did M.M. Bakhtin tell V.D. Duvakin about?", as well as some additions to it: the information about of M.K. Yushkova's mother – O.P. Yushkova (born Bulgakova, in the first marriage – Debeausobre (de Beausobre)).

Keywords: M.K. Yushkova, the Yushkov noble family, Kazan nobility, O.P. Bulgakova (de Beausobre, Yushkova).

Автор данной публикации выступила на конференции с докладами «„Последняя любовь Керенского...“: о ком М.М. Бахтин говорил В.Д. Дувакину?» и «„Нам так хотелось поблагодарить его...“: М.М. Бахтин глазами саранских студентов, слушателей, коллег», которые опубликованы в журнале «Центр и периферия»*.

В первой из этих публикаций мы обращаем внимание на рассказ М.М. Бахтина (в беседе с В.Д. Дувакиным в 1973 г.) о событиях 1917 г. Ученый упоминает А.Ф. Керенского и в связи с этим говорит: «...у меня была очень близкая мне семья... муж – мой друг, и... я был в очень дружественных отношениях с женой его – это бывшая баронесса ...это была последняя любовь Керенского. Он каждый день приезжал к ней, проводил время, вечера, у нее, – последняя была любовь здесь. Потом-то, может, у него еще была любовь» [Бахтин, 2002, с. 134]. Согласно рассказу Бахтина, его друг присутствовал при визитах Керенского к «бывшей баронессе», беседовал с ним и даже предупреждал его о том, что власть в стране скоро захватят большевики: «Неужели Вы не видите – они не сегодня-завтра вас сбросят» [Бахтин, 2002, с. 134].

Имени мужа «бывшей баронессы» Бахтин не называет, однако по реплике «он жил тогда в Политехническом институте, в Лесном, в Петрограде» бахтиноведа, прежде всего Н.А. Паньков, сразу верно определили: речь идет о ближайшем друге Бахтина – Борисе Владимировиче Залесском (1887–1966). Паньков пришел к выводу, что, говоря о «последней любви Керенского», Бахтин имеет в виду первую жену Залесского – Е.А. Черкасскую. Известный бахтиновед писал, что она «принадлежала, согласно семейной легенде, к старинному княжескому роду Черкасских... Насколько эта легенда соответствует действительности, еще предстоит установить. Но для нас важно, что Бахтин называет жену своего друга «баронессой»: пусть титул перепутан, главное – он фигурирует в разговоре» [Паньков, 2010, с. 423–424]. Исследователь делает «вполне уверенное» предположение, что Бахтин рассказывает о первой семье Залесского.

Мы установили, что первая жена Залесского действительно была урожденной княжной Черкасской – представительницей старинного знатного княжеского рода. Однако, говоря о «последней любви Керенского», Бахтин имел в виду не первую, а вторую жену Залесского – пианистку Марию Кон-

* Ключева И.В. «Последняя любовь Керенского...»: о ком М.М. Бахтин говорил В.Д. Дувакину? // Центр и периферия. 2021. № 3. С. 96–109.

URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46625933_87700478.pdf;

Ключева И.В., Лисунова Л.М. «Нам так хотелось поблагодарить его...»: М.М. Бахтин глазами саранских студентов, слушателей, коллег // Центр и периферия. 2021. № 3. С. 87–95.

URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46625932_65162026.pdf

стантиновну Юшкову (1883–1953), при этом он не «перепутал» титул: она действительно некоторое время была баронессой (после революций 1917 г. – уже «бывшей»). Бахтин ошибся в другом – он неверно назвал адрес своего друга в 1917 г.: в Лесное Залесский и Юшкова переехали из центра Петрограда лишь в конце 1920 г. Бахтин не знал об этом потому, что познакомился с этой супружеской четой не до своего отъезда в Невель, как утверждает Паньков, а после своего возвращения в Петроград из Витебска, когда супруги Залесские уже жили в Лесном. Вероятно, Бахтина познакомила с ними М.В. Юдина, учившаяся в Петроградской консерватории вместе с Юшковой.

По нашему убеждению, персона Юшковой – пианистки и музыканта-педагога, которая благодаря блестящему знанию французского языка помогла Бахтину в работе над его диссертацией, заслуживает серьезного внимания. Основываясь на архивных документах и воспоминаниях современников, в докладе мы последовательно реконструируем биографию Юшковой (в первом браке (с юристом Николаем Владимировичем Залеским, 1879 – после 1917, братом Бориса Залесского) – *Залеской*, во втором (с военным инженером, одним из первых русских авиаторов бароном Андерсом (Андреем)-Арвидом Эдуардовичем Спенлером, 1879–1942) – *баронессой Спенглер*), историю ее деятельности как незаурядного музыканта.

В докладе также доказывается, что именно Юшкова стала прототипом образа пианистки Аглаи Николаевны в романе писателя К.К. Вагинова «Козлиная песнь» (1925–1929) (глава «Вечер старинной музыки»). Судя по дневнику Юшковой, в 1926–1928 гг., когда интенсивно велась работа над романом, она достаточно тесно общалась с писателем и его женой. В тексте романа есть намек на отношения Юшковой с Керенским в 1917 г., что свидетельствует о том, что эта история была известна также и Вагинову.

В докладе достаточно подробно рассказывается о семье ее отца Константина Александровича Юшкова (1831–1905) – представителя старинного знатного и богатого рода столбовых дворян (боярского рода) Юшковых, подчеркивается, что семья была известна своими культурными традициями, была связана родственными, семейно-брачными отношениями со многими выдающимися деятелями русской культуры (М.Е. Салтыковым-Щедриным, Н.П. Огаревым, Л.Н. Толстым, представителями рода Лермонтовых и т.д.), все ее представители получали прекрасное образование, изучали иностранные языки, увлекались литературой, музыкой, изобразительным искусством.

За пределами доклада осталась информация о матери Юшковой – Ольге Петровне Юшковой (урожденной Булгаковой, в первом браке – Дебособр (де Бособр); ? – 1906). Между тем она также представляет интерес для исследователей. Судя по имеющейся у нас на сегодняшний день информации, Ольга Петровна происходила из высокообразованной дворянской семьи. Ее отец – отставной поручик Петр Павлович Булгаков (ок. 1811 – после 1852 г.) известен пушкиноведам как адресат неизвестного, к настоящему времени утраченного письма А.С. Пушкина, приблизительно датированного январем-февралем 1836 г.

В начале 1899 г., когда Россия готовилась к празднованию 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, в нижегородской газете «Волгарь» появилась любопытная публикация. Корреспондент газеты сообщал, что в Казани «объявилось *собственноручное* письмо А.С. Пушкина», которое принадлежит супруге «крупного здешнего землевладельца и общественного деятеля» Ольге Петровне Юшковой. Оно досталось ей от отца, которому было адресовано. Корреспондент, видевший это письмо своими глазами, свидетельствует: «Письмо написано известным слитным почерком Пушкина, с некоторыми особенностями его правописания (например, „щастлив“ вместо „счастлив“, как и в известном по многочисленным снимкам письме к Гнедичу после перевода „Илиады“); бумага сильно пожелтела от времени, и почерк местами разбирается только с большим трудом». В письме говорится об «обширных записках П.П. Булгакова», которые были посланы Пушкину и «живо заинтересовали» поэта: «Как кажется, Пушкин высказывает предположение представить записки своему высокому цензору, Государю Николаю Павловичу». (О судьбе этих записок ничего не известно, к 1899 г. они были утеряны.) Автор завершает публикацию словами: «В виду приближающегося дня столетней годовщины Пушкина желательно было бы, чтобы владелица дорогого автографа не отказалась сделать его достоянием широкой литературы» [Казань, 26 января, 1899].

В 1932 г. судьбой письма заинтересовалась московский пушкиновед Т.Г. Цявловская. Она посетила жившую в столице Екатерину Николаевну Боратынскую, внучку известного поэта (Боратынские были родственниками первого мужа Ольги Петровны Юшковой – Владимира Владимировича Дебособра): «Пошла я, чтобы узнать, есть ли кто-нибудь на свете из семьи Ольги Петр<овны> Юшковой, кот<орую> она, по моим соображениям, должна знать. Она рассказала мне о семье Юшковой, сказала, что ее отец (Юшковой) Булгаков был интереснейший человек, высокообразованный, по отзывам отца Екат<ерины> Ник<олаевны>. Мне он нужен, потому что репортер „Волгаря“ 1899 г. сообщает, что у Ольги Петр<овны> Юшковой хранится письмо Пушкина к ее отцу, где он хвалит записки, присланные Булгаковым. Булгакову было тогда лишь 25 лет, записки он прислал, конечно, чужие – отца, деда. Екат<ерина> Ник<олаевна> дала мне адреса потомков умершей Ольги Петр<овны>» [Цявловский, 2000, с. 110].

Цявловская посетила жившего в Москве Олега Петровича Николаева – сына сестры Марии Константиновны – Ксении Константиновны Юшковой (ее уже не было в живых), который дал ей адреса двух своих теток в Ленинграде: «Я написала одной из них лично (Мар<ии> Конст<антиновны> Залеской), а к другой (Ел<ене> Влад<имировне> де Бособр) направила Колю (Н.К. Зенгер (1897–1938?), брат-близнец Т.Г. Цявловской. – *И.К.*) [Цявловский, 2000, с. 111]. 13 ноября 1932 г. Цявловская получила ответ от М.К. Юшковой-Залесской: «Письмо Пушкина ей не досталось, и она о нем никогда не слыхала» [Цявловский, 2000, с. 112].

Следует также отметить, что мать В.В. Дебособра, первого мужа О.П. Юшковой – Екатерина Александровна Дебособр (урожденная Костлив-

цева; 1810–1885) приходилась А.С. Пушкину четвероюродной сестрой. Она была дочерью казанского помещика, уездного предводителя дворянства, капитана 2-го ранга Александра Петровича Костливцева (1776–1844), внучкой вице-адмирала, командира Таганрогского порта Петра Антоновича Костливцева (1724–1786) и Прасковьи Матвеевны Муравьевой (ум. 1811) – дочери полковника, суздальского воеводы Матвея Артамоновича Муравьева (1714–?) и Прасковьи Матвеевны Шёберг – дочери капитана русской службы шведа Маттиаса Юхана Шёберга от брака с представительницей старинного остзейского рода Кристиной фон Альбедиль (? – после 1740). Сестра Прасковьи – Кристина Регина Шёберг стала женой Абрама Петровича Ганнибала и соответственно прабабкой Пушкина.

Эти любопытные сведения добавляют новые штрихи к семейному портрету Юшковых–Булгаковых–Дебособров и Марии Константиновны Юшковой как представительницы культурной элиты российского общества.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Беседы с В.Д. Дувакиным. М., 2002. 398 с.
2. Казань, 26 января // С Волги, Оки, Камы. (Собственные корреспонденты «Волгаря») // Волгарь (Нижн. Новгород), 1899, 31 янв. С. 3.
3. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М., 2010. 720 с.
4. Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 336 с.

УДК 82(091):81`42

Медведева Дарья Александровна
Институт высокомолекулярных соединений
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)
DAMedvedeva@gmail.com

СУДЬБА АВТОРА, СУДЬБА ТЕКСТОВ

Аннотация. Собрание сочинений Павла Николаевича Медведева в двух томах: «История литературы» и «Поэтика и психология творчества» под редакцией Б.Ф. Егорова вышло с драматическим опозданием: место, принадлежащее ему по праву в профессиональном пространстве, оказалось занято вымыслами. Доклад призван ответить на некоторые вопросы, все еще задаваемые в этой связи, хотя ответы при внимательном чтении могут быть найдены в двухтомнике. На возможные новые вопросы автор постарается ответить лично.

Ключевые слова: П.Н. Медведев, история литературы, постправда.

Medvedeva Daria A.
Institute of Macromolecular Compounds
Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)
DAMedvedeva@gmail.com

THE FATE OF THE AUTHER, THE FATE OF THE TEXTS

Abstract. The two-volume collection of Pavel Nikolaevich Medvedev's works, "History of Literature"/"Poetics and Psychology of Creativity", edited by Dr. B.F. Egorov, had been so irremediably long in being published that one could expect Medvedev's legacy to share his own tragic fate. Now it is available, opposing the myths and fabrications that accumulated over decades. The communication's aim is to answer some questions which are still being risen, although the two volumes contain the replies. The communication's author will be glad to respond to any further question in person.

Keywords: P.N. Medvedev, literary history, post-truth.

Собрание сочинений Павла Николаевича Медведева в двух томах: «История литературы» и «Поэтика и психология творчества», издательство «Росток»; ответственным редактором стал покойный ныне Б. Ф. Егоров [Медведев, 2018].

Издание вышло с непоправимым опозданием. Казалось, что тексты постигнет та же яркая, и/но трагическая судьба, как и их автора, – что огромный объем мистификаций не оставит им места в мире живых. Даже спустя два года после выхода книги приходится отвечать на те же вопросы, что и десятилетия назад. Я постараюсь ответить на некоторые из них, хотя при внимательном чтении ответы могут быть найдены в нашем издании.

Первый том открывается научной биографией П.Н. Медведева «У истоков социологической поэтики», значительно дополненной по сравнению с печатавшейся в ДКХ и в переводах.

В обоих томах опубликованы статьи в хронологическом диапазоне от 1911 до 1931 г. Медведев писал в анкете Зубовского института в 1924 г.: «Печататься начал непозволительно юным. Считаю это огромным злом. <...> Сотни никуда не годных статей и заметок» [РО ИРЛИ Ф. 172. Ед. хр. 550. Л. 1]. Но с каждой найденной нами статьей 10-х годов мы все более убеждались, что просто обязаны их опубликовать. Нам представлялось важным показать творческий путь ученого. Оказалось, что решение тех проблем, которые девятнадцатилетний студент-юрист ставил в кратких рецензиях и газетных заметках, спустя годы будет предлагать профессор Медведев в своих монографиях. И темы, и даже лексика предвосхищают его позднейшие работы.

Более поздние статьи, гораздо более доступные, как и другие публикации, упомянуты в библиографии.

В Приложении представлены планы курсов лекций (1919–1920 гг., Витебск) являющиеся, как и ранние статьи, пролегоменами к позднейшим монографиям.

Первая книга Медведева «Памяти Блока» была написана еще в Витебске в 1921 г., и именно ее в 1978 г. Н. Струве выбрал для републикации в ИМКА Press к юбилею Блока. Работы по творческой истории блоковских пьес положили начало научного блоковедения. Между тем издание дневников и записных книжек Блока было отнюдь не «чисто академическим» актом. Медведев спешил с подготовкой издания, понимая, что рукописи могут просто пропасть. Задача усложнялась тем, что рядом еще были люди, упоминавшие-

ся Блоком отнюдь не для публикации. Но, может быть, главное – Медведев в этом случае, как и в других, строил мост между Серебряным веком и советской действительностью. Преемственность в культуре и просвещение ему представлялись первостепенной задачей, естественным долгом интеллигента. Он открыл Народный университет в Витебске, читал лекции в аудиториях и казармах, в филармонии и клубе, в Витебске, Невеле, Ленинграде, Саранске... На упреки в недостаточной революционной активности на «культурном фронте» Медведев ответил: «...И нас упрекают в отсутствии физиономии. Она у нас есть. Это преемственность в культуре». Предписываемый новой властью шаблон народного просвещения, служивший для многих литераторов средством выживания, давал шанс также для выживания культуры. Именно труды на этом поприще имел в виду К. Чуковский, когда писал Медведеву: «Товарищу по литера– и хал–туре П.Н. Медведеву от сострадальца К. Чуковского».

В то время, когда началась уже борьба с «есенинщиной», Медведев написал «Пути и перепутья Сергея Есенина» и опубликовал их вместе с «Плачем» Николая Клюева. Разумеется, его сразу обвинили в буржуазности, в кулацких эмоциях; Безыменский писал: «Так о Есенине мог написать только Клюев! Да! Так о Клюеве мог написать только Медведев». Но это меньшее из того, что он услышит впоследствии...

Из-за конфискации медведевского архива не сохранились многочисленные письма Клюева. Публикуются только переписка с А. Белым и Б. Пастернаком и письмо В. Шишкова. Собственно, весь архив был обречен, сохранившаяся его часть чудом избежала гибели – эти обстоятельства описаны в первом томе. И мы теперь имеем возможность опубликовать воспоминания Медведева о встречах с А. Блоком, В. Брюсовым, А. Белым, Ф. Сологубом и другими.

О круге и характере общения Павла Николаевича говорят и многочисленные иллюстрации во вклейке в первом томе и на всех вакатах. Портреты, дарственные надписи на книгах, чаще развернутые, приглашающие к диалогу, документы – анкеты, протоколы допросов.

В круге Медведева были, несомненно, разные люди, но пятеро из них написали письма в НКВД в защиту арестованного коллеги. Профессора – В.А. Десницкий, О.В. Цехновицер, Н.К. Пиксанов, писатели В.Я. Шишков и М.М. Зощенко в 40-м году прекрасно понимали, чем рискуют, но не могли смолчать. Их письма опубликованы в первом томе.

Второй том начинается с издательской ошибки: статья «Феномен Круга» очень важна, но она должна была быть в приложении, а вовсе не является предисловием ко второму тому.

Конечно, во втором томе – «Формальный метод в литературоведении». Но нельзя забывать о подзаголовке: «Критическое введение в социологическую поэтику». Это была не критика формализма ради «критики», но академический спор двух методов, а Медведев был соорганизатором и руководителем группы «Социологической поэтики» в ИЛЯЗВе. И его аргументы были столь значительны, что оппонентам пришлось принять многие из них. Эта

работа была очень важна и для тартуской школы семиотики. Но после ее издания сам Медведев был обвинен в формализме и подвергнут РАППовской критике. Тогда же он был назван «ликвидатором пролетарской литературы», его голос – объявлен голосом из «вражеского окопа».

И мы печатаем работу сотрудников Пушкинского дома о том, как вынужденно «Формальный метод...» превратился во второе издание, сильно редуцированное, – «Формализм и формалисты».

Взаимоуважительные отношения с Тыняновыми и Эйхенбаумом сохранялись и после издания этих книг, проявляясь, в том числе, как в надписях на подаренных книгах, так и после гибели Медведева по отношению к его вдове и сыну. Только эмоциональный Шкловский не мог простить Медведеву, что тот указал ему на его ошибки, и заявил: «Не будет Медведеву доброй памяти». Возможно, именно долгое общение Вяч. Вс. Иванова со Шкловским побудило его поддержать версию правопреемников Бахтина. И его статья в «Трудах по знаковым системам» сыграла важную роль в обсуждении темы. Но в 2000-х Иванов признался: «Я так думал *раньше*». Сказал он это, однако, не в докладе или интервью, а в личном разговоре с главным редактором журнала «Звезда» А.Ю. Арьевым. Признание ничем ему не грозило, не поколебало бы его мировую известность, но, к сожалению, он не счел необходимым публично дезавуировать ни клевету на погибшего коллегу, ни ее разрушительные литературоведческие последствия.

Между тем правопреемники М.М. Бахтина заботились о мировой славе Бахтина, которую он заслужил несомненно; но им казалось, что имеющихся текстов недостаточно. И они решили (по всей видимости, это была идея Кожина), что надо отдать Бахтину монографии его друзей. Если написавшие письма в НКВД в защиту П.Н. Медведева хорошо знали его, то молодые литературоведы Медведева не знали и не хотели знать. Он им мешал.

Другой хронотоп. Другие люди. Время постправды.

Что человек советский, что постсоветский и даже антисоветский... Но не Зоценки, не Десницкие...

Скандал со «спорными» текстами придал ситуации дурно-авантюрное измерение. Скандал хорош для блогера – это в любом случае поднимет его рейтинг; в академической среде он отвлекает от сути дела обе стороны. В итоге подделка возымела обратный эффект, тем более когда стала известна правда. Она обернулась неуважительным отношением к самому М. М. Бахтину, новыми изданиями и в России, и за рубежом, написанными с презрением к герою. Об этом же – и доклад К. Эмерсон на нашей конференции.

Несомненно, молодые московские литературоведы помогали Бахтину, но вся «материальная», «жизненная» помощь – и московская прописка, и кремлевская больница, как теперь известно, была обеспечена той же организацией, что еще раньше сослала самого Бахтина и расстреляла Медведева. Такой сговор всегда чреват – для одних вынужденными умолчаниями, для других – утратой совести и просто здравого рассудка. Н.А. Паньков издавал «Диалог. Карнавал. Хронотоп» под постоянным давлением правопреемников, в том числе был вынужден напечатать воспоминания врача Бахтина с боль-

шими купюрами. Но, к счастью, теперь уже никто в своем уме не может сказать, как говорил Турбин, что Бахтин был вообще мало знаком с Медведевым, что Медведев был советским бюрократором, а Волошинова вообще не было – это была просто карнавальная фигура. Но, к сожалению, тем, кто говорил и писал подобное (или опирался на это в своих работах), оказывается сложно принять факты.

После ареста Медведев оказался в одной камере с поэтом Н. Заболоцким и психиатром Г. Беляевым. По их воспоминаниям, Павел Николаевич читал сокамерникам Гёте и Пушкина, говорил о литературе так, что поднимал дух отчаявшихся сокамерников. Н. Заболоцкий рассказывал жене, что Медведев мог там и частушку спеть, и сплясать. (К слову, он был очень театральный человек: сам играл, и ставил, и руководил замечательным театральным журналом.)

Представьте себе его в набитой камере, понимающего, что ничего хорошего его не ждет. Представьте этого перфекциониста, у которого было все аккуратно: от архива и книжных полок до деталей в одежде. И вот он играет эту, такую трудную, такую необходимую для окружающих роль...

Как писал его друг: «Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [Бахтин М.М., 2003, с. 6].

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. 957 с.
2. Медведев П.Н. Собрание сочинений : в 2 т. / изд. подгот. Ю.П. Медведев и Д.А. Медведева ; отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб. : Росток, 2018. Т. 1 : История литературы. 848 с.; Т. 2 : Поэтика и психология творчества. 928 с.
3. РО ИРЛИ Ф. 172. Ед. хр. 550. Л. 1.

М.М. БАХТИН В МИРОВОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 316.7Кузанский

Atsushi Tajima
Tokyo University of Foreign Studies
(Tokyo, Japan)
tajima.atsushi@tufs.ac.jp

BAKHTIN'S VIEWS ON CELEBRATING MULTIPLICITY IN THE CULTURALLY DIVERSE WORLD: NICHOLAS OF CUSA'S INSPIRATIONS FOR INTERCULTURALISM

Abstract. Russian literary researcher M.M. Bakhtin valued interactions between others who have alien perspectives in the culturally diverse world. Bakhtin's discussion of the creativity generated by this multiplicity seems to be partly grounded in the ideas of a medieval German cardinal named Nicholas of Cusa (1401–1464), although he did not name him explicitly. This study develops Bakhtin's ideas in the context of Cusa's philosophy to explore the possibility of tolerating, and even celebrating, multiplicity in the current conflict-ridden world.

Keywords: dialogue, laughter, unity of opposites, co-voicing, Nicholas of Cusa.

Ацуси Тадзима
Токийский университет международных исследований
(Токио, Япония)
tajima.atsushi@tufs.ac.jp

ВЗГЛЯДЫ БАХТИНА НА ПОДДЕРЖКУ МНОГООБРАЗИЯ В КУЛЬТУРНО РАЗНООБРАЗНОМ МИРЕ: ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК РАЗВИТИЕ ИДЕЙ НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО

Аннотация. Русский литературовед М.М. Бахтин отмечал ценность взаимодействия между людьми с несходными взглядами в культурно разнообразном мире. Рассуждения Бахтина о творческом потенциале, порождаемом этой множественностью, как представляется, частично основаны на идеях средневекового немецкого кардинала Николая Кузанского (1401–1464), хотя явно это имя им не упоминается. Это исследование рассматривает идеи Бахтина в контексте философии Николая Кузанского с целью изучения возможностей терпимости по отношению к многообразию и даже его поддержки в современном конфликтном мире.

Ключевые слова: диалог, смех, единство противоположностей, со-гласие, Николай Кузанский.

Our modern, culturally diverse society is capable of both creativity and conflict. Bakhtin's discussion of the creativity generated by this multiplicity seems to be partly grounded in the ideas of a medieval German cardinal named Nicholas of Cusa (1401–1464), although he did not name him explicitly [Poole, 2003, p. 117]. Cusa was a thinker who appreciated the value of multiplicity, and whose work

provided a basis for that of Renaissance artists and scholars such as Leonardo da Vinci. This study develops Bakhtin's ideas in the context of Cusa's philosophy to explore the possibility of tolerating, and even celebrating, multiplicity in the current conflict-ridden world.

Cusa was the son of a rich merchant and lived in the small German town of Kues. He became a cardinal serving the Pope Pius II and worked to negotiate with those who hold opposing ideas against catholic church. Then, he discussed the possibilities of communications between others who hold alien ideas. Writing during the unity crisis of Catholicism, he published several books pertaining to the possibility of connecting disparate ideas.

His basic ideas regarding multiplicity are expressed in the key concept of "learned ignorance (*Docta Ignorantia*)" [Cusa, 1981, p. 4–46; 1996, p. 510–519], which refers to the unattainability of the perfection of God or the Platonic Forms. According to this approach, no one can precisely understand God's thoughts; thus, it is important to be aware of this inevitable ignorance. Cassirer [1927, p. 9–11] suggests that Cusa's discussion might lead to the idea of people's equality of imperfection in recognizing God's wisdom.

In the context of this argument, Bakhtin may pay much attention to Cusa's discussion on hierarchy and the appreciation on the uniqueness of each individual perspective.

"If there is no longer an absolute high and low, then, all moments of being are equally near to God. Thence a new form of religiousness. Insofar as there is no absolute center, all being and each individuality obtains its center in its very self". (Bakhtin's synopsis citing from Poole [Poole, 2003, p.137])

This notion of learned ignorance allowed even "laymen (*Idiota*)" to criticize lofty ideologies, and Cusa described several interactions in which *Idiota* criticized the interpretations of pedantic philosophers [Cusa, 1996, p. 497–503]. All individuals have unique ways of describing the world; these descriptions are characterized by a surplus or deficit in meaning, according to the distance from the meaning intended by God.

Bakhtin's writings from the 1930s were deeply influenced by the discussions of Ernst Cassirer [Poole, 2003, p. 124–125, p.138], and Cusa was Bakhtin's favorite figure in Cassirer's works. In the 1920s, Bakhtin argued that each man has a unique perspective on the external world, and he referred to this inexorable diversity as an "excess (surplus) of vision" [Bakhtin, 1993, p. 22–23]. Bakhtin's views regarding "dialogue" underscore the interactions between speakers demonstrating the uniqueness of their excess vision. In this context, Bakhtin emphasizes Cusa's appreciation of the uniqueness of each individual perspective [Poole, 2003, p. 136–138].

Contextualizing Bakhtin's discussions within Cusa's framework clarifies the relationship between the multiplicity of individual subjectivity and the unity of a given social group. Cusa stresses the importance of learned ignorance, which entails continuous reflection on each speaker's unique perspective. This process leads to the creation of social groups, in which members reach intellectual agreement by negotiating among opposing views, a process Cusa terms the "unity of opposites

(*coincidentia oppositorum*)" [Flasch, 2004, p. 69]. Bakhtin's synopsis of Cusa's philosophy also celebrates the unique consciousness of each individual and seems to conceptualize dialogical social groups as "novel".

"The novel is born out of the mixture of the reciprocal illumination of languages (polyglossia) with the reciprocal illumination of ages (with bi-temporalness). • What is important is that the scale for measuring and evaluating ages gives us this very contemporaneity (as the relative center of history: paraphrase of the definition of God and the image of Nicholas of Cusa)". (Bakhtin's synopsis citing from Poole [Poole, 2003, p. 141])

Similar to Cusa's unity of opposites, Bakhtin [1990, p. 281] uses the term "co-voicing (со-гласие)" to indicate "dialogical accord" regarding each unique perspective. This represents the "novelistic resonance" with which any character, including the author, dialogically examines his/her own and others' ideas.

To appreciate the horizontal multiplicity of individual perspectives requires us to consider the practical issues that will likely arise as we strive to maintain this multiplicity without violating the heterogeneous ideas held by individuals, and without losing our own perspectives. In this regard, Poole underscores Bakhtin's notions regarding the significant role played by outsiders' "humor" or "laughter" [Poole, 2003, p. 129–136]. Bakhtin introduces the "fool" as the role model for this outsider [Bakhtin, 1984, p. 402–406]. Similar to Cusa's *Idiota*, Bakhtin's fool mocks static and uncritically accepted ideologies. However, such social critics cannot negate others' ideas, because they are aware of their own ignorance. Thus, their ambivalent comments give rise to laughter and "horizontal discursive dialogues", which leads to reflection that coordinates the ideologies advanced by disparate individuals. Bakhtin treats the comedies in which fools satirize lofty ideologies as typical novels that reflect the power of individual interpretations of the world.

"Nicholas of Cusa. The epoch had a sense of itself at the relative-absolute center of historical time. It is a matter of chivalric novels into his contemporary context (the result was the figure of Don Quixote). In the novelistic epoch of antiquity Lucian did the same thing with Homeric past". (Bakhtin's synopsis citing from Poole [Poole, 2003, p.141])

Contemporary Bakhtinian researchers are collecting data on intercultural communication, to examine the possibility of a manifold society. They highlight the significance of individuals' ideological ambivalence toward heterodox perspectives on primary cultural problems [Mahendra, 2018, p. 1351–1353; Sullivan, 2019, p. 17–21; Sullivan, Madill, Glancy, & Allen, 2015, p. 58–64]. These scholars emphasize the importance of the motivation to maintain dialogic relationships with outsiders that go beyond differences in worldviews, and highlight the pleasure obtained by engaging in dialogical "wavering" that addresses a variety of ideas about serious problems. Their research reveals the important similarities between Cusa's notion of the unity of opposites and Bakhtin's concept of co-voicing. It also underscores the need for additional theoretical investigations pertaining to tolerating and celebrating the uniqueness of individuality, to further the productive unity of our multifaceted and conflict-ridden contemporary society.

Acknowledgements

I appreciate the feedback offered by Dr. Marco Brösch (Trier University / Cusanus-Institute) and Dr. Viki Ranff (Trier University / Cusanus-Institute). This work was supported by KAKENHI Grant Number JP26780353 from The Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (MEXT) / Japan Society for the Promotion of Science (JSPS).

References

1. Bakhtin M.M. Art and Answerability. Early Philosophical Essays. Ed. Michael Holquist and Vadim Liapunov. Trans. Vadim Liapunov and Kenneth Brostrom. Austin: University of Texas Press 1990. 384 p.
2. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics / ed. and transl. C. Emerson. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1984. 335 p.
3. Bakhtin M.M. Toward a philosophy of the act / ed., transl. V. Liapunov ; transl. M. Holquist. Austin : Univ. of Texas Press, 1993. 106 p.
4. Cassirer E. Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance. Leipzig : B.G. Teubner, 1927. 458 S.
5. Cusa N. On learned ignorance (De Docta Ignorantia). Book 1 / transl. J. Hopkins. Minneapolis : A.J. Banning Press, 1981. 56 p.
6. Cusa N. The layman on wisdom (Idiota De Sapientia) / transl. J. Hopkins. Minneapolis : A.J. Banning Press, 1996. 34 p.
7. Flasch K. Nikolaus von Kues in seiner Zeit: Ein Essay. Stuttgart : Reclam Universal-Bibliothek, 2004. 117 S.
8. Mahendran K. From Polarized We. The Public Opinion on European Integration Towards Social Representations of Public Dialogue // Political Psychology. 2018. Vol. 39. P. 1339–1355.
9. Poole B. Bakhtin and Cassirer: The philosophical origins of Bakhtin's carnival Messianism // Mikhail Bakhtin / ed. M.E. Gardiner. L. : Sage Publications, 2003. P. 117–150
10. Sullivan G.B. UKIP and Brexit voters: Towards an affective practices and Bakhtinian dialogical-chronotope analysis // Paper presented at 18th biennial conference of International Society for Theoretical Psychology. 2019. P. 17–21.
11. Sullivan P., Madill A., Glancy M., Allen P. Crossing chronotopes in the organization: Adventure in experience // Journal for Critical Organization Inquiry. 2015. Vol. 13. P. 55–65.

УДК 17:125:130

Елдин Михаил Александрович
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
eldin1974@yandex.ru

Мочалов Евгений Владимирович
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
mochalov_ev@mail.ru

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
И ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА М.М. БАХТИНА**

Аннотация. В российской этической мысли традиционно преимущественное внимание уделялось практическому аспекту идеи гуманизма, путям претворения ее в жизнь. Произведения мыслителей средневековой Руси выражали призыв к активной заботе о благе другого человека (Владимир Мономах), деятельному человеколюбию, рассматривавшемуся как основа благочестия («Слово о мытарствах»). Также освещались вопросы сущности человеческой ценности (Иосиф Волоцкий), величия разума (Даниил Заточник), совершенствования духа (Нил Сорский). Диалогическая этика М.М. Бахтина, рассматривая сферу межкультурного взаимодействия, предлагает новое осмысление пространства практической реализации принципа направленности на деятельную заботу о благе человека.

Ключевые слова: диалог, традиция, карнавал, контркультура, философия, этика, российская духовность.

Eldin Mikhail A.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
eldin1974@vandex.ru

Mochalov Evgeny V.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
mochalov_ev@mail.ru

THE SPIRITUAL AND MORAL TRADITION OF RUSSIAN PHILOSOPHY AND THE DIALOGIC ETHICS OF M. M. BAKHTIN

Abstract. In Russian ethical thought, traditionally, primary attention was paid to the practical aspect of the idea of humanism, ways of implementing it. The works of thinkers of Medieval Russia expressed a call for active concern for the welfare of another person (Vladimir Monomakh), active philanthropy, which was considered as the basis of piety ("The Word about ordeals"). The issues of the essence of human value (Joseph Volotsky), the greatness of the mind (Daniel Zatochnik), the perfection of the spirit (Nil Sorsky) were also covered. Dialogic ethics of M.M. Bakhtina, considering the sphere of intercultural interaction, offers a new understanding of the space of practical implementation of the principle of focusing on active care for the well-being of a person.

Keywords: dialogue, tradition, carnival, counterculture, philosophy, ethics, Russian spirituality.

Основной формой выражения ценностных идей в этической мысли Руси и России стало представление о христианской добродетели как принципе, требующем активной заботы о благе другого человека, деятельного человеколюбия. В указанном плане каждая эпоха и каждый исторический поворот делает особо актуальным те или иные стороны (аспекты), относящиеся к духовному наследию.

Особая значимость придавалась также человеческому разуму (Даниил Заточник). Рассматривалась и проблема совершенствования человека, его ума (Владимир Мономах) и духа (Нил Сорский). Но при этом во всех этих идеях сохраняется присутствие основной духовно-нравственной традиции – ориентации на деятельную заботу о людях.

Со временем эта традиция только укрепляется. Как показывает анализ русских проповедей XVII в., любовь в них предстает не только главной доб-

родетелью христианина, но и основой других его добродетелей. В этой связи достаточно верным является определение М.М. Бахтина относительно места культурных традиций в контексте духовного развития общества: «Каждое явление культуры конкретно-систематично, то есть занимает какую-то существенную позицию по отношению к преднаходимой им действительности других культурных установок...» [Бахтин, 2003, с. 284].

В XVIII в. направленность на заботу о благе социума прослеживается в формирующихся в отечественной этической мысли под влиянием Запада светских формах идей моральности. Она выражается в придании основной значимости морали, в установлении приоритета нравственности (духовности) над разумом.

Влияние ориентации на деятельное человеколюбие прослеживается и в светских направлениях этической мысли первой половине XIX в. Опыт переживания граней чувственной природы этой ориентации представлен в эстетическом гуманизме русских романтиков Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского. Она выражается и в призывах В.Г. Белинского к практической деятельности как сущности нравственности, в его конкретном гуманизме.

В то же время, не найдя достаточных оснований для деятельного человеколюбия в светских идеях, российская общественная мысль в поисках его глубинной природы в XIX в. обращается к религиозной и метафизической тематике. При этом выделились два основных направления. Первое сосредоточилось на исследовании предельных форм выражения этого принципа. Оно было представлено этикой непротивления злу Л.Н. Толстого и этикой абсолютного добра Ф.М. Достоевского. Второе направление сконцентрировалось на выявлении особой природы взаимосвязи людей как источника и пространства реализации этого принципа. К нему относится учение о едином христианском человечестве и всеобщем нравственном законе П.Я. Чаадаева и этика соборного добра В.С. Соловьева. Это направление, ставшее особенно популярным, получило свое развитие и в первой половине XX в. (Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, С.А. Левицкий, Б.П. Вышеславцев). В этот же период формируется еще одно, третье самостоятельное направление, связанное с исследованием метафизического статуса человека как основы его подлинной морали, нацеленной на заботу о благе людей. Сюда можно отнести эсхатологическую этику творчества Н.А. Бердяева и богочеловеческую этику С.Н. Булгакова.

В советское время в официальной этике произошел отход от российской духовно-нравственной традиции. В 60-х годах вводится понятие социалистического гуманизма как воплотившейся в советском государстве промежуточной стадии между буржуазным интеллектуализмом и коммунизмом. Рассматриваясь в качестве идеологии пролетариата, он выражал высшую ценность не человека, а этого класса, поскольку именно этот класс должен был путем борьбы с эксплуататорскими классами привести общество к коммунизму. Идея гуманизма в ее традиционном российском понимании ярко проявилась в неортодоксальной этической мысли. Диалогическая этика М.М. Бахтина, рассматривая сферу межкультурного взаимодействия, предла-

гает новое осмысление пространства практической реализации принципа направленности на деятельную заботу о благе человека.

В указанном плане диалогичность морали предлагает разноплановый формат духовного взаимодействия, включая исключение из диалога контекста текстуальности. Еще выдающийся израильский мыслитель XX столетия Мартин Бубер отметил: «Разве не может общение с самим собой таинственным образом преобразиться в общение с тайной? И разве не тот единственно достоин выйти навстречу предстоящему перед ним существу, кто более не поработен привязанностью к кому бы то ни было? „Прииди, Одинокий к одинокому“ – взывает к Богу Симеон Новый Богослов...» [Бубер, 1995, с. 45].

Противоречивость моментов действительности, отражаемых новейшими исследователями в научных понятиях о традиции, была отмечена еще в исследованиях М.М. Бахтина. Он назвал подобные явления реальности полифонией, объединяющей «статические» и «динамические» черты в описываемой исследователем практике. В диалоге культур, по Бахтину, возможно дойти до предела данной культуры, то есть выйти к исходным, первоначальным, вечным вопросам и ответам. При этом: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [Бахтин, 2002, с. 457].

Идея нравственности социума была одним из основных объектов рассмотрения в этической мысли России, как и на Западе. Отличительной особенностью российской гуманистической традиции, одновременно составившей и ее важнейшее достижение, является осуществленный ею глубокий анализ путей практического воплощения идеи человека как высшей ценности в отношении человека к другим людям. Не ограничиваясь уровнем анализа индивидуального отношения человека к людям, российская этическая мысль разрабатывает проблему выражения идеи гуманизма на уровне всей системы человеческих взаимоотношений, исследуя такие связанные с ней феномены, как соборность, всеединство. Основным содержанием нравственных требований к человеку, определявшихся российской гуманистической традицией, была сама идея гуманизма, представавшая в роли принципа должного отношения к людям.

Общей чертой российских форм идей этичности социума является их направленность на взаимоотношения людей, на соборное единство как единое целое, что позволяет говорить о выраженном в них особом интернациональном типе этой идеи. Очень верно выразил трагичность столкновения идей в России XX столетия современный российский философ: «XX век внес в российский исторический процесс особенно тяжелую череду беспрецедентных переломов, взлетов и падений, отрицаний и потерь... Россия как бы

втянулась в поставленный историей грандиозный и мучительно затянувшийся эксперимент на выживание» [Маслин, 2017, с. 45].

В современную эпоху широкое распространение получила массовая потребительская («рыночная») культура, для которой характерно доминирование материальных (потребительских) ценностей и уменьшение значимости нематериальных ценностей. Снижение уровня духовности культуры отражается и на моральном сознании людей, приводя к уменьшению значимости в нем нематериальных ценностей и увеличению важности материальных.

Духовные ценности образуют основу внутреннего мира человека, являются выражением его индивидуальности. Нивелирование их значения в моральном сознании индивида ведет к опустошению его личности. Духовные ценности являются важной основой и одним из источников социальной взаимосвязи людей, их морального развития и совершенствования. Это отмечается в российской этической мысли как прошлых времен, так и текущего времени.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. С. 451–457.
2. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. 958 с.
3. Бубер М. Два образа веры / пер с нем. М. : Республика, 1995. 464с.
4. Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб. : Изд-во Русской христиан. гуманитар. академии, 2017. 526 с.

УДК 17.02

Емелькина Ирина Владимировна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
zagirina71@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ ПОСТУПКА М.М. БАХТИНА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье дается анализ работы «К философии поступка» применительно к современной социокультурной ситуации, исходя из характеристики учения и идей о поступке М.М. Бахтина как методологической основы для современного гуманитарного знания, участвующего в формировании мировоззрения современного человека и его представлений об индивидуальном поступке.

Ключевые слова: онтологичность, поступок, ответственность, событие, бытие, содержание; долженствование.

Emelkina Irina V.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
zagirina71@yandex.ru

THE PHILOSOPHY OF THE ACTION M.M. BAKHTIN AND ITS VALUE FOR MODERNITY

Abstract. The article provides an analysis of the work «to the philosophy of actions» in relation to the modern sociocultural situation, based on the characteristics of the teachings and ideas about the act M.M. Bakhtina as a methodological basis for modern humanitarian knowledge involved in the formation of a modern man's worldview.

Keywords: ontology, act, a responsibility, event, being, content, certification.

В 2021 г. – 126 лет со дня рождения великого философа, культуролога, гуманитария XX в. Михаила Михайловича Бахтина. Сегодня это один из наиболее цитируемых как в России, так и на Западе мыслителей, актуальность идей которого не ослабевает в силу того, что им осуществлялась попытка найти ответы на фундаментальнейшие вопросы, стоявшие в философии и культуре конца XIX – начала XX в.

Хотя оценка интерпретации его творчества не всегда однозначна. Отдельные авторы-бахтинисты отмечали непонятность, отсутствие цельности в восприятии его идей в силу того, что философские вопросы часто исследовались изолированно, вырывались из контекста [Орлова, 2003, с. 1].

Сегодня тема бытия в современном мире и философском знании приобретает новое прочтение, что связано с парадигмальными изменениями во всех сферах жизни и деятельности человека. Философия и культура испытывают необходимость формирования основ новой антропологии, нового мышления, что и обусловлено обращением к концепциям мыслителей, идеи которых отличаются нестандартностью. Бахтин является одним из создателей онтологизированной философии человека, философии поступка, идеи «поступающего», «причастного» бытия.

Особенно часто исследователи изучают или ссылаются на одну из его ранних работ, условно названную издателями «К философии поступка». Идеи, содержащиеся в ней, без всякого сомнения, настолько глубоки и актуальны для современности, что каждому из нас не только сейчас, но и в последующем стоит чаще обращаться к ее прочтению и интерпретации, в силу того, что каждый раз в его работах можно открыть что-то новое для себя. Как справедливо отмечает один из современных исследователей, «методологическое, эпистемологическое и мировоззренческое значение этой статьи отнюдь не исчерпано» [Матвеев, 2016, с. 71]. Он именует ее маленьким шедевром.

Ценность работы «К философии поступка» определяется тем, что Бахтин обращается к проблеме индивидуального поступка, его этической составляющей, методологии исследования, теме конкретного человека, единственного и единого. Данная работа Бахтина содержит описание действи-

тельно переживаемого мира и прежде всего его интерпретацию. Ключевым ее тезисом становится мысль о том, что жизнь человека может быть осознана как «событие», а не «бытие – данность». Поэтому можно сказать, что одной из задач Бахтина в этой работе было описание жизни человека и событийных аспектов его бытия (события бытия). Подчеркнуть специфику бытия и поступка в бытии помогли ему такие понятия, как «причастность бытию», «участное мышление», «ответственность», «событие бытия» и др. Вскрытие и описание онтологической структуры «бытия – события», по мнению Бахтина, возможно только через феноменологию мира поступка. «Бытие – событие» преподносится им как ответственный поступок. Поступок – один из основополагающих терминов Бахтина; это созданное «событие бытия» в мире.

Система Бахтина, его философия, учение о человеке предусматривают определенный контекст: связь личности с миром, интерпретация ею собственного поступка в конкретной ситуации как некоей системы беспристрастного мира культуры и неповторимой личности. Бахтин пишет: «Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально ответственный поступок, из которого складывается моя единственная жизнь, мое сплошное поступление» [Бахтин, 2003, с. 8].

Через понятие «поступок» Бахтин раскрывает нравственные смыслы. Смысловое содержание поступка-события открывается через понятие «долженствование». По мнению Бахтина, абстрактная нравственная норма признается человеком своим долгом и побуждает его к действию только при условии, что он принимает ответственность за свое бытие и «единственность». Бахтин использует понятие «единства двусторонней ответственности: и за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная)» [Бахтин, 2003, с. 8].

В социальной укорененности бытия человека Бахтин видел концептуальное ядро онтологической антропологии, понимал и трактовал такое бытие как событие. Идеи Бахтина стали во многом определяющими для общегуманитарной мысли конца XX – начала XXI в.

Уникальность каждого философа состоит в том, что каждый по-своему реализует себя: кто-то, как Иисус Христос и святые учат философии поступка через свой образ действий. Бахтин, стремясь построить «лучшую нравственную философию», излагал свои представления в работах, а жизнь его была в буквальном смысле поступком с большой буквы, если не сказать подвигом: она была тяжелой. Но он стойко удерживал себя в области «долженствования», прикладывая невероятные волевые усилия в каждый ответственный момент бытия.

В размышлениях об «обогащающем бытии-событии», Бахтиным упоминается Христос – «Величайший символ активности», который «...жив и действителен в мире событий именно как отошедший из мира, его несуществованием в мире мы живы и причастны ему, укрепляемы» [Бахтин, 2003, с. 19]. Для нас он пример ответственного «акта-поступка», в котором «максимально активно» и полностью осуществлена «единственность его ме-

ста в бытии» [Бахтин, 2003, с. 19]. И, как правильно замечает философ, «Мир, откуда ушел Христос, уже не будет тем миром, где его никогда не было, он принципиально иной» [Бахтин, 2003, с. 19].

Каждое наше действие должно предусматривать индивидуальную или персональную ответственность за совершаемое, осознание того, что мы делаем и для чего это нужно. Человек, производя поступок, обязан осознавать себя, свою уникальность, мыслить себя «здесь и сейчас» как ответственного и совершающего то или иное действие. Если любой из нас осуществляет действие таким образом, что не занимается его осознанием, не понимает его как свой личный поступок, он будет формальностью.

Анализируя взгляды Бахтина, мы приходим к выводу о том, что оценка культурного бытия личности Бахтиным адекватна представлениям о бытии человека в современной культуре. Время возникновения бахтинских идей было периодом, когда русское и западное философское сознание были пронизаны антропологической проблематикой. Так же, как и сегодня, бытие, жизненный мир человека остаются центром внимания гуманитариев.

А сама работа – «К философии поступка» – злободневна и современна: она отстаивает необходимость прояснения и обретения значимых, «ответственных» форм мышления и теоретических практик в условиях кардинальной трансформации общественного и научно-теоретического порядка, быстро меняющейся ситуации в современном мире.

Сегодня время особой ответственности, что подтверждается философскими, культурологическими теориями современных мыслителей. Философия поступка Бахтина и его идеи «поступающего», «причастного бытия» связаны с серьезным и ответственным отношением к интерпретации знания, связанного с трактовкой практического нравственного действия. Не случайно Бахтин считается основателем «гуманитарного мышления» для третьего тысячелетия. Многие его исследования рассматриваются как «новое обоснование культуры», открывающее большие возможности для преодоления кризиса через обращение к миру жизни, миру человеческого действия, события, поступка и миру суждений о них. Философия поступка Бахтина позволяет отобразить индивидуальную, социальную жизнь человека во всей ее сложности и противоречивости, как «архитектонику» человеческого бытия. Благодаря этому Бахтин как философ, ученый, человек, являющий своей жизнью пример личности, осуществившей свою единственность в бытии, не перестает вызывать искренний интерес у представителей разных направлений не только российской, но и западной общественной мысли.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т.1. М. : Русские словари, 2003. С. 7–68.
2. Матвеев П.Е. Философия поступка М.М. Бахтина (опыт этической интерпретации) // Этическая мысль. 2016. Т. 16, № 2. С. 70–83.
3. Орлова А.В. Проблема ценности и оценки в философии М.М. Бахтина. М. : МПГУ, 2003. 20 с.

Ерохина Татьяна Иосифовна
Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского
(Ярославль, Россия)
tatyaner@yandex.ru

**«ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПОСТУПКА» М. БАХТИНА:
МИФОТВОРЧЕСТВО И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ***

Аннотация. Исследования М.М. Бахтина обозначили междисциплинарный вектор феноменологии поступка в отечественной культуре. Поступок как средство мифологизации и героизации, идентификации и эстетизация бытия актуализируется в советской культуре и становится механизмом сохранения и трансляции культурной памяти. Феноменология поступка выступает в качестве методологической основы осмысления культурных кодов советской эпохи.

Ключевые слова: советская культура, феноменология поступка, мифологизация, текст личности, культурная память.

Erokhina Tatiana I.
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
(Yaroslavl, Russia)
tatyaner@yandex.ru

**M. BAKHTIN'S "PHENOMENOLOGY OF ACTION":
MYTH-MAKING AND CULTURAL MEMORY**

Abstract. M.M. Bakhtin's research has identified an interdisciplinary vector of the phenomenology of an act in Russian culture. An act as a means of mythologization and heroization, identification and aestheticization of being is actualized in Soviet culture and becomes a mechanism for preserving and broadcasting cultural memory. The phenomenology of the act acts as a methodological basis for understanding the cultural codes of the Soviet era.

Keywords: Soviet culture, phenomenology of action, mythologization, personality text, cultural memory.

Поступок в современном гуманитарном знании – особая дефиниция, смысловое наполнение которой начало формироваться в философии Античности и продолжает вызывать дискуссии в современном научном знании. Благодаря работе М.М. Бахтина «К философии поступка» можно говорить о формировании феноменологического вектора интерпретации поступка. И хотя обращение к философии поступка имеет фундированную философскую традицию, неоднократно обозначенную исследователями, концепция М.М. Бахтина не только является новаторской, но и структурирует новые векторы рассмотрения феноменологии поступка в междисциплинарной парадигме.

Так, в истории культуры философия поступка приобретает мифологический дискурс и актуализируется в аспекте культурной памяти. Особенно

* Выполнено по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

репрезентативно философия поступка представлена в советской культуре, для которой характерна героизация личности и пропаганда поступка-подвига, совершаемого культурными героями советской эпохи. При этом поступок становится критерием как индивидуального, так и коллективного героизма, рассматривается в аспекте идентификации и самоидентификации советского человека. Для советской культуры характерно также формирование культурной памяти посредством закрепления поступка как героического события, связанного с мифологизацией исторических вех и хронотопа советского государства.

Можно утверждать, что обозначенная М. Бахтиным целостность теоретической мысли, поступка и эстетического бытия, игровой характер проживания в действительности роли, осознание ответственности «играющего» за уместность игры – становятся методологической основой осмысления как текста личности, так и историко-культурного текста эпохи.

УДК 72.012:17.023.44

Кравченко Оксана Анатольевна
Университет Аль-Захра
(Тегеран, Иран)
o.kravchenko@alzahra.ac.ir

АРХИТЕКТОНИКА ВОЗВЫШЕННОГО: ОТ Б. ХРИСТИАНСЕНА К М. БАХТИНУ

Аннотация. В докладе осуществляется анализ работ Б. Христиансена и М.М. Бахтина, представляющих разработку проблемы возвышенного в структуре эстетического объекта. Отмечено, что понимание искусства как сферы ценностей особым образом структурирует систему эстетических категорий: в модусе возвышенного искусство осуществляется как проявление абсолютного в человеке. Сделан вывод о том, что возвышенное является архитектурной метакатегорией, превышающей параметры классических эстетических категорий своей ориентацией на ценность онтологического масштаба.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Б. Христиансен, архитектоника, возвышенное, эстетический объект.

Kravchenko Oksana A.
Alzahra University
(Tehran, Iran).
o.kravchenko@alzahra.ac.ir

ARCHITECTONICS OF THE SUBLIME: FROM B. CHRISTIANSEN TO M. BAKHTIN

Abstract. The report analyzes the works of B. Christiansen and M.M. Bakhtin, representing the development of the problem of sublime in the structure of aesthetic object. It is noted that the understanding of art as a sphere of values in a special way structures the system of aesthetic categories: in the mode of the sublime, art is realized as a manifestation of the absolute in a person. It is concluded that the sublime is an architectonic metacategory that exceeds the parameters of classical aesthetic categories by its orientation towards the value of an ontological scale.

Keywords: M.M. Bakhtin, B. Christiansen, architectonics, sublime, aesthetic object.

Исследование эстетической проблематики возвышенного обнаруживает заложенную в нем тенденцию к универсализации: на всех этапах своего развития возвышенное проблематизирует смыслы искусства, вбирает его фундаментальные значения в собственный категориальный состав.

Бахтинская методология анализа литературного произведения как эстетического объекта позволяет осмыслить природу возвышенного, выявив в нем особый метакатегориальный потенциал. При этом принципиальным является не догматическое усвоение бахтинской мысли, но актуализация авторитетной для нее традиции, представленной трудом датского ученого-неокантианца Б. Христиансена «Философия искусства» [1911]. Обращение к трактату, обогатившему современное литературоведение понятиями «эстетический объект», «внешнее произведение», «полифония», «доминанта» и др. проясняет многие моменты бахтинских работ. Влияние Христиансена на российское литературоведение 1910–1920 годов было осмыслено применительно к методологии изучения Достоевского [см.: Богданова, 2014], однако более специфическая сфера трактовки эстетических категорий как архитектурных форм до настоящего времени остается на периферии исследовательского внимания.

Христиансену принадлежит идея соотнесения проблематики возвышенного с феноменом эстетического объекта. Положения его книги легли в основу трактата Бахтина «К вопросам методологии эстетики словесного творчества» (1924). Критикуя методологию формальной школы, базирующуюся на принципах «материальной эстетики», Бахтин противопоставляет ей такую перспективу анализа, которая адекватна задачам поэтики как «конкретной эстетики». В качестве объекта эстетического анализа Бахтин утверждает «содержание эстетической деятельности (и созерцания), направленной на произведение» [Бахтин, 2003, с. 275]. Это содержание Бахтин называет «эстетическим объектом» в отличие от «внешнего произведения».

Новаторство Бахтина состояло не только в обосновании новой перспективы литературоведческих исследований («Поэтика, определяемая систематически, должна быть эстетикой словесного художественного творчества» [Бахтин, 2003, с. 268–269]), но также и в адаптации положений «Философии искусства» Христиансена к искусству слова. Анализ книги Христиансена позволяет выявить принципы продуктивной смысловой взаимосвязи эстетического объекта и смысловых потенциалов архитектоники возвышенного.

Ключевым в разговоре об искусстве для Христиансена является понятие ценности. Философ подразделяет, с одной стороны, жизненные ценности, центром которых является «мое я», и, с другой стороны, ценности метафизические, сверхжизненные, раскрывающие для человека сферу «абсолютного». На основе ценностных градаций Христиансен выстраивает систему модусов искусства: от низшего, на котором искусство предстает развлечением для

«вялых душ», до высшего, где искусство становится средством проявления абсолютного в человеке. Движение от низших модусов к высшим актуализирует у Христиансена аксиологический состав эстетических категорий, и на вершине ценностной пирамиды оказывается возвышенное. В модусе возвышенного и происходит раскрытие того Я, которое скрыто за эмпирическим существованием. Возвышенное в искусстве задает особый бытийный уровень человеческого существования: его онтологическое возвышение.

Утверждение внежизненной ценности осуществляется, как указывает Христиансен, «дисгармонически»: «субъект гибнет... .. победа достигается через самоотрицание» [Христиансен, 1911, с. 145]. Однако гибель следует воспринимать не как однозначность физической смерти, а скорее как процесс утверждения субъекта вне измерений жизни и смерти, т.е. в иной онтологии, соотносимой с онтологией автора-творца или с перспективой «последнего целого», намеченного в исследованиях Бахтина.

Таким образом, архитектоника возвышенного получает в работах Христиансена и Бахтина ценностно-онтологическое обоснование. Такое понимание ставит перед литературоведением задачу сопряжения эстетики возвышенного с исследованиями закономерностей собственно поэтического бытия. В этом случае предложенная Бахтиным в трактате 1924 года методология эстетики словесного творчества должна быть усложнена приданием архитектурным формам телеологической направленности высшего порядка. То есть эстетические закономерности, осуществляемые архитектурными формами, должны быть поняты как служебные по отношению к онтологии «последнего целого».

Развивая тезис о метакатегоральном потенциале архитектурной возвышенности, мы приходим к выводу о том, что формой существования возвышенного является не какой-либо жанр или система тропов, а собственно художественное произведение. Не возвышенное осуществляется посредством художественного произведения, а само произведение является реализацией возвышенного. Этот тезис предполагает то особое понимание художественного произведения как эстетического объекта, которое было высказано Христиансеном и развито Бахтиным.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари : Языки славянских культур, 2003. 957 с.
2. Богданова О.А. Эстетические идеи Б. Христиансена и российская наука о Достоевском в 1910–1920-е гг. (М.М. Бахтин, Б.М. Энгельгардт, В.Л. Комарович, Ю. А. Никольский) // Новый филологический вестник. 2014. № 4(31). С. 21–33.
3. Христиансен Б. Философия искусства / пер. с нем. Г. П. Федотова. СПб. : Шиповник, 1911. 291 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ М.М. БАХТИНА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСКУССТВА

Аннотация. Определяется эвристичность методологии М.М. Бахтина в контексте изучения современной философии искусства, концептуализация которой происходит посредством обращения к ряду бахтинских новаций. Для философии искусства продуктивна бахтинская трактовка «онтологии субъекта», отношение к «со-бытию» как диалектике ставшего и становящегося. Обращение к понятиям «Другой», «граница», «молчание», «наличие», «отсутствие» расширяет онтологическое пространство философии искусства как становящейся науки.

Ключевые слова: бытие, онтология искусства, со-бытие, становление, философия искусства.

Loginova Marina V.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
marina919@mail.ru

METHODOLOGICAL VALUE OF M.M. BAKHTIN'S IDEAS FOR MODERN PHILOSOPHY OF ART

Abstract: It determines the heuristicness of methodology of M.M. Bakhtin in the context of the studies in contemporary philosophy of art, conceptualization of which occurs through an appeal to a number of Bakhtin's innovations. Bakhtin's interpretation of the "ontology of subject", the attitude to "co-existence" as the dialectic of "the become" and "the becoming" is productive for the philosophy of art. The appeal to the concepts "the Other", "border", "silence", "presence", "absence" expands the ontological space of the philosophy of art as emerging science.

Keywords: being, ontology of art, co-existence, becoming, philosophy of art.

Современная философия искусства характеризуется процессом становления, касающегося как категориального аппарата, так и методологии. Концептуальное оформление и утверждение философии искусства в качестве самостоятельной науки происходит, по известной характеристике Ю. Хабермаса, в эпоху «незавершенного проекта» модерна, провозглашающего онтологическую неповторимость и являющегося универсальным способом мирозидения.

Отметим, что взаимосвязь модерна и философии искусства не ограничивается хронологическими рамками. «Эмиграция» творцов модерна из академической философии в пространство художественного творчества открывала новые способы понимания и объяснения мира, превращая философию искусства из формы репрезентации в саму жизнь (искусство как праобраз философских построений). Акцент на проблемах многомерности модерна, сделанный еще Ш. Бодлером и Г. Гегелем, способствовал актуализации специфической черты современной философии искусства – кризиса репрезента-

ции в искусстве как нарушения взаимосвязи в системе «искусство – субъект – действительность». Значение современной философии искусства тем самым обусловлено взаимосвязью художественных смыслов с дискурсивно-логическими и вербальными системами интерпретации, «оправданием» иррационалистического стиля мышления современных исследователей в сфере гуманитаристики.

Эвристичность методологии М.М. Бахтина в контексте изучения современной философии искусства может быть определена следующим образом:

1. Онтологизация и эстетизация философской проблематики, раскрывающая изменения в самосознании субъекта, т.к. «онтология субъекта» позволяет расширить взаимодействие между философией и искусством. Современная философия искусства ставит и решает вопрос о соотношении текста жизни и жизни текста не только как метафизических конструкций, но форм выражения индивидуального бытия.

2. Диалектика ставшего и становящегося как «со-бытия» соотносит современную философию искусства с «большим» контекстом базовых культурных парадигм и выделяет специфические формы рефлексии бытия искусства («монорефлексия» направлена на тождество субъекта и объекта творчества в едином дискурсе, «диалогическая рефлексия» утверждает их принципиальное отличие, постоянно «вопрошает» о творчестве, «разрывает» единый дискурс).

3. Со-бытийность философии искусства рассматривается как «встреча» бытия и иного/инобытия (т.е. превращенных форм бытия), как устойчивая повторяемость неповторимого. Один из основных вопросов философии Бахтина – это событие бытия, т.к. способ подлинно человеческого бытия возможен через бытие с Другим. «Многоголосие творчества» в контексте философии искусства занимается проработкой основ и пределов человеческого существования, дальнейшим изучением проблемы Другого как со-бытия. Активное использование понятий («граница», «Другой», «молчание», «дополнение», «наличие», «отсутствие» и др.) расширяет онтологическое пространство философии искусства как становящейся науки.

В современной философии искусства происходит обращение к категориям, организующим вокруг себя новые смысловые поля теоретического дискурса. Значение и актуальность осмысления невыразимого, невербализуемого в творческом и жизненном опыте деятелей искусства XX в. подсказано как пиковыми трансформациями культуры эпохи, так и самой незавершенностью процесса формирования методологических оснований философии искусства [Логинова, 2006, с. 28–34].

Бахтинское философствование диалогично по существу, поэтому органично подразумевает необходимость принимать во внимание молчание, которое возможно распознавать, во-первых, как недосказанность, даже намеренную неполноту высказывания в бахтинских текстах, и, во-вторых, как категорию, относящуюся к сложно интерпретируемым и трудноуловимым классической дискурсивной оптикой. Находясь на мерцающей смысловой границе, ускользая от прямого взгляда, молчание является необходимым пространством для бытийствования в диалоге с Другим и воздухом для сво-

бодного, не догматического философствования. Как пишет И.Г. Исупов, «для русской авторской традиции характерно стремление поставить миры молчания и приоритетной вербальности в отношении истинностной эквивалентности. Тогда внутри жизни философа не только слово будет поступком, но и „минус-высказывание“ станет актом поступающего сознания не меньшей степени духовного напряжения и необратимой ответственности, чем все заявления в голосе и письме, вместе взятые» [Исупов, 2016, с. 62].

Знаковым обстоятельством включения бахтинского наследия в современный теоретический дискурс является появление темы молчания в контексте темы канонизации всего, что связано с Бахтиным. Опасность канонизации наследия мыслителя в том, что диалогичность бахтинских текстов в этом случае сводится к специфической поэтике катехизиса как совокупности однозначных и категоричных ответов на даже самые затруднительные вопросы [Вожный, 2020, с. 243]. Опасность для творческого освоения бахтинского наследия кроется в догматизации, что может выражаться как в его сведении к корпусу наиболее афористичных цитат, так и в символизации обстоятельств биографии и быта ученого. В обманчивой простоте фактичности ответы кажутся данностью, уже не требующей предварительного вопрошания и необходимой перед ним *паузы-для-молчания*, что разрушает сам смысл философского диалога. Именно поэтому так важно внимательное отношение к самим контекстам бахтинских категорий, выражающееся в *участном* вслушивании в тексты Бахтина, что не только обогащает и дополняет концептуальный аппарат становящейся философии искусства, но и способно возвращать изначальный импульс свободной бахтинской мысли в сфере актуальной проблематики теоретических поисков XXI в.

Таким образом, концептуализация современной философии искусства происходит при активном использовании методологии Бахтина, ставшей отчасти классической в объяснении гуманитарной проблематики в целом. Однако именно здесь может возникнуть некоторая сложность, заключающаяся в том, что методология русского философа не должна пониматься и интерпретироваться как набор сформулированных проблем с уже проделанной подготовительной работой. Исходя из специфического стиля философствования Бахтина, методологическое значение его идей заключается в поиске современным исследователем первоначального вопроса бытия и в помещении себя в широкий экзистенциальный контекст.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т.1. М. : Русские словари, 2003. 958 с.
2. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. С. 371–439.
3. Вожный А. Проводники, мистификаторы и еретики. Антропология медиакоммуникаций. Харьков : Гуманитарный Центр, 2020. 268 с.
4. Исупов К.Г. Метафизика Достоевского. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 199 с.
5. Логинова М.В. Выразительность молчания в культуре XX века // Обсерватория культуры. 2006. № 5. С. 28–34.

**ON THE ROLE OF LOVE IN BAKHTIN'S THINKING.
SOME REMARKS
TO SHOW THE ACTUALITY AND FUTURE OF BAKHTIN'S THOUGHT**

Abstract. The exteriority and surplus specific to the relationship between two persons, between author and character or between the reader and the text can be explained in terms of love as the utmost form of dialogical relationship. Bakhtin's dialogism is based on love understood following M. Scheler as a threefold form of relationship that involves epistemological and aesthetical as well as ethical values. Love goes beyond justice and reciprocity in dialogical personalism, an idea shared with F. Rosenzweig and P. Ricoeur

Keywords: love, personalism, surplus, F. Rosenzweig, P. Ricoeur.

Мас Диас Серхио
Барселонский университет
(Барселона, Испания)
sergiomasdiaz@gmail.com

**О РОЛИ ЛЮБВИ В МЫШЛЕНИИ М.М. БАХТИНА.
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ,
ПОКАЗЫВАЮЩИХ НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ БАХТИНСКОЙ МЫСЛИ**

Аннотация. Внеаходимость и избыток, характерные для отношений между двумя людьми, между автором и персонажем или между читателем и текстом, могут быть объяснены в терминах любви как высшей формы диалогических отношений. Диалогизм М.М. Бахтина основан на любви, понимаемой им (вслед за М. Шелером) как тройственная форма отношений, включающая эпистемологические, эстетические и этические ценности. Любовь выходит за рамки справедливости и взаимности в диалогическом персонализме – идея, которую разделяли Ф. Розенцвейг и П. Рикёр.

Ключевые слова: избыток, любовь, персонализм, Ф. Розенцвейг, П. Рикёр.

In our paper we would like to suggest a way to re-read Bakhtin's work underlining what it appears to us as the main link between his philosophy and his theory of literature: the dialogical relation, which Bakhtin understand in three levels (between living persons, between author and hero and between reader and the text) as three modalities of love. Love is understood as an act embracing epistemological, ethical and aesthetical moments. This dialogical loving relation between the author and the hero is compared by Bakhtin to the relation between to living persons: "Но полное овеществление невозможно, поскольку в авторском избытке есть любовь, сочувствие, сострадание и др. чисто человеческие реакции на другого человека, невозможные в отношении чистой вещи".

This is in our approach the key to understand the role of exteriority (vnenakhodimost) both in the first papers (*Toward a Philosophy of the Act, etc.*) and in the later works, it is in the notes of 1961 when Bakhtin insist on this issue, recovering the key to his own works of the twenties: "как Достоевский использу-

ет этот избыток. Не для овеществления и завершения. Важнейший момент этого избытка – любовь (себя самого любить нельзя, это – координатное отношение), затем признание, прощение (беседа Ставрогина с Тихоном), наконец, просто активное (не дублирующее) понимание, услышанность" [Бахтин, 1996–2012, т. 5, с. 358].

Another key concept in our approach is the notion of surplus, excess (*izbytok*) which appears in two senses in Bakhtin's works: in a spiritual sense, applied to implications of the position of exteriority as the one we have seen in the quote from 1961 and in an embodied sense, linked to a theory of life as exuberance, infinite creation and fertility (производительной силы, материально-телесного избытка, обновления и возрождения; [Бахтин, 1996–2012, т. 5, с. 21]). The link between both senses of *izbitok* is not only analogical but also implies a view of being as an open process, this infinite process is open to the new, the unexpected, and this unpredictable can be understood as a gift, a "miracle" (both Rosenzweig and Bakhtin employ the world in this sense to underline that which cannot be predicted, that which is the result of a free creation, beyond any rule, or law). Talking about the agreement, (*so-glasiie*), between two voices, he speaks of this "miracle": "В согласии всегда есть элемент неожиданного, дара, чуда, ибо диалогическое согласие по природе своей свободно, т. е. Не предопределено, не неизбежно" [Бахтин, 1996–2012, т. 5, с. 364].

If our hypothesis is right, it would explain the parallelism between the study of the ethics of deed and the role of the author, and the reasons why his personalistic dialogism can be compared to that of other religious thinkers like F. Rosenzweig or P. Ricoeur. We believe that comparison highlights aspects of Bakhtin works that otherwise remain in the shadows.

Bakhtin, Rosenzweig and Ricoeur emphasize the difference between the individual and the person and the role of love as the only logic corresponding to the personal principle: while abstract reason and universal laws apply to that elements which can follow a rule, the uniqueness of the personal requires another logic based not on reciprocity or abstraction but on the every time different moment of love. To distinguish, as other personalists do too, between the logic of law and this other one based on love, Ricoeur speaks of the logic of "surplus" ("*surabondance*"; Ricoeur, 2008), the possibility to forgive, the logic of the gift which goes beyond the reciprocity, essential to justice. Rosenzweig and Bakhtin share a critique of theoretism and offer a new thinking based on the uniqueness of each person and each act, each moment in history, the event, and the responsibility linked to this unique place and moment which are mine, in opposition to an abstract kind of thought that moves beyond mere potentialities.

Love as a ground for hope and patience may help us understand the implicit theory of time in B which is also close to that of Rosenzweig, who develops a new way of thinking based on its linguistic and temporal character. The difference between universal laws and situational ethics a third element in common with Rosenzweig who distinguished the universality of law (*Gesetz*) and the addressivity of commandment (*Gebot*).

While the role of love in interpretation in Bakhtin's hermeneutics has been explored by Jacobs and Bosnak, another aspect of attentive love, the possibility to give an answer to an utterance from a past time that is still waiting to be answered, is a kind of recovery through the big time that develops the potential of a word that is not lost or forgotten, this idea may be explored in connection with the role of memory in Bakhtin's notion of big time. Along with memory in Rosenzweig, the ideas of Mandelstam about the messages of the past as a message in the bottle are also relevant to their views of culture, the excellent work of the German slavist Renate Lachman is an essential contribution to explore these parallels between Bakhtin and Mandelstam and their views of cultural memory and its role in history. Memory and hope are the two aspects of the openness toward the future of any deed and utterance both in Bakhtin's and Ricoeur's views: "There always remains an unrealized surplus of humanness; there always remains a need for the future, and a place for this future must be found" [Бахтин, 1996–2012, т. 3, с. 640].

Bakhtin's hermeneutics is also close to Benjamins "rescuing critique" (*rettende Kritik*) in their common trust in the ability of the creative answer to rescue the ancient text from oblivion and injustice.

The ultimate aim of the deed of love is the "growth" of the other. The idea seems to build on the Augustinian claim that an intellectual act is primarily an act of taking an interest in the object. The philosopher's idea that the author aesthetically "redeems" the hero is related to the Augustinian statement that objects, for instance plants, arrive at their full value and existence only through the loving human regard that "redeems" them from their "particular, closed-off existence". The "redemption" of the hero in Bakhtin's aesthetics thus presents the "movement of love" a concept close to Scheler that was as well as Augustin also familiar to Bakhtin (Scheler's influence on Bakhtin has been studied by Poole and Wyman).

Rosenzweig critique of insanity as closedness, as isolation, as non participation in life, living in a world of possibilities as well as Bakhtin comparing the *samozvanstvo* as a life of empty potential (*Author and Hero in Aesthetic Activity*) is another parallel worth exploring. The works of Makhlin, Bonetskaya and Gardner are the few that explore the parallels between Bakhtin and western dialogical personalism of Rosenzweig and Rosenstock, both authors more complex than his friend Buber these is why the first two explored several issues that are not developed in Buber's dialogical thinking (the link with Buber's ideas has been more often explored by Todorov, Perlina and others while the significant echos of Bakhtin's ideas on responsibility in Levinas works have been mainly studied by the italians A. Ponzio and S. Petrilli)

This reading of Bakhtin from the viewpoint of a vision of love as a process that sustains the three kinds of dialogical relationships can be better explored through the comparison with other dialogical personalists, from Rosenzweig to Levinas and Ricoeur. We believe this comparison may help to show the relevance of Bakhtin's ideas today.

References

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М. : Русские словари : Языки славянских культур, 1996–2012.
2. М. М. Бахтин как философ / С.С. Аверинцев, Ю.Н. Давыдов, В.Н. Турбин [и др.] М. : Наука, 1992. 256 с.
3. Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 551 с.
4. Махлин В.Л. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии М. : Знак, 2009. 626 с.
5. Махлин В.Л. Участное мышление. Философский проект М.М. Бахтина в контексте онтологического поворота XX в. // Историко-философский ежегодник. 2018. Т. 33. С. 267–292.
6. Махлин В.Л. Бахтин и западный диалогизм // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 68–76.
7. Bosnak D. Love, Will and Becoming in V. Ivanov and M. Bakhtin // Slavonica. 2016. Vol. 21, № 1–2. P. 63–78.
8. Emerson C. The first hundred years of Mikhail Bakhtin. 3 print. Princeton, N.J. : Princeton Univ. Press, 2000. XVI, 293 p.
9. Emerson C., Morson G.S. Mikhail Bakhtin: Creation of a prosaics. Stanford, Calif. : Stanford univ. press, 1990. XX, 530 p.
10. Bakhtin and Religion: A Feeling for Faith / eds.: S.M. Felch and P. J. Contino. Evanston : Northwestern Univ. Press, 2001. XIII, 252 p.
11. Holquist M. Dialogism: Bakhtin and his World. L. ; N.Y., 1990. 238 p.
12. Lachman R. Gedachtnis und Kultur. Frankfurt : Suhrkamp, 1990. 555 p.
13. Rethinking Bakhtin: Extensions and Challenges / eds.: G.P. Morson, C. Emerson. Northwestern Univ. Press, 1989. 330 p.
14. Ponzio A. Tra semiotica e letteratura. Introduzione a Michail Bachtin. Milan : Bompiani, 1992. 227 p.
15. Poole B. Scheler and Bakhtin // Bakhtin and cultural theory / ed. K. Hirschkop. 2nd rev. ed. Machester : Manchester Univ. Press, 1989, 2001. 276 p.
16. Wyman A. Bakhtin and Scheler: Toward a Theory of Active Understandin // The Slavonic and East European Review. 2008. Vol. 86, № 1. P. 58–89.
17. Benjamin, W. Uber den Begriff der Geschichte (p. 691–707) // Ges. Schr. Vol.1,1. Frankfurt : Suhrkamp, 1974, 1991, 1275 p.
18. Levinas E. Totalité et infinite. Martinus Nijhoff, 1971. 343 p.
19. Ricoeur P. Amour et justice. Paris : Seuil, 2008. 111 p.
20. Rosenzweig F. Der Stern der Erlösung. 1993. Frankfurt : Suhrkamp. 549 p.
21. Scheler M. Wesen der sympathie // Ges Werke, Vol. 7. Bonn : Bouvier, 1987. 372 p.
22. Scheler M. Liebe und erkenntnis // Ges Werke, Vol. 6. Bonn : Bouvier, 1987. 372 p.

After finishing our article we had the opportunity to read a book that in a way seems to suggest that our approach is compatible with that of one of the best Russian scholars:

После написания статьи у нас была возможность прочитать книгу, которая в некотором роде позволяют думать, что наш подход совместим с подходом одного из лучших российских ученых: Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб. : Алетейя, 2020. 826 с.

Песоцкая Елена Николаевна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
cerera-office@mail.ru

Инчина Вера Ивановна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
v.inchina@ya.ru

**ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА СУБЪЕКТИВНОСТИ
В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ М.М. БАХТИНА
(АСПЕКТЫ ТЕХНОКУЛЬТУРНОЙ СИНГУЛЯРНОСТИ)**

Аннотация. Метапроект человека в своей сущности демонстрирует грани человеческого бытия, интерес к исследованию которых возрастает в современной технокультуре. В этой динамике показано место антропологической тематики, которая для М.М. Бахтина представляла собой самоценность, а проект человеком самого себя становился главным основанием для понимания инерции коммуникации. В связи с этим авторами рассматривается радикально меняющийся вместе с изменением медиареальности Новейшего времени метафизический мир человека. Через событийность как экзистенциальность происходит движение познания в направлении анализа состояний личности. В качестве методологии исследования последней применяется принцип взаимодополнительности знания – феноменологического и герменевтического. Анализ событийности в этом поле имплицитно включает в себя определенный порядок и последовательность, чередование ритмики приобщения личности к предыстории социального порядка. Гуманитарный подход к проектированию бытия миров формирует образ человека, понимающего реальность через текстуальность повседневной деятельности. Онтопроектирование в гуманитарной парадигме технологически происходит из постулата о понимающем человеке как субъекте проектирования и одновременно соавторе текста проекта. Оно инструментально связывается с глубинным прочтением человека в технокультурной сингулярности как моментом ускоряющегося технологического развития и усложнения техносферы.

Ключевые слова: личность, субъективность, проект человека, персональное онтопроектирование, сингулярность.

**THE HERMENEUTICAL ANALYSE OF PHENOMENON OF SUBJECTIVNESS
IN M.M. BAKHTIN'S CULTURAL HERITAGE
(ASPECTS OF TECHNOCULTURAL SUNAGULARITY)**

Pesotskaya Elena N.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
cerera-office@mail.ru

Inchina Vera I.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
v.inchina@ya.ru

Abstract. The human meta-project in its essence demonstrates the gides of human existence, the interest in the investigation of which is increasing in modern techno-culture. This dy-

dynamic shows the place of anthropological theme, which for M.M. Bakhtin was self-worth, and the project by a person of himself became the main basis for understanding the inertia of communication. In this regard, the authors consider the metaphysical world of a man that is radically changing along with the change in the mediareality of modern times. Through eventuality as existential there is a movement of cognition in the direction of analysis of personality states. As a methodology for studying the latter, the principle of complementarity of knowledge is applied - phenomenological and hermeneutic. The analysis of eventuality in this field implicitly includes a certain order and sequence, alternating the rhythm of personal inclusion in the history of social order. The humanitarian approach to designing the existence of worlds forms the image of a person who understands reality through the textuality of everyday activity. Onto-design in the humanitarian paradigm technologically comes from the postulate about the understanding person as a subject of design, and at the same time a co-author of the text of the project. It instrumentally connects with the deep reading of a person in a technocultural singularity as a moment of accelerating technological development and complication of the technosphere.

Keywords: personality, subjectivity, human project, personal onto-design, singularity.

Недостаточность иного прочтения существующих представлений о человеке и его бытии в настоящем постоянно восполняется обращением к творчеству философов, чей вклад можно назвать антропологическим по своей сути. Наследие М.М. Бахтина является самоценным в метапроектировании человека, посредством которого раскрываются и исследуются возможности человеческого бытия в современной технокультуре. Здесь сфера человеческой субъективности определяется как поле одновременного проявления смыслов, ценностей и артикуляции объективного в процессе их изменчивости.

Развитие современной проектной философии отдельными авторами, исследующими онтологические основания человеческой целостности [Песоцкая, 2020], и отпечаток технокультурного влияния на ее особенности способствует выделению в проекте человека ценностно-смысловых образований и спектра возможностей его самоизменения через коммуникацию. Сформированный Бахтиным антропологический взгляд на проблему культурного бытия личности носит инструментальное значение для онтопроектирования вообще – по причине развития мысли о социальной укорененности субъективности. Это делает концепцию Бахтина оригинальной, отличая ее от западных антропологических исследований. Методологический инструментарий философа актуален до настоящего времени, поскольку содержит универсальные характеристики для анализа философских систем человека в условиях современного межкультурного диалога.

В Новейшем времени метафизический мир человека радикально меняется вместе с изменением медиареальности Новейшего времени. Герменевтика постоянно вплетается в живую ткань социальной жизни как связующее звено, существующее между субъектом и историей. В литературоведении значение герменевтики огромно, в первую очередь, в связи с «метатолкованием» литературных памятников. Герменевтическое понятие текста суть не только рукописи, но и собственно событийность, те объекты, которые поддаются пониманию относительно эпохи и жанра, движения познания в направлении анализа состояний личности. Основанием синтеза герменевтики

и феноменологии у Бахтина служит традиционная формула – «понимание есть постижение смысла», где смыслом является нечто внешнее. Это и есть то идеальное бытие, на которое направлен герменевтический интерес. В феноменологии картина складывается относительно понятия «понимание», что в конечном счете предопределяет методологическое единение феноменологии с герменевтикой по принципу взаимодополнительности знания.

Так, структура понимающего познавательного акта предполагает познающий разум субъекта и объект понимающей деятельности, обозначаемый как текст в широком смысле. Текст, как знаково-символическая информационная система и конструкция языкового генеза, в «первой философии» Бахтина в равной степени принадлежит как личности, так и культуре в целом. Центральным моментом здесь становятся ценностная значимость мысли-суждения и оценка значимости суждения как неотъемлемого звена в составе поступка. Последующее превращение суждения в ответственный поступок становится совершенной теорией, в которой присутствуют феноменологическая и герменевтическая грани.

Терминологию и типологизацию героев произведений, жанр «феноменологического описания» со-бытия в работах мыслителя можно назвать личным языком, противостоящим семиотике как единой и единственной методологии, стремящейся объять все гуманитарные сферы через понятие «знаковых систем». Онтологизация языковых проблем в герменевтике происходит через феномен субъективности, а именно через понимание как форму жизни субъекта.

Исследование феномена субъективности в наследии Бахтина [Песоцкая, 2016] через герменевтические основания жизнедеятельности этого субъекта имеет непосредственное отношение к представлению о событийном плане человеческого бытия, но сквозь со-бытие в аспекте его воплощения. Этические проработки онтологии (этика ответственности, поступка) [Бахтин, 2003, с. 7–68] для анализа такой событийности взаимосвязаны с некой последовательностью воплощений, которая имплицитно включает в себя определенный порядок и последовательность, чередование ритмики приобщения личности к предыстории порядка социального.

Понятие ритма в работах Бахтина придает внутренний смысл приобщению и переживанию личности и определяется как «ценностное упорядочение внутренней данности, наличности» [Данилевский, 1995, с. 552].

Ритм суть способ взаимоотношений и взаимодействия. Своим расположением, ритмичностью, последовательностью, о которых пишет Бахтин, бытие располагает личность к мысли и делает ее возможной. Сама возможность бытия субъекта проявляется через модальности социального времени и социального пространства [Бахтин, 2003, с. 69]. Исследования возможности бытия с позиции феноменологии обращены к основаниям бытийного устройства человеческой сущности и означает открытость *Dasien* как экзистенциального качества и смысла.

Язык феноменологического описания Бахтина демонстрирует моменты открытости, присущие человеку. Изменение его субъектности или трансформация собственного «Я» суть этап онтопроектирования. Личность структурирует повседневность посредством совокупности различий, которые устанавливают систему социокультурных координат со-бытия людей. Такие различия означают собой формы выбора человеком жизненного стиля.

В современном гуманитарном познании активно исследуются разнообразные методологические подходы и приемы, назначение которых состоит в обосновании должествующей возможности бытия и со-бытия человека и выражение их в символической форме. Последняя имеет отношение к онтопроектной функции языка и коммуникации субъекта. Так, объективная реальность отражается через текст и речь, в которых «выражаются и вымечаются» некие «коды», неразрывно связанные с национальным и историко-психическим складом народа [Бахтин, 2003, с. 70–71]. Методологический потенциал понятия «кода» изучен Ю.М. Лотманом. Код представлен им как «основная существующая информация в процессе передачи-приема» [Лотман, 1994], способствующая пониманию. Бахтин развил собственную концепцию языка и понимания в социально-философском контексте [Бахтин, 1996; Бахтин, 2003; Бахтинология..., 1995; Ключева и др., 2010]. Проблема философского понимания субъекта реализуется им в концепции «Я-другой» где представлен диалог между собственным Я и Я-другим («кинобытие собственного Я»). Сущность ее в том, что человек адекватно познает себя только при встрече Я с сознанием другого. «Другой» у Бахтина – открывающееся бытие, предполагающее осознанное понимание собственной уникальности и субъектности в диалоговой коммуникации. Только с помощью другого происходят становление и самореализация собственной самости (Я). Это двустороннее влияние заключается во взаимном раскрытии «двух уникальных культурных феноменов». В качестве «другого» могут выступать конкретная личность, общество, эпоха, культура. Уникальность наследия концепций диалога Бахтина в том, что личность не только приобретает возможность самореализации посредством диалога, но она еще и приобщается к духовному миру другого.

Бахтин вводит двунаправленное понятие «высказывания» как элементарной единицы диалога, выступающее в качестве законченного смыслового комплекса от адресата и предполагающее наличие реакции на него от адресата (слушателя). Сам говорящий установлен именно на активно-ответное понимание, ожидая ответа, согласия, сочувствия, выражения, исполнения.

В итоге Бахтин успешно синтезирует «академическую» философскую традицию с ее объективностью и системностью, с «неакадемической», – соединяющей мысль и практику, философствование и бытийствование, «мир культуры» и «мир жизни» [Ключева, 2010, с. 8]. Гуманитарный подход к проектированию бытия этих миров, осью которых является субъект, формирует образ человека понимающего, «способного получать новое знание и расшифровывать культурные коды, заложенные в тексты повседневной деятельности и пронизывающие весь ее социокультурный контекст» [Резник, 2017, с. 535].

Технологически такое онтопроектирование проистекает из постулата о полноте «понимающего человека» как субъекта проектирования, он – соавтор текста проекта [Резник, 2017, с. 535]. Гуманитарная парадигма проектирования бытия человека меняет наши представления об образе человека – «человека понимающего», образе мира и о символическом содержании собственно проектной деятельности. Посредством языка, антропологической и герменевтической методологий выявляются текстуальные и контекстуальные смыслы бытия личности. Наряду со знаковой средой, идеями, ответственность, как нематериальный элемент и составляющая гуманитарной методологии и технологии проектирования бытия современного человека, соединяется Бахтиным с социальными ценностями и нормами.

На наш взгляд, экзистенция – это актуальная бытийная основа субъекта в уникальной форме и «мета-открытость» любым возможностям. Подлинность смысла экзистенциальной коммуникации и существования субъекта обнаруживается в бытии через Другого для себя. Субъект, обнаруживая себя в Другом, а Другого в себе, становится самим собой только вследствие коммуникации: «Жить – это участвовать в диалоге; вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [Бахтин, 1996, с. 351].

В современном персональном онтопроектировании, где присутствует свободный человеческий выбор, открытие собственного «Я» через Другого – недостаточно для понимания феномена субъективности. Человек, как диалогическая личность, существует в пространстве диалога как в экзистенциальном и в трансцендентном пространстве одновременно. Последнее приближает его к лежащему за пределами собственной культуры.

Следовательно, в экзистенциально-диалогической традиции экзистенция субъекта понимается через со-бытие, то есть диалог или экзистенциальную коммуникацию, и через трансценденцию как метакультурное. В зависимости от лингвистических правил используемой языковой системы и ее возможностей в результате выстраиваются концепция и модель социальной реальности.

Открытие себя в Другом дополняется в диалоге встречей с Иным, которое коренится в мировой культуре (всеобщем) [Резник, 2017, с. 95] и в Новейшее время являет все антропологические границы и горизонты.

Таким образом, выявление оснований познания и собственно герменевтического потенциала с помощью философской методологии как всеобщей в настоящем открывает горизонты глубинного прочтения человека, пребывание которого в мире максимально приблизилось к состоянию технокультурной сингулярности, символизирующей особый момент в ускоряющемся технологическом развитии, где прогнозируется максимальное усложнение техносферы [Песоцкая, 2020, с. 8]. По этой причине инструментальное значение наследия Бахтина для философской мысли и современной культуры в целом суть явление реальности в возможность существования субъекта на основе контактов с сознанием Других людей через язык и коммуникацию. В этом

рядом процессуальная сторона проектных самоизменений личности понимается нами как движение человеческой природы к истине, которые в социогуманитарном познании исследуют посредством герменевтического метода интерпретации жизненного опыта субъекта и концепции диалога Бахтина.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. 958 с.
2. Бахтин М.М. Работы 1940-х – начала 1960-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. 732 с.
3. Бахтинология: Исследование, переводы, публикации. К столетию рождения Михаила Михайловича Бахтина (1895–1995) / под ред. К.Г. Исупова. СПб. : Алетейя, 1995. 371 с.
4. Данилевский Л.Я. Россия и Европа. Взгляды на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Л.Я. Данилевский ; сост. А.А. Галактионова. СПб. : Изд-во «Глаголь» Санкт-Петербург. ун-та, 1995. 552 с.
5. Ключева И.В., Лисунова Л.М. М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек / под общ. ред. И. В. Ключевой. Саранск, 2010. 468 с.
6. Лотман Ю.М. Лекции по структурной эстетике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 10–253.
7. Песоцкая Е.Н. Герменевтические аспекты исследования философии поступка в творчестве М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире : материалы VI Междунар. Саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого, Саранск, 25–26 нояб. 2015 г. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 117–121.
8. Песоцкая Е.Н., Инчина В.И. Биомедицинская рациональность: контуры трансдисциплинарности = Biomedical rationality: contours of transdisciplinarity : монография. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 178 с.
9. Резник Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного : монография / Ю.М. Резник. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. 632 с.

УДК 17.02

Писачкин Владимир Александрович
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
pisachkin@yandex.ru

Бикейкин Евгений Николаевич
НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ
(Саранск)
bikeikin1977@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ САМОКОНТРОЛЬ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПОСТУПКА М.М. БАХТИНА

Аннотация. В статье рассматриваются понятия социального контроля и социального самоконтроля в аспекте философии поступка М.М. Бахтина. Сущность человека, по Бахтину, есть не состояние, а деятельная сила, развертывание характера в поступках и выражениях. Соответственно, архитектура философствования рассмотрена как специализированная деятельность по канонам нормативной поэтики (В.В. Ильин). Понятия «герой» и «героизм» требуют особой ответственности. Бытие героев не созвучно времени, оно обращено к лицам, но открыто народам, потому благоговение перед героями растет с расстоянием, наполняя уверенностью – пока есть герой, есть будущее, культурный поток не иссякает.

Ключевые слова: социальный контроль, социальный самоконтроль, поступок, подвиг, философия поступка, нравственный самоконтроль, архитектура философствования.

Pisachkin Vladimir A.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
pisachkin@yandex.ru

Bikeykin Evgeny N.
Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia
(Saransk)
bikeykin1977@mail.ru

SOCIAL SELF-CONTROL IN THE CONTEXT OF BAKHTIN'S PHILOSOPHY OF ACTION

Abstract. the article discusses the concepts of social control and social self-control in the aspect of M.M. Bakhtin's "philosophy of act". The essence of a person, according to Bakhtin, is not a state, but an active force, the deployment of character in actions and expressions. Thus the architecture of philosophizing can be understood as a specialized activity, according to the canons of normative poetics (V.V. Ilyin). The concepts of "hero" and "heroism" require special responsibility. The existence of heroes is not in tune with time, it is addressed to faces, but is open to peoples, therefore reverence for heroes grows with distance, filling with confidence – as long as there is a hero, there is a future, the cultural flow does not dry out.

Keywords: social control, social self-control, deed, feat, philosophy of action, moral self-control, architecture of philosophizing.

В современном обществе понятие социального контроля получило развитие и применение в различных сферах общественной жизни и в системе множества социальных, гуманитарных и специальных профессиональных практик. Творчество М.М. Бахтина (в особенности его концепция ответственности) имеет прямое отношение к становлению и утверждению научных оснований этого явления как понятия в культуре XX столетия и в расширении понятия социального в регуляции жизни.

Социальный контроль важен как действенная, мощная и реальная сила современного общества. Она действует во множестве форм и применяемых практик как средств силы и мер насилия. Однако принципиальное отличие силы от насилия базируется на тех изменениях «социального поля» значений и смыслов в пространстве гуманитарной культуры, которые характерны для достижений прошлого столетия истории планеты, мировых центров цивилизации и народов, избавившихся от колониального ига, интервенций и насилия, а также актуальны для нашего времени.

Роль М.М. Бахтина состоит в тех изменениях «социального поля» значений и смыслов в пространстве гуманитарной культуры, на которые было направлено творчество гениального мыслителя, философа и литературоведа и связана прежде всего с его идеей ответственности как важнейшей характеристики поступка.

В плане темы настоящей статьи особо актуален его труд, изданный спустя десятилетия после его написания под названием «К философии поступка» [Бахтин, 2003]. Философия поступка у Бахтина есть «его учение о бытии, его онтология и метафизика» [Гусейнов, 2016, с. 5]. Полное бытие и сущность человека, считал Бахтин, «есть не состояние, а действие, деятельная сила («энергия»). Эта «энергия» есть развертывание характера в поступках и выражениях» [Бахтин, 2012, с. 237].

Академик А.А. Гусейнов подчеркивает заслугу Бахтина, который в трактате «Философия поступка» заложил основы новой практической философии, центральной категорией которой служит поступок. Своеобразие этой философии состоит в том, что поступок рассмотрен в оптике действующего индивида, как заданный и предопределенный им. Поступок не имеет строгого содержания и предстает в живом гуманитарном опыте как выражение сознательного ответственного действия. В соединении с оценкой слово поступок – порой слышится «это – подвиг» [Гусейнов, 2016, с. 6–7].

Использование понятий «героизм», «подвиг» требует сугубой ответственности. Поэтому понятие «героизм» употребляется нами не как оценочное, а как типологическое – оно служит для обозначения специфического стиля и характера поведения членов общества. «Герой – человек, который способен преодолевать конечность, ограниченность за счет предельной мобилизации собственных ресурсов в решении неординарных, в полном смысле слова непосильных задач. Бытие героев не созвучно времени, оно стоит как бы над ним, обращено к лицам, но открыто народам, потому благоговение перед героями растет с расстоянием, наполняя уверенностью – пока есть герой, есть будущее, культурный поток не иссякает [Ильин, 2004, с. 191–192].

Герой – человек рядовой, однако действующий за гранью возможного. Обществу необходимы образцы для подражания, которые будут стимулировать не только мысли, но и действия и поступки. По В. Далю, подвиг от «подвигать, подвигнуть, побудить... на поступок» [Даль, 1907, с. 419]. «Без человеческих образцов высшей нравственности не возникает элементарное просвещение, а сохраняющиеся устои... подвергаются размыванию временем. В таком обществе и элементарная порядочность становится редчайшим явлением» [Демченко, 2013, с. 17]. Бытие героев не созвучно времени, оно стоит как бы над ним, обращено к лицам, но открыто народам, потому благоговение перед героями растет с расстоянием, наполняя уверенностью – пока есть герой, есть будущее, культурный поток не иссякает.

Социальный контроль широко известен как явление социальное и социально детерминированное. Во-первых, это важный фактор регуляции жизнедеятельности социума, его функционирования. Во-вторых, это механизм поддержки состояния социального равновесия, стабильности и устойчивости. В-третьих, социальный контроль важный фактор социального развития, социальных изменений и трансформаций. В-четвертых, это механизм активных общественных преобразований и целедостижений. В-пятых, социальный контроль фактор и механизм преодоления негативных явлений современного общества, поддержания правопорядка и безопасности. В целом социальный

контроль – это важный ресурс власти и средство достижения базовых целей социума. Современные формы социального контроля многочисленны. Социальный контроль особо актуален в контексте социальной ответственности.

Социальная ответственность является основой мощной мотивации людей. Она вбирает в себя конструктивное отношение к действительности, как «кванты доброй воли», которые формируются с помощью «инструментального разума» – социальной, культурной и естественно-научной информации [Поверинов, 2011]. Социальная ответственность как фактор культуры выполняет миссию обуздания бесконтрольного развития цивилизации. Это – процесс стратегического значения, решаемый современным обществом.

В этике проблема социального контроля рассматривается в рамках концепции нравственного самоконтроля. Свобода воли и ответственность коренятся в разных аспектах бытия [Скрипник, 2020, с. 218–220]. Моральная ответственность личности соотнесена с возможностями воздействовать на ход объективных процессов. Оптимальное функционирование ответственности требует строгого соответствия между реальными значениями поступка. Главным условием ответственного отношения к собственному поведению является способность контролировать свои действия. Способность к такому самоконтролю формируется постепенно, под влиянием окружающей среды, реакции других людей.

Социальный контроль – это социальный механизм оценки (измерения), который позволяет социологам своевременно определять и выявлять социальные «точки кипения» (М.К. Горшков), на основе применения теории ожиданий) и санкционирующего воздействия в целях приведения реальных отношений в соответствие ценностно-нормативным требованиям и ожиданиям среды.

Социальный контроль – фактор социального развития, социальных изменений и трансформаций, это исключительно действенный механизм активных общественных преобразований и целедостижений. Современный «инструментальный разум» повысил свой статус в сфере «знаниевых практик». В новейшей науке он предстает теперь в роли «созидателя», а не «наблюдателя», как было в неоклассической науке. Современные технологии становятся не только инструментами, но и сутью человеческой органопроекции, нацеленной на усиление антропных возможностей, ориентированных на стратегию объединения материального морфогенеза в динамическом квинтете NBICS (Nano, Bio, Info, Cogno, Socio) [Ильин, 2021, с. 23]. Для современной трансформации философии и культуры свойственна нацеленность на комплекс продуктивных потенциалов, представленных совокупностью знаний и представлений: нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных и социальных технологий [Ильин, 2021, с. 21]. В этих условиях роль ответственности многократно повышается.

Социальная ответственность – это идеология служения обществу, которая действует во всех сферах общественного производства и всех социальных институтах (в управлении, образовании, культуре). Сфера социальной ответственности связана не только со свободным выбором субъекта, но и с

заботой о других, а также и с определенным отчетом перед «авторитетной инстанцией» контролирующей совесть. Она предполагает самоконтроль, ориентированный на функции безопасности, справедливости и другие.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. С. 7–68.

2. Бахтин М.М. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М. : Языки славянских культур, 2012. 880 с.

3. Гусейнов А.А. М.М. Бахтин: нравственная философия поступка // М.М. Бахтин в современном мире : материалы VI Междунар. Саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого, Саранск, 25–26 нояб. 2015 г. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 3–16.

4. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. Т. III. СПб. : Т-во М.О. Вольф, 1907. 1782 с.

5. Демченко Т.С. Принципы и методы социального контроля высшего образования // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: проблемы образования, психологии и управления. М. : Изд-во Московского гуманитарного института, 2013. С. 16–22.

6. Ильин В.В., Кевбрин Б.В., Писачкин В.А. Макросоциология : учебник. Саранск, 2004. 304 с.

7. Ильин В.В. Метафилософия. Поэтика философии : монография. М. : Проспект, 2021. 160 с.

8. Поверинов И.Е., Писачкин Д.В. Социальный контроль: философские, социологические и правовые аспекты: монография. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. 92 с.

9. Скрипник А.П. Повесть о мудрых: Язык. Диалог. Мораль. М. : Прогресс-Традиция, 2020. 61 с.

М.М. БАХТИН КАК ФИЛОЛОГ

УДК 82:111.852

Абрамовских Елена Валерьевна
Самарский государственный социально-педагогический университет
(Самара, Россия)
abramovskih@pgsga.ru

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ М.М.БАХТИНА О КОМПОЗИЦИОННЫХ И АРХИТЕКТОНИЧЕСКИХ ФОРМАХ В РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ НЕЗАКОНЧЕННОГО/НЕЗАВЕРШЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье проанализированы понятия завершенности/незавершенности и законченности/незаконченности в трудах М.М. Бахтина, что позволяет сделать принципиальные выводы о соотношении архитектоники эстетического объекта, которая не может быть незавершенной, и композиционной формы, которая может быть по тем или иным причинам незаконченной. Сделано содержательное различие понятий, большей частью употребляемых недифференцированно. Обращение к незаконченным произведениям А.С. Пушкина позволило создать оригинальную типологию незаконченных текстов.

Ключевые слова: архитектоника, композиция, незаконченность, незавершенность, эстетический объект.

Abramovskikh Elena V.
Samara State Social and Pedagogical University
(Samara, Russia)
abramovskih@pgsga.ru

THE ROLE OF M.M. BAKHTIN'S CONCEPT OF COMPOSITIONAL AND ARCHITECTONIC FORMS IN DIFFERENTIATING THE CONCEPTS OF UNFINISHED / UNFINISHED TEXT

Abstract. The article analyzes the concepts of completeness/incompleteness and completeness/incompleteness in the works of M.M. Bakhtin, which allows us to draw fundamental conclusions about the relationship between the architectonics of an aesthetic object, which cannot be incomplete, and the compositional form, which can be incomplete for one reason or another. A meaningful distinction is made between concepts that are mostly used not differentiatedly. The use of unfinished works by A.S. Pushkin made it possible to create an original typology of unfinished texts.

Keywords: architectonics, composition, incompleteness, incompleteness, aesthetic object.

Термин «архитектоника» актуализировался в 20-е гг. XX века в работах М.М. Бахтина, полемически направленных против основных положений представителей формальной школы, выступавших за последовательное разграничение формы и содержания.

По мнению М.М. Бахтина, *«материальная эстетика не может обосновать существенного различия между эстетическим объектом и внешним произведением, между членением и связями внутри этого объекта и мате-*

риальными членениями и связями внутри произведения (здесь и далее – курсив М.М. Бахтина. – Е.А.) » [Бахтин, 2003, с. 274].

Структуру произведения «как осуществляющую эстетический объект» М.М. Бахтин называет «композицией произведения» [Бахтин, 2003, с. 275].

В отличие от архитектурных «композиционные формы, организующие материал, носят телеологический, служебный, как бы беспокойный характер и подлежат чисто технической оценке: насколько адекватно они осуществляют архитектурное задание» [Бахтин, 2003, с. 278].

По мнению В.И. Тюпы, для бахтинского «эстетического анализа» аксиоматично методическое разграничение «архитектурных» и «композиционных форм». Под архитектурной формой Бахтин понимает форму «содержания эстетической деятельности», или «внутреннего произведения» (эстетического объекта), а под композиционной формой – материал «внешнего произведения» (текста). Композиционная форма объективна, это «форма знакового материала произведений художественной культуры» [Тамарченко, Тюпа, 2003, с. 12]. Архитектурная же форма – интерсубъективна, она объединяет автора с читателем в архитектурной фигуре «эстетического субъекта».

Самое принципиальное открытие М.М. Бахтина в вопросе соотношения архитектурной и композиционной форм В.И. Тюпа видит в том, что архитектурная форма не знает становления и не может быть незавершенной. Тогда как композиционная, представляя архитектурную в знаковом материале, претерпевает процесс становления, который может и не завершиться, то есть композиционная форма может быть незаконченной (по разным причинам), однако эстетический объект при этом будет создан, архитектурная форма воплощена. Архитектура целого либо есть, либо ее нет, тогда собственно нет и произведения искусства.

Благодаря концепции М.М.Бахтина вносится определенность в разграничение категорий незаконченности/незавершенности.

Незаконченность текста – композиционная открытость текстовой структуры (случайная, по каким-либо субъективным и объективным причинам, и осознанная, являющаяся художественным приемом), которая может быть присуща как завершенному, так и незавершенному произведению. Существуют различные формы незаконченности текста: отсутствие финала или пропуск какого-то фрагмента текста; незавершенность мира героя по отношению к автору; неопределенность развязки произведения; особый характер сюжетной организации (использование «возможных» сюжетных ходов, при этом авторский сюжет может быть завершен, а сюжет на уровне героя открыт («Евгений Онегин»), сюжетная полисемия, при которой «вход» и «выход» из текстового лабиринта моделируется самим читателем (гипертекст)); поиски жанровой формы, наиболее адекватно позволяющей через часть показать целое (актуализация жанров фрагмента, отрывка, наброска, особое внимание к композиционной открытости жанра романа); вариативность текста; недосказанность; децентрация, при которой текст организуется по принципу черновика и др. Цели незаконченности: вовлечение читателя в творческую лабора-

торию; активизация сотворческой интенции читателя; попытка создать иллюзию бесконечности бытия, выразить через «неоканчиваемое» высшие метафизические проблемы.

Незавершенность художественная – особый вариант *архитектонической формы*, или формы *эстетического объекта*, в отличие от *незаконченности текста*, относящейся к уровню формы *композиционной*.

Как известно, некоторые шедевры русской литературы («Мертвые души», «Братья Карамазовы», «Кому на Руси жить хорошо?») остались формально незаконченными (подтверждение тому – авторское указание на дальнейшее развитие событий), однако во всех этих случаях можно говорить о завершенности эстетического объекта и реализации архитектурного задания автора.

На основании анализа незаконченных прозаических произведений А.С. Пушкина можно выделить типы случайно незаконченных текстов в зависимости от проявленности архитектурного задания: 1. Замыслы (проекты) произведений. В данном случае весьма сложно говорить как о тексте, так и о произведении, поскольку эстетический объект еще не явлен. Как правило, о замыслах произведений, как невоплощенных, так и воплощенных, но потерянных, сожженных и т.д., становится известно из косвенных источников. Можно говорить о некоем гипотетическом архитектурном задании применительно к проектам произведений только по отдельным указаниям, рассыпанным в мемуарных источниках, переписке, рукописях самого художника. 2. Планы ненаписанных произведений представляют собой жесткий каркас композиционной формы, что является материальным предшественником будущего эстетического объекта. Возможно, пушкинские «планы» произведений так никогда и не реализовались именно потому, что архитектурное задание было слишком понятно самому художнику. 3. Отдельные фрагменты незаконченного произведения, которые представляют собой начало, конец или какую-либо часть художественного произведения. Фрагменты (в них содержится описание нескольких сюжетных ситуаций, дается частичная прорисовка характеров и др.) – своеобразный конспект архитектурного задания, нуждающийся в детальной расшифровке. 4. Завершенное, но случайно незаконченное произведение, архитектурное задание которого проявлено, эстетический объект полностью сформирован.

Таким образом, концепция М.М.Бахтина о разграничении архитектурных и композиционных форм становится принципиальной для дефиниции понятий незаконченного/незавершенного текста.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. С. 265–325.
2. Тамарченко Н. Д. Завершение художественное // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М. : Изд-во Кулагиной Intrada, 2008. С. 72–73.
3. Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И. Архитектоника // Дискурс. Коммуникативные стратегии культуры и образования. 2003. № 11. С. 10–13.

4. Гиршман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности. М. : Языки славянской культуры, 2002. 527 с.
5. Гринцер П.А. Неоконченное произведение // Мировое древо : международный журнал по теории и истории мировой культуры. 1997. Вып. 5. С. 105–124.
6. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике / пер. с итал. А. Шурбелева. СПб. : Академический проект, 2004. 384 с.

УДК 82-13Бахтин

Автухович Татьяна Евгеньевна
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
(Гродно, Белоруссия)
mail@grsu.by

ЭКФРАСИС КАК МЕТАТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ М.М. БАХТИНА*

Аннотация. В статье метатекстуальная функция экфрасиса рассматривается в контексте металингвистической теории М.М. Бахтина как ценностно-смысловой диалог между творческим субъектом, бытием и культурой, целью которого является самопознание и творческое самоопределение автора.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, металингвистика, метапоэтика, метатекст, экфрасис.

Avtukhovich Tatyana Ye.
Yanka Kupala State University of Grodno
(Grodno, Belarus)
mail@grsu.by

EKPHRASIS AS METATEXT IN THE CONTEXT OF M.M. BAKHTIN'S METALINGUISTIC THEORY

Abstract. In the article the metatextual function of ekphrasis is considered in the context of M. M. Bakhtin's metalinguistic theory as a value-semantic dialogue between the creative subject, being and culture, the purpose of which is self-knowledge and creative self-determination of the author.

Keywords: M.M. Bakhtin, metalinguistics, metapoetics, metatext, ekphrasis

В гипотезе о металингвистике бахтинская концепция диалога приобретает наиболее полное выражение, становясь универсальной научной методологией, вводя в сферу рассмотрения не только литературоведение и лингвистику, но и другие гуманитарные науки, стимулируя стремление к интегративной интерпретации всех явлений культуры в их целостности и взаимоосвещении, возвращая филологию в ее философское лоно, напоминая о цели научного познания, каковым является бытие человека, и об условиях этого познания – субъективности, диалогичности, толерантности.

Частным проявлением металингвистического подхода к анализу текста художественного произведения является метапоэтика, направленная на ис-

* Полностью доклад опубликован в виде статьи [Автухович, 2021].

следование метатекста, где метатекст – отражение рефлексии писателя над процессом творчества, над отношениями между означаемым и означающим.

Изучение метапоэтики в последние годы оформилось в самостоятельное направление, прежде всего в лингвистике, где метапоэтика – это «поэтика по данным метатекста, или код автора, имплицированный или эксплицированный в текстах о художественных текстах» [Штайн, 2002, с. 615]. В понимании лингвистов, к имплицитным метатекстам, или метапоэтическим кодам художника, относятся слова – метаэлементы текста, сигнализирующие о его жанрово-стилистической определенности; к эксплицитным метапоэтическим текстам относятся статьи, эссе, стихи о творчестве, авторские маргиналии к тексту на полях рукописи [Штайн, 2002].

Ключевая идея М.М. Бахтина о том, что в основе творчества лежит принципиально незавершенный диалог с бытием и культурой в широком ее понимании как поля встречи разных сознаний, оказалась редуцированной и в приведенном определении метапоэтики, и в предлагаемой методике выявления метатекста. В результате процесс творчества и авторской рефлексии над ним предстает как автокоммуникация, а метатекст понимается (в узко лингвистическом смысле) как явление языка или как монологическая декларация творческих принципов. Между тем принципиально важными в бахтинской концепции металингвистики являются соображения о том, что мир «принципиально неопределим ни в теоретических категориях, ни в категориях исторического познания, ни эстетической интуицией» [Бахтин, 2003, с. 19]; что этот мир «обжит тысячелетнею мыслью мира» [Бахтин, 1996, с. 77] и потому должен быть осмыслен как «„большое время“ – бесконечный и незавершенный диалог, в котором ни один смысл не умирает» [Бахтин, 2002, с. 433]; что «смыслы разделены между разными голосами» [Бахтин, 1996, с. 321] и что диалогические отношения «возможны только между целыми высказываниями разных речевых субъектов» [Бахтин, 1996, с. 324]. Эти положения М.М. Бахтина позволяют выйти за пределы лингвистической интерпретации метапоэтики к более широкому ее пониманию как коммуникативного события и со-бытия.

Метапоэтика как коммуникативная авторская установка предполагает введение дополнительной точки зрения или нескольких точек зрения на изображаемый мир. Целью дискурса, включающего метатекст, является не только (авто)рефлексия над процессом творчества, но и прежде всего познание бытия и расширение авторского сознания в результате разноаспектного диалога с культурой.

Наиболее очевидное и в то же время сложное проявление авторской метапоэтики представляет собой экфрасис, который во всех своих ипостасях (экфрасис, словесное описание произведения визуального искусства, может выступать и как «текст в тексте», и как отдельный текст, посвященный описанию артефакта, и как экфрастический жест – отсылка к произведению другого искусства) содержит скрытый метатекст. В самом деле, если экфрасис представляет собой «герменевтический путь восхождения от осязаемого

зримого к незримому („иному миру“ и локусу) и метаморфоз „субъекта зрения“ в субъекта *понимания*» [Цимборска-Лебода, 2002, с. 66], то предметом экфрасиса является диалог двух творящих субъектов – художника и поэта. К экфрасису можно отнести бахтинскую характеристику полифонического романа: как и полифонический роман, экфрасис являет собой «диалогичность последнего целого». Даже посвященный описанию одного артефакта, он апеллирует ко всему полю культуры, его интертекстуальные связи всегда гетерогенны. В экфрасисе, таким образом, проявляется самопознающая и авторефлексивная природа искусства, где изображение (и визуальное, и вербальное) в силу направленности на обозначение в «чувственной поверхности вещи» «сущностной природы изображаемого объекта», обременено преднайденными культурными смыслами [Рымарь, 2018, с. 102].

В таком случае метапоэтика экфрастического текста отражает освобождение от преднайденных смыслов ушедшей эпохи, ее эстетики и ценностных ориентиров и в то же время их освоение и присвоение в новом, индивидуально-авторском выражении.

Такая постановка вопроса актуализирует проблему методологии анализа экфрасиса как явления метапоэтики. Очевидным является подключение к имманентному анализу всех возможных контекстов – биографического, культурного, литературного, которые могут прояснить творческий акт двух авторов – создателя артефакта и его экфрастического описания.

Библиографические ссылки

1. Автухович Т.Е. Экфрасис как метатекст в контексте металингвистической теории М.М. Бахтина // Центр и периферия. 2021. № 3. С. 5–10.
2. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. 957 с.
3. Бахтин М.М. Работы 1940-х – начала 1960-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. 732 с.
4. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т.6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. С. 371–439.
5. Рымарь Н.Т. Незримое в зримом. Изоляция и смыслопорождение в эстетическом событии // Миргород. 2018. № 2(12). С. 101–114.
6. Штайн К.Э. Метапоэтика: «размытая парадигма» // Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса : антология : в 4 т. Т. 1 / под общ. ред. проф. К. Э. Штайн. Ставрополь : Кн. изд-во, 2002. С. 604–616.
7. Цимборска-Лебода М. Экфрасис в творчестве Вячеслава Иванова (Сообщение – Память – Инобытие) // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М. : МИК, 2002. С. 53–70.

Акимова Татьяна Ивановна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
akimova_ti@mail.ru

**М.М. БАХТИН И Л.В. ПУМПЯНСКИЙ О ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА
(К ПРОБЛЕМЕ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ)***

Аннотация. Представлен сопоставительный анализ положений двух ученых на предмет литературы XVIII века, которая выступает либо важным этапом в развитии жанра романа воспитания (Бахтин), либо пространством реализации в русской культуре большого стиля Классицизма (Пумпянский), но в обоих случаях изображаемая сквозь призму эпохи Возрождения. Рассматриваются проблемы взаимоотношения «человек – общество», типология литературных жанров, функционирование комического.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, роман воспитания, литературные жанры, классицизм, проблема становящегося человека.

Akimova Tatiana I.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
akimova_ti@mail.ru

**M.M. BAKHTIN AND L.V. PUMPYANSKY ON LITERATURE
OF THE 18TH CENTURY (TO THE PROBLEM OF THE NOVEL OF EDUCATION)**

Abstract. A comparative analysis of the positions of two scientists for literature of the 18th century is presented, which acts either as an important stage in the development of the genre of the novel of education (Bakhtin), or as a space for the implementation in Russian culture of the large style of Classicism (Pumpyansky), but in both cases depicted through the prism of the Renaissance. Problems of human relations – society, typology of literary genres, functioning of comic genres are considered.

Keywords: the age of Enlightenment, the novel of education, literary genres, classicism, the problem of a person becoming.

1. Литература XVIII столетия стала объектом изучения двух крупнейших ученых, М.М. Бахтина и Л.В. Пумпянского, в силу разных причин. Для первого она явилась исходной точкой в формировании литературы последующего века, когда в полной мере в авторском сознании произошел поворот к человеку (= другому) не только в способах изображения, но и в воспроизведении его голоса и мыслей. Для второго – XVIII век – время решения непростого вопроса о самооправдании русской литературы, – вопроса, который можно рассматривать только сквозь призму развития разных национальных литератур и который привел к важнейшему открытию соотношенности отечественного Классицизма с европейским Ренессансом.

2. Наблюдая за глобальными процессами изменения авторского сознания, демонстрирующими смену литературной жанровой парадигмы, ученые

* Полностью доклад опубликован в виде статьи [Акимова, 2021].

говорили прежде всего о том, что интересовало каждого из них при изучении литературы XVIII века в теоретическом плане: типы прозаического слова, разновидности жанра романа, освоение и изображение авторским сознанием хронотопа, неизменные и активные структурные элементы художественного целого, ценностный центр, образ становящегося человека как приближающийся к образу реальности и т.д. (Бахтин); связь русской литературы с Античностью, типология оды и ее влияние на последующее жанровое развитие, взаимоотношения человека и государства, становление и развитие литературного языка, метра, рифмы и т.д. (Пумпянский).

3. Общий изучаемый материал обозначал близость интересов исследователей прежде всего в эпохе Просвещения с ее многочисленными открытиями в сфере освоения нового слова, исторического времени, национального пространства и, конечно, же нового героя – народной массы (Бахтин) или общества (Пумпянский), формируемого не без влияния оригинального и переводного романов. Так, воспитательный роман эпохи Просвещения, с позиции Бахтина, выступает значимой ступенью на пути к познанию и изображению другого человека и, с позиции Пумпянского, оказывается важнейшим фактором формирования русской прозы.

4. Типология романа воспитания, разработанная Бахтиным, способствовала выявлению уникальности Гёте, который для мыслителя есть «прямой наследник и завершитель эпохи Просвещения» [Бахтин, 2012, с. 294], а Гётевский реализм провозглашался ученым лучшим открытием своего времени, состоящим из процесса «закругления, восполнения и оцельнения реального мира» [Бахтин, 2012, с. 312], как воспроизведение живого настоящего, описываемого зримым словом, как изображение человека-строителя и становящейся исторической природы.

5. Классицизм представляется Пумпянским стилем, формирующим абсолютные ценности, воспеваемые в творчестве трех крупнейших российских писателей-титанов: М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина и Д.И. Фонвизина, которые стали «пра-Пушкиным» и «пра-Гоголем» в отечественной литературе XVIII века. Ломоносов изображает Петра I главным реставратором Античности и тем самым приравнивает его деяния западному Ренессансу: «Отказ от дурного прошлого – дело Петра – есть то же, что их Ренессанс» [Пумпянский, 2000, с. 60]. Обращаясь, благодаря кружку Н.А. Львова, к горацианской оде, Державин запечатлевает самоотожествление русской аристократии римской, разрабатывает в оде разговорной синтаксис и фиксирует «двойную жизнь» русского общества. Фонвизин продолжает открытия, совершенные Аристофаном-Мольером, и тем самым дает в русской культуре образец комического, основанного на сопротивлении просвещенного абсолютизма животной природе человека [Пумпянский, 2000, с. 140].

6. Просвещение, конкретизируемое и проблематизируемое Бахтиным, обрело черты творческой и прогрессивной эпохи, подобной эпохе Возрождения в связи с: 1) взаимодействием закона и индивидуальности, которое обнаруживало возможности воспитательного воздействия человека (педагога) на другого человека [Бахтин, 2012, с. 226], причем в самой идее воспитания

мыслитель видел связь индивида с человеческим родом, осуществляемую через продолжающийся рост последнего даже после смерти индивида посредством медиума языка и культуры; 2) с попыткой писателей-просветителей возродить гражданскую публичность человека, как это сделал Руссо в желании представить гражданско-публичными интимнейшие и приватнейшие переживания и события жизни и обнаруживший решение проблемы становления индивидуального человека двумя путями: либо через личное совершенство, либо через подготовленность к социальной борьбе [Бахтин, 2012, с. 256]; 3) с утратой веры в совершенство человека происходит изменение в категории комического: с одной стороны, она приближает героев к миру реальных отношений, с другой стороны, она полностью утрачивает сословное значение и характер презрения-принижения, комическое превращается в юмор [Бахтин, 2012, с. 262]. Однако в XVIII столетии происходит и много открытий: 1) пробуждение времени в природе подготавливает культ природы, вслед за ним пробуждается историческое мышление («видение и изображение исторического времени подготавливаются в эпоху Просвещения» [Бахтин, 2012, с. 293]), 2) преодоление Гёте ограниченности эпохи Просвещения, представленной в виде абстрактной моральности, разумности и утопичности, и обретение им полноты времени; 3) воспроизведение географической реальности, сформировавшее «местные культы» и связанное с этим явление очеловечения и интенсификации родного пространства, которое сопровождалось обращением к фольклору. Все вместе позволяло осмысливать человеческую жизнь сквозь призму личного опыта и готовило новый тип воспитательного романа, в центре которого оказывался образ человека, становящегося вместе с миром.

7. Пумпянский, так же как и Бахтин, говорит о связи своего предмета изучения с эпохой Возрождения, проявляемой: 1) в осмыслении русскими писателями своего государства «последним в цепи античных» [Пумпянский, 2000, с. 60]; 2) в провозглашении миссии «создать великую Грецию»; 3) в принятии общеевропейской идеологии, свидетельством чего становится появление жанра богословской оды; 4) в продолжении В. Петровым и Г. Державиным в одах, посвященных первой и второй турецким войнам, изображения аналога происходящего в Российском государстве с греческими событиями; 5) в появлении «среднего стиля» и, связанного с ним как «забавного слога», воспринимаемого «„карнавалом“, буйством» [Пумпянский, 2000, с. 96], так и «центрального характера эпохи» (Фелицы).

Библиографические ссылки

1. Акимова Т.И. М.М. Бахтин и Л.В. Пумпянский о литературе XVIII века (К проблеме романа воспитания) // Центр и периферия. 2021. № 3. С.78–82
2. Бахтин М.М. Теория романа (1930–1961 гг.) // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. 880 с.
3. Пумпянский Л.В. К истории русского классицизма // Классическая традиция : собрание трудов по истории русской литературы. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 30–157.

Ангушева Аделина
Манчестерский университет
(Манчестер, Великобритания)
g.tihanov@qmul.ac.uk

**НАСКОЛЬКО «НАРОДНА» НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА У РАБЛЕ?
ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОЧТЕНИИ БАХТИНЫМ ЕВРОПЕЙСКОЙ
НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Аннотация. В докладе предлагается многоаспектная интерпретация термина «народная культура», представленного в книге Бахтина о Рабле и до сегодняшнего времени остающегося одним из ключевых понятий теории и истории европейской средневековой культуры

Ключевые слова: Михаил Бахтин, народная культура, теория и история культуры, смеховой мир, карнавал, книга о Рабле.

Angusheva Adelina
The University of Manchester
(Manchester, UK)
g.tihanov@qmul.ac.uk

**HOW "FOLK" IS THE FOLK CULTURE IN RABELAIS?
REMARKS ON BAKHTIN'S READING OF EUROPEAN
FOLK CULTURE IN THE MEDIEVAL AND RENAISSANCE PERIOD**

Abstract: The paper proposes a multidimensional interpretation of the term "folk culture", which is presented in Bakhtin's book about Rabelais and until today remains one of the key concepts of the theory and history of European medieval culture

Keywords: Mikhail Bakhtin, folk culture, theory and history of culture, the world of laughter, carnival, a book about Rabelais.

Термин «народная» культура занимает особое место в творчестве Михаила Бахтина и, в частности, в его фундаментальном исследовании романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле («Rabelais and His World» / «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», 1965). Его центральная роль плодотворно обсуждалась в западной и российской науке в течение последних нескольких десятилетий. В данной статье мы вновь возвращаемся к использованию этого термина в диссертации Бахтина в попытке распутать многочисленные слои его значения по отношению к взаимодействию письменных и устных практик в средневековой европейской культуре.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 1996–2012.
2. Дубровская С.А., Осовский О.Е. О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.
3. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–265
4. Bakhtin M.M. Rabelais and His World. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1984. XXIII, 484 p.

**КОНЦЕПТ «ПУТЬ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИИ М.М. БАХТИНА)**

Аннотация. Цель исследования – выяснение способов реализации концепта «Путь» в советском научном дискурсе. Материалом послужила стенограмма защиты диссертации М.М. Бахтина в 1946 г. В процессе анализа была выявлена двухполярность концепта «Путь» в данном научном дискурсе.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, советский научный дискурс, стенограмма защиты диссертации М.М. Бахтина, концепт «Путь», двухполярность концепта, идеология.

Ariskina Olga L.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
ariskina@list.ru

**THE CONCEPT OF «PATH» IN THE XX CENTURY SCIENTIFIC DISCOURSE
(BASED ON THE MATERIALS OF THE DEFENSE
OF M.M. BAKHTIN'S DISSERTATION)**

Abstract. The purpose of the research is to clarify the ways of implementing the concept of "Way" (Put') in the Soviet scientific discourse. The material was the transcript of defense of M.M. Bakhtin's dissertation in 1946. The analysis revealed the bipolarity of the concept "Way" in this scientific discourse.

Keywords: M.M. Bakhtin, Soviet scientific discourse, transcript of defense of M.M. Bakhtin's dissertation, the concept of "Way", the bipolarity of the concept, ideology.

Концепт как единица лингвокультурного кода изучается на материале различных дискурсов. Областью наших интересов стал научный дискурс 1946 г., реализованный в рамках процедуры защиты М.М. Бахтиным диссертации на тему «Рабле в истории реализма». На материале стенограммы заседания ученого совета Института мировой литературы им. А.М. Горького от 15 ноября 1946 г. мы сделали попытку описания концепта «Путь» – очень востребованного объекта для лингвокультурных и лингвокогнитивных исследований. Цель данного исследования – выяснить, как реализуется концепт «Путь» в научном дискурсе советского времени.

Проведенный анализ показал двухполярный характер концепта «Путь» в дискурсе защиты М.М. Бахтина.

1. Первый полюс – восприятие концепта М.М. Бахтина и его оппонентов, ходатайствующих за присуждение ему степени доктора наук:

а) способ исследования, б) направление, в) временной отрезок, г) тяжелая работа землепашца, д) традиция как путь, е) деятельность исследователя как деятельность хирурга, ж) путь летчика, з) путь первопроходца, новатора, революционера.

2. Второй полюс – восприятие концепта противниками М.М. Бахтина:

а) исследование М.М. Бахтина как ложный путь, нелогичный, на котором все перевернуто с ног на голову; б) путь М. М. Бахтина неправильный, потому что уводит сознание в художественные образы; в) правильный путь – это путь партийной идеологии.

Библиографические ссылки

Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 4(1): Франсуа Рабле в истории реализма (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. М. : Языки славянских культур, 2008. 1120 с.

УДК 001.8Бахтин

Васильев Николай Леонидович

**Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)**

О МЕТОДОЛОГИИ КНИГИ М.М. БАХТИНА «ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ДОСТОЕВСКОГО»

Аннотация. Утверждается, что в этой книге методологически противоречиво аккумулировались многие идеи М.М. Бахтина, волновавшие его с 1920-х до конца 1950-х гг. В 1970 г. Бахтин с горечью говорил о том, что в условиях советского идеологического монизма не отразил в монографии о Достоевском (1929; 1963) всю теологическую глубину творчества русского классика, «оторвал форму от главного» (С. Г. Бочаров). Одновременно ученый снова обозначил себя в качестве имманентного философа, причем «немарксиста» (С.Г. Бочаров, В.В. Кожин). Уже в предварительных материалах к переизданию книги заметно увлечение Бахтина идеями карнавала, которые он переносит в плоскость поэтики Достоевского, фактически меняя всю методологию предшествующего исследования произведений писателя. В первом издании книги термин карнавал и производные от него лексемы не фигурируют; во втором издании это понятие, бесконечно варьируясь, встречается десятки раз. Соответственно, в «Проблемах творчества Достоевского» имя Рабле вообще не упоминается, а в «Проблемах поэтики Достоевского» оно звучит весьма активно. Иначе говоря, после переключения с «кода Достоевского» (1920-е гг.) на «код Рабле» (1930–1940-е гг.) Бахтин склонен видеть если не буквальное влияние французского автора на русского классика, то, во всяком случае, глобальное воздействие элементов античной и западноевропейской литератур в произведениях последнего. Можно думать, что речь идет не о великом гуманисте, писавшем о трагических разладах души, «униженных и оскорбленных», а о феерической праздничной стихии, воплотившейся в его произведениях. Также делается вывод о влиянии на второе издание книги о Достоевском научных концепций Бахтина, захвативших его воображение в 1930–1950-х гг., в частности, он возводит идеи разрабатываемой им теории «металингвистики» к «школе Фосслера».

Ключевые слова: М.М. Бахтин; код Достоевского, код Рабле, металингвистика.

Abstract. It is argued that the book accumulated many of methodologically contradictory ideas that worried Bakhtin from the 1920s to the end of the 1950s. In 1970, Bakhtin bitterly said that, under the conditions of Soviet ideological monism, he did not reflect in the monograph on Dostoevsky (1929; 1963) the entire theological depth of the Russian classic, "he tore the form from the main thing" (S.G. Bocharov). At the same time, the scholar again identified himself as an immanent philosopher, moreover, a "non-Marxist" (S.G. Bocharov, V.V. Kozhinov). Already in the preliminary materials for the reprint of the book, it is easy to notice Bakhtin's fascination with the ideas of the carnival, which he transfers to the plane of Dostoevsky's poetics, in fact, changing the entire methodology in comparison with the previous study of the writer's works. In the first edition of the book, the term "carnival" and lexemes, derived from it, do not appear; in the second edition, this concept, infinitely varying, occurs dozens of times. Accordingly, in "Problems of Dostoevsky's Creativity" the name of Rabelais is not mentioned at all, but in "Problems of Dostoevsky's Poetics" it is actively used. In other words, after switching from the "Dostoevsky code" (1920s) to the "Rabelais code" (1930–1940s), Bakhtin is inclined to see if not the literal influence of the French author on the Russian classic, then, in any case, the global impact of elements of Ancient and Western European literature on Dostoevsky's works. One might think that we are not talking about the great humanist, who wrote about the tragic disorders of the soul, "humiliated and insulted", but about the enchanting festive element embodied in his works. It is also concluded that Bakhtin's scientific concepts, which captured his imagination in the 1930-1950s, influenced the second edition of the book about Dostoevsky. In particular, the ideas of the theory of "metalinguistics" which he developed are traced to the "Vossler school".

Keywords: M.M. Bakhtin, Dostoevsky code, Rabelais code, metalinguistics.

В 1970 г. М.М. Бахтин с горечью говорил о том, что в условиях советского идеологического монизма не отразил в монографии о Достоевском (1929; 1963) всю теологическую глубину творчества русского классика, «оторвал форму от главного» [Бочаров, 1993, с. 71–72]. Одновременно ученый снова обозначил себя в качестве имманентного философа, причем «не-марксиста» [Кожинов 1992, с. 113; Бочаров, 1993, с. 71–72].

Напрашивается предположение, что в черновых материалах периода подготовки второго издания книги Бахтин мог быть более свободен как исследователь в выражении своих идей. Однако все подготовительные записи такого рода, варьирующиеся названиями и объемами (1. «<План доработки книги „Проблемы поэтики Достоевского“>» / «К переработке книги о Достоевском» / «1961 год. Заметки»; 2) «<К переработке книги о Достоевском. II>» / «Достоевский. 1961 г.»; 3) «Заметки 1962 г. – 1963 г.»; 4) «<Дополнения и изменения к „Достоевскому“>» [см., в частности: Бахтин, 1996–2012, т. 5, с. 329–378; т. 6, с. 301–367]) не позволяют отчетливо увидеть новые ментальные горизонты, скрытые Бахтиным в двух изданиях книги под давлением автоцензуры.

Более того, даже в этих заметках для себя Бахтин нередко предстает как исследователь-марксист, совмещающий в своих рассуждениях теологию и диалектический материализм, подчеркивая «идеалистическое освещение» Достоевским сознания персонажей и его «метафизические выводы (бессмер-

тие души и т.п.)), ссылаясь при этом на критику «революционных демократов» [Бахтин 1996–2012, т. 5, с. 348, 374]. В духе советского литературоведения Бахтин интерпретирует противоречивую двойственность Достоевского: «Как романист, он изобразил мысль, был художником идей, а не односторонним глашатаем определенных реакционных идей (которые он защищал как журналист)» [Бахтин 1996–2012, т. 6, с. 358].

Лишь очень редко в своих заметках Бахтин приближается к контурам того, о чем откровенничал с С.Г. Бочаровым, например: «Интерес к миру, в котором меня не будет. Проблема этического соллипсизма. <...> Это – энциклопедическая проблема и тема всего творчества Достоевского. Их содержательная глубина, которой мы не будем касаться» [Бахтин 1996–2012, т. 6, с. 348].

Уже в предварительных материалах к переизданию книги заметно увлечение Бахтина идеями *карнавала*, которые он переносит в плоскость поэтики Достоевского, фактически меняя всю методологию предшествующего исследования произведений писателя. В первом издании книги термин *карнавал* и производные от него лексемы не фигурируют; во втором издании это понятие, бесконечно варьируясь, встречается десятки раз [см.: Бахтин 1994, с. 499–508 – терминологический и именной указатели]. Соответственно, в «Проблемах творчества Достоевского» имя Рабле вообще не упоминается, а в «Проблемах поэтики Достоевского» оно звучит весьма активно...

Иначе говоря, после переключения с «кода Достоевского» (1920-е гг.) на «код Рабле» (1930–1940-е гг.) Бахтин склонен видеть если не буквальное влияние французского автора на русского классика, то, во всяком случае, глобальное воздействие элементов античной и западноевропейской литератур в произведениях последнего. Можно думать, что речь идет не о великом гуманисте, писавшем о трагических разладах души, «униженных и оскорбленных», а о феерической праздничной стихии, воплотившейся в его произведениях. Это, в свою очередь, позволяет по-новому взглянуть на ряд ключевых бахтинских проблем, таких, например, как проблема «смехового слова» отечественной классики [см.: Дубровская, 2018; Дубровская, 2018а; Дубровская и др., 2020].

В наброске «<Дополнения и изменения к „Достоевскому“>» Бахтин возводит идеи разрабатываемой им теории «металингвистики» к «школе Фосслера»: «С нашей точки зрения, фоссleriанцы занимались не столько строго лингвистическими, сколько металингвистическими проблемами, т.е. изучали явления не в системе языка, а в формах их живого функционирования в различных областях культуры (преимущественно художественных). Явления эти, если их изучать по существу, т.е. как явления диалогической природы, выходят за пределы строгой лингвистики, т.е. металингвистичны» [Бахтин, 1996–2012, т. 6, с. 355–356]. Между тем идеи К. Фосслера отразились и в диссертации Бахтина о Рабле [см., например: Попова 2008, с. 849–857], из чего также можно сделать вывод о влиянии на второе издание книги о Достоевском научных концепций Бахтина, захвативших его воображение в 1930–1950-х гг.

По поводу термина *металингвистика*, ставшего предметом полемики на XIV Международной Бахтинской конференции (Италия, 2011), заметим, что его глубинные корни, скорее, обнаруживаются в античной философской дихотомии *физика – метафизика*, нежели в чуждом Бахтину терминологическом аппарате американского структурализма [ср.: Федоров 1984, с. 41; Васильев 1992; Lähteenmäki 2011, 2012]. Мысли Бахтина о «чужом слове» преимущественно связаны с трудами ученого 1920-х гг. и отчасти его современников (Л.П. Якубинский, В.В. Виноградов и др.); глобально воплотились они и в монографии В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка».

Таким образом, в книге «Проблемы поэтики Достоевского» методологически противоречиво аккумулировались многие идеи Бахтина, волновавшие его с 1920-х до конца 1950-х гг.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества / поэтики Достоевского. 5-е изд., доп. Киев, 1994. 510 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М.м: Русские словари, Языки славянской культуры. 1996–2012.
3. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.
4. Васильев Н.Л. XIV Международная Бахтинская конференция (Италия, Болонский университет. 4–8 июля 2011 г.) // Интеграция образования. 2012. № 2. С. 120–121.
5. Васильев Н.Л. Теория металингвистики в филологической концепции М.М. Бахтина // М.М. Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 45–52.
6. Дубровская С.А. От «Арзамаса» до Гоголя: смеховое слово в пространстве русской литературы 1810-х – начала 1840-х гг. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 252 с.
7. Дубровская С.А. Смеховое слово в карнавализованном пространстве эпистолярия Н.В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018а. № 4–1(82). С. 13–16.
8. Дубровская С.А., Осовский О.Е. О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.
9. [Кожин В.В.] Как пишут труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа (Вадим Кожин рассказывает о судьбе и личности М.М.Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 109–122.
10. Попова И.Л. История «Рабле»: 1930–1950-е годы // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 4(1). М., 2008. С. 831–1119.
11. Федоров В.В. О природе поэтической реальности. М. : Сов. писатель, 1984. 184 с.
12. Lähteenmäki M. On the origins of Bakhtinian metalinguistics // The XIV Bakhtin Conference – Бахтинская конференция. 2011 : Programme. [Bologna: Università di Bologna, 2011]. P. 16–17.
13. Lähteenmäki M. Contextualising Baxtin’s Linguistic Ideas: The case of metalinguistics // *Historiographia Linguistica*. Vol. 39, № 2/3 (2012). P. 305–326.

Вишленкова Светлана Геннадьевна
Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева
(Саранск, Россия)
svetlana.vishlenkova@yandex.ru

ОТ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РОМАНА» С.И. ГЕССЕНА
К «РОМАНУ ВОСПИТАНИЯ» М.М. БАХТИНА:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ*

Аннотация. Задача современного бахтиноведения – выявление источников бахтинских идей. Автор рассматривает возможность внутреннего диалога по проблемам романа воспитания М.М. Бахтина и С.И. Гессена. Источником этого диалога служит статья Й. Кона об «образовательном романе», появившаяся на страницах журнала «Логос».

Ключевые слова: М.М. Бахтин, С.И. Гессен, Й. Кон, образовательный роман, роман воспитания, творческий диалог.

Vishlenkova Svetlana G.
M. E. Evseviev Mordovia State Pedagogical University
(Saransk, Russia)
svetlana.vishlenkova@yandex.ru

FROM S. HESSEN'S EDUCATIONAL NOVEL
TO M. BAKHTIN'S BILDUNGSROMAN:
PRELIMINARY REMARKS

Abstract. The task of modern Bakhtin Studies is to identify the sources of Bakhtin's ideas. The author considers the possibility of Bildungsroman dialogue between M. Bakhtin and S. Hessen. The source of this dialogue is the article by J. Kohn about the "educational novel", which appeared in the pages of "Logos" journal.

Keywords: M. Bakhtin, S. Hessen, J. Kohn, educational novel, Bildungsroman, creative dialogue.

Одной из важнейших задач современного бахтиноведения предстает выявление источников бахтинских идей и философско-литературных построений в первые десятилетия его творческой деятельности, формирующейся терминологии ученого и его основных научно-теоретических концепций [Васильев, 2012; Дубровская, 2018; Дубровская и др., 2020; Киржаева и др., 2016; Осовский, 2002; Осовский, 2019; Осовский и др., 2021].

Среди уже изученного следует назвать взаимоотношения Бахтина с немецким и русским неокантианством и феноменологией, освоение мыслителем новейших достижений европейской философии языка, филологии и философии культуры и др. [Махлин, 2015; Николаев, 2010; Tihanov 2019; The Palgrave..., 2021].

Фигура известного русского философа и педагога С.И. Гессена уже возникала в контексте рассмотрения бахтинских идей [Дубровская и др.,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00413 А «Сергей Иосифович Гессен и педагогическая жизнь российской эмиграции первой волны (по материалам российских и зарубежных архивов и библиотек, эмигрантской периодики, воспоминаниям и переписке современников)».

2021; Осовский, 1997; Osovsky et al., 2020; Osovsky et al., 2021; Kirzhaeva et al., 2021], однако сам диалог ученых почти не становился предметом специального исследования. Несмотря на то что Бахтин не упоминает Гессена в известных разговорах с В.Д. Дувакиным [Беседы..., 1996], называя ведущих преподавателей кафедры философии Санкт-Петербургского университета, можно предположить, что увлеченному неокантианством молодому человеку, усердно, по его признанию, посещавшему философские лекции и семинары, было знакомо имя приват-доцента С.И. Гессена, который с 1915 года вел семинарий по Канту. Еще одним аргументом в пользу такого знакомства служит тот факт, что Гессен был одним из организаторов русского издания международного философского журнала «Логос», с публикациями которого молодой Бахтин был очень хорошо знаком.

Сегодня можно назвать, как минимум, один общий источник для Гессена и Бахтина, занимавшихся изучением европейского романа воспитания. Это статья Й. Кона об «образовательном романе» «Страннические годы Вильгельма Мейстера (Их смысл и значение для нашего времени)», появившаяся на страницах «Логоса». Немецкий философ-неокантианец Й. Кон – многолетний друг Гессена, в 1920–30-е гг. – один из наиболее ярких философов культуры, привлекавших внимание Бахтина, в том числе как автора работ о Гёте. Жанру «образовательного романа» и его месту в истории педагогической мысли Гессен, как известно, посвятил специальный фрагмент своей книге «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» (Берлин, 1923). Отметим, что книга в значительном количестве имела в советских библиотеках, в том числе вузовских, и была доступна самой широкой аудитории.

Бахтин непосредственно ссылается на Й. Кона в своих работах, посвященных европейскому роману воспитания, и в целом принимает его концепцию «образовательного романа», оказываясь в этом смысле вполне солидарным с С.И. Гессеном. В то же время нельзя не заметить, что он отказывается от термина «образовательный роман», предпочитая более распространенный в отечественном историко-литературном дискурсе термин «роман воспитания» [Бахтин, 1996–2012, т. 3].

Если у нас пока нет доказательств того, что Бахтин был знаком с трудами Гессена, то факт знакомства Гессена с книгой Бахтина о Достоевском находит подтверждение в соответствующей ссылке в статье философа «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева» [Гессен, 2010, с. 669].

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М. : Русские словари : Языки славянских культур, 1996–2012.
2. Беседы В.Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М. : Прогресс, 1996. 342 с.
3. Васильев Н.Л. XIV Международная Бахтинская конференция (Италия, Болонский университет. 4–8 июля 2011 г.) // Интеграция образования. 2012. № 2. С. 120–121.
4. Гессен С. И. Избранное / сост., автор вступ. ст., Е. Л. Петренко ; авт. коммент. М.И. Иванов, Т.В. Иванова. М. : РОССПЭН, 2010. 960 с.

5. Дубровская С.А. Международная Бахтинская конференция в Шанхае // Регионология. 2018. Т. 26, № 1(102). С. 179–183.
6. Дубровская С.А., Осовский О.Е. О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.
7. Киржаева В.П., Осовский О.Е. О двух терминах М.М. Бахтина в контексте истории отечественного литературоведения XX века // Филология и культура. 2016. № 1(43). С. 223–228.
8. Махлин В.Л. Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина. Siedlce : Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. 174 с.
9. Николаев Н.И. Невельская школа философии и марксизм. Доклад Л.В. Пумпянского и выступление М.М. Бахтина // Михаил Михайлович Бахтин. М. : РОССПЭН, 2010. С. 363–382.
10. Осовский О.Е. Бахтин в Шанхае: «Уроки китайского» для бахтинистики // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 207–223.
11. Осовский О.Е. М.М. Бахтин читает Ольгу Фрейденберг: о характере и смысле маргиналий на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // М.М. Бахтин в Саранске : документы, материалы, исследования. Вып. 1. Саранск, 2002. С. 24–35.
12. Осовский О.Е. Диалог в большом времени : литературоведческая концепция М. М. Бахтина. Саранск : Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, 1997. 192 с.
13. Осовский О.Е. Бахтин, метапроза, советская литература // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2-3. С. 194–198.
14. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–265.
15. Kirzhaeva V., Maslova E. Fruitful Inspiration: Fresh View on Bakhtinian Dialogism in Some Fields of the Humanities // Dialogic Pedagogy : An International Online Journal. 2021. № 9. R1–R6.
16. Osovsky O., Chernetsova E., Kirzhaeva V., Maslova E. Education-for-myself and education-for-the other : The right to freedom of education and Mikhail Bakhtin's experience // Dialogic Pedagogy. 2020. № 8. SF71–SF79
17. Osovsky O., Dubrovskaya S., Chernetsova E. Social education through the lens of Bakhtinian theory // Dialogic Pedagogy : An International Online Journal. 2021. № 9. R7–R16.
18. Tihanov G. The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2019. 272 p.
19. The Palgrave Handbook of Russian Thought / eds.: M.F. Vykova, M.N. Forster, L. Steiner. 2021. XXVII. 814 p.

УДК 82-3:159.942.32

Владими́рова Светлана Михайловна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
vladisveta@rambler.ru

РАННЯЯ ПРОЗА С.С. КОНДУРУШКИНА В СВЕТЕ БАХТИНСКОЙ ТЕОРИИ СМЕХА*

Аннотация. В статье рассматривается ранняя проза писателя и журналиста Степана Семеновича Кондурушкина (1874/75–1919). В его сирийских очерках и рассказах

* Полностью доклад опубликован в виде статьи «Смеховое слово в ближневосточном нарративе С.С. Кондурушкина» [Владими́рова, 2021].

(«Почтовый день в Рашайе», «Англичанка», «Акулина в Триполе» и др.) созданы сюжеты, акцентирующие разные грани смешных ситуаций и характеров, воссоздающие праздничную атмосферу арабского Востока. Бахтинская теория смеха, включающая идею смехового слова, позволяет услышать все ноты комического дискурса Кондурушкина – от амбивалентного карнавального смеха в «Дамаске» до сатирических портретов в «Англичанке» и «Акулине в Триполи».

Ключевые слова: С.С. Кондурушкин, М.М. Бахтин, смех, смеховое слово, ближневосточная повседневность, рассказ.

Vladimirova Svetlana M.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
vladisveta@rambler.ru

KONDURUSHKIN'S EARLY PROSE IN THE LIGHT OF BAKHTIN'S THEORY OF LAUGHTER

Abstract. The article examines the early prose of the writer and journalist Stepan Semenovich Kondurushkin (1874/75–1919). In his Syrian essays and stories ("Postal Day in Rashaya", "The Englishwoman", "Akulina in Tripoli", etc.), plots were created that accentuate different facets of funny situations and characters, recreating the festive atmosphere of the Arab East. Bakhtin's theory of laughter, which includes the idea of a laughing word, allows you to hear all the notes of Kondurushkin's comic discourse - from ambivalent carnival laughter in "Damascus" to satirical portraits in "The Englishwoman" and "Akulin in Tripoli".

Keywords: S.S. Kondurushkin, M.M. Bakhtin, laughter, laughing discourse, Middle Eastern everyday life, story

Творчество Степана Семеновича Кондурушкина (1874/75–1919) – заметное явление литературно-общественной жизни России рубежа XIX–XX вв. Его очерки и рассказы, посвященные ближневосточной тематике, публиковались в журналах «Русское богатство», «Русская мысль», «Мир Божий», «Исторический вестник», «Нива» и др.

Популярный в 1900-е годы писатель и журналист, сегодня Кондурушкин почти забыт. В современных исследованиях его имя упоминается среди писателей второго или третьего ряда, хотя масштаб его творчества заслуживает гораздо большего внимания. Об этом свидетельствует та оценка, которую в разное время давали произведениям писателя В.Г. Короленко, А.М. Горький, А.И. Куприн, М.О. Гершензон и др. [Чуваков, 1994; Дубровская и др., 2021; Владимирова и др., 2021]

Разносторонний характер творчества С.С. Кондурушкина, в прозе которого органично сочетались фактография и вымысел, анализ политической, экономической и религиозной ситуации в регионе, сатира и лирические зарисовки, требует от исследователя особого внимания к «рабочим записям», позволяющим глубже проникнуть в замыслы и понять его авторские стратегии. В этом контексте интерес представляет набросок о Боге Смеха [Кондурушкин, 1902, Л. 4–5], в значительной степени проясняющий реальное отношение писателя к тому, что условно можно определить как комическая сторона ближневосточной повседневности.

Следует отметить, что создаваемый в текстах Кондурушкина смеховой, шире – комический – дискурс в полной мере соотнобразуется с новыми векторами развития комического в русской литературе на рубеже XIX–XX столетий [Комическое..., 2014; Поэтика..., 2019]. Сегодняшнее литературоведение рассматривает эту традицию сквозь призму концепции комического, которая разрабатывалась М.М. Бахтиным в 1930–1970-е гг. [Дубровская и др., 2012; Дубровская, 2018а; Дубровская, 2018б; Осовский и др., 2014].

Объясняя специфику смехового слова, Бахтин в работе «К вопросам теории романа» (нач. 1941) отмечает: «Природа веселого смехового слова глубоко своеобразна: оно по особому относится как к своему автору (говорящему), так и к своему предмету; оно по особому ощущает и свой контекст; особое отношение его к общему языку и к речевым нормам. Оно разрывает пути глубинного и безличного языкового мировоззрения» [Бахтин, 2012, с. 571]. Смеховое слово, по Бахтину, всегда акцентирует положительный, веселый, праздничный полюс смеха.

Бахтинское смеховое слово можно назвать одним из важнейших инструментов для понимания и интерпретации отечественного комического дискурса начала XX века, в том числе и прозы Кондурушкина [Дубровская, 2018].

«Восток умеет весело праздновать», – фиксирует Кондурушкин одно из первых впечатлений о Сирии [Кондурушкин, 1901, с. 202]. В последующих очерках он неоднократно подтверждает сказанное, акцентируя внимание на соответствующих сюжетах, характерных образах и деталях быта. Это и почти раблезианский хронотоп ближневосточного базара, и насыщенное смехом описание постановки «обарабленной» французской трагедии в очерке «Дамаск», это и сатирические портреты невежественных священников, и полные иронии характеристики простодушных паломников в очерке «Греки в Палестине и Сирии», это и воспроизведение многочисленных анекдотических ситуаций, свидетелем которых становится повествователь [см. подробнее: Владимирова и др., 2021]

Не только праздничное веселье привлекает внимание Кондурушкина. Вместе с читателем автор нацелен на выявление комического в повседневной жизни Ближнего Востока. Цикл «Из скитаний по Сирии» [Кондурушкин, 1902] – яркое тому подтверждение. Опубликованные в нескольких номерах «Русского богатства», очерки и рассказы призваны познакомить российскую аудиторию со страной, ее культурой, разнообразными сюжетами из той жизни, которая окружала автора в Рашае и Дамаске. Важнейшая особенность ближневосточного нарратива Кондурушкина связана с его умением запечатлеть мимолетность повседневности, в том числе в ее комических проявлениях и чертах. В этом смысле примечательна характеристика, данная Кондурушкину его «литературным крестным» – В.Г. Короленко, – «фотограф случайно мелькающих явлений» [Короленко, 1909, с. 191].

Установка автора на создание живых картин, помогающих русскому читателю понять реальность Ближнего Востока, почувствовать всю экзотику жизни «другого», составить представление о «другом» определяет характер

смехового слова. Один из ярких примеров – очерк «Могильщик. Из Рошайской хроники» [Кондурушкин, 1902а].

Арабским локусом комика Кондурушкина не ограничивается: героями подчеркнута смеховых сюжетов становятся соотечественники автора. («Акулина в Триполи», «Англичанка») [Кондурушкин, 1902а; Кондурушкин, 1908].

Смеховое слово ближневосточного нарратива сохраняется у Кондурушкина и в более поздний период творчества. Смеховое слово звучит не только в художественных текстах (например, повесть «Моисей», 1908), но и в границах путевого и политико-экономического очерка, свидетельством чему могут служить историческая новелла «Потомки Царя Иудейского» (1912) и цикл очерков «Вслед за войной» (1915).

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. К вопросам теории романа // Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 557–608.
2. Владимирова С.М. Смеховое слово в ближневосточном нарративе С.С. Кондурушкина // Центр и периферия. 2021. № 3. С. 69–72.
3. Владимирова С.М., Дубровская С.А., Дубровская Д.А. Ближневосточный хроно-топ в прозе С. С. Кондурушкина рубежа XIX–XX веков. К постановке проблемы // Филология: научные исследования. 2021. № 2. С. 1–9.
4. Дубровская Д.А., Дубровская С.А. «Смеховое слово» в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 3(11). С. 79–82.
5. Дубровская С.А. Международная Бахтинская конференция в Шанхае // Регионология. 2018. Т. 26, № 1(102). С. 179–183.
6. Дубровская С. А. От «Арзамаса» до Гоголя: смеховое слово в пространстве русской литературы 1810-х – начала 1840-х гг. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2018а. 252 с.
7. Дубровская С.А. Смеховое слово в карнавализованном пространстве эпистолярия Н.В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018б. № 4–1(82). С. 13–16.
8. Дубровская С.А., Киржаева В.П., Владимирова С.М. Ближневосточная повседневность в журнальных очерках С.С. Кондурушкина начала XX века // Научный диалог. 2021. №8. С. 170–184.
9. Комическое в русской литературе XX века / сост. и отв. ред. Д.Д. Николаев. М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2014. 504 с.
10. Кондурушкин С.С. Англичанка // Кондурушкин С.С. Сирийские рассказы. СПб. : Товарищество «Знание», 1908. С. 49–54.
11. Кондурушкин С.С. Дамаск // Исторический вестник. Т. 92. 1903. № 4. С. 223–279.
12. Кондурушкин С.С. Железная дорога к священному городу мусульманского мира // Русское богатство. 1901. № 7. С. 201–213
13. Кондурушкин С.С. Записная книжка 1902 года с записями тем рассказов, пословиц, цитат. Без конца. 1902. Ф. 231 Оп. 2. Ед. хр. 6.
14. Кондурушкин С.С. Из скитаний по Сирии. Баядерка. Акулина в Триполи. Абу-Масудь. Почтовый день в Рашае. Могильщикъ. Узналь! Узналь! // Русское богатство. 1902а. № 9. С. 235–266.
15. Короленко В.Г. Письмо С.С. Кондурушкину. 4 янв. 1909. Полтава // Короленко В. Г. Избранные письма : в 3 т. Т. 3. М., 1936. С. 190–191.
16. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Разработка концепции «смехового слова» в трудах М.М. Бахтина 1930–1960-х гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 4 (34) : в 3 ч. Ч. I. С. 163–167.

17. Поэтика комического в русской литературе XX–XXI вв. : коллективная монография / сост. и отв. ред. Д.Д. Николаев. М. : ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2019. 558 с.

18. Чуваков В.Н. Кондурушкин Степан Семенович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. К–М / глав. ред. П.А. Николаев. М. : Большая российская энциклопедия, 1994. С. 50–51.

УДК 81`42Бахтин

Giesbergen Max
(Amsterdam, Netherlands)
maxgiesbergen@gmail.com

SHAKING THE HABITUAL: A SYNTHESIS BETWEEN BAKHTINIAN DIALOGISM AND SHKLOVSKY'S DEFAMILIARISATION

Abstract. This essay constitutes an attempt to synthesise Shklovsky's definition of art as proposed in "Art as Technique" and Bakhtin's concept of dialogicity. Central to this attempt is Shklovsky's concept of defamiliarisation – a roughening of the perception. Taken together with Bakhtin's ideas on multivoicedness, defamiliarisation can be seen as a powerful tool through which to establish a dialogue between subject and object – a dialogue that engenders, authors, and creates art.

Keywords: Shklovsky's defamiliarisation, Bakhtinian dialogism; a renewal of a sense of wonder through a rejection of nihilism, synthesising disparate views.

Гисберген Макс
(Амстердам, Нидерланды)
maxgiesbergen@gmail.com

ИЗМЕНЯЯ ПРИВЫЧНОЕ: СИНТЕЗ БАХТИНСКОГО ДИАЛОГИЗМА И ОСТРАНЕНИЯ ШКЛОВСКОГО

Аннотация. Эссе представляет собой попытку синтезировать определение искусства, предложенное Шкловским в статье «Искусство как техника», и концепцию диалогичности М. Бахтина. Центральным элементом этой попытки является концепция остранения Шкловского как дефамификации, огрубления восприятия. В совокупности с идеями Бахтина о многоголосии, остранение можно рассматривать как мощный инструмент, с помощью которого устанавливается диалог между субъектом и объектом – диалог, который порождает авторов и создает искусство.

Ключевые слова: остранение В.Б. Шкловского, диалогизм М.М. Бахтина, возрождение чувства удивления через отказ от нигилизма, синтез разрозненных взглядов.

This essay will attempt a synthesis between Shklovsky's definition of art and Bakhtin's concept of dialogicity. Shklovsky's concept of defamiliarisation taken together with Bakhtin's ideas on multivoicedness, will together form an analysis in which art can be seen as being born from the dialogue between subject and object. Shklovsky's radical statement that the object is not important for art will need to be addressed. Taken to its logical extreme this view contends that everything and anything can be art, as long as one takes the time to truly perceive the object. An overview of criticism, which considers this to be a damaging notion,

will be given. This essay will then advocate a more constructive perspective on the consequences of Shklovsky's polemical remark.

The prevailing sentiment at the time of Shklovsky's writing was that art worked by combining signs into "poetic images or tropes" that evoke mental conceptions in the observer "that are always more complicated and more informative than the sum of the signs used in constructing the image" [Denner, 2014, p. 374]. From this it was concluded that the only difference between communication in art and communication in ordinary language was the degree of meaning imparted by it. Art was simply more intense and more efficient and "the aesthetic reaction to a work of art ... is nothing more than "a reflex to this economy of expression" [Denner, 2014, p. 375]. Shklovsky admits that practical language does indeed seem to function this way, in what he terms the algebraic method. Simple and accessible signs are used to allow for an easy way to know and recognise more complex ideas. This reduction of signification to its bare fundamental characteristics is exemplified by algebra. However he sees the drive for efficiency in practical language as something separate from art. He uses convoluted metaphors to question the contention that art is a hyper-efficient version of communication. In comparing non-existent things to fairly simple phenomena, Shklovsky rejects the idea of art as "ordinary language, only more so" [Denner, 2014, p. 374].

For Shklovsky practical language, while desirable in certain conditions, also held an inherent danger, namely that of automatisisation. He states that as "perception becomes habitual, it becomes automatic," as "all our habits retreat into the area of the unconsciously automatic" [Shklovsky, 2012, p. 11]. Shklovsky contends that this tendency to abstract in practical communication leads to a similar abstraction in our perception and thus reduces "reality to convenient categorical prejudices" [Denner, 2014, p. 376]. In doing so we effectively breed an epistemological illness that is highly contagious, and while at first only our perception is affected by this economy driven strategy, eventually it eats away at the world as we stop perceiving and merely lazily recognise. Functioning as perception's equivalent of the algebraic method, recognition is "perceptual shorthand that assumes knowledge of an object based on prior experience" [Denner, 2014, p. 377]. Art, according to Shklovsky, exists to combat this disease, it is the revitalisation of perception, and it undoes the devouring process of habitualisation. "The purpose of art is to impart the sensation of things as they are perceived and not as they are known" [Shklovsky, 2012, p. 12]. It achieves this by making objects unfamiliar and in doing so reducing the ease of perception. The technique of art lengthens the process of perception because this "is an aesthetic end in itself and must be prolonged" [Shklovsky, 2012, p. 12]. Thus deprived of "easy and economic recognition" art presents to us an object "removed from all prior associations and assumptions" [Denner, 2014, p. 377] making it possible for us to examine this object anew; "*Art is a way of experiencing the artfulness of an object; the object is not important*" [Shklovsky, 2012, p. 12].

Momentarily setting aside the implications that Shklovsky's statements have, I would like to establish a connection between his theories and the Bakhtinian concept of dialogicity. Bakhtin used this term in his theories on the novel,

which as a genre is engendered by multivoicedness. His theory assumes that within the structure of a novel, more than one voice is present at any given time and that these voices enter into a dialectic relation with each other, their meanings informed by and formed through their dialogue. Opposed to this is the authoritative voice, exemplified by the genre of the epic. Authoritative discourse "enters our consciousness as [an] indivisible mass", prompting one to "either totally affirm [or] reject it" [Bakhtin, 1981, p. 343]. Bakhtin focussed his theories on discourse in the novel but he is deliberate in reminding us "that dialogic relationships in the broad sense are also possible among different intelligent phenomena" [Bakhtin, 2003, p. 184]. What happens then when we take works of art to be 'utterances' in a Bakhtinian sense? An arguably classic method of looking at art is to treat a work as authoritative, a single voice, a single utterance. However Shklovsky's claim that perception, an activity that originates from the subject but is empty without an object, is an end in itself suggests that he acknowledged the importance of the relation between art and its observer. Thus, in including the subject into the process of art, I would argue that Shklovsky introduces a heteroglossic element and makes it "more multi-voiced" so that it "no longer [gravitates] toward itself or its referential object" [Bakhtin, 2003, p. 226]. Therefore the voices of the object and the subject "instead of following one after the other and being uttered by two different mouths, are superimposed one on the other and merge into a *single* utterance issuing from a *single* mouth" [Bakhtin, 2003, p. 209]. The dialogic relation creates art.

Returning to Shklovsky, his contention that the object is not important needs to be addressed. This radical claim would seem to completely reject the significance of the object, but I believe it needs to be taken with a grain of salt. In a way, what Shklovsky asserts is true, however Bakhtin offers a more nuanced view: "Dialogic relationships are absolutely impossible without logical relationships or relationships oriented toward a referential object, but they are not reducible to them" [Bakhtin, 2003, p. 184]. This distinction turns around Shklovsky's rejection of the object, as it has now become integral to the dialogic process of perception, but adds the caveat that there can be no isolation for the experiencing of the artfulness of an object. In spite of this gradation, Shklovsky's arguments still open "up the definition of art to include a potentially unlimited set of objects" [Denner, 2014, p. 380]. Generally the use of a *reductio ad absurdum* argument is pitted against this inclusive view of art. It is said to lead to absurd situations where complexity of form takes precedence over complexity of content, but as Shklovsky states: "in our analysis of the work of art... there is no need for the concept of 'content'" [Denner, 2014, p. 383]. He considers these essentially expressions of the same thing.

For the skeptics, Shklovsky's assertion that "defamiliarization is found almost everywhere form is found" [Shklovsky, 2012, p. 18] is a damaging claim, and a false conclusion follows from his allegation. Their *reductio ad absurdum* is as follows: (1) if it can be defamiliarised, it is art; (2) everything can be defamiliarised; (3) therefore, everything is art. It is *not* true that everything is art, not (3). Therefore, *reductio*: (1) entails not (2); (2) entails not (1). So either exclusively (1), or exclusively (2). In their eyes the third premise is false, but on what do they base this? A Bakhtinian interpretation might point out the similarities of this rejection to

the hallmarks of authoritative discourse. The earlier analysis of art was that it was a system that was "analogous with the system of a language" [Bakhtin, 1981, p. 273], and that it was incapable of standing in a dialogic relation. Thus, from this point of view "the artistic work as a whole... is a self-sufficient and closed, authorial monologue, one that presumes only passive listeners beyond its boundaries" [Bakhtin, 1981, p. 274]. According to Bakhtin, there was a tendency in Europe to concentrate the scrutiny of philosophical thought on the "firmest, most stable, least changeable and most mono-semantic aspects of discourse... that are furthest removed from the changing socio-semantic spheres of discourse" [Bakhtin, 1981, p. 274]. This single-voicedness "demands our unconditional allegiance" and, as outlined above, this "renders the artistic representation of authoritative discourse impossible" [Bakhtin, 1981, p. 343–344]. The skeptic's rejection of this proposed definition of art therefore relies on a reaffirmation of exactly that which is impossible to maintain in its requisite dialogic relation.

If, as I hope to have shown, the skeptic's *reductio ad absurdum* is a fallacious argument, and indeed everything can be art, what does this entail? Critics of this view argue that it is a destructive notion – if everything is art, nothing is art, destroying art's significance. This is an extremely negativistic outlook, and rather than complying to pessimism, I propose a positivistic use for this definition of art. While writing this, I have become thoroughly familiarised with the stuccoed wall behind the monitor. As an object it has faded for the subject of my consciousness. However through actively imposing defamiliarisation on the plaster, by entering into a dialogic relation and letting the utterances of the object and subject resonate, I become once again able to experience the artfulness of the thing as it is perceived, not as it is known. I might marvel at the physics that make it possible; or at the economics involved; or at the underlying cultural factors; or at how a myriad of humans have, over the course of countless lives, gradually contributed to something as simple as a few square feet of plastered wall. It is a cumulative miracle. It is neither the object nor subject responsible for this artfulness, the author of this 'artwork' is the dialogic relation. In this way, by the transformative process of shaking the habitual, the ordinary becomes art.

References

1. Bakhtin M. Discourse in Dostoevsky // Problems of Dostoevsky's Poetics / transl. C. Emerson. Minneapolis : Univ. of Minnesota, 2003. P. 181–237.
2. Bakhtin M. Discourse in The Novel // The Dialogic Imagination: Four Essays / ed. M. Holquist. Austin : Univ. of Texas, 1981. P. 269–422.
3. Denner M.A. Dusting off the Couch (and Discovering the Tolstoy Connection in Shklovsky's "Art as Device") // The Slavic and East European Journal. 2008. Vol. 52, № 3. P. 370–88.
4. Shepherd D. Bakhtin and the Reader // Bakhtin and Cultural Theory / ed. K. Hirschkop. Manchester : Manchester Univ. Press, 1989. P. 91–108.
5. Shklovsky V. Art as Technique // Russian Formalist Criticism: Four Essays / ed. L.T. Lemon and M.J. Reis. Lincoln : Univ. of Nebraska, 2012. P. 3–24.

Гудкова Светлана Петровна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
sveta_gud@mail.ru

ПРОЦЕСС РОМАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ КАК ОБЪЕКТ ОСМЫСЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И КРИТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды отечественных исследователей на проблему взаимодействия двух родовых систем – эпоса и лирики. Отталкиваясь от бахтинской идеи влияния романа на другие жанры, автор осмысливает значимость процесса романизации в современной отечественной поэзии. В ходе исследования делается вывод об активном проникновении прозы в поэзию, что способствует деканонизации поэтических жанров.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, процесс романизации, современная поэзия, жанровый синтез.

Gudkova Svetlana P.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
sveta_gud@mail.ru

THE PROCESS OF ROMANIZATION IN MODERN POETRY AS AN OBJECT OF RUSSIAN LITERARY STUDIES AND CRITICISM'S UNDERSTANDING

Abstract. The article deals with the views of Russian researchers on the problem of two generic systems' interaction – the epic and the lyrics. Starting from the Bakhtin's idea of the novel's influence on other genres, the work comprehends the significance of romanization's process in modern Russian poetry. As part of the study, the conclusion is made about the active penetration of prose into poetry, which contributes to the decanonization of poetic genres.

Keywords: M.M. Bakhtin, the process of romanization, modern poetry, genre synthesis.

В последние десятилетия вопросы жанровой специфики современной поэзии оказываются в числе наиболее актуальных проблем отечественного литературоведения. Современная поэтическая система жанров отличается жанровым синтезом, гибкостью и неоднородностью. В последние десятилетия активно развиваются крупные жанровые формы: поэма, лирический цикл, книга стихов, стихотворная повесть, роман в стихах. Возросший интерес к данным синтетическим формам, на наш взгляд, связан прежде всего с проблемой романизации, поставленной в теоретических работах М.М. Бахтина еще в первой половине 1930-х годов. Под романизацией жанров ученый понимал процесс расширения жанрового поля романа, так или иначе вовлекающий в себя другие жанры и даже целые поэтические роды. По мнению ученого, происходил процесс их освобождения от каноничности, «от всего того условного, омертвевшего, ходульного и нежизненного, что тормозит их собственное развитие» и «превращает их рядом с романом в какие-то стилизации отживших форм» [Бахтин, 2012, с. 642]. Большое значение при этом приобретают вводимые М.М. Бахтиным понятия «канонизация» и «переак-

центуация», особенно последнее, «поскольку переакцентуация романских образов при переносе их в другие жанры и даже виды искусства также несет в себе существенный потенциал обновления устоявшейся жанровой формы» [Осовский, 2004, с. 143].

Обращает на себя внимание то, что М.М. Бахтин сосредоточивается на процессе «поглощения» иных жанров новым. Более конкретно романизация жанров связывалась ученым с усилением их пластичности, с обновлением их языка, диалогизацией, проникновением в них иронии, юмора, элементов самопародирования и проблемности, специфической незавершенности. Выделяя моменты доминирования романа на определенных отрезках литературной истории, ученый выстраивает четкую схему исторического процесса романизации других жанров: «в эпоху господства романа почти все остальные жанры в большей или меньшей степени „романизируются“: романизируется драма... поэма... даже лирика» [Бахтин, 2012, с. 611].

Проблема романизации лирики рубежа XX–XXI веков становится наиболее обсуждаемой в работах отечественных литературоведов и критиков. Исследователи приходят к выводу о том, что все чаще в творчестве современных авторов наблюдается тяготение к эпизации, укрупнению угла поэтического зрения; происходит художественный синтез поэзии и прозы, причем эпические черты в большинстве поэтических текстов помогают подчеркнуть именно лирическое начало. Механизмы данного явления весьма подробно представлены в статьях Е. Абдуллаева [Абдуллаев, 2006], В. Козлова [Козлов, 2006], Л. Костюкова [Костюков, 2001], А. Кузнецовой [Кузнецова, 2006] и др. Заметим, что в работах отечественных литературоведов процесс романизации включает в себя и явление прозаизации лирики.

Так, например, А. Кузнецова эпическую доминанту выделяет в целом ряде лирических произведений интимной лирики (М. Степанова, В. Павлова). В. Козлов уточняет термин «повествовательная поэзия», предложенный в свое время Г.Н. Пospelовым, исходя из специфики творчества современных лириков, которые тяготеют к эпике (Г. Русаков, Б. Рыжий, О. Николаева, М. Галина и др.). Литературный критик доказывает двойственную природу данного явления. Художественный синтез двух родовых начал в литературном произведении, по мнению исследователя, помогает расширению смысловых кодов поэтического текста и, как следствие, дает интерпретатору возможность нового прочтения произведения [Кузнецова, 2006, с. 42].

Похожую мысль высказывает и Л. Костюков, выделяя ряд характерных эпических черт в поэтическом творчестве Б. Херсонского, А. Родионова, В. Нугатова. При этом главное различие между поэзией и прозой критик видит «в физическом объеме высказываемого (объем недосказанного, несказанного, возникающего за текстом в поэзии может быть запредельным)» [Костюков, 2001, с. 60]. Е. Абдуллаев также утверждает, что формальная сторона поэтического текста (запись в столбик или в строчку) еще не показатель родовой принадлежности произведения. Критик, анализируя верлибры Л. Лосева, Д. Быкова, М. Галиной, не каждый поэтико-прозаический эксперимент считает синтезом поэзии и прозы. Для того чтобы произошло гармо-

ничное слияние двух родов литературы на пространстве художественного текста и при этом эпическое помогало раскрытию лирического содержания, необходима, как считает исследователь, опора на прозаическое, которое позволит «ввести в стихи Другого, но не как некую литературную маску... ..а как голос другого человека, находящегося в некой предельной ситуации (болезнь, старость, гибель...)» [Абдуллаев, 2006, с. 74]. Яркие примеры такого «обогащения» (интересные случаи «прозы в поэзии») Е. Абдуллаев находит в стихах И. Ермаковой, Б. Херсонского, где происходит своего рода «депсихологизация повествования, освобождение его от диктата чувств» [Абдуллаев, 2006, с. 76].

Активное проникновение прозы в поэзию способствует дальнейшей деканонизации поэтических жанров. Гибкость жанровой системы рождает многообразие подвижных форм, таких, например, как «новый эпос» в поэзии. Об особенностях возникновения данного явления весьма подробно говорится в статье И. Кукулина «От Сваровского к Жуковскому: О том, как метод исследования конструирует литературный канон» [Кукулин, 2008]. Автор статьи, анализируя творчество основоположников этого направления в современной поэзии (Ф. Сваровского, А. Ровинского), обнаруживает главные отличительные черты «нового эпоса» – это изменившееся отношение к повествовательности в стихах (ярко выраженная необычность, острота тем и сюжетов), отсутствие авторского «я», значимая роль иносказательности. За целым каскадом метафизических событий обязательно должна проступать иносказательная лирическая идея. Таким образом, литературный критик подводит к мысли о близости «нового эпоса» к жанровой традиции романтической баллады, где эпическое способствует усилению лирического начала поэтического произведения [Кукулин, 2008, с. 230].

Таким образом, проблема романизации, поставленная в работах М.М. Бахтина, становится все более актуальной и применительно к лирике. Сегодня романизация поэзии видится теоретиками литературы не столько в освоении нового пространства, сколько в определении своего места в новой культурно-языковой реальности с сохранением права оставаться именно поэзией.

Библиографические ссылки

1. Абдуллаев Е. Проза в поэзии: в поисках единства? // Вопросы литературы. 2006. № 5. С. 67–80.
2. Бахтин М.М. Теория романа (1930–1961 гг.) // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. 880 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. С. 6–300.
4. Козлов В. Вышивка эпосом по лирике // Арион. 2006. № 4. С. 41–52.
5. Костюков Л. Длинное дыхание (о большой поэтической форме) // Арион. 2001. № 1. С. 52–62.
6. Кузнецова А. Любовный эпос, или Физиология любви // Арион. 2006. № 2. С. 15–24.

7. Кукулин И. От Сваровского к Жуковскому и обратно. О том, как метод исследования конструирует литературный канон // Новое лит. обозрение. 2008. № 89. С. 228–240.

8. Осовский О.Е. Романизация // Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. Вып. 2–3. С. 142–145.

УДК 82-31:78.01

Irina Denisenko
Vanderbilt University
(Nashville, USA)

irina.deniskenko@vanderbilt.edu

BEYOND THE NOVEL: POLYPHONY AND DEMOCRATIC REPRESENTATION IN ART

Abstract. Engaging with Bakhtin's theories of the novel and their contemporary uses, this article seeks to rehabilitate the possibility of an alternative democratic art form, one that is not based on representation of others' voices and their relationship to the author. The alternative the author aims to articulate here is based on 1) the prioritization of "subjectivity" over "voice" in reshaping the concept of polyphony and 2) a redefinition of subjectivity as non-individual. The author seeks an alternative conception of a democratic art form in the lyric, specifically, in its instantiation in the poetry of Vladimir Mayakovsky. In developing such an alternative, she aims to open up our understanding of the possibility of democracy in art beyond the monopolizing influence of the novel, buttressed in today's literary theory with Bakhtin's concepts.

Keywords: Mikhail Bakhtin, Vladimir Mayakovsky, theory of the novel, polyphony, lyrics.

Ирина Денисенко
Университет Вандербильта
(Нэшвилл, США)

irina.deniskenko@vanderbilt.edu

ПО ТУ СТОРОНУ РОМАНА: ПОЛИФОНИЯ И ДЕМОКРАТИЧНОСТЬ В ИСКУССТВЕ

Аннотация. Взаимодействуя с теорией романа Бахтина и ее современным использованием, статья направлена на реабилитацию возможностей альтернативной демократичной художественной формы, не основанной на репрезентации чужих голосов и их отношения к автору. Альтернатива, которую пытается сформулировать автор, основана на: 1) приоритете «субъективности» над «голосом» при изменении концепции полифонии, 2) переопределении субъективности как неиндивидуальной. Автор ищет альтернативную концепцию демократичной художественной формы в лирике, в частности, в ее воплощении в поэзии Владимира Маяковского. Разрабатывая такую альтернативу, автор стремится раскрыть понимание возможностей демократии в искусстве за пределами монополизирующего влияния романа, подкрепленного в сегодняшней литературной теории концепциями Бахтина.

Ключевые слова: Михаил Бахтин, Владимир Маяковский, теория романа, полифония, лирика.

In contemporary literary theory, Mikhail Bakhtin's concept of polyphony is often called on to support the idea of the novel as the most democratic of forms

(Timothy Bewes, "Free Indirect" and "Introduction: Jacques Rancière and the Novel"). By contrast with theorists contemporaneous to Bakhtin who connected the novel historically to its bourgeois-democratic origins (e.g. Gyorgy Lukacs and Gustav Shpet), recent theoretical studies seek to locate the novel's democracy specifically in the particularity of its form and, in this sense, partake in Bakhtin's project. The concepts of polyphony (from the English translation of *Problemy poetiki Dostoevskogo*) and free-indirect discourse (as elaborated by Voloshinov in *Marksistskaia filosofia iazyka*) come into play in order to theorize the specificity of this form. Polyphony allows for the proliferation of different voices, which are given free rein in the novel and not subjected to the author's monologic control. Free-indirect discourse, at least according to Bewes, serves as the concrete technical means for realizing polyphony, since it destabilizes the illusion of a unified narrative voice, a single point of view. (Bewes defends the possibility of a polyphonic novel, though he stops short of granting this status to Dostoevsky.)

In this sense, Bakhtin's contributions to the study of the novel, along with those of Lukacs, have come to define the way we understand the possibility of democratic art today (Rancière). Engaging with Bakhtin's theories of the novel and their contemporary uses, this presentation seeks to rehabilitate the possibility of an alternative democratic art form, one that is not based on representation of others' voices and their relationship to the author. The alternative I aim to articulate here is based on 1) the prioritization of "subjectivity" over "voice" in reshaping the concept of polyphony and 2) a redefinition of subjectivity as non-individual. (Provocatively,) I seek an alternative conception of a democratic art form in the lyric, specifically, in its instantiation in the poetry of Vladimir Mayakovsky. In developing such an alternative, I aim to open up our understanding of the possibility of democracy in art beyond the monopolizing influence of the novel, buttressed in today's literary theory with Bakhtin's concepts.

In his 1930s writing on the novel, Bakhtin famously opposed "prose" to "poetry" as the "limits" of creativity [Бахтин, 1996–2012, т. 3, с. 40]. On the one hand, such a formulation implies that there is something inherently monologic about poetry or, at least, about the writer who chooses poetry (and the lyric in particular) over prose. On the other hand, the use of the word "limit", understood analogously to mathematical limits, implies that "poetry" and "prose" here are only abstractions. Interpreting Bakhtin's meaning of "poetry" and "prose" in this way (an interpretation which aligns with Morson and Emerson [Morson G.S. et al., 1990, p. 319–320], in turn, frees up each individual act of verbal creativity to aim toward one or the other limit. Bakhtin himself acknowledges this possibility in passing: "prosaism is possible in actual [poetic] works" [Бахтин, 1996–2012, т. 3, с. 40]. Thus, at least in theory, if not in practice, poetry is not precluded from realizing the positive potentials of prose as represented in the novel. Bakhtin's references to the "novelization of poetry" – a positive development, in his view – support the idea that each individual artwork or even a specific literary epoch can slide in one or the other direction [Бахтин, 1996–2012, т. 5, с. 53]. Notably, in Bakhtin's archival notes from the 1940s, Mayakovsky is treated as a poet who has brought prosaic principles into verse (in contrast to his Symbolist predecessors,

who brought poetry into prose) [Бахтин, 1996–2012, т. 5, с. 53]. Influenced by his research on Rabelais, Bakhtin also presents Mayakovsky as a contemporary inheritor of the idea of the grotesque body, with all of its liberating potential, and the carnivalesque spirit [Бахтин, 1996–2012, т. 5, с. 53].

Many of Bakhtin's insights in these fragmentary notes toward an article about Mayakovsky echo the private lectures he gave in the 1920s, as recorded in Mirkina's notes [Бахтин, 1996–2012, т. 2, с. 297, 369–375]. In these lectures, Mayakovsky is placed in the broader context of Futurism, from its early to its late variants, including Komfut and LEF. Unlike his other futurist colleagues, Mayakovsky, Bakhtin asserts, will eventually "assume a well-known place in literature" [Бахтин, 1996–2012, т. 2, с. 375]. As in the 1940s notes, in the 1920s lectures, Bakhtin praises the poet for introducing the jargon of the lower masses, specifically of the lumpenproletariat, into his poetry, and thus diversifying hitherto stagnant verse language. However, in these early lectures (the lecture on Mayakovsky dates to the late 1920s, according to the editors of the SS [Бахтин, 1996–2012, т. 2, с. 633], before his writings on the novel, it is as if Bakhtin is unable to fully appreciate the significance of his own observation: that Mayakovsky, like prose writers, destabilizes (the authority of) his own language by allowing others to enter it – an idea that becomes a precondition of polyphony.

Thus, it seems possible to examine Mayakovsky's poetry in novelistic terms, following Bakhtin's observation about the novelization of poetry to its logical conclusion. In this light, however, Mayakovsky's poetry appears as simply imitative of earlier and more meaningful developments in prose and does not pose a serious challenge to the novel as the only democratic form of representation. For this reason, I then take the final step in my argument: I shift the question of representing voices in democratic literature to embodying the idea of supra-individual subjectivity. The entrance of others' speech, I argue, destabilizes not the voice, but the very fabric of poetic consciousness and subjectivity. The discovery of this language, and more importantly, of aesthetic forms embedded in language, reveals the possibility of a non-individual structure of subjectivity. Reading Mayakovsky's lyrical innovations through the lens of Bakhtin's theory of the novel, and his fragmentary interests in Mayakovsky's poetry, allows us to see how Mayakovsky opens up the lyric to the possibility of becoming a democratic form of verbal art able to rival the novel.

References

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры. 1996–2012.
4. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford, Calif. : Stanford UP, 1990. 550 p.

Денисова Галина Валерьевна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
g.v.denissova@gmail.com

«ЧУЖОЕ СЛОВО» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ВЕКТОРЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ПРЕЛОМЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблематика интертекстуального преломления в современном художественном дискурсе. Автор показывает, что пародия, способствующая построению иной художественной парадигмы, – явление в культуре XXI в. довольно редкое, а интертекстуальные стратегии перестали вести к выстраиванию на интерпретативном разграничении по линии авторства лирической интонации осмысления и переосмысления, преобразующей мифы в поэзию.

Ключевые слова: интертекстуальность, диалогизм, пародия, художественный дискурс.

Denisova Galina V.
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
g.v.denissova@gmail.com

DIALOGUE IN MODERN RUSSIAN LITERATURE: INTERTEXTUAL VECTORS

Abstract. The present paper discusses some theoretical and practical problems of intertextuality as a specific textual category in modern Russian literature. The author is going to show that parody is rather rare in the culture of the 21st century and the lack of new textual strategies leads the contemporary literature to eternal existence in a stopped time of repetitions that do not change cultural paradigm.

Keywords: intertextuality, dialogism, parody, modern literature, cultural paradigm.

М.М. Бахтину принадлежит мысль, что творческий голос всегда может быть только вторым голосом в слове. Подобно Ю.Н. Тынянову, мыслитель выделял в слове смысловую направленность, объясняя, что в одном слове «оказываются две смысловые направленности, два голоса», поэтому оно «ощущается» как чужое [Бахтин, 2002, с. 212]. Являясь «диалогическим» в том смысле, что в нем слышится голос «другого», слово становится затем «полифоническим», так как в нем начинают слышаться голоса сразу нескольких дискурсных инстанций. Любое высказывание (даже цитата), таким образом, всегда является новым, поскольку в нем изменяются прагматические ориентиры субъекта, места и времени. «Чужое слово», которое проявляется в таких формах, как стилизация, пародия или полемика, – это слово имплицитное, несущее в себе отклик на другое слово, отсутствующее. Именно это положение явилось отправной точкой для постструктуралистских утверждений о «переработке» одних текстов в другие и о тексте как «раскавыченной цитате». Диалогический принцип, который Бахтин включает во всеобъемлющую концепцию культуры, означает открытость языковой единицы и ее

взаимодействие с другими единицами, несущее в себе семантическую значимость.

Несмотря на то что интертекстуальные связи – не исключительное достояние постмодернизма, а постоянная величина, свойственная культуре вообще, именно постмодернизм с его видением мира и пониманием сознания как текста сделал возможным диалог разных культурных языков. Принципиально иная по структуре, «постмодернистская» картина мира, представляющая собой культуросферу, где разрушаются границы между текстом и нетекстом, литературой и не-литературой, между жанрами, дисциплинами и разными областями циркуляции текстов, предлагает важный материал для исследования феномена интертекстуальности в сознании и речевом поведении носителей русского языка/культуры, а также высвечивает те явления, которые формируют систему ценностей и вкусов, предопределяют мысли и поведение.

Феномен цитирования является важнейшей составляющей поэтики постмодернизма и дает основание для оценки постмодернистского стиля мышления как «цитатного», позволяя выявить определенный мировоззренческий комплекс, который получило название «постмодернистской чувствительности». Под «постмодернистской чувствительностью» понимается «характерная для философии постмодернизма (как и для культуры постмодерна в целом) парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса» [Грицанов, Можейко, 2001 с. 613–614]. Данная установка представляет собой концептуальное оформление (результат) рефлексивного осмысления глубинных ориентаций культуры постмодерна, релятивизировавшего практически все свои компоненты: технологию, политику, науку, философию, архитектуру, все виды искусства, склад повседневности, стиль мышления, коммуникативные стратегии и пр.

В развитии художественного дискурса рубежа XX–XXI вв. отчетливо выделяются два дополняющих друг друга вектора. Первый основан на понимании языка как непрерывного творческого процесса в духе учения Гумбольдта, т.е. занимается поиском новых художественных средств выражения, и вызван, с одной стороны, потребностью в осмыслении произошедших на уровне языкового поведения перемен и стремлением к определенному синтезу, а с другой – глубинной полемикой с парадигмой постмодернизма его же методами, усвоенными и приспособленными к новым культурным обстоятельствам, когда внешние приметы постмодернистского письма стали всенародным достоянием [Липовецкий, 2005]. Второй вектор, представляющий собой реакцию на ментальный и стилистический комплекс постмодернизма как культурного мейнстрима, находит свое отражение в возвращении в сферу нерелективного дискурса, при котором происходит отображение языка повседневного общения в данный исторический момент.

Каждая эпоха представляет собой набор различных, подчас противоречащих друг другу культурных тенденций. В настоящем исследовании термин «русский постмодернизм» используется, во-первых, во избежание терминологической путаницы, а во-вторых, потому, что «и все-таки русский постмо-

дернизм есть. Его своеобразным признаком, в отличие от западного, можно считать способ конструирования текстовой реальности из обрывков, осколков, из фрагментарной, взрывающейся или разлагаемой на отдельные составные элементы действительности» [Песонен, 1995, с. 311].

Русский постмодернизм рассматривают часто как общеинтеллектуальный дискурс противостояния некоей совокупности приемов, которые тематизируются такими же открытыми понятиями, как «модерн» или «соцреализм». Возникший как результат осмысления процессов взаимодействия текстов и сознания, постмодернизм является не просто эстетической системой, но целой философией, которая определяет суть эпохи, отражает сложившееся состояние и принципиально новое стилевое поведение, сформировавшееся в рамках изменившегося речевого поведения. Постмодернизм начинает эпоху постмодерна, являясь ее первым периодом, аналогично тому, как модернизм завершил эпоху модерна [Айзенберг, 1997, с. 218].

В художественной парадигме постмодернизма традиционно выделяются следующие составляющие: интертекстуальность, диалогизм, открытость для любого культурного языка. Проследим теперь реализацию и/или модификацию этих категорий в последних произведениях современной прозы, которая появилась в рамках традиции, которая «еще не знает, что говорит „прозой“, то есть говорит на языке постмодерна, еще не ведая, как будет называться сам этот язык» [Липовецкий, 1997, с. 310–317].

Русский художественный дискурс на рубеже XX–XXI вв. перешел на новый виток развития и характеризуется тенденцией к преодолению цитатности как безличия, к восстановлению авторского дискурса в хоре других «голосов», к возрождению более традиционных поэтических приемов (четкость композиции, равновесие между формой и содержанием и пр.). Анализ современного художественного дискурса подтверждает предположение М.Н. Липовецкого о формирующемся компромиссе между постмодернизмом и традиционализмом с возвратом к гуманистическому измерению реальности и интересом к конкретной человеческой личности. Фактически речь идет о возврате к «человекоцентризму» в русской литературе с учетом опыта постмодернистской поэтики; о повествовании о человеческих судьбах в пространстве многослойного и разноголосого текста, не отказывающегося от интертекстуальной игры и поливалентности мироздания постмодернизма.

Одна из важных характеристик развития современной культуры, начиная с нулевых годов, состоит в переходе постмодернистских приемов из сферы инновационной культуры в более широкие читательские круги, заимствующие модели «сверху» и подражающие им. В век гипертекста свободная игра с интертекстуальными механизмами напоминает свободные вариации на музыкальные темы в джазе. Подражание мастерам, которое на более зрелой стадии может переходить в пародирование, – явление не только не новое, но и неизбежное для эволюции художественных приемов, но при условии, что процесс подражания ведет к эволюции, к глубинным изменениям сложившейся литературной системы [Тынянов, 1977, с. 290–293]. Однако как внешнее интертекстуальное заимствование (т.е. сюжетной канвы и/или героев) да-

леко не всегда делает произведение более интересным, так и имитация нарративных приемов сама по себе не обязательно свидетельствует о стремлении автора к пародичности (в понимании Ю.Н. Тынянова), направленной на перестройку сложившейся литературной системы. Представляется, что поставленный в начале постперестроечной эпохи вопрос о создании текстов общедоступных и одновременно не становящихся уступкой дурному вкусу стал катализатором появления книг промежуточных между откровенной беллетристикой и литературой художественной. Отсутствие новых текстовых стратегий и оригинальных авторских позиций обрекает промежуточную литературу на вечное существование в остановленном времени бесконечных повторений: «Раньше литература стояла на трех-четырёх китах – Сорокин-Пелевин-Акунин, а теперь китов и не увидишь за расплодившимся планктоном. Гуцко, Прилепин, Козлова, Доренко, Вадимов, Степнова – такого количества дебютантов, как в пятом году, хватило бы на целое десятилетие» [Данилкин, с. 164].

Анализируя вопрос аномалии как нормы художественного дискурса, Т.Б. Радбиль описывает идеальную коммуникативную ситуацию применительно к художественному тексту по схеме: «аномалия в зоне говорящего» = «норма в зоне адресата» [Радбиль, 2007, с. 316]. Если эта модель не срабатывает, то текст воспринимается как эстетически неубедительный. Пародия, способствующая перестройке существующей литературной системы и построению другой художественной парадигмы, – явление в художественном дискурсе рубежа XX–XXI вв. довольно редкое, а тотальная интертекстуальность перестала вести к выстраиванию на интерпретативном разграничении по линии авторства лирической интонации осмысления и переосмысления, преобразующей мифы в поэзию.

Библиографические ссылки

1. Айзенберг М.Н. Власть тьмы кавычек // Знамя. 1997. №. 2. С. 214–221.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. С. 6–300.
3. Берг М.Ю. Литературократия: проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М. : НЛЮ, 2000. 533 с.
4. Грицанов А.А., Можейко М.А. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск : Интерпрессервис : Книжный Дом. 2001. 1040 с.
5. Данилкин Л.А. Парфянская стрела. Контратака на русскую литературу 2005 года. СПб. : Амфора, 2006. 301 с.
6. Дубин Б.В. Слово–письмо–литература. М. : НЛЮ, 2001. 530 с.
7. Липовецкий М.Н. ПМС (постмодернизм сегодня) // Знамя. 2002. №. 5. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2002/5/pms-postmodernizm-segodnya.html>
8. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. 317 с.
9. Песонен П. Интертекстуальный смех в современной русской прозе // *Studia russica helsingiensia et tartuensia IV* – «Свое» и «чужое» в литературе и культуре / под ред. Р. Лейбов. Тарту: Kirjastus, 1995. С. 310–326.
10. Радбиль Т.Б. Художественное слово в рамках теории языковой аномальности // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2007. С. 311–317.

11. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. 574 с.
12. Эпштейн М.Н. Постмодерн в России: литература и теория. М. : Изд. Р. Элинина, 2000. 367 с.
13. Эпштейн М.Н. Проективный лексикон русского языка // Дар слова. 2005. № 127. URL: <https://www.emory.edu/INTELNET/dar127.html>
УДК 82-13:394.25

Долгорукова Наталья Михайловна
НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)
natalia.dolgoroukova@gmail.com

«БАХТИН СРЕДНЕВЕКОВЫЙ»: ХРОНОТОП ТАВЕРНЫ В ЛАТИНСКОМ ТЕКСТЕ XII ВЕКА

Аннотация. Бахтинскую концепцию средневекового карнавала и «карнавального мироощущения», изложенную главным образом в книге о Рабле (1940; 1965), нередко критиковали за отсутствие или недостаток средневековых текстов, приводимых автором в подтверждение его идей (А.Я. Гуревич, М.Л. Гаспаров, книга французского медиевиста Д. Буте о средневековой пародии, многие другие). В предлагаемом исследовании сделана попытка показать взгляды М.М. Бахтина на средневековый карнавал и «карнавализацию» на таком материале «смеховой литературы», который Бахтину, скорее всего, не был известен, либо был упомянут в его книге о Рабле, но подробно не разбирался им по объективным причинам.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, средневековый карнавал, пародия, «In taberna quando sumus».

Dolgorukova Natalia M.
HSE University
(Moscow, Russia)
natalia.dolgoroukova@gmail.com

«MEDIEVAL BAKHTIN»: A TAVERN CHRONOTOPE IN LATIN TEXT OF THE 12TH CENTURY

Abstract. Bakhtin's concept of a medieval carnival and "carnival attitude", set out mainly in the book on Rabelais (1940; 1965), was often criticized for the absence or lack of medieval texts cited by the author of the book in support of his concept (A.Y. Gurevich, M.L. Gasparov, a book by the French medievalist D. Bute about medieval parody, many others). In the proposed study, an attempt will be made to show the thoroughness of the views of M.M. Bakhtin to a medieval carnival and "carnivalization" on such material of "laughter literature" that Bakhtin most likely did not know, or was mentioned in his book about Rabelais, but did not understand it in detail for objective reasons.

Keywords: M.M. Bakhtin, medieval carnival, parody, "In taberna quando sumus".

Бахтинскую концепцию средневекового карнавала и «карнавального мироощущения», изложенную, главным образом, в книге о Рабле (1940; 1965), нередко критиковали за отсутствие или недостаток средневековых текстов, приводимых автором книги в подтверждение его концепции (А.Я. Гуревич [Гуревич, 1966, с. 207–212], [Гуревич, 2004, с. 202–219], М.Л. Гаспаров [Гаспаров, 1979, с. 111–114], книга французского медиевиста Д. Буте о средневековой пародии [Boutet, 2017], многие другие). Эту критику в 2020 году в электронной анкете образовательного портала «Горький», по-

священной 125-летию М.М. Бахтина, резюмировал С.Н. Зенкин (Горький Медиа). Эту же критику продолжают другие современные действующие филологи в других современных анкетах и журналах (Окна роста).

Цель предполагаемого исследования – показать, что «культурологический фантом», якобы сконструированный Бахтиным, опирается на целый пласт средневековых (латинских и народных) текстов. В качестве примера будет рассмотрен лишь один латинский текст, действие которого происходит в таверне, т.е. в специфическом «хронотопе», отражающем особенности карнавального мироощущения и поведения людей.

М.М. Бахтин во введении к своей книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» пишет о так называемой «*parodia sacra*», т.е. «священной пародии», которую он называет «одним из своеобразнейших и до сих пор недостаточно понятых явлений средневековой литературы» [Бахтин, 1996, с. 23]. Подобные тексты были неотъемлемой частью творчества вагантов, и песня XII века «*In taberna quando sumus*», вероятно, является образцом «*parodia sacra*».

После двух строф с экспозицией, в которой описывается место действия (таверна), посетители и их традиционное времяпровождение (азартные игры, пьянство и разврат), в двух следующих строфах перечисляются тосты, звучащие в таверне.

Хотя всего произносится пятнадцать тостов, два из них стоят отдельно – за короля и за папу – и служат скорее дополнением к основному перечню. Сам список из 3–4 строф «*In taberna quando sumus*» частично соответствует перечню из *Missale Romanum* (Римского миссала), где в разделе «*Missae Votivae*» («Вотивные мессы») и приложенным к ним «*Orationes diversae*» («Различные молитвы») можно найти мессы «*Pro peregrinantibus et iter agentibus*» («За живущих на чужбине и совершающих путь») и «*In commemoratione omnium fidelium defunctorum*» («В поминовение всех верных почивших») и молитвы «*Pro constituto in carcere vel in captivitate*» («За заключённых в темнице или в плену»), «*Pro salute vivorum*» («За здоровье живых»), «*Pro navigantibus*» («За плавающих в море»), «*Pro inimicis*» («За недругов») (ср. «*undecies pro discordantibus*»), «*Pro publice paenitentibus*» («За публично кающихся») [Walsh, 1976, p. 67]. В том же разделе Миссала находятся молитвы «*Pro papa*» и «*Pro rege*» [Missale, 1962, p. 291].

Таким образом, пародируется христианская литургия: если в церкви за этих людей произносят молитвы, то в таверне – тосты.

Пятая и шестая строфы являют собой список тех, кто пьёт:

Bibit hera, bibit herus,	Пьёт хозяйка, пьёт хозяин,
bibit miles, bibit clerus,	Пьёт рыцарь, пьёт клирик,
bibit ille, bibit illa,	Пьёт тот, пьёт та,
bibit servus cum ancilla,	Пьёт раб с рабыней,
bibit velox, bibit piger,	Пьёт проворный, пьёт ленивый,
bibit albus, bibit niger,	Пьёт белый, пьёт чёрный,
bibit constans, bibit vagus,	Пьёт оседлый, пьёт бродячий

bibit rudis, bibit magus.
Bibit pauper et aegrotus,
bibit exul et ignotus,
bibit puer, bibit canus,
bibit praesul et decanus,
bibit soror, bibit frater,
bibit anus, bibit mater,
bibit ista, bibit ille,
bibunt centum, bibunt mille.

Пьёт невежда, пьёт учёный,
Пьёт бедняк и больной,
Пьёт изгнанный и прощённый,
Пьёт мальчик, пьёт седой,
Пьёт епископ и декан,
Пьёт сестра, пьёт брат,
Пьёт старуха, пьёт мать,
Пьёт та, пьёт тот,
Пьют сотня, пьют тысяча.

В средневековой таверне, как и в средневековом карнавале, отменяется всякая иерархия: пьют мужчины и женщины, люди различного социального положения (*hera, herus, servus, ancilla*), любого возраста (*puer, canus*) и т.д.

Итак, стихотворение содержит элементы «*parodia sacra*», которая обыгрывает ритуальные особенности христианского богослужения и, в частности, обряд причастия. Питейные литургии создают особую версию мира – мира пьяниц, в котором застольно-комедийная иконография заменяет христианскую [Bayless, 1996, p. 98]. Так, в нашем тексте таверна – это церковь пьяниц, где вместо Господа всем заправляют деньги, где придаются порокам, подобно римским солдатам, кидают жребий, пьют. Литургическое вино заменяется профанным, а место Христа занимает Вахх. В таверне выпивают за людей вместо того, чтобы молиться за них, причем ясно выделяются тринадцать тостов. Список пьющих разнороден, пьют все «*sine lege*», ведь в таверне, в отличие от церкви, иерархия отменяется.

Однако «*In taberna quando sumus*» – это не сатирическое переосмысление евхаристической гимнографии. Анализируя подобные тексты, важно помнить замечание Бахтина: «Специфическая природа народного смеха воспринимается совершенно искаженно, так как к нему прилагают совершенно чуждые ему представления и понятия о смехе, сложившиеся в условиях буржуазной культуры и эстетики Нового времени» [Бахтин, 1996, с.12]. Этот смех – древний по своей природе, амбивалентный, снижающий и возрождающий одновременно. Существование и сочинение подобных текстов в Средневековье было возможно по двум причинам: 1) непогрешимость осмеиваемого объекта (Церковь и христианское вероучение) не подлежит сомнению, никто не думает о том, что пародия может как-либо навредить его репутации; 2) этот священный объект вызывает страх, для его преодоления и создаются подобные произведения.

Таким образом, «*In taberna quando sumus*» контекстуально вписывается в широкий круг текстов, «*parodiae sacrae*», характерных для народно-смеховой культуры западноевропейского Средневековья.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 4(2). М. : Языки славянских культур, 2010. С. 7–516.

2. Гаспаров М.Л. Бахтин в русской культуре 20-го века // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 111–114.

3. Гуревич А.Я. Смех в народной культуре средневековья // Вопросы литературы. 1966. № 6. С. 207–212.
4. Гуревич А.Я. «Гуманитарное знание... не должно бояться неясностей и парадоксов» // *Arbor mundi*. 2004. – Вып. 11. – С. 202–219.
5. Долгорукова Н.М. «Бахтин средневековый»: таверна во французских и латинских текстах XII–XIV веков // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].
6. Долгорукова Н.М., Бабенко К.В. «In Taberna Quando Sumus» как *parodia sacra* // Шаги / Steps. 2021. Т. 7, № 1. С. 199–210.
7. Зенкин С.Н. URL: https://gorky.media/context/demon-russkoj-teorii-dlya-chego-segodnya-nuzhen-mihail-bahтин/?utm_source=vk.com&utm_medium=social&utm_campaign=prorok-dialogizma--apostol-karnavala--i&utm_content=45379323&fbclid=IwAR3QrijJa0ddonwEOXOWfYvd0crg9T0GBANIdPwP6i4dHfnGueZ1Fp4ngBM (дата обращения: 18.11. 2020).
8. Серебрянников А.В. URL: <https://okna.hse.ru/news/479275903.html> (дата обращения: 8.07. 2021).
9. Bayless M. *Parody in the Middle Ages: The Latin Tradition*. Ann Arbor. The Univ. of Michigan Press, 1996.
10. Dominique Boutet. *Poétiques Médiévales De l'Entre-Deux, Ou Le Désir d'Ambiguïté*. Paris : Champion, 2017.
11. *Missale Romanum. Novum Eboracum*: Benziger Brothers Inc., 1962.
12. Walsh P. G. *Thirty poems from the Carmina Burana*. L. : Bloomsbury Academic, 1976.

УДК 111.1

Domingues Taciane
The University of São Paulo
(São Paulo, Brazil)
taciane.ferreira@usp.br

HUMBOLDT'S AND VOLOSHINOV'S WORD EMERGENCE AS THE INVESTIGATION PATH TO AN ONTOLOGICAL DISPUTE

Abstract. The article considers the linguistic concept of V.N. Voloshinov ("Marxism and the Philosophy of Language"), who is a supporter of the dialectical synthesis of German idealism in linguistics (started with the thesis of W. Humboldt) and modern structural linguistics of the Geneva school (antithesis). It compares the views of Humboldt and Voloshinov on: 1) the processes of the emergence of the word; 2) the role of consciousness in these processes; 3) definitions of the word.

Keywords: M.M. Bakhtin's circle, V.N. Voloshinov, theory of the word, philosophy of the word.

Домингес Тасиане
Университет Сан Паулу
(Сан Паулу, Бразилия)
taciane.ferreira@usp.br

«ПОЯВЛЕНИЕ СЛОВА» У В. ГУМБОЛЬДТА И В.Н. ВОЛОШИНОВА КАК ПУТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СПОРА

Аннотация. Рассматривается лингвистическая концепция участника Круга М.М. Бахтина В.Н. Волошинова (работа «Марксизм и философия языка»), который является сторонником диалектического синтеза немецкого идеализма в лингвистике (начатого

с тезиса В. Гумбольдта) и современной структурной лингвистики Женевской школы (антитезис). Сравняются взгляды Гумбольдта и Волошинова на: 1) процессы возникновения слова; 2) роль сознания в этих процессах; 3) определения слова.

Ключевые слова: Круг М.М. Бахтина, В.Н. Волошинов, теория слова, философия слова.

Valentin N. Voloshinov, member of the Bakhtin Circle and author of *Marxism and philosophy of language* is the proponent of a dialectical synthesis between German Idealism in Linguistics – started with Humboldt (thesis) – and Geneva School's modern structural linguistics (antithesis). Voloshinov's theory was developed based on the aforementioned critical dialogue; in this sense, Humboldt's Idealistic philosophy of language plays a relevant role in bakhtinian theoretical studies.

Inasmuch as both Humboldt and Voloshinov find it impossible for any kind of thought to occur outside the embodiment in linguistic material, the theoreticians discuss the fundamentals of consciousness, which is defined here as the entirety of cognitive activities in general, such as memory, judgment, reasoning etc. [Abbagnano, 1998, p. 186], according to their background perspectives (Idealistic and Marxist philosophies, respectively). By analyzing Humboldt's and Voloshinov's theoretical postulation on word emergence it is therefore possible to establish an ontological dispute (ontology is defined here as the philosophical study of being in general [Abbagnano, 1998, p. 661]). Therefore, I shall compare the Humboldtian and Voloshinovian (i) processes of word emergence; (ii) the role of consciousness in their respective processes, and (iii) their definitions of word.

Humboldt's theoretical postulation on word emergence is based on Immanuel Kant's theory of knowledge. Humboldt starts from two mental faculties that rule sensing and understanding – intuition and concept, respectively –, alleging the word has an acoustic or aesthetical part (sound-forms) alongside with a purely intellectual or conceptual part. The Kantian concept can be either empirical or pure (purely intellectual); the pure concept relates to categories of understanding a priori to experience [Guyer, 2006], such as quantity, quality, unity, plurality, relation, negation etc. The Humboldtian word is a product of this phenomenological model (i); word emergence occurs within the limits of a subject's consciousness as phenomenon, defined here as objects of the senses as they appear to particular conditions of the human cognitive structure [Abbagnano, 1998, p. 437] (ii). As a phenomenon, that is, a "product" of consciousness (iii), for methodological reasons I will address the Humboldtian word as the "*ergon*-word" (even though the term *energeia* is actually applied to every movement of linguistic creativity, including the generative process).

Voloshinov, on the other hand, inverts the core of Humboldt's definition of word as a product of the consciousness and its laws. He claims that the word is an ideological sign; for Voloshinov [1973, p. 11], a sign is indeed a phenomenon but actually "of the external world", that is, the sign itself, as well as all the effects it produces (actions, reactions, new signs) occur in outer experience (i). He states that consciousness itself can arise and become a viable fact only in the material embodiment of signs (ii) – the word being the most adaptable and thus preferable. The word is a pliable sign: at the same time its reality resides between individuals, it is

produced by the individual organism's own means without the need to recourse to any equipment or any other kind of extracorporeal material. The inner word constitutes the inner speech: it accompanies and comments on each and every ideological act of understanding (iii). For methodological reasons, I will address Voloshinov's conceptualization of word as "word-ideological sign".

Voloshinov's statement that understanding itself can come about only within some kind of semiotic material (e.g., inner speech), as I suggest, implies the following: according to the Marxist philosophy of language, the word does not emerge from any category of understanding – if Voloshinov's philosophy was to be further developed into a system, it would be more likely that Idealistic categories of understanding would take a turn from being a priori to being learnt a posteriori, from consciousness contact with the ideological sign during organized social intercourse and its internalization of it as inner speech; Voloshinov [1973, p. 11] affirms: "understanding is a response to a sign with signs".

According to his thesis that understanding (most likely in all its categories) has its existence in the semiotic material (ideological sign as inner speech), which is dependent on organized social intercourse, no category of understanding could be a priori. If consciousness is embodied in the signs of inner speech, whose origin lies in the immediate conditions of interaction among, at least, two participants and from the standpoint of their sociopolitical order and hierarchical organization, also the assumption of universal traits of understanding could be questionable; hence, any kind of inner linguistic structure that may set a universal grammar in Humboldtian terms (syntax as the material expression of a universal capacity for judgment [Thouard, 2016; Cassirer, 1954]), is also questionable from a Voloshinovian perspective.

For all the above mentioned, I argue that Voloshinov's philosophy of language is an ontological perspective that grounds the being in history, as Humboldt thinks language creation from a somewhat innate, universal standpoint (the Kantian mental faculties intuition and concept and categories of understanding). For Voloshinov, understanding starts and feeds from a semiotic chain that is prior to individual consciousness itself; this chain stretches from one consciousness to another without breaking or plunging into inner being (in the sense of immateriality, unembodied in signs). Therefore, the thesis I develop is that Idealistic categories of understanding could not be innate nor universal in Voloshinov's perspective, as he defines understanding as a chain of ideological signs that answer to previous ideological signs in the form of inner speech. To conclude, I also suggest that Voloshinov's ontological position mirrors a fundamental dichotomy between Idealism and Marxism: consciousness is aprioristic for Humboldt and other theoreticians of the "Spirit", whereas Voloshinov mostly affirms consciousness as a posteriori, and thus he takes a historical turn in consciousness conceptualization from being innate to becoming a socioideological fact.

References

1. Abbagnano N. Dicionário de Filosofia. São Paulo: Martins Fontes, 1998.
2. Ameriks K. Introduction: interpreting German Idealism // German Idealism. Nova Iorque : Cambridge Univ. Press, 2000. P. 1–17.

3. Beiser F. The Enlightenment and idealism // German Idealism. Nova Iorque : Cambridge Univ. Press, 2000. P. 18–36.
4. Cassirer E. Philosophie der Symbolischen Formen. Oxford : Oxford, 1954.
5. Chabrolle-Cerretini A. L'approche anthropologique du caractère national chez Wilhelm von Humboldt. The Tocqueville Review // La revue Tocqueville [Toronto]. 2014. Vol. 35, № 1. P. 55–71.
6. Cristaudo W. Theorising Ideas: Idee and Vorstellung from Kant to Hegel to Marx // History of European Ideas. Abingdon. Vol. 12, № 6. 1990. P. 813–825.
7. Grillo S. Marxismo e filosofia da linguagem: uma resposta à ciência da linguagem do século XIX e início do século XX // Marxismo e filosofia da linguagem: Problemas fundamentais do método sociológico na ciência da linguagem. São Paulo : Editora 34, 2017. P. 7–79.
8. Guyer P. Absolute idealism and the rejection of Kantian dualism // German Idealism. Nova Iorque : Cambridge Univ. Press, 2000. P. 38–56.
9. Hegel G.W.F. Der Geist // Phänomenologie des Geistes. 2. ed. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1970. P. 324–494.
10. Hilgert J.G. Die Gesprächskonstruktion nach dem Energeia-Konzept von Humboldt, Pandaemonium Germanicum [São Paulo]. 2012. Vol. 15, № 20. P. 194–211.
11. Humboldt W. von. Schriften zur Sprachphilosophie // Werke in fünf Bänden III. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963.
12. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Hamburgo: Felix Meiner Verlag, 1998.
13. Karsten A. Schreiben im Blick: Schriftliche Formen der sprachlichen Tätigkeit aus dialogischer Perspektive. Berlin : Lehmanns Media Verlag, 2014.
14. Pajević M. Sprachdenken: Thinking of Language (Humboldt/Trabant) and its anthropological consequences // Forum for Modern Language Studies. Saint Andrews, 2013. Vol. 50, № 1. P. 97–112.
15. Humboldt's "Thinking Language": Poetics and Politics. Forum for Modern Language Studies. № 53. Saint Andrews, 2017a.
16. Thinking Language: Wilhelm von Humboldt now. Introduction, Forum for Modern Language Studies. № 53. Saint Andrews, 2017b.
17. Stanford university. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. The Metaphysics Research Lab, Center for the Study of Language and Information (CSLI). Disponível em: <http://plato.stanford.edu/>. Acesso em: 04.03.2020.
18. Thouard D. Et toute langue est étrangère: le projet de Humboldt. La Versanne: Encre Marine, 2016.
19. Trabant J. Vanishing Worldviews. Forum for Modern Language Studies. № 53. Saint Andrews. 2017. P. 1–14.
20. Voloshinov V. Marxism and the philosophy of language. Translated by Ladislav Matejka and I. R. Titunik. N.Y. : Seminar Press, 1973.

УДК 81'1Бахтин

Дрянгина Елена Анатольевна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
lasina.83@mail.ru

ОСОБЕННОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ М.М. БАХТИНА КАК АВТОРА РАБОТЫ «ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО»

Аннотация. Имя Михаила Михайловича Бахтина известно не только в России, но и за ее пределами, работы этого ученого вызывают интерес литературоведов, социолингвистов, культурологов и т.д. В данной статье М.М Бахтин рассматривается в свете актуаль-

ной в настоящее время теории языковой личности. Цель работы – проанализировать оценочность изложения и средства ее реализации как характерную особенность языковой личности М.М. Бахтина (на основании работы «Проблемы творчества Достоевского»).

Ключевые слова: языковая личность, М.М. Бахтин, оценочность, лексические и синтаксические средства.

Dryangina Yelena A.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
lasina.83@mail.ru

**THE PECULIARITY OF THE MANIFESTATION OF THE LINGUISTIC
PERSONALITY OF M.M. BAKHTIN AS THE AUTHOR OF THE WORK
"PROBLEMS OF DOSTOEVSKY'S CREATIV ART"**

Abstract. The name of Mikhail Mikhailovich Bakhtin is known not only in Russia, but also abroad, the works of this scientist arouse the interest of literary critics, sociolinguists, cultural scientists, etc. In this article, M.M. Bakhtin is considered in the light of the currently relevant theory of linguistic personality. The purpose of the work is to analyze the evaluability of the presentation and the means of its implementation as a characteristic feature of the linguistic personality of M.M. Bakhtin (based on the work "Problems of Dostoevsky's creativity").

Keywords: linguistic personality, M.M. Bakhtin, evaluativeness, lexical and syntactic means.

Современная лингвистика обладает ярко выраженной антропоцентрической направленностью. В центре ее внимания не структура языка, а человек говорящий, языковая личность (ЯЛ). Изучение последней ведется в различных направлениях: анализируются национальные особенности, профессиональные черты, индивидуальный стиль. Цель данной статьи – рассмотреть, какие средства выражения оценочности как особенности проявления языковой личности М.М. Бахтина являются наиболее яркими в работе «Проблемы творчества Достоевского». Оценочность – это «компонент в семантической структуре языковой единицы, оценка, выраженная средствами языка, или заложенная в семантике единицы информация о положительной или отрицательной характеристике объекта» [Чернявская, 2001]. Средства оценочности выделяются на всех уровнях языка. Отличительной особенностью языковой личности М.М. Бахтина является стремление передать оценку с помощью не только лексических, словообразовательных, но и синтаксических единиц.

При анализе работы «Проблемы творчества Достоевского» были выявлены типичные примеры слов, обладающих коннотативным значением, которые языковая личность использует для выражения как положительной, так и отрицательной оценки: «Термин „идеологический роман“ представляется нам поэтому *неадекватным* и *уводящим от подлинного* художественного задания Достоевского (здесь и далее курсив наш. – Е.Д.)» [Бахтин, 2000, с. 41].

Однако гораздо чаще можно встретить оценку, выражаемую словосочетанием: «Таким образом, все элементы романной структуры у Достоевского *глубоко своеобразны*» [Бахтин, 2000, с. 13].

Анализируя различные работы, посвященные творчеству Достоевского, Бахтин стремится найти для каждого автора, каждого труда свое собственное оценочное слово, хотя самым распространенным остается выражение «правильно/неправильно»: «Это *великолепная* описательная характеристика романной композиции Достоевского, но выводы из нее не сделаны, а те, какие сделаны, – *неправильны*» [Бахтин, 2000, с. 21]; «Объяснения Кауса *во многом правильны...*»; «*Достоинство* Кауса в том, что он воздерживается от монологизации этого мира» [Бахтин, 2000, с. 27].

М.М. Бахтин прибегает и к метафоре как одному из самых распространенных средств выражения оценки, создания той или иной характеристики: «Герои как герои порождаются самим сюжетом. *Сюжет – не только их одежда, это тело и душа их*» [Бахтин, 2000, с. 75]. Встречаются и повторяющиеся метафоры. Например, «*все это образовало ту почву, на которой вырос полифонический роман Достоевского*» [Бахтин, 2000, с. 40]; «Герои размещены сюжетом и *могут существенно сойтись друг с другом лишь на определенной конкретной почве*» [Бахтин, 2000, с. 75]. Данная метафора является достаточно традиционной для научного дискурса и зафиксирована словарем: «перен. Основа, основание; опора» [Ожегов, 1992].

Помимо использования словосочетаний М.М. Бахтин достаточно часто организует оценочную лексику в ряды однородных членов: «...стиль предполагает наличие авторитетных точек зрения и *авторитетных и отстоявшихся* социальных оценок» [Бахтин, 2000, с. 88], «эти явления *редки и специфичны*» [Бахтин, 2000, с. 97].

Подчеркивая ту или иную оценку, ЯЛ использует прием повтора: «Каждый по-своему толкует последнее слово Достоевского, но все одинаково толкуют его как *одно* слово, *один* голос, *один* акцент, а в этом как раз *коренная ошибка*» [Бахтин, 2000, с. 41]. Причем нужно отметить, что повторяться могут не только целые слова, но и морфемы, в частности приставки: «*Над-словесное, надголосое, надакцентное* единство полифонического романа остается *нераскрытым*» [Бахтин, 2000, с. 42].

Одним из излюбленных приемов выражения оценки для рассматриваемой ЯЛ является противопоставление: «Для него нет ни композиционного, ни смыслового места. В этом *не слабость автора, а его величайшая* сила» [Бахтин, 2000, с. 25]; «Достоевскому важно *не то, чем его герой является в мире, а то, чем является для героя мир* и чем является он сам для себя самого» [Бахтин, 2000, с. 43].

ЯЛ использует и более сложное по своему построению синтаксическое средство – параллелизм: «Там, где видели одну мысль, он умел найти и нащупать две мысли, раздвоение; там, где видели одно качество, он вскрывал в нем наличность и другого, противоположного качества» [Бахтин, 2000, с. 39].

Эмоциональность, по-разному рассматриваемая в ее связи с оценочностью, проявляется в употреблении восклицательных предложений: «Но какие художественные усилия необходимы были Достоевскому для того, чтобы заместить функции фантастического стенографа в целом многоголосом ро-

мане!» [Бахтин, 2000, с. 53]. Риторических вопросов: «Если бы это было так, то чем бы отличался роман Достоевского от обычного типа романа, от той же «эпопеи флюберовской манеры, словно высеченной из одного куска, обточенной и монолитной?»» [Бахтин, 2000, с. 22]. Вопросно-ответной формы: «Но кто же ведет рассказ в «Двойнике»? Какова постановка рассказчика и каков его голос? И в рассказе мы не найдем ни одного момента, выходящего за пределы самосознания Голядкина...» [Бахтин, 2000, с. 116].

Интересно, что в качестве оценки ЯЛ использует и прецедентные тексты: «мир Достоевского по-своему так же закончен и закруглен, как и *дантовский* мир» [Бахтин, 2000, с. 40]; «Достоевский произвел как бы в маленьком масштабе *коперниканский* переворот, сделав моментом самоопределения героя то, что было твердым и завершающим авторским определением» [Бахтин, 2000, с. 45]. Что демонстрирует не только широту познаний языковой личности, но и образность, ассоциативность ее мышления.

Таким образом, отличительной особенностью языковой личности М.М. Бахтина является оценочность изложения, реализуемая как лексическими, так и синтаксическими средствами: рядами однородных членов, параллельными конструкциями, восклицательными предложениями, риторическими вопросами, вопросно-ответной формой.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 2. М. : Русские словари, 2000. С. 6–175.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
3. Чернявская Е.А. Оценка и оценочность в языке художественной речи: На материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина : дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2001. 270 с.

УДК 81:1:82-31Бахтин

Жерноклеев Денис Александрович
Вандербильтский университет
(Нэшвилл, Теннесси, США)
denis.zhernokleyev@vanderbilt.edu

БАХТИН О ФЛОБЕРЕ – ПРОБЛЕМА ОБРАЗА В ФИЛОСОФИИ БАХТИНА*

Аннотация. Предметом анализа в данном докладе является малоизученный текст Бахтина, неопубликованный автором и изданный в пятом томе полного собрания сочинений под данным ему редакторами заглавием «О Флобере». Целью доклада является определение основной тенденции мысли Бахтина в намечаемом им прочтении Флобера.

Ключевые слова: Бахтин, Флобер, Рабле, Достоевский, карнавал, модерн, апофатика, образ, литература, философия, религия.

* Полностью доклад опубликован в виде статьи [Жерноклеев, 2021].

BAKHTIN ON FLAUBERT: THE PROBLEM OF IMAGE IN BAKHTIN

Abstract. The subject of analysis in this report is Bakhtin's little-studied text, unpublished by the author and placed in the fifth volume of his complete collected works under the title "On Flaubert", given to it by the editors. The purpose of the lecture is to determine the main tendency of Bakhtin's thought in his intended reading of Flaubert.

Keywords: Bakhtin, Flaubert, Rabelais, Dostoevsky, carnival, modern, apophatic, image, literature, philosophy, religion.

Одним из ключевых в определении флюберовского реализма для Бахтина является повторяющееся здесь слово «отрицание». «Реалистический образ» Флобера по Бахтину есть «отрицающий образ», и основан он на понимании настоящего как «принципиально отрицательного» [Бахтин, 1996–2012, т. 5, с. 494]. Радикальный отказ от онтологии линейного времени мы находим уже в отрицании Бахтиным актуальности сюжета у Достоевского. Недостаточность сюжета у Достоевского нельзя понимать как несовершенство какой-то конкретной сюжетной линии или даже типов сюжета. Речь здесь идет о фундаментальном отказе от сюжетного мышления как такового.

Учитывая значение романной формы для философии Бахтина, его радикальное непризнание важности сюжета справедливо может показаться странным. Ведь и Рабле, и Достоевский, и тем более такой модернистский автор, как Флобер являются авторами романов именно нового времени, которые вне своей зависимости от сюжета не могут быть осмыслены. Но именно поэтому если Бахтин и говорит в своих трудах о «становлении» романного жанра, то становление интересует его не в аристотелевском смысле сюжетного раскрытия некой уже заданной своей конечностью истории, а в противопоставленной ему принципиальной незавершенности и незавершаемости [Бахтин, 1996–2012, т. 3, с. 610]. В динамике становления этого «пластичнейшего из жанров» [Бахтин, 1996–2012, т. 3, с. 615] Бахтин находит для себя возможность творческой переориентации движущейся литературной массы в иные онтологические координаты. Такое чудесное переосмысление романа Бахтин называет «радикальной переакцентуацией» или «преображением» [Бахтин, 1996–2012, т. 3, с. 163].

Угроза сползания романа обратно в линейность тем не менее никогда не исчезает. Поэтому переакцентуация Бахтина включает в себя непрерываемый акт разрушения сюжетности: «Разъятие, разрывание, расчленение на части, разрушение целого как первофеномен (*Urphänomen*) человеческого движения – и физического и духовного (мысль)» [Бахтин, 1996–2012, т. 5, с. 135]. Расчленение, предлагаемое Бахтиным, есть не перезагрузка или перестановка материала, а апофатический выход в иную онтологию, попытка быть/существовать в настоящем без убегания в будущее или прошлое.

Выбор Бахтиным Флобера для осуществления своей творческой переакцентуации романа не случаен. Во флюберовском увлечении разложением сознания Бахтин видит не духовный разврат, а духовность «разъятого на части тела» Рабле. Карнавальный мир Рабле, по мнению Бахтина, становится онтологическим основанием поэтического мышления Флобера. Проторенессансная эстетика Рабле для Бахтина, с одной стороны, предвосхищает натурализм модерна, а с другой стороны, остается укорененной в средневековом, а значит, сакральном мироощущении. Именно эта евхаристическая укорененность средневековой реальности – ярчайшим проявлением которой для Бахтина является Св. Франциск Ассизский – дает Бахтину уверенность в том, что ломимое гротеском тело реальности не рассыплется на фрагменты натуралистического сюжета, но и в своей раздвоенности – «двутелесности» – продолжит удерживаться вневременной реальностью воскресения.

Сакраментальная эстетика проторенессанса распространяется и на прочтение Бахтиным Достоевского. Именно как часть переработки своей книги о Достоевском Бахтин разрабатывает тему «О Спиритуалах», обновленческом течении внутри францисканского ордера, ищущих возвращения к заповеданному Св. Франциском глубинному единению со страждущей природой во Святом Духе [Бахтин, 1996–2012, т. 6, с. 368–370]. Пропитанный пасхальной эстетикой проторенессанса, Достоевский Бахтина, однако, корнями уходит в древнегреческие трагедии Софокла. Трагичность Достоевского Бахтин продолжает понимать через двутелость карнавала Рабле, а не через «осюжеченный» – линейно развивающийся к своему финалу – трагизм Аристотеля [Бахтин, 1996–2012, т. 4(1), с. 681–731].

Если Рабле Бахтина принадлежит францисканскому Средневековью, а Достоевский софокловской трагедии, то Флобер Бахтина устремлен к аскетизму раннехристианской литературы. Совсем не случайно записки Бахтина о Флобере начинаются с упоминания романа «Искушение Св. Антония»: «Картина Брейгеля „Искушение Св. Антония“ как источник Флобера: смешанное тело, стирание границ, идея вечно обновляющейся материи» [Бахтин, 1996–2012, т. 5, с. 130]. Бахтин чувствует аскетическую направленность «Искушения Св. Антония» и рассматривает все романы Флобера в динамике их устремленности к пустынной эстетике «Искушения». Если в «Мадам Бовари» (1857) проза Флобера полагается на эстетическое равновесие, то уже в «Саламбо» (1862) Флобер стремится к преодолению эстетства. Для того чтобы вывести свою прозу из логики любования, Флобер подвергает текст очистительной практике «*gueuloir*» [от слова *gueuler* – «гортанный крик, рев, рычание»] – исступленному до гортанной крови выкрикиванию текста до тех пор, пока слова не придут в соответствие с гортанным звуком, а ритм прозы не сольется с дыханием тела. Взглянув на «*gueuloir*» Флобера через онтологию «звукового образа» Бахтина, несложно увидеть в ней попытку вывода прозы за пределы логоцентричного пространства сюжета в фоническое пространство тона, где слова обретают способность сосуществовать иначе.

В отличие от модернистского мира Флобера, карнавальный телесный мир Бахтина не испытывает угрозы материализма. Именно поэтому Бахтин

не боится гротеска. Всеобъемлющее отрицание Бахтина апофатично, и потому свободно от эпистемологической тревожности. Апофатика восточного христианства, на которую сознательно или нет опирается Бахтин, принципиально отлична от агностицизма, для которого божественная реальность даже если и допустима, то только как абсолютно недостижимая для телесного мира. Апофатическое же мировоззрение Бахтина убеждено в том, что божественное присутствие полностью пронизывает собой телесный мир, никогда не растворяясь в нем. На такой божественной эпистемологии «неслиянного и нераздельного» Бахтин постулирует в своем тексте «О Флобере» понятие «отрицающий образ».

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 1996–2012.
2. Жерноклеев Д.А. Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].

УДК 398:82-144

Иваницкий Александр Ильич
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
meisster@mail.ru

«ДРУГОЙ» В УСТНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: ПРЕДОК – АНТИПОД – ВТОРОЕ «Я»*

Аннотация. Балладное восприятие волшебного возлюбленного как второго «я» героя отразило осознание олицетворенной природы как «родовой». Христианство и Просвещение вывели ее за пределы морали и реальности. Романтизм же переосмыслил балладу о любви к волшебному «другому» как возврат к фольклорно-поэтическому преобразению природы в национальную «почву».

Ключевые слова: романтическая баллада, Просвещение, волшебный возлюбленный, национально-поэтическая почва, олицетворенная природа.

Ivanitskiy Alexander I.
RSUH
(Moscow, Russia)
meisster@mail.ru

"THE OTHER" IN ORAL POETIC FOLKLORE: ANCESTOR – ANTIPODE – "THE SECOND I"

Abstract. The Ballad perception of the magic beloved as the second "I" hero had showed the awareness of the personified nature as the patrimonial one. The Christianity and the Enlightenment had brought it out of the Moral and Reality. Romanticism in turn had rethought

* Полностью доклад опубликован в виде статьи «„Самопродолжение“ автора в романном герое: о возможных фольклорных источниках формулы М.М. Бахтина» в «Литературоведческом журнале» [Иваницкий, 2021].

the plot of the love to the magic "other" as the return to the folklore – poetic transformation of the nature to the national ground.

Keywords: the romantic Ballad, the Enlightenment, the magic beloved, the national-poetic ground, the personified Nature.

В ожидающей публикации статье А.Е. Калкаевой «*Дикий водяной. Баллада и демонологические представления о водяных духах*» представлены весьма содержательные сравнительные описания версий баллады о делении (разрыве) единственного либо нечетного ребенка при расставании водяного и его земной жены (известной русскоязычному читателю по варианту «*Лилофея*» в сборнике немецких народных баллад в переводе Л Гинзбурга [Немецкие народные баллады, с. 57]), – а также истоки этого сюжета в фольклорно-мифологической и фольклорно-религиозной прозе. Этот материал позволяет поставить вопрос об отражении в поэтическом фольклоре эволюции восприятия «другого» (в лице волшебного контрагента) как оксюморной, но непреложной угрозы/необходимости в традиционном (базовом) сознании. А сквозь призму «другого» – взгляда на самого себя в окружающем мире.

Наивысшее «напряжение» такого взгляда проявляется именно в балладном сюжете близких (брачных) отношений героя с волшебным персонажем и в его лице – с первичным/трансцендентным миром. Партнерство удостоверяет чувство родства с ним и отсюда – его начала в себе. Отсюда «другой» предстает вторым «я» сказителя/героя, а дистанция между ними (подлежащая преодолению!) отражает меру поляризации человеческого «я» как целого.

Такая поляризация особенно очевидна на фоне истоков этого сюжета в устной мифологической прозе. Так, в многочисленных рассказах русского Севера о сожительстве женщины с медведем [см., напр., Христофорова, с. 112] очевидно проявляется тотемическая модель мира, где родство человека и зверя с общим первопредком делает их своего рода кузенами, а брак – нормативным.

Христианизация как на западе, так и на востоке Европы перевела тотемического праотца и отсюда наследующего ему волшебного супруга в статус моральных и потому запретных антиподов («бесов» или «демонов»). Этот сдвиг отражают те же мифологические рассказы. Так, в олонекской быличке водяной уносит при расставании с земной женой свою, «некрещеную» половину разорванного ребенка [Власова 2001, с. 98] – фиксируя тем самым непреодолимую взаимную чужеродность супругов. Соответственно, и для «человеческого» участника расторгаемого брака волшебный мир остается чужим и враждебным. Ребенок, в том числе и гибнущий (разрываемый), превращается из жертвы и отрады матери в ее бремя и даже проклятие («полубеса»). Так, половина тела ребенка, брошенная морской девой отплывающему супругу, оказывается губительной для судна [Власова 2016, С. 404].

В ряде текстов «демонизация» супруга уже полностью деквалифицирует прижитых от него детей. Так, в русской «*Повести о бесноватой Соломонии*» (1670-е гг.) общие дети заглавной героини и похитившего ее беса

наследуют лишь отцовскую природу. Поэтому, бежав к своему отцу и назвав ему имена «мужа» и прижитых от него детей, Соломония освобождается от новообретенного бесовского бремени в собственном естестве. В саксонских аналогах «своя» и «чужая» половинки общего ребенка превращаются в пару: водяные демоны подменяют человеческих детей своими – волосатым и пучеглазым уродцем с огромной головой [Sommer, S. 38–40; Bechstein, S. 731; ср.: Балгарова, с. 32].

Восприняв этот сюжет, фольклорная баллада в первую очередь поэтически кодифицировала мифологический и религиозный этапы его эволюции. Первый проявился в вариантах, где волшебный персонаж реализует свои права и желания в отношении человеческого мира – выделившегося социально, морально и пространственно, но не освободившегося от «предвечной» власти. Так, девушка может попасть в ловушку водяного. В датском «*Мощенничестве водяного*» и в его словенских аналогах тот является на сельский праздник в виде прекрасного юноши и в танце увлекает под воду приглянувшуюся ему крестьянку. В упомянутой выше «Лилофее», других немецких и датских версиях мост, построенный водяным, ведет ступившую на него девушку не через воду, а под воду [Meisling, S. 72; ср.: Wright, S. 3, 11].

При этом в балладах, записанных в Пфальце и Тюрингии, водяной, по сути, использует похищенную земную женщину как суррогатную мать: дождавшись родов, уносит ребенка с собой, а саму мать пожирает [Grimm W., Grimm J, Bd. 1, S. 61–63, 392–393; Schönwerth, Bd. 2, S. 188–190]. В свою очередь, в рассказе из «*Фольклорных преданий*» Отмара (псевдоним Й.К. Нахтигалья, 1800) он убивает только младенца – соответственно, главным оказывается не плод, а само соитие. Таким образом, физическая потребность волшебного патрона в человеческой «ветви» не означает «душевной».

«Ответное» (христианизированное) отношение героини к волшебному браку и общим детям выражает датская баллада «*Агнете*», чья заглавная героиня отказывается возвращаться к подводному супругу даже перед лицом неизбежного расставания с детьми (оставляет под водой всех семерых). Характерная деталь: когда водяной приходит за Агнете, изображения святых в церкви отворачиваются*.

Между тем в ряде сербо-лужицких, словенских а также западногерманских версий водяной, губя одного либо всех детей в отместку их бежавшей матери (в ряде вариантов и саму мать), сам при этом кончает с собою сугубо «человеческим» образом (вешается на двери) [W. Schulenburg, S. 52–56] – удостоверяя именно душевную нужду в «другом» (человеческом) мире как в продолжении его самого. Встречное влечение земной героини отражают датские баллады, в которых та уходит под воду *добровольно*. Именно здесь, очевидно, проявляется собственно балладный «код» – лирического переживания героем/сказителем своего разрыва с волшебной-олицетворенной (пра-

* П. Мейслинг [Meisling, S. 73] объясняет такое переосмысление мотива тем, что католицизм вплоть до XIX в. оставался в Германии «народной религией».

материнской) природой как с корнем собственного естества – и наделения волшебного контрагента таким же переживанием.

Наконец, «Лилофея» и ее аналоги, в которых героиня жертвует земным миром и возвращается в подводному мужу ради спасения *общих* с ним (то есть отчасти «волшебных») детей, проявляет балладный *драматизм воссоединения* с волшебным-предвечным миром – такого же фатального, как и разрыв. Тем самым лирический герой рефлексировал христианский пласт в себе столь же непреложно, как и «волшебный». Соответственно, оба предстают как фатальный «другой», сочетающий признаки второго «я» и «анти-я». В конечном счете, в балладе поэт и в его лице этнос лирико-драматически переживают *Историю* и собственное движение по ее воле.

Именно этот бессознательный историзм предопределил, очевидно, особую востребованность народной баллады германским и славянским романтизмом в качестве не только искомого идеала народной поэзии, но и образца для поэзии собственной. Такое сведение первой и второй (утверждающее непрерывность национального духовного бытия!) продемонстрировали А. Арним и К. Brentano, включив собственные баллады в собрание баллад фольклорных («*Волшебный рог мальчика*»). Косвенным подтверждением такой «непрерывности» стали регулярно возникающие в первой половине XIX в. (в частности, в западнославянской Европе) «вторичные» фольклорные версии авторских баллад.

Почему же эта «непрерывность» осознавалась романтиками исторически? Если христианство вывело волшебную-олицетворенную природу за границы морали, то рационалистическое Просвещение – за пределы реальности (вместе с самим христианством). Классицизм же вывел повествующий о ней устный фольклор (в том числе балладный) за пределы культуры. В ответ «Буря и натиск», а затем «гейдельбергские» романтики объявили субъектом культуры «народ» («*Volk*») в значении этноса, содержанием – его духовное самоопределение, а плодом последнего – устный фольклор. Соответственно сюжет народной баллады о драматическом воссоединении человека с волшебной (праматеринской) природой стал основой для фундаментального сюжета баллады романтической – воссоединения народа со своими поэтическими формами волшебного олицетворения природы как с духовной «почвой». «Другой» – уже не волшебный предок, а национальный, воссоединение с которым знаменует преодоление *исторического* отрыва от него.

Библиографические ссылки

1. Балгарова А. Водяной в фольклоре и литературе (на примере региона Силезия) // Славяноведение. 2019. № 6.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М. : Русские словари : Языки славянских культур, 1996–2012.
3. Власова М.Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий : иллюстрированный словарь. СПб. 2001. 383 с.
4. Власова М.Н. Русский фольклор Груманта (Шпицбергена) // Русский фольклор. Материалы и исследования. 2016. с. 385–412.

5. Иваницкий А.И. «Самопродолжение» автора в романном герое: о возможных фольклорных источниках формулы М.М. Бахтина // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].
6. Немецкие народные баллады в переводе Льва Гинзбурга. М. : ГИХЛ. 1959.
7. Христофорова О.Б. «Повесть о бесноватой Соломонии»: мифологические контексты и параллели // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. № 3(1). С. 94–127.
8. Bechstein L. Deutsches Sagenbuch. Leipzig : G. Wigand, 1853. 138 с.
9. Grimm W., Grimm J. Deutsche Sagen. Berlin : Nicolai'sche Verlagsbuchhandlung. 1816.
10. Meisling P. Die dänische Agnete-Ballade, eine Travestie der skandinavischen Dämonenmotive // Jahrbuch für Volksliedforschung. 34. Jahrg. 1989. P. 70–78.
11. Schönwerth F. Aus der Oberpfalz. Sitten und Sagen. Augsburg : Rieger, 1858.
12. Schulenburg W. von. Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte. Berlin : Nicolai. 1882.
13. Sommer E. Sagen, Märchen und Gebräuche aus Sachsen und Thüringen. Heft 1. Halle : E. Anton. 1846.
14. Wright Sh. L. The Scandinavian Ballad "Nøkkens Svig", Presented in the song "Heiemo og Nykkjen" // SCA (Society For Creative Anachronism), Kingdom of An Tir Bardic Championships. 2014.

УДК 82Бахтин

Carr-Phillips Jacqueline
Edge Hill University
(Ormskirk, Great Britain)
jcp@carrphillips.plus.com

BAKHTINIAN THEORY AND IMPLICITNESS IN THE SHORT STORY

Abstract. The implicit dimension of language is a complex and multifaceted phenomenon that requires an analytical and theoretical approach to explore depths in the narrative that are not immediately revealed, thus creating a situation that allows for the reading of deeper configurations of meaning. In my paper I suggest that the application of Bakhtinian theory can also be useful in an analysis of implicitness in the short story form.

Keywords: Bakhtinian theory, implicitness, short story.

Карр-Филлипс Жаклин
Университет Эдж-Хилл
(Ормскирк, Великобритания)
jcp@carrphillips.plus.com

БАХТИНСКАЯ ТЕОРИЯ И ИМПЛИЦИТНОСТЬ В РАССКАЗЕ

Аннотация. Подтекстовая особенность языка – это сложное и многогранное явление, требующее аналитического и теоретического подхода для изучения глубин повествования, которые не раскрываются сразу, что создает ситуацию, позволяющую обнаружить более глубокие конфигурации смысла при чтении. В своей статье я предполагаю, что применение бахтинской теории также может быть полезным при анализе имплицитности в жанре рассказа.

Ключевые слова: бахтинская теория, имплицитность, рассказ.

For example, to achieve succinct unity in the short story narrative, polyphony can be found through a continuous and simultaneous interplay of a parallel

voice, or even multiple voices that are residing in the unsaid, or the inexplicit through, either one character's actions and implicit thought process, or indeed concerning two or more characters interacting with each other but saying one thing and meaning another.

There are many kinds of implicitness in terms of how language is used as a narrative device to convey the 'unsaid'. In order to explore this further, and to give a foundational start to the application of Bakhtinian theory in examining the interaction between the said and unsaid, I will draw on Marcella Bertucelli's monograph, *Implicitness in Text and Discourse* for a look at a range of modes of the implicit. Bertucelli puts forward that "implicitness should be considered as a cover term for a wide range of phenomena" and proposes three main categories into which implicit meanings can be grouped: "the inexplicit, the implicated and the subplicit", of which I shall elaborate further in my paper [Bertucelli-Papi, 2003, p. 8–19].

A significant number of short stories are reliant on implicitness in order to convey a larger picture in fewer words and the interaction between the "said" and the "unsaid" in the narrative could be looked at as a kind of dialogue consisting of, in the words of Bakhtin: "a dialogic meeting between two or more consciousnesses" [Emerson (ed.), 2011, p. 88].

In this regard the interplay of different voices that lie beneath and above the text could be referred to as dialogic and also because everything that is said and "unsaid" is in response to what has been said previously, and in expectation of what may follow. I suggest therefore that the consideration of the Bakhtinian approach in this context could be useful in helping to flesh out an understanding of different layers of meaning within the short story text, in terms of the "unsaid" voice, or voices, being considered as released from the grip of authorial consciousness as they arise directly from the consciousness of the character through an implicit dimension, as Bakhtin puts it "*alongside* the authorial word", but at the same time, combining with the authorial word [Emerson (ed.), 2011, p. 7]

I also draw on Rimmon-Keenan's "Narrative Fiction: Contemporary Poetics" that serves, for the purpose of this paper, as a basis for the study of narrative. Through several examples from texts of different periods and national literature this study offers an opportunity to locate the implicit within a succession of fictional events.

Rimmon-Keenan is specifically concerned with fictional narratives that have characteristics particular to them, naming the three main aspects as "story", "text" and "narration" [Rimmon-Keenan, 1997, p. 3–4]. Building on this foundation, along with Bertucelli's theories, my paper will expand on the implicit aspect with examples that concern the interaction between the visual representation of body language and the underlying "hidden" meaning that could be regarded as a kind of dialogue or an interplay of different expressions of meaning that is not explicitly represented. This in turn will be looked at through the application of Bakhtinian theory as described therein.

Short story theory has generally been neglected in relation to the attention given to the novel form. Dominic Head writes that it "has to do mainly with the

dominance of the short story's bigger sibling, the novel" [Head, 2009, p. 8–9] and that literary critics generally have focussed on the novel out of all proportion to attention given to the short story. "Bakhtin valued the novel most among literary genres because it was potentially the most dialogic" [Newton, 1992, p. 40–41]. In this regard I propose that the short story genre also has the potential of being dialogic because of the possibility of the implicit dimension incorporating a diversity of voices that are not author dominating. To illustrate this approach, I refer to extracts and references from selected short stories including: Carver, Chekhov, Dunker, Harwood, Hemingway and Munro.

Looking at the short story through the lens of the implicit gives an expansive view that is not immediately apparent on the page. I therefore propose a further expansion of an analysis of the implicit aspect with the application of Bakhtin's theory of polyphony and the dialogic in terms of the implicit thoughts and body language of one, or several of the characters that are not under direct influence of the author, and that this could provide another dimension to the development of 21st century short story theory.

References

1. Bertuccelli Papi M. *Implicitness in Text and Discourse*. Pisa : Edizioni ETS. 2002.
2. Bertuccelli Papi M. *The Unsaid in J Joyce's "Araby": A Linguistic Perspective // Journal of the Short Story in English*. 2003. Is. 40. Presses de l'Univ. d'Angers, France.
3. Carver R. *Will You Please be Quiet, Please?* L. : Vintage, 2003.
4. Charters A. (ed.). *The Story and its Writer*. Boston, US : Bedford/St. Martin's College Publishing Group, 1999.
5. Cox A. *Alice Munro. Did you Tell? Speech, Silence and Double Voiced Discourse. Writers and Their Work*, Northcote House, Plymouth. 2004.
6. Dunker P. *Monsieur Shoushana's Lemon Trees*. James Miranda Barry. L. : Serpent's Tail, 1997.
7. Emerson C. (ed.). *Mikhail Bakhtin: Problems of Dostoevsky's Poetics*. Minneapolis ; L. : Univ. of Minnesota Press, 2011.
8. Harwood L. *Dream Quilt*. Nottingham, UK : Slow Dancer Press. 1985.
9. Head D. *The Modernist Short Story: A Study in Theory and practice*. Cambridge, UK : Cambridge Univ. Press, 2009.
10. Hemmingway E. *Ernest Hemingway: The First Forty-Nine Stories*. L. : Arrow Books, 1993.
11. Holquist M. (ed.). *The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin*. Austin, Texas : Univ. of Texas press, 1981.
12. Matlaw R.E. (ed.). *Anton Chekhov's Short Stories: Texts, Backgrounds, Criticism*. N.Y. : W.W. Norton & Company (Norton Critical Editions), 1979.
13. May C.E. (ed.). *The New Short Story Theories*. Athens, Ohio : Ohio Univ. Press, 1994.
14. Newton K.M. (ed.). *Theory into Practice: Formalism, Dialogism, Structuralism*. Hampshire ; L. : The Macmillan Press Ltd, 1992.
15. Renfrew A. (ed.). *Mikhail Bakhtin*. L. ; N.Y. : Routledge (Routledge Critical Thinkers), 2015.
16. Rimmom-Kenan S. *Narrative Fiction: Contemporary Poetics*. L. : Routledge, 1997.
17. Shaw V. *The Short Story*. L. ; N.Y. : Longman, 1998.
18. Sheppard R. *The Salt Companion to Lee Harwood*. Cambridge, UK : Salt Publishing, 2007.

Лаптева Ирина Валерьевна
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
(Саранск, Россия)
laptevaiv@yandex.ru

БЛОГ В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЙ МИХАИЛА БАХТИНА

Аннотация. Блог рассматривается в контексте учений М.М. Бахтина. В труде приводится обзор публикаций, в которых были предприняты попытки найти пересечения в философствованиях Бахтина и концепциях других ученых. Выделяются отличия бахтинского понимания «диалога». Анализируется потенциал блогосферы как диалогической платформы и инструмента самопознания.

Ключевые слова: диалог, Михаил Бахтин, блог, взаимодействие коммуникантов, самопознание.

Lapteva Irina W.
Research Institute of Humanities of the Mordovia Republic
(Saransk, Russia)
laptevaiv@yandex.ru

WEBLOG IN THE CONTEXT OF BAKHTIN'S THEORIES

Abstract. The weblog is considered in the context of Mikhail Bakhtin's theories. The paper provides an overview of researchers which tried to find intersections in the values opinions of Bakhtin and other scientists. The specifics of the Bakhtin „dialogue” understanding is considered. The weblog potential as a dialogic platform and as a tool for self-knowledge is analyzed.

Keywords: dialog, Mikhail Bakhtin, weblog, interaction of communicants, self-comprehension.

Известный во всем мире ученый Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975) более 15 лет проработал на кафедре всеобщей литературы Мордовского государственного педагогического института, который в 1957 году был преобразован в университет. Его философствование [Осовский, 2018, с. 250–251] отличалось самобытным мировосприятием: наряду с материальным и психическим бытием ученый выделял особый вид бытийствования – бытие эстетическое, продукты которого являются результатом взаимопроникновения формы содержания и содержания формы. Будучи исследователем творчества Ф. Рабле и поэтики Ф. М. Достоевского, он изучал человека, его умение общаться, наполнять смыслами культурные тексты, исследовать феномен и «онтологическую основу» [Устюгова, 2019, с. 52] диалога как связующего начала между человеческой личностью, культурой и цивилизацией, как со-творчество автора и читателя, как со-бытие Я и Другого [Бахтин, 1996, с. 7–10]. Ученый философски изучал любой текст, который является первичной данностью и реальностью гуманитарной науки, так как он «находится как бы между всеми, и позволяет исследовать такие всеобъемлющие структуры, как культуры» [Длугач, 2015, с. 209].

Как зарубежными (С. Brandist, С. Emerson, S. Masdias, S. Sandler, G. Tihanov и др.), так и отечественными учеными [Воронина, 1992, с. 179–182; Воронина, 2016, с. 14–21; Дубровская, 2015, с. 15–17; Сычев, 2017, с. 217–222; Жеребин, 2018, с. 150–164; Ключева, 1992, с. 169–178; Мочалов, 2020, с. 140; Осовский, 2007, с. 403–404; Прозерский, 2011, с. 538–543] были предприняты многократные попытки сопоставления научных концепций Михаила Михайловича с теориями других философов.

«Диалогическую герменевтику» Бахтина, основанную на эстетической природе онтологии, можно применять к любым текстам культуры, поскольку коммуникативное сообщение, заложенное в них, принадлежит не только коммуникатору, но и реципиенту, и лишь высказывание, обращенное к Другому, обладает качеством смысла. Художественная коммуникация отличается многоголосьем (полифонией) автора, героев культурного текста (при наличии) и реципиентов и передается «через века» [Лаптева, 2016, с. 117–119].

Бахтинская диалогическая коммуникация сродни «автокоммуникации», которая в отличие от «гетерокоммуникации» (термины В.В. Прозерского) является бесконечным процессом. При их сравнении становится ясно, что автокоммуникация, основываясь на абсолютных ценностях, сосредоточена на углублении самосознания коммуникантов в процессе общения по собственной инициативе, в то время как гетерокоммуникация возникает «по поводу инструментальных ценностей» [Устюгова, 2019, с. 62] и в конкретной социальной ситуации устремляет сознание к внешним (часто специализированным) темам.

В современном интернет-пространстве можно наблюдать гетерокоммуникацию (как взаимодействие между субъектами-специалистами в их социальных ролях) посредством блогов, мессенджеров, электронной почты и других средств, в которых часто отсутствуют ценностные отношения. Глобальная сеть уже давно стала фундаментальной частью информационного коммуникационного пространства, которое вбирает в себя все новые и новые технические возможности для прямого и быстрого личностно-окрашенного взаимодействия коммуникантов.

Блог как информационно-коммуникационное пространство для межличностного и межкультурного общения и размещения информации пользуется спросом у интернет-пользователей. Одной из причин такой популярности является относительная легкость его создания и ведения*. Несмотря на многоформатное использование (блог как дневник, как коммуникационная площадка, как обучающая платформа, как презентация, как сборник материалов, как портфолио и др.) доминирующей функцией блогосферы является коммуникативная. Тем не менее инструментом самообразования блоги служат лишь в том случае, если они содержат множественность высказываний, принимаемых в точке их соприкосновения – в диалоге в бахтинском понимании: «ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, согласие, его

* Например, на онлайн-сервисах: www.wordpress.com, <http://www.blogger.com>

бесконечные градации и оттенки, наслаивание смысла на смысл, голоса на голос... ..сочетание многих голосов, дополняющее понимание» [Бахтин, 1996, с. 332]. Диалог в представлении ученого всегда должен выражаться вербально, даже если речь идет о внутреннем слове, поэтому (в отличие от науки и этики) сосредоточенный на эстетике блог может стать личностно-ориентированным и открывать возможности для непринужденных и равноценных взаимоотношений коммуникантов.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Работы 1940-х – начала 1960-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. 732 с.
2. Воронина Н.И. М.М. Бахтин и М.В. Юдина: истоки и горизонты дружбы (к проблеме взаимодействия философии и музыки) // М.М. Бахтин: эстетическое наследие и современность : межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 1992. С. 179–182.
3. Воронина Н.И. Бахтин – Саранск – Бахтин: университетский взгляд // Гении места: Наследия культуры в современных российских городах : приложение к монографии «Хронотопия города». Самара, 2016. С. 14–21.
4. Длугач Т.Б. Диалог в современном мире: М. Бубер – М. Бахтин – В. Библер // Историко-философский ежегодник. 2015. № 2015. С. 191–242.
5. Дубровская С.А. В.Я. Пропп и М.М. Бахтин о фольклорном смехе и «смеховом слове» // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В.Я. Проппа : сб. докл. Всерос. науч. конф. Петрозаводск, 2015. С. 15–17.
6. Жеребин А.И. Метафизический диалог: Мартин Бубер и религия богочеловечества // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2018. Т. 1, № 1. С. 150–164.
7. Ключева И.В. Достоевский – Бахтин – Тарковский: принцип «зеркальности» // М.М. Бахтин: эстетическое наследие и современность : межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 1992. С. 169–178.
8. Лаптева И.В. Текст и дискурс в культуре: «произведение диалога через века» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(67). С. 117–119.
9. Мочалов Е.В. Умберто Эко и Михаил Бахтин: диалог в средневековье и возрождении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 11. С. 140.
10. Осовский О.Е. Рецепция идей А.М. Пешковского в наследии М.М. Бахтина 1920–1950-х гг. // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка : тр. и материалы. М., 2007. С. 403–404.
11. Осовский О.Е. Филолог или философ? Интеллектуальное «странничество» М.М. Бахтина: взгляд из 1990-х // Русская литература. 2018. № 1. С. 250–251.
12. Прозерский В.В. Полифония и диалогизм Бахтина // История эстетики / под ред. В.В. Прозерского [и др.] СПб. : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 538–543.
13. Сычев А.А. К особенностям бахтинской терминологии // Провинция на перекрестке исторических судеб : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2017. С. 217–222.
14. Устюгова Е.Н. В.В. Прозерский – М.М. Бахтин: диалог об эстетической коммуникации // Terra Aestheticae. 2019. № 2(4). С. 52.

Ларокка Джузеппина
Университет Мачераты
(Мачерата, Италия)
giuseppina.larocca@unimc.it

ВНУТРИ И ВОКРУГ ГОГОЛЯ. ЛЕВ ПУМПЯНСКИЙ И МИХАИЛ БАХТИН*

Аннотация. Доклад рассматривает анализ Львом Пумпянским и Михаилом Бахтиным творчества Николая Гоголя. В частности, исследованы общие моменты размышлений о теории смеха и развитии жанров, связанные с общим опытом в Неделе (1919–1920 гг.), в т.н. Невельской школе философии.

Ключевые слова: история литературы, смех, карнавал, народная культура.

Larocca Giuseppina
University of Macerata
(Macerata, Italy)
giuseppina.larocca@unimc.it

INSIDE AND OUTSIDE GOGOL. LEV PUMPYANSKY AND MIKHAIL BAKHTIN

Abstract. The report examines the analysis of Nikolai Gogol's creative legacy performed by Lev Pumpyansky and Mikhail Bakhtin. It is focused on the general aspects of their reflections on the theory of laughter and the development of genres, connected with their common experience in Nevel (1919–1920), in the so-called Nevel school of philosophy.

Keywords: history of literature, laughter, carnival, folk culture.

Вопрос о смехе и народной культуре воплощен у Бахтина в систематическом виде в книге о Рабле 30-х и 40-х годов, где хорошо известное определение и обсуждение проблемы смеховой культуры принимает более существенный характер. Но, как пишет Ирина Попова в комментариях к первому полутому книги о Рабле в «Собрании сочинений» Бахтина, «корни ее замысла (замысла книги о Рабле. – *Дж.Л.*) следует искать в эстетической, философской и лингвистической мысли 10-х гг., а не в советской реальности 30-х, сколь бы «карнавальной» ни казалась последняя новейшим критикам» [Попова, 2008, с. 843–844]. Именно тогда в деятельности Невельской школы философии под влиянием в первую очередь идей символизма Вячеслава Иванова зародились основные темы исследований ее участников. Недаром в истории Невельской школы философии «смех» и «карнавал» впервые подвергаются анализу в статьях, написанных Пумпянским в конце 10-х и в начале 20-х гг. В данном контексте творчество Гоголя занимает первостепенное место, и через переосмысление его произведений предлагается новый подход к изучению литературного факта и литературной системы с особым вниманием к категориям «смех» и «карнавал». Пристальное рассмотрение творчества Гоголя позволяет понять роль писателя в истории русской литературы и корни

* Полностью доклад опубликован в виде статьи Вокруг и внутри Гоголя. Лев Пумпянский и Михаил Бахтин [Ларокка, 2021].

философии смеха как у Пумпянского, так и у Бахтина. В 20-е гг. смеховой и комический характер творчества Гоголя привлекал внимание многих ученых, как показывает перечень многочисленных исследований, вышедших тогда в свет: от статьи Бориса Эйхенбаума о «Шинели» до исследования «Техника комического у Гоголя» Александра Слонимского (1923), от «Гоголя» Василия Гиппиуса (1924) до работ Вячеслава Иванова об Аристофане и Гоголе (1925) и Юрия Тынянова о пародии и гротеске. Подход Бахтина и Пумпянского отличается от этих и всех прочих работ тем, что ими предпринят анализ проблемы «внутри и вокруг Гоголя», то есть как на основе произведений этого русского писателя, так и других авторов русской традиции, прямо связанных с ним. То же происходит и на уровне эстетической системы, охватывающей интересы обоих ученых, несмотря на присущие каждому из них особенности. Общее в позиции Бахтина и Пумпянского объясняется природой их мышления, единством их системы и одновременно способностью проанализировать все части интересующего их вопроса как проблемы-матрешки: решение одного вызывает необходимость решения другого, и так во всем, относящемся как к внутренней истории русской литературы, так и внешней.

Однако если у Бахтина остается, развивается и укрепляется интерес прежде всего к эстетике, то у Пумпянского он перемещается к истории литературы, к эволюции стилей, тем и т.п.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 6 (7) т. М. : Русские словари : Языки славянских культур, 1996–2012.
2. Ларокка Дж. Вокруг и внутри Гоголя. Лев Пумпянский и Михаил Бахтин // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). [В печати].
3. Николаев Н.И. Примечания // Классическая традиция : собрание трудов по истории русской литературы / отв. ред. А.П. Чудаков ; сост. Е.М. Иссерлин, Н.И. Николаев. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 649–831.
4. Попова И.Л. Комментарии и приложения // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(1). М. : Языки славянских культур. 2008. С. 831–1119.
5. Пумпянский Л.В. Классическая традиция : собрание трудов по истории русской литературы / отв. ред. А.П. Чудаков ; сост. Е.М. Иссерлин, Н.И. Николаев. М. : Языки русской культуры. 2000. 847 с.

УДК 82-3:82-31Бахтин

Лю Мяовэнь
Пекинский университет иностранных языков
(Пекин, Китай)
miaowenliu@mail.ru

ТЕОРИЯ РОМАНА БАХТИНА И ЕЕ ВКЛАД В ТЕОРИЮ МЕТАПРОЗЫ

Аннотация. С тех пор как в 1970 году Уильям Гэсс выдвинул концепцию «метапрозы», появилось множество работ, в которых так или иначе трактуется это явление, однако занимающая нас проблема соотношения теории Бахтина и теории метапрозы еще не получила должного освещения. В статье автор стремится доказать связь между теорией

метапрозы и теорией романа М. Бахтина. Раскрывая вклад теории Бахтина в теорию метапрозы, автор опирается на две важные категории в теоретической системе Бахтина – «разноречие» и «пародия».

Ключевые слова: метапроза, теория романа, М.М. Бахтин, разноречие, пародия.

Liu Miaowen
Beijing Foreign Studies University
(Beijing, China)
miaowenliu@mail.ru

BAKHTIN'S THEORY OF THE NOVEL AND ITS CONTRIBUTION TO THE THEORY OF METAFICTION

Abstract. Since William Gass put forward the concept of metafiction in 1970, many works have appeared in which this phenomenon is interpreted in one way or another, but the problem of the relationship between Bakhtin's theory and the theory of metafiction has not yet received proper coverage. In the article, the author tries to prove the connection between the theory of metafiction and the theory of the novel by M. Bakhtin. Revealing the contribution of Bakhtin's theory to the theory of metafiction, the author relies on two important categories in Bakhtin's theoretical system – "divergence" and "parody".

Keywords: metafiction, theory of the novel, M.M. Bakhtin, contradiction, parody.

Постановка вопроса о феномене метапрозы в России, безусловно, связана в первую очередь с изучением наследия русского формализма, с одной стороны, и теории романа Бахтина, с другой. Однако занимающая нас проблема соотношения литературных концепций русских литературоведов 1920–1930-х годов и западной теории метапрозы еще не получила должного освещения. В контексте данного исследования интерес представляет не собственно полемика Бахтина с формалистами, но одна из тем их диалога – авторефлексивная проза, теория, которая разрабатывалась в русле этой полемики.

Как известно, самый важный фактор метапрозы – саморефлексия – существует не только в романе и не только в эпическом произведении вообще, но и в других родах литературы. Литературоведы нашли ее даже в драме и в лирике: например, в драме есть такой вид, который называется «пьеса в пьесе» или метапьеса (самая ранняя метапьеса в русской литературе – «Обезьяны идут!» Л.Н. Лунца, написанная в 1920 году). Можно привести примеры и метарассказа («Набор» В. Набокова, 1935, «Пьер Менар, автор Дон Кихота» Х.Л. Борхеса, 1939). Однако внимание исследователей обращено главным образом на роман. Именно потому, что в романе саморефлексия получила наибольшее освещение (В.Б. Зусева-Озкан).

Причина, по которой наше исследование связано с теорией романа Бахтина, заключается в том, что метарефлексия заложена в самой природе романа. Другими словами, саморефлексия существует с момента появления романа. По словам Патриции Во, «термин метапроза может быть новым, но практика метапрозы так же стара, как и сам жанр романа (Если не старше)» [Waugh, 1984, с. 5]. Метароманы «Дон-Кихот» Сервантеса и «Тристрам Шенди» Л. Стерна уже существовали в XVII–XVIII веках, их сейчас

признают отправной точкой метаромана. Таким образом, изучение теории метапрозы является, по сути, изучением того, что делает роман идентичным самому себе. А Бахтин, безусловно, является новатором в области исследования теории романа.

Главный вклад, который Бахтин внес в теорию метапрозы, заключается в изучении жанра романа. Ученый определяет три основные структурные особенности романа: «1) **хронотоп «незавершенного настоящего»**, открытое в неизвестное будущее движение истории, 2) **стилистическая трехмерность**, подразумевающая взаимоосвещение различных языков и речевых манер, 3) особая зона построения образа, при которой герой не совпадает с самим собой, не воплощается до конца» [Зусева-Озкан, 2014, с. 16.]. По мнению исследовательницы В. Зусевой-Озкан, эти свойства романа чрезвычайно выгодны для введения метарефлексии в текст романа.

Здесь нужно подчеркнуть один из самых важных терминов в теории романа Бахтина – разноречие. Разноречие – самая увлекательная находка в теории романа Бахтина. До Бахтина литературоведы знали только одну единую языковую систему, и этот единый язык был общепризнанным в рамках народа как стабильное языковое ядро. Однако развитие языка в целом имело чрезвычайно сложные социальные контексты, географические ограничения, профессиональные различия, пол, поколения и т.д., так что нормированный язык был лишь одним из более влиятельных среди разнородных языков. По мнению Бахтина, поэма пишется стандартным языком, а роман – это испытательный полигон для разноречия. «Роман – это художественно организованное социальное разноречие, иногда разноязычие, и индивидуальная разноголосица» [Бахтин, 2012, с.15.]. Разноголосица и разноречие входят в роман и организуются в нем в стройную художественную систему, что стало специфической особенностью романного жанра. Разноречие в романе, как указывает Бахтин, – это чужая речь на чужом языке, такой тип речи содержит особое двуголосое слово, имеет два языковых сознания: прямую интенцию говорящего персонажа и другую интенцию – преломленную – авторскую. В романе все языки, или голоса, которые входят в него, соревнуются, задают вопросы и конкурируют друг с другом, и в рамках этой категории любой вымышленный язык является самосознательным (хотя иногда это самосознание не очевидно). Это очень важно, особенно когда авторское сознание начинает критиковать творчество, касается самого процесса писания – метароман проявляется именно в этом.

Другое достижение, которое Бахтин внес в теорию метапрозы, – это теория пародии. В понимании пародии Бахтин и формалисты (Тынянов) пересекались. Бахтин связал проблему пародии со смеховой народной культурой Средневековья и Возрождения, увидев карнавальную природу пародии. Он отмечает, что пародия – это неотъемлемый элемент менипповой сатиры и вообще всех карнавальных жанров. По мнению Бахтина, мир состоит из различий, а различия содержат противоречия и соотносят противоположности. Другими словами, без противоречия, без разницы и противостояния нет мира.

Поэтому чужое слово является основной предпосылкой самоопределения оригинального художественного высказывания. При этом Бахтин рассматривает и роман как некое идеологическое поле, как место поединка разных идеологий. В книге «Проблемы поэтики Достоевского» (1963) Бахтин предложил термин «металингвистика». «Металингвистика» в качестве предмета исследования рассматривает аспекты вне традиционной лингвистики, такие, как высказывание. По своей природе такие явления, как стилизация, пародия, диалог, сказ и т.д., выходят за пределы лингвистики. Бахтин разделил слово романа на три вида: 1) прямое – непосредственный смысл; 2) объективное – прямая речь; 3) двухголосное слово – слово с установкой на чужую речь [Бахтин, 2002, с. 222]. И пародию Бахтин рассматривает как один из видов разнонаправленного двухголосного слова. Он детально проанализировал особенности пародийного слова, доказывая, что оно может быть разнообразным, может быть более или менее глубоким и может быть различно использовано автором: пародия может быть самоцелью (например, литературная пародия как жанр), но может служить и для достижения иных целей (например, пародийный стиль у Ариосто, пародийный стиль у Пушкина) [Бахтин, 2002, с. 217]. Но отношение между авторской и чужой интенцией пародийного слова таково: они разнонаправлены.

Итак, теория романа Бахтина имеет большое значение. С одной стороны, он выдвинул много ценных понятий, которые действуют до сих пор, с другой стороны, он заново рассматривает выдвинутые формалистами термины, принятые как аксиомы. В более широком историческом развороте Бахтин и другие литературоведы (особенно русские формалисты) выступают как оси абсцисс и ординат в системе прямоугольных координат литературоведения. В контексте 1920–1930-х годов мировоззрение Бахтина содействовало развитию литературоведения XX века, в том числе ученый внес вклад в теорию метапрозы.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3 : Теория романа (1930–1961 гг.). М. : Языки славянских культур, 2012. 880 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6 : Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х–1970-х гг. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
3. Зусева-Озкан В.Б. Поэтика метаромана: «Дар» В. Набокова и «Фальшивомонетки» А. Жида в контексте литературной традиции. М. : РГГУ. 488 с.
4. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. L.; N.Y. : Routledge, 1984. 176 с.

Мариниченко Алла Ивановна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
gorbunovaai@yandex.ru

**«СЛОВО С ЛАЗЕЙКОЙ» В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ
И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ ИДЕЙ М.М. БАХТИНА**

Аннотация. Осмысление и интерпретация идей Бахтина – одна из самых актуальных проблем бахтинологии. В центре нашего доклада один из наименее исследованных терминов М.М. Бахтина – «слово с лазейкой». В докладе рассматриваются возможности использования этого понятия в контексте осмысления комического дискурса русской словесности, а также практике работы со студентами-иностранцами на занятиях по русскому языку.

Ключевые слова: Михаил Бахтин, терминология, «слово с лазейкой», история русской литературы, преподавание русского языка как иностранного.

Marinichenko Alla I.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
gorbunovaai@yandex.ru

**«WORD WITH A LOOPHOLE» IN THE LITERARY
AND EDUCATIONAL CONTEXTS OF M. BAKHTIN'S
IDEAS MODERN RECEPTION**

Abstract: Comprehension and interpretation of Bakhtin's ideas is one of the most pressing problems of Bakhtin Studies. At the center of our report is one of the least studied M. Bakhtin's terms "the word with a loophole". The report examines the possibilities of using this concept in the contexts of comprehending comic discourse of Russian literature, as well as the practice of working with foreign students in Russian language classes.

Keywords: Mikhail Bakhtin, terminology, "word with a loophole", history of Russian literature, teaching Russian as a foreign language.

Осмысление и интерпретация идей М.М. Бахтина и их применение в границах современного научного дискурса – одна из самых актуальных проблем бахтинологии, о чем неоднократно говорилось на прошедших бахтинских конференциях, в исследовательских обзорах и др. [Васильев, 2012; Дубровская, 2018; Осовский, 2019; Осовский и др., 2021]

В этом контексте особое значение приобретает работа с бахтинскими терминами, позволяющая определить пути их интеграции в исследовательскую практику за пределами традиционного проблемного поля бахтиноведческих разысканий [Киржаева и др., 2016; Вишленкова, 2018; Дубровская, 2021].

В центре нашего доклада – один из наименее исследованных терминов М.М. Бахтина – «слово с лазейкой». Несмотря на то что это понятие играет важнейшую роль в книге о Достоевском, оно по непонятной причине выпало из фокуса внимания большинства авторов, занимавшихся этим текстом ученого. Примечательно, что у самого Бахтина этот термин остается в обеих ре-

дакциях книги практически без дополнений и изменений [Бахтин, 1996–2012, т. 2, 6], что дает основание определять его как одну из констант бахтинского видения слова у Достоевского. «Слово с лазейкой вообще имеет громадное значение в творчестве Достоевского, особенно в его позднем творчестве», – отмечает Бахтин и поясняет далее: «Здесь мы уже переходим к другому моменту построения „Записок из подполья“: к отношению героя к себе самому, к его внутреннему диалогу с самим собой, который на протяжении всего произведения сплетается и сочетается с его диалогом с другим.

Что же такое лазейка сознания и слова? Лазейка – это оставление за собой возможности изменить последний, окончательный смысл своего слова. Если слово оставляет такую лазейку, то это неизбежно должно отразиться на его структуре» [Бахтин, 1996–2012, т. 6, с.258].

Можно предположить, что «слово с лазейкой» является одним из важнейших средств создания смехового слова, шире – комического дискурса русской словесности XIX века, по крайней мере, в той ее версии, которая была описана в исследованиях последних лет [Дубровская и др., 2012; Дубровская, 2018а; Дубровская, 2018б]. Добавим, что оно играет не менее важную роль в процессе трансформации словесного образа героя и в экспериментах последующих литературных эпох: от серебряного века до сегодняшнего постпостмодернизма и в контексте создания различных авторских масок и в иных формах карнавализации авторского самовыражения [Осовский, 1993; Осовский, 2001; Дубровская и др., 2021].

Не менее важной представляется возможность использования «слова с лазейкой» в современном образовательном процессе, о бахтинском подходе к пониманию которого достаточно много пишут в последние годы [Дубровская и др., 2021; Osovsky et al., 2020; Osovsky et al., 2021; Kirzhaeva et al., 2021]. При этом речь идет не только о занятиях со студентами-филологами, для которых анализ этого бахтинского понятия становится отправной точкой в изучении различных форм самопрезентации персонажей отечественной классики, но и о работе со студентами-иностранцами в курсе русского языка как иностранного, где «слово с лазейкой» символизирует огромный смысловой потенциал изучаемых литературных текстов и многовекторность их интерпретации.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М. : Русские словари : Языки славянских культур, 1996–2012.
2. Васильев Н.Л. XIV Международная Бахтинская конференция (Италия, Болонский университет. 4–8 июля 2011 г.) // Интеграция образования. 2012. № 2. С. 120–121.
3. Вишленкова С.Г. О специфике презентации понятийного аппарата М.М. Бахтина в начале 2000-х гг. (терминоведческий аспект) // Филология. 2018. № 2. С. 112–119.
4. Дубровская Д.А., Дубровская С.А. «Смеховое слово» в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 3(11). С. 79–82.
5. Дубровская С.А. Международная Бахтинская конференция в Шанхае // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 1(102). С. 179–183.
6. Дубровская С.А. От «Арзамаса» до Гоголя: смеховое слово в пространстве русской литературы 1810-х – начала 1840-х гг. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2018а. 252 с.

7. Дубровская С.А. Смеховое слово в карнавализованном пространстве эпистолярия Н.В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018б. № 4–1(82). С. 13–16.
8. Дубровская С.А., Осовский О.Е. Наследие М.М. Бахтина и вызовы современного образования: взгляд из 2010-х // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 284–297.
9. Дубровская С.А., Осовский О.Е. О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.
10. Киржаева В.П., Осовский О.Е. О двух терминах М. М. Бахтина в контексте истории отечественного литературоведения XX века // Филология и культура. 2016. № 1(43). С. 223–228.
11. Осовский О.Е. Бахтин в Шанхае: «Уроки китайского» для бахтинистики // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 207–223.
12. Осовский О.Е. М.М. Бахтин читает Ольгу Фрейденберг: о характере и смысле маргиналий на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // М.М. Бахтин в Саранске : документы, материалы, исследования. Вып. 1. Саранск, 2002. С. 24–35.
13. Осовский О.Е. Маска авторская // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М. : НПК Интелвак, 2001. Стб. 511.
14. Осовский О.Е. Бахтин, метапроза, советская литература // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 194–198.
15. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–265.
16. Kirzhaeva, V., Maslova, E. Fruitful Inspiration: Fresh View on Bakhtinian Dialogism in Some Fields of the Humanities // Dialogic Pedagogy: An International Online Journal. 2021. № 9. R1–R6.
17. Osovsky O., Chernetsova E., Kirzhaeva V., Maslova E. Education-for-myself and education-for-the other: The right to freedom of education and mikhail Bakhtin's experience // Dialogic Pedagogy. 2020. № 8. SF71–SF79
18. Osovsky O., Dubrovskaya S., Chernetsova E. Social education through the lens of Bakhtinian theory // Dialogic Pedagogy: An International Online Journal. 2021. № 9. R7–R16.

УДК 821.161.1Бахтин

Небыков Алексей Александрович
Литературный институт имени А.М. Горького
(Москва, Россия)
fluentpen@bk.ru

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА БАХТИНА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

Аннотация. Теоретическое наследие Михаила Михайловича Бахтина широко распространено в современной литературной теории. Его идеи продолжают эффективно применяться, идет интенсивный процесс их переработки. В докладе затронуты некоторые вопросы рецепции идей ученого в современном литературоведении, продуктивное применение и осмысление которых может в ближайшее время сформировать новый интеллектуальный дискурс.

Ключевые слова: Бахтин, диалог, интертекстуальность, автор, память жанра.

RECEPTION OF MIKHAIL MIKHAILOVICH BAKHTIN'S IDEAS IN MODERN LITERARY CRITICISM (SOME OBSERVATIONS)

Annotation. The theoretical legacy of Mikhail Mikhailovich Bakhtin is widely spread in modern literary theory. His ideas continue to be effectively applied, there is an intensive process of their processing. The report touches upon some issues of the reception of the scientist's ideas in modern literary studies, the productive application and understanding of which may soon form a new intellectual discourse.

Keywords: Bakhtin, dialogue, intertextuality, author, genre memory.

Михаил Михайлович Бахтин: заключал «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее). Даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конченными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [Бахтин, 1996–2012, т. 6, с. 434–435].

Указанное может в полной мере быть применимо и к наследию самого Бахтина, в фундаментальных работах которого современные ученые обретают основу для новых гуманитарных исследований.

1. Два основных современных подхода к проблеме рождения и развития теории литературы (идеологический и культурологический) взаимодействуют и связаны с идеями Михаила Бахтина. Критические работы ученого ставят под вопрос научную объективность идеологического подхода, выявляя в его основе не литературно-художественные, а социально-политические интенции. Галин Тиханов (теоретик культурологического подхода) связывает развитие теории со специфической языковой и культурной ситуацией, приводя в подтверждение концепцию «многоязычия» Михаила Бахтина, из которой последний выводил возникновение романа – эпохального жанра европейской литературы.

2. Современная теория литературы развивается около ста лет. Различные школы в разное время занимали в науке лидирующее место. Среди этих школ: русский формализм 1920-х годов, американская «новая критика» 1930–1950-х, французский и советский структурализм 1960-х, немецкая рецептивная эстетика, международный постструктурализм, новейшие «цифровые гуманитарные науки» и т.д. Сегодня в теории литературы существует две несовпадающие традиции работы со словом. Это поэтика и герменевтика, которые иногда различают как практики рассмотрения текста со стороны его

производителя (писателя) или со стороны его потребителя (читателя, критика). Некоторые исследователи (в частности профессор Литературного института имени А.М. Горького Иван Андреевич Есаулов) в связи с теоретическим наследием Михаила Бахтина предлагают также выделять третью традицию работы со словом, третий уровень рассмотрения текстов – так называемый уровень диалога автора и читателя, когда в результате согласия установок автора и интерпретаций читателя возникает новое понимание произведения, а объективный анализ и субъективное восприятие заменяются многоголосным толкованием. И возможно, именно такая полифония толкования поможет разрешить в будущем противоречия противоборствующих традиций в современной теории литературы.

3. Современная теория эволюции науки о литературе находится в поисках новых способов объяснения диахронических изменений в текстуальных практиках литературы. Разрабатывая эту проблему, исследователи опираются в том числе на трансисторическую идею «большого времени» Михаила Бахтина, согласно которой значительное произведение литературы раскрывается на протяжении многих веков, постепенно развертывая заложенные в нем сложные культурные смыслы. В качестве примера проявления такого процесса можно привести теорию «памяти жанра» Михаила Бахтина, согласно которой в произведениях разных авторов сквозь века могут быть выявлены устойчивые жанровые структуры, а исторические перемены самого жанра воспроизводят тем не менее одни и те же конфигурации тематики и конструкции, одни и те же связки «формы» и «содержания». В своих трудах Михаил Бахтин приводил реконструированный им жанр античной литературы (мениппею), который в видоизмененных формах пронес свою специфику сквозь европейскую литературу вплоть до Достоевского и дальше, сохраняя как тематические, так и формальные признаки.

4. Работы Михаила Бахтина «Слово в романе», «Проблема речевых жанров», посвященные устройству завершенных языковых высказываний и диалогическому взаимодействию между ними, связывали имитацию речевых жанров и стилей в литературе с задачей достижения эстетических эффектов и повлияли на развитие современных теорий коллективных стилей-социолектов, которые в русской лингвистике разрабатывали Лев Якубинский, Виктор Виноградов и многие другие.

5. Теория жанровой оппозиции эпоса и романа Михаила Бахтина, усматривавшая в переходе к жанру романа прогресс, развитие диалогических отношений между героями событий и рассказчиком или слушателем, повлияла на последующее развитие теории нарративных жанров.

6. Различив повествовательную форму (полифонический роман) в произведениях Достоевского, Михаил Бахтин создал новый уровень толкования произведений; повлиял на развитие современного понимания проблемы мимесиса в литературе и героя как средоточия миметических процессов литературного произведения; а также поставил под вопрос возможность театрального воплощения текстов, написанных в таком жанре.

7. Бахтинский термин «хронотоп» оказал существенное влияние на последующие теоретические разработки понятия фикционального погружения и пространственно-временного опыта героя (косвенно и читателя).

8. Феномен интертекстуальности, предложенный Юлией Кристевой, в конце XX века оказался очень важным для теоретической мысли. При его разработке Кристева опиралась на бахтинские идеи диалогического слова и полифонического романа. Исследуя идеи Бахтина, а также некоторые труды Фердинанда де Соссюра об анаграммах, Кристева пришла к теории об отрицании авторской ответственности за интертекстуальные эффекты, интертекстуальную переключку, а возникший в результате ее изысканий феномен интертекстуальности сделал современное чтение текстов более сложным (поскольку требует от исследователей поиска в текстах все новых и новых отсылок к другим текстам), но в то же время открыл возможность получать некоторые очень интересные результаты при толковании произведений литературы.

9. Ни одно современное исследование проблемы автора не обходится без изучения научных трудов Михаила Бахтина, посвященных форме и статусу «имплицитного», фикционального автора в произведениях художественной словесности.

Приведенные в тезисах примеры распространения теоретического наследия Михаила Бахтина в современной теории не являются исчерпывающими, но и они позволяют сказать, что его творческое наследие обладает колоссальным влиянием и продолжает эффективно применяться в наше время.

Библиографические ссылки

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика, поэтика. М. : Прогресс, 1989. 615 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1–6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 1997–2012.
3. Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). М. : РГГУ, 1995. 100 с.
4. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М. : РОССПЭН, 2004. 652 с.
5. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л. : Прибой, 1928. 232 с.
6. Тиханов Г. Почему теория литературы возникла в Центральной и Восточной Европе? / авториз. пер. с англ. С. Силаковой // Новое лит. обозрение. 2002. № 53. С. 75–88.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : сб. / сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М. : Магистериум : Касталь, 1996. 446 с.

ТРАДИЦИИ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Аннотация. В статье осмыслена специфика преломления традиции романа воспитания в современной отечественной прозе. Автор статьи использовал сравнительно-исторический и целостный методы анализа литературного произведения. Установлено, что современные русские прозаики, обращающиеся к традиции Bildungsroman, строят действие по классической схеме, описанной М.М. Бахтиным: повествование о духовном пути главного героя, обретении им духовной зрелости, направленной на установление внутренней гармонии (В. Пелевин, Д. Рубина, М. Шишкин). Традиция Bildungsroman расширяется в этнофэнтези А. Рубанова посредством введения рассказчиков, нарушая «моноцентризм» романа воспитания, традиционно выраженный в биографизме и субъективно-лирическом начале исключительно главного героя.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, память жанра, роман воспитания, современная русская проза.

Osmukhina Olga Yu.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
osmukhina@inbox.ru

TRADITIONS OF THE BILDUNGSROMAN IN MODERN RUSSIAN PROSE

Abstract. In the article the specificity of the refraction of the tradition of the nurturing novel in modern domestic prose is comprehended. The author used comparative-historical and holistic methods of analysis of the literary work. It has been established that modern Russian prose writers who turn to the tradition of Bildungsroman build the action according to the classical scheme described by M. M. Bakhtin: the narrative of the spiritual journey of the protagonist, the acquisition of his spiritual maturity, aimed at establishing inner harmony (V. Pelevin, D. Rubina, M. Shishkin). The tradition of Bildungsroman is extended in A. Rubanov's ethnofantasy through the introduction of narrators, breaking the "monocentrism" of the educational novel, traditionally expressed in biographism and the subjective and lyrical beginning exclusively of the protagonist.

Keywords: M.M. Bakhtin, memory of the genre, educational novel, Modern Russian prose.

Среди наиболее актуальных проблем современного литературоведения принципиален вопрос специфики жанровой системы художественного произведения. Многообразие форм современного романа позволяет выделить достаточное количество его внутрижанровых разновидностей, одной из которых, по устоявшейся историко-литературной традиции, является роман воспитания (Bildungsroman).

Общеизвестно, что впервые термин Bildungsroman был употреблен К. Morgensternом в 1820-е гг. [Morgenstern, 1988, S. 55–73]. Начало же углубленного исследования романа воспитания, как указывает Р. Зельбманн,

связано с работами В. Дильтея, называвшего романами воспитания произведения «школы Вильгельма Мейстера», показывающие «человеческое формирование на различных ступенях, образах, эпохах жизни» [Zur Geschichte des Deutschen Bildungsromans, 1988, с. 120], романы романтической группы (Фр. Шлегель, Тик, Вакенродер, Новалис) и романы о художнике.

В отечественном же литературоведении концептуальное исследование романа воспитания было предпринято М.М. Бахтиным, который подчеркивал, что ключевым организующим центром в структуре романа воспитания становится идея становления, в центре его – образ становящегося человека: «Сам герой, его характер становятся переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное движение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа. Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни» [Бахтин, 2012, с. 329]. Примечательно, что Бахтин подчеркивал относительность любых четких разграничений внутри романного жанра, по сути, открывая тем самым перспективу для включения в круг Bildungsroman многосоставных жанровых образований, в которых образ главного героя построен по принципу оформления воспитательного романа [Бахтин, 2012, с. 182].

Справедливости ради заметим, что отечественное литературоведение рубежа XX–XXI вв., уделяя внимание судьбе Bildungsroman на русской почве, в принципе, опирается на понятийный аппарат и выводы Бахтина. В ряде работ подчеркивается моноцентричность построения романа воспитания и «стадиальность» пути героя [Краснощекова, 2008, с. 14–16], выраженная в биографизме и субъективно-лирическом начале, особая роль второстепенных персонажей романа, выступающих в роли катализаторов воспитательного процесса главного героя, и наставников, учителей жизни, способствующих духовному развитию героя [Пашигорев, 1990, с. 36].

В современной отечественной прозе, как известно, отчетливо актуализируемая «память жанра» влечет за собой в рамках романного жанра синтез различных его разновидностей, в том числе и Bildungsroman. Примечательно в этом контексте творчество М. Шишкина («Записки Ларионова»), Д. Рубиной («Почерк Леонардо», «Русская канарейка»), В. Пелевина («Чапаев и Пустота», «Generation “П”»), «Священная книга оборотня», «Empire “V”»), «Бэтман Аполло») и др. Прежде всего, развитие действия в них строится по одной и той же схеме – это повествование о духовном пути главного героя, которое, как правило, начинается с творчества. Нередко в историю «воспитания чувств» героев вписана любовь, что позволяет включить романы в широкий контекст Bildungsroman (достаточно вспомнить, к примеру, что «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гете открываются рассказом о первой любви). Причем крушение первой любви становится жесточайшим испытанием и тяжелейшим уроком: добровольный отказ от нее не позволяет персонажу двигаться дальше по пути нравственного совершенствования и обретения абсолютной свободы, тогда как полная самоотдача, хотя и приводящая к утрате иллюзий,

ведет в конечном итоге к обретению персонажем себя («Записки Ларионова», «Священная книга оборотня»).

Хотя главный герой романа воспитания организует мир и персонажей вокруг себя, принципиальную роль играют его духовные наставники либо персонажи, их заменяющие. Равно как, например, в «Годах учения Вильгельма Мейстера» И.-В. Гете вносят вклад в «воспитание чувств» Вильгельма Ярно и Лотарио, Зерло и Лаэрт, Марианна и Наталия и др., в современном отечественном Bildungsroman и наставники, и второстепенные персонажи влияют на главного героя, погруженного в осмысление своего и чужого опыта («Записки Ларионова», «Empire „V“», «Бэтман Аполло», «Русская канарейка»).

Особое место в свете заявленной проблематики занимает роман А. Рубанова «Финист – ясный сокол», созданный в условиях постпостмодернистской культурной ситуации. Роман Рубанова продолжает традиции романа воспитания, структурно воспроизводя его ключевые элементы (специфическую образную систему, композицию, определяющуюся стадийностью пути главных героев) и синтезируя их не только со сказовостью, жанровыми особенностями фэнтези, но и с постмодернистской интертекстуальностью (очевидны отсылки к русскому фольклору, Платонову, Толкиену). Границы Bildungsroman здесь расширяются: рассказчики всех трех частей, связанных между собой единым сюжетом о Марье, отправляющейся на поиски Финиста, – глумила, воин и летучий изгнанник – нарушают «моноцентризм» романа воспитания, традиционно выраженный в биографизме и субъективно-лирическом начале исключительно главного героя. При этом композиция определена стадийностью пути не только Марьи, но и троих рассказчиков, играющих особую роль: они не только «воспитываются» сами, но из второстепенных персонажей-нарраторов превращаются в «катализаторов» воспитательного процесса Марьи как главной героини, становятся ее наставниками, учителями жизни. Разумеется, этнофэнтези Рубанова, в котором отчетливо прослеживаются традиции Bildungsroman, быть может, наиболее примечательный, но отнюдь не единственный пример осознания и освоения духовного и эстетического потенциала романа воспитания на рубеже XX–XXI вв. Синтезирующая в том числе элементы и этой романной формы, современная отечественная проза (С. Минаев, В. Пелевин, Л. Улицкая, М. Шишкин, С. Шаргунов и др.) становится значимым звеном в динамике современного романа, реанимирующего «забытые традиции».

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 180–339.
2. Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб. : Изд-во «Пушкинского фонда», 2008. 480 с.
3. Пашигорев В.Н. Философские и литературные предпосылки немецкого романа воспитания // Филологические науки. 1990. № 2. С. 36–43.

4. Morgenstern K. Ueber das Wesen des Bildungsromans (1820) // Zur Geschichte des deutschen Bildungsromans. Hrsg. von Rolf Selbmann. Darmstadt, 1988. S. 55–73.

5. Zur Geschichte des Deutschen Bildungsromans. Hrsg. von Rolf Selbmann. Darmstadt, 1988. 380 S.

УДК 81'42:1Бахтин

Souris Stephen
Texas Woman's University
(Denton, Texas, USA)
SSouris@twu.edu

**DIALOGIC AGREEMENT
OR "SHARED SPATIAL AND IDEATIONAL PURVIEW":
BAKHTIN, VOLOSHINOV, AND ANNE TYLER'S "HOLDING THINGS TOGETHER"**

Abstract. There is a seemingly uneventful moment in Anne Tyler's short story "Holding Things Together" where two characters utter "Well!" as they commiserate over their respective unhappy marriages. Does Bakhtin's repeated "Life is good" scenario from *Problems of Dostoevsky's Poetics* or Voloshinov's once-uttered "Well!" thought experiment help illuminate the story? Voloshinov is found to be the better of the two for analyzing the story because of the characters' "shared ideational purview".

Keywords: Bakhtin, Voloshinov, Tyler, "Holding Things Together".

Сурис Стивен
Техасский женский университет
(Дентон, Техас, США)
SSouris@twu.edu

**ДИАЛОГИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ
ИЛИ «ОБЩИЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КРУГОЗОР»?:
БАХТИН, ВОЛОШИНОВ И «СОХРАНЯЯ ЕДИНСТВО» ЭНН ТАЙЛЕР**

Аннотация. В рассказе Энн Тайлер «Сохраняя единство» есть, казалось бы, мало-значущий эпизод, когда два персонажа произносят «Так!», выражая тем самым сочувствие своим несчастливым бракам. Что поможет нам лучше понять этот рассказ: дважды повторенная Бахтиным в «Проблемах поэтики Достоевского» фраза «Жизнь хороша» или мысленный эксперимент Волошинова, в котором один человек говорит другому «Так!»? Мы приходим к выводу, что подход Волошинова лучше подходит для анализа рассказа в силу «общего идеологического кругозора» персонажей.

Ключевые слова: Бахтин, Волошинов, Тайлер, «Сохраняя единство».

The American novelist Anne Tyler's short story "Holding Things Together" is about two unhappily married individuals, Lucy and Joel, who confide in each other about how much they dislike their spouses. It's told in the first person by Lucy, who is married to a man she appears to despise for being inept with everyday, hands-on aspects of life. Lucy goes obsessively to the gas station where young Joel works as a mechanic, claiming there is something wrong with her car. To Lucy, he represents competence in the mechanical realm – the realm where Alfred is deficient.

At one point in the story, Joel takes Lucy's car for a test drive in order to check out Lucy's latest claim of malfunction. She is with him in the car. Joel decides to drive the car down a road that dead ends at a field and then turns the engine off. Here's the passage; Joel is talking about his wife:

"I'd sure like a wife who stayed home some. And she doesn't take care of herself – she's so sloppy. She's let her hair grow long, and every time I come home I think, Well, who's this? I mean it never stops being a surprise, I never get used to it. I think, is this it, is this who I'm with, this lady with the stringy hair? It's like I have amnesia. I just can't figure how it all happened'.

'No one told us it would be so permanent,' I said.

'Why no', he said. 'Not so as to make us believe it'.

He looked over at me. His hands fell off the wheel. Outside, I could hear the locusts whirring, pointing up our silence. 'Well!' I said, and Joel said, 'Well! Victor will be having kittens by now'. And he started up the car again, and turned around, and we drove on back to the station." [Tyler, 1990, p. 161].

Afterwards, Lucy has a major fight with her husband about his incompetence. Traditionally viewed, the fight would be considered the climax of the story; but I'd like to suggest that the twice uttered "Well!" is the more interesting high point because it immediately invites analysis from Bakhtinian and Voloshinovan angles. To be precise: Is the passage in Tyler's story an illustration of the "Life is good" scenario in *Problems of Dostoevsky's Poetics*? [Bakhtin, 1984, p. 183–184]. Or is it an illustration of the "Well!" scenario in "Discourse in Life, Discourse in Art"? [Voloshinov, 2012, p. 161–168].

Because the repetition of "Well!" in Tyler's story is not dialogic in the Bakhtinian sense, Voloshinov's scenario is more relevant for the story, notwithstanding the reference to Joel's boss probably being upset over his long absence from the shop. The point of Voloshinov's thought experiment is to illustrate how in real life language, which is a social construct, can be used to express what he calls a "shared spatial and ideational purview" (Voloshinov, 2012, p. 163). The other fella in Voloshinov's room, who also notices the falling snow, does not need to say anything because the first speaker's "Well!" perfectly expresses their shared frustration. What happens in the car at the end of the road in Tyler's "Holding Things Together" is in many respects in line with what Voloshinov discusses in sections three and four of "Discourse". Joel and Lucy have a "shared spatial and ideational purview". They share the space of that car but they also share the restrictive space of the institution of marriage as a permanent condition. Unlike Voloshinov's scenario, Joel, Lucy's purview partner, responds to her utterance. Voloshinov might have him remain silent, implying complete agreement. Bakhtin would have him utter the same word but with intonational variation implying difference within agreement (as in Bakhtin's imagined scenario where "life is good" is uttered twice). Tyler has him respond to Lucy's utterance with the same word and, we can assume, the very same intonation. They provide "choral support" for each other; their utterances do not express "individual emotions". Tyler makes no attempt to differentiate between their frustrations over what it means to be married. The restrictive nature of the institution of marriage is the "hero" here – the "third participant" of the colloquy, the "incarnate, living culprit", which is addressed by

their utterances carrying tones of frustration and resignation. "Well!" in Tyler functions as an enthymeme in the sense that it serves as a "password" for a more formalized syllogism the premises of which might be phrased thusly: marriage in our time and place is til death do us part; it turns out that we despise our spouses and like each other; but because marriage is forever, life sucks for us! [Quoted material: Voloshinov, 2012, p. 164–174].

Additional support for suggesting that Tyler's "Holding Things Together" could serve as a fleshing out of Voloshinov's "Discourse" can be found at the end of the story. Here are the final sentences:

"The last time I went to Exxon it was just to fill the gas tank. I went on a foggy October morning, the first really cold day of fall. Joel was the one on duty. He seemed grim, maybe hung over; and I had a headache from sitting up to watch the late show after Alfred had gone to bed. So all I did was nod, and Joel nodded back and went to start the pump. While the tank was filling, he stood waiting with his arms folded. I stared straight ahead, watching my breath steam the windshield. Then I paid him six dollars and twenty-four cents and put my billfold back in my purse and drove away" [Tyler, 1990, p. 163].

On one level, Lucy's nod is a transactional gesture that means "I'm here for gas. Go ahead and fill 'er up". But surely Tyler intends the nods to function on a more suggestive level as well. What is that nod from each of them but a Voloshinovan gesture! That silent gesture comes from and reinforces the sense in which they have a "shared spatial and ideational purview". Just as their utterances – "Well!" – convey a shared sense of the need to resist temptation in that car and head back to the gas station for a never-ending future with despised spouses, so, too, does the nod convey their shared sense of hopelessness.

References

1. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics / ed. and transl. by C. Emerson. Minnesota : Univ. of Minnesota Press, 1984. 333 p.
2. Tyler A. Holding things together // We are the stories we tell / ed. by W. Martin. N.Y. : Pantheon, 1990. P. 150–163. (Story originally published in 1977.)
3. Voloshinov V.N. Discourse in Life, Discourse in Art (Concerning Sociological Poetics) // Freudianism : a Marxist Critique / transl. I.R. Titunik ; ed. in collaboration with Neal H. Bruss. L. : Verso, 2012. P. 151–196. (Essay originally published in 1926.)

УДК 81-25:81`374.822

Филей Александр Васильевич
Рижская средняя школа № 86
(Рига, Латвийская Республика)
odessamatj@inbox.lv

РЕЧЕЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ ФРАЗОВОЙ ЧАСТИ РАЗГОВОРНИКА «EIN RUSCH ВОЕСК»

Аннотация. Темой статьи является речежанровая характеристика фразовой части «Ein Rusch Воеск». Предлагается лингвопрагматический анализ разговорной речи жите-

лей торговых городов Северо-Западной Руси. Рассматриваются прагматические установки, важные для ганзейских учеников (*sprakelerers*), с целью выстраивания алгоритма поведения в аспекте межкультурной коммуникации. Исследуются группы адресатов посланий. Проводится анализ микрожанров. Дается лингвопрагматическая оценка фразовой части «Русской книги» с опорой на контактно-языковую модель русско-ганзейских исторических отношений.

Ключевые слова: разговорник «Ein Rusch Boeck» (Русская книга), речевые жанры, разговорная речь жителей торговых городов СЗР, лексико-тематические блоки (ЛТБ), фразовые формулы.

Filey Alexander V.
Riga Secondary School № 86
(Riga, Republic of Latvia)
odessamatj@inbox.lv

SPEECH-GENRE ASPECT OF PHRASAL PART OF "EIN RUSCH BOECK"

Abstract. The topic of the article is the speech-genre characteristics of the phrasal part of "Ein Rusch Boeck". The linguistic pragmatic analysis of the spoken language of the inhabitants of the trading cities of North-West Russia (NWR) is offered. The article considers pragmatic attitudes that are important for Hanseatic students (*sprakelerers*) in order to build an algorithm of behavior in the aspect of intercultural communication. Groups of addressees of messages are being investigated. Microgenre analysis is being carried out. A linguo-pragmatic assessment of the phrasal part of the "Russian Book" is given, based on the contact-linguistic model of Russian-Hanseatic historical relations.

Keywords: phrasebook "Ein Rusch Boeck" (Russian book), speech genres, spoken language of the inhabitants of the trading cities of North-West Russia (NWR), lexical thematic blocks, phrasal formula.

Русско-немецкие торговые разговорники позднего Средневековья (XVI – начало XVII века), составленные иностранцами, являются памятниками живой разговорной речи жителей крупных торговых городов Северо-Западной Руси (далее – СЗР). Возникновение таких разговорников было обусловлено необходимостью дистантного освоения разговорной нормы русского языка СЗР [Сквайрс, Фердинанд, 2002]. Их составителями были грамотные торговцы, имевшие богатый опыт общения с русскими коммуникантами, а также опыт переводческой деятельности.

Русский язык, отраженный в письменной форме, представляет собой стихийно возникавшее койне, которое включало в себе простонародно-диалектные единицы разной пространственной отнесенности. Частотность их воспроизводства в речи зависела от коммуникативной актуальности. Разговорники наподобие Ein Rusch Boeck («Русская книга») являлись образцовыми (эталонными) текстами, функционально ориентированными на освоение базового набора разговорной лексики, необходимого для реализации своих внеязыковых целей. Речевые элементы русско-немецкой торговой коммуникации, включенные в такой разговорник, должны были соответствовать определенным лингвопрагматическим характеристикам. Именно поэтому оправданно их изучение в аспекте речевых жанровых концепций [Бахтин, 1996, 159–206].

Речевой материал «Русской книги» распределен по лексико-тематическим блокам (далее – ЛТБ): а) словарным – в которых содержатся коммуникативно релевантные лексемы преимущественно номинативного характера; б) фразовым – в которых приведены устойчивые сочетания, образцы живой разговорной речи, услышанные в ходе ситуативно обусловленного общения; в) словарно-фразовым, то есть смешанным. Абсолютное большинство словарных и фразовых лексем снабжено переводом на нижненемецкий язык, который в указанное время представлял собой совокупность ганзейских торговых диалектов. Исходя из результатов комплексного структурно-текстового анализа разговорника есть основания предполагать, что таких «Русских книг» в истории русско-ганзейских отношений было несколько, и Ein Rusch Boeck 1568 года мог быть списком с более раннего образца.

Поскольку речевая стихия человека организована речежанровым образом, уместно рассматривать приведенные в разговорнике Ein Rusch Boeck речевые фрагменты как формулированные (канонизированные) образцы речевых микрожанров, актуальных для конкретного коммуникативного контекста.

В составе фразовых и смешанных ЛТБ зафиксированы сочетания, которые допустимо распределить по речежанровым формам в соответствии с коммуникативной интенцией [Дементьев, Седов, 1998, 107].

В лингвопрагматическом аспекте особый интерес представляет собой вступительная часть текста. Она целиком состоит из рифмованных формул с семантикой приветствия. По сути это образец автопрезентации: *Ein Rusch boeck Bin Ick Genanth / mit velen Ehrlücken lüden sey Ick allto nicht bekannt.* («Зовусь я Русской книгой / Со многими достойными людьми я пока не знаком») (1, 1–3). Эти рифмованные формулы характерны для средневеково-немецкого простонародно-городского нарратива.

Большую часть фразовых ЛТБ составляют сложные синтаксические структуры, представляющие собой элементы беглого диалогического общения. Они восходят к живой речевой практике крупных торговых городов СЗР. Эти единицы представляют собой коммуникативные формулы, практически применяемые в различных сферах общения: торговой, повседневно-рекреационной, культурно-бытовой.

При речежанровом анализе элементов фразовой части следует учитывать различных адресатов высказывания. Основными являются: а) молодой человек, условно называемый «русским другом» и зачастую являвшийся ровесником немецкого ученика); б) девушка, чаще всего являвшаяся дочерью владельца того или иного купеческого подворья, где останавливался *sprakelerer*; в) взрослый купец, с которым торговые отношения поддерживаются с переменным успехом; г) недельщик – судебный чиновник СЗР позднего Средневековья, исполнявший свои обязанности по неделям – ему чаще всего подавались жалобы на противоправное поведение той или иной стороны.

Особую значимость представляют отрывки из религиозных текстов, элементы сакрального нарратива, которые помещены в разговорник для бо-

лее успешного освоения целевой аудиторией русского культурного пространства.

Начальные ЛТБ «Русской книги» концентрируют в основном перформативные микрожанры, которые по сути являются паремиями. Немецкие составители *Ein Rusch Boeck* тщательно фиксируют паремические конструкции, характерные для народной речи жителей русского Средневековья, воспитанных в традициях православной культуры: *Gowory po pamety da po prawdy* (7, 7a); *Neday boch ys sylnym Borotsa da Isbohatym tegatsa* (7, 4); *Ruscka semla nebohata srebrrom da solotom. Tolicko ludmi* (36, 15); *Ne osusai druga Ino sam osusen nebudesch* (46a, 5), *Ne chotzeschli ty mene dobroho dospety Ino chudogo mi nedospey* (56a, 15); *Torgui somnoiu laskawo bes kollowerti* (63a, 1) и т.д. Образные определения, прибаутки, поговорки, параллелистические формулы традиционно отражены в «Русской книге», что указывает на важность их освоения немецкими коммуникантами.

В связи с прагматическими задачами русско-немецкой исторической коммуникации СЗР часто встречаются этикетно-приветственные (перформативные) формулы, инициирующие деловое общение: *Dobromu Clowecku dobry dni* (18a, 11); *Spasy boch na salowani* (20a, 8), *Smetli vtebe sprosyty kack toba sowut Imenem* (20a, 19). Зафиксированы вопросительно-утвердительные сочетания, относящиеся к сфере межкультурного общения: *Cto tebe nadobet / Mene na dobet milosty bosy da hospodarskoho salowanie* (7a, 10–11); *Gotzeschli somnoi pomirytsa chudym Ili dobrym* (7, 11) и т.д. Довольно распространены формулы-бытовизмы: *Na vlisy grasu net* (12, 20); *podl prinesy Retzny wody Ili morscky* (12, 21–22); *Mytlisa tebe sego dny* (20a, 12) и т.д. Они связаны с обстоятельствами проживания основных адресатов текстов учебных разговорников – молодых немецких учеников (*sprakelelers*). Им разрешалось селиться на постоянных дворах Великого Новгорода и Пскова, где они осваивали не только языковую стихию, но и основы бытовой культуры.

Речевая сфера, относящаяся к торговле, носит эмоционально-экспрессивный характер, в связи с чем фразовые блоки «Русской книги» изобилуют как лаудативами – формулами, выражающими похвалу, признание, поощрение (*moi serdetznoi drug* (20, 4); *Ne posabudi mojeho dobreho chleba da soli* (42a, 10), *Miley moy nemtzin po gedi sbohom da siw sdorow* (43, 10) и т.д.), так и пейоративами, путем которых коммуниканты ситуативно выражают недовольство (*swinia sromisa* (41, 17); *Ne gowory presa. Kack stara baba perdnet* (7a, 13), *Czemu ty lesisch kack smerd* (58a, 9) и т.д.). Часть фразового материала составляет лексика, относящаяся к судебной (или более широко – пенитенциарной) тематике, в том числе к ситуации «суда-наказания»: *Nedelschück v koway w selesa* (45, 1); *Podl somnoi w dyatziu pered sudia* (45a, 1); *poidem pered sudia* (56, 15) и т.д. Это обусловлено необходимостью знания законов принимающей (русской) стороны с целью достижения прагматического успеха в области торговли.

Важное место в «Русской книге» занимают речевые сочетания, отражающие тему товарно-денежных отношений, в том числе и формулы прескриптивно-императивной направленности, предписывающие оптимальную

модель ведения дел. Большой объем прескриптивных микрожанров естественным образом отражает прагматические интересы участников общения.

В целом русско-немецкие торговые разговорники, составленные иностранцами, концентрируют определенный набор речевых жанров-образцов, которые в совокупности отражают элементы национальной картины мира, характерной как для русских жителей СЗР, так и немецких коммуникантов (представителей культурно-политического макрокластера Рах Hanseatica). Данные речевые жанры характеризуются конкретной исторической темпорально-локальной отнесенностью. Они выражают базовые мировоззренческие принципы обеих сторон коммуникации, а также их представления о внеязыковой действительности, что определяет их особую значимость при изучении лингвопрагматических аспектов русско-немецких исторических контактов.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.

2. Болек А. Разговорники XVI–XVII вв как источники сведений о жизни древнего Пскова. URL:

<http://druzhkovka-news.ru/razgovorniki-xvi-xvii-vv-kak-istochniki-svedenij-o-zhizni-drevnego-pskova/4/>

3. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров : учеб. пособие. Саратов : Изд-во Саратовского педагогического института, 1998. 107 с.

4. Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М. : Индрик, 2002. 368 с.

5. Fałowski Adam. "Ein Rusch Boeck..." Rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmowki z XVI wieku. Analiza językowa. Krakow, 1996.

УДК 82-31:271.2

Филей Александр Васильевич
Рижская средняя школа № 86
(Рига, Латвийская Республика)
odessamatj@inbox.lv

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В НАРОДНОЙ ДРАМЕ «ГРОЗА»

Аннотация. Темой статьи является отражение эсхатологем в драме А.Н. Островского «Гроза». Предлагается анализ лексико-семантических единств, отражающих концепцию грозы-Апокалипсиса. Выделяются эсхатологемы, отражающие идейные доминанты русской народной культуры. Рассматриваются исторические предпосылки, повлиявшие на формирование художественного замысла. Исследуется название народной драмы в эсхатологическом ключе. Дается культурно-символическая характеристика мифооикони-ма Калинов, анализируется концепт «литвы» и другие индикаторы апокалиптического символизма «Грозы».

Ключевые слова: народная драма «Гроза» А.Н. Островского, русское православное сознание, народная культура, эсхатологема, эсхатоним, гроза-Апокалипсис, Калинов, северное сияние, Литва.

ESCHATOLOGICAL CONCEPTS IN THE DRAMA "THE STORM"

Abstract. The theme of the article is the reflection of eschatologemes in the drama by A.N. Ostrovsky "The Storm". The analysis of lexical and semantic unities reflecting the concept of a thunderstorm-Apocalypse is provided. Eschatologemes, reflecting the ideological dominants of the Russian folk culture, are highlighted. The historical background, influencing the formation of the literature concept, is considered. The name of the folk drama is investigated in an eschatological context. A cultural and symbolic characteristic of the mythoikononym Kalinov is given, the concept of "Litwa" and other indicators of the apocalyptic symbolism of "The Storm" are analyzed.

Keywords: drama "The Storm" by A.N. Ostrovsky, Russian orthodox consciousness, folk culture, eschatologem, eschatonym, The Storm as Apocalypse, Kalinov, Litwa (Lithuania).

Драма Александра Николаевича Островского «Гроза» аккумулирует эсхатологические мифологемы, которые выражены лексико-семантическими единицами, отражающими идейно-символическую гипердоминанту Апокалипсиса. Одной из комплексных, концептуально обусловленных культурно-смысловых единиц текста является эсхатологема.

Эсхатологема – это комплексная надтекстовая единица концептологического плана, характерная для древнерусской и русской православной мировоззренческой традиции в соответствии с народной культурой Средневековья [Бахтин, 2010]. Эсхатологема обусловлена особенностями древнерусского православного сознания, когда коллективное бессознательное находилось в постоянном ожидании эсхатологической развязки. Эсхатологема представляет собой народно-христианскую мифологему конца света, выраженную разнообразными языковыми элементами – историзмами, мифоэпонимами, сказово-фольклорными устойчивыми сочетаниями.

На идейно-символическую основу «Грозы» повлияли культурно-исторические предпосылки, в рамках которых формировался художественный замысел автора. В ходе этнокультурологической экспедиции Александр Николаевич Островский получил предварительные знания о фольклорном мировоззрении представителей русского православного крестьянства, проживавших в приволжском локусе [Островский, 1974, 322–347].

Поиск и анализ эсхатологических феноменов, раскрытых в «Грозе», оправдан с точки зрения актуальной парадигматики. В драме актуализированы смыслы, связанные с апокалиптическим предощущением, которое исповедуют жители Приволжья, находящиеся в контексте культурно-мировоззренческого пограничья. Ожидание апокалиптической развязки мотивирует стратегию поведения героев и определяет их этико-психологическую картину мира.

Носителями элементов стихийно проявляющейся исторической памяти являются и второстепенные герои. Это, в частности, неперсонифицированные (безымянные) горожане с фольклоризированным сознанием, выразители

апокалиптического мироощущения. Зачастую их мировосприятие не связано условными пространственно-временными границами Калинова, а выходит за его пределы. Именно они – барыня, Феклуша, крестьяне – своим появлением организуют кульминационные фазы произведения и эксплицируют апокалиптическую пресуппозицию, которая является идейно-символической основой драмы.

Одним из ключевых маркеров апокалиптической концептосферы драмы является название города – Калинов. Данный мифотопоним актуализирует семантику пограничности, двоемирия. Река Волга традиционно воспринимается как пограничная река в древнерусском мифологическом сознании. В историко-символическом плане Волга представляет собой универсальную границу между русской православной ойкуменой и незнакомыми (неосвоенными) землями, находящимися в иноверческой (языческой) плоскости и не осмысленными в древнерусской культурной парадигме.

Название Калинов – пример концептологической контаминации. Оно восходит к имени Калина-царя, релевантного для древнерусского эпического нарратива. Оно также связано с устойчивым фольклорным мифоэпонимом *Калинов мост*, который пересекает Огненную реку. Возникает ассоциативная параллель: река Волга – «геенна огненная» (Барыня) – Огненная река. Название отражается и в лексеме *калинники* – ‘зарницы, сполохи’. В одном из ЛСВ – ‘северное сияние’ [СРНГ 12, 357], или *калинники* – ‘отдаленные осенние грозы, зарево, зарница’. Лексико-семантический ряд с компонентами *зарево, зарницы, сполохи* отражает генеральный символ-концепт северного сияния, который связан с традиционной древнерусской мифокультуремой пограничности царства живых и царства мертвых. См. упоминание морозного ада [Афанасьев, 1996, 30]. Бореальные мотивы в драме преобразуются в инфернальные, что указывает на неотвратимость апокалиптического возмездия.

Герои Калинова живут в условиях столкновения обрядово-ритуальной формы (христианской нравственности) и онтологического содержания (языческого мироощущения). Исходя из художественно-символической концепции драмы, город Калинов является местом соприкосновения (со-наложения) христианских традиций (связанных с вечной жизнью) и антихристианских, языческих традиций (связанных с «геенной огненной»). Двоемирный характер Калинова определен тем, что в нем провозглашена христианская форма жизни (церковная мораль, семейная ритуальность, патриархальный порядок), но при этом он обладает антихристианским (языческим) содержанием (внутрисемейная безнравственность, душевный и телесный разврат, угнетение и притеснение воли).

Эсхатологические смыслы актуализированы и в названии драмы. Идея божественного возмездия эксплицирована в диалоге горожан, спасающихся от грозы в первом явлении четвертого действия. В данном случае *Гроза* представлена и как погодное явление, и как универсальная метафора конца света. О Божией грозе как иносказательном определении конца света имеются упоминания в циклах древнерусских летописей и произведениях народно-сказового характера.

В древнерусской мировоззренческой концепции слово гроза концентрировало в себе абстрактные, сакральные смыслы. В СДРЯ: Гроза – ‘ужась, horror, φρίκη’; ‘угроза’, и лишь в третьем производном значении – ‘гроза как явление природы’ [СДРЯ 1, 151]. Тж. гроза – ад (тартар).

Ключевые эсхатологические смыслы транслируются в первом явлении четвертого действия. Сожженный и разоренный храм Господень – это сакральный топос драмы. Этот концепт актуализирует смыслы, связанные с неверием, безбожием, языческим мироощущением, а также воплощает идею поиска спасения в церкви в преддверии Страшного суда (надвигающейся грозы).

Указание на то, что пожар состоялся сорок лет назад, может представлять особое значение как аллюзия на Отечественную войну 1812 года, вызванной нашествием Наполеона. Образ Наполеона в народном сознании традиционно ассоциировался с Антихристом и был в высшей степени эсхатологичен.

В драме «Гроза» *литва* – это один из ключевых образов-символов, аккумулирующих эсхатологические представления в массовом народном сознании. Идея «падения Литвы с неба» перекликается с идеей божественного наказания, возмездия за грехи.

Релевантными для апокалиптической идеи произведения являются лексико-семантические варианты слова *литва*, отражающие пейоративно-инвективные или эсхатологические смыслы в народной (фольклорной) речи. В СРНГ: 1. Литва: Сильный дождь, ненастье 2. Литва: 1. Брань, склока; 2. Греховные пожелания в духовных (скопических) стихах; 3. Литва: 1. Поляки и казаки, совершавшие набеги в Смутное время на северные области; 2. Когда литва шла – о времени гражданской войны и шведской интервенции XVII; ‘крестьяне, приезжающие из соседнего села на сенокос’ [СРНГ 17, 71].

Драма «Гроза» в символическом плане представляет собой прелюдию-развертывание апокалиптического сценария, при котором в условиях тотального поражения воли человека и отказа от осознания ответственности за свои поступки силы зла одерживают победу. Она является драмой-предостережением от потери возможности сопротивления злу. Спасение от грозы – в проявлении личной воли человека и следовании христианским заветам любви, кротости, смирения и милосердия.

Библиографические ссылки

1. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии (1850–1850 гг.). М. : Индрик, 1996. 638 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 4(2). М. : Языки славянских культур, 2010. С. 7–516.
3. Островский А. Н. Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода. М. : Искусство, 1974. Т. 10. С. 322–347.
4. СДРЯ: Словарь древнерусского языка, составленный И. И. Срезневским : в 3 т., в 6 кн. Репринтное издание. М. : Книга, 1989.
5. СРНГ: Словарь русских народных говоров / Институт лингвистических исследований РАН. СПб. Т. 1–43. 1965–2010.

Филей Татьяна Владимировна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
levinovator@mail.ru

**РАЗНОРЕЧИЕ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ГРОТЕСКА В ТРИЛОГИИ
А.В. СУХОВО-КОБЫЛИНА «КАРТИНЫ ПРОШЕДШЕГО»**

Аннотация. В работе рассматривается разноречие как один из способов создания трилогии А.В. Сухово-Кобылина «Картины прошедшего». Использование различных пластов лексики и фразеологии – церковнославянизмов и библеизмов, юридических и судебных терминов, разговорных, просторечных, сниженных единиц, прецедентных текстов – создает гротеск, чтобы показать вывернутый, изнаночный мир чиновничества и судопроизводства, а также обратить внимание читателя на неоднозначные образы персонажей трилогии.

Ключевые слова: разноречие, разностилевая лексика, гротеск, трилогия А.В. Сухово-Кобылина «Картины прошедшего».

Filei Tatiana V.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
levinovator@mail.ru

**DIVERGENCE AS THE WAY TO CREATE GROTESQUE IN THE TRILOGY
"PICTURES OF THE PAST" BY A.V. SUKHOVO-KOBYLIN**

Abstract. The work considers divergence as one of the ways to create a trilogy "Pictures of the Past" by Alexander Vasylievich Sukhovo-Kobylin. The use of various layers of vocabulary and phraseology – such as Church Slavonicisms and biblicalisms, legal and judicial terms, colloquial and common units, precedent texts – creates a grotesque to show the twisted, seamy world of bureaucracy and legal proceedings, as well as draw the reader's attention to the ambiguous images of the trilogy's characters.

Keywords: divergence, multi-style vocabulary, grotesque, trilogy "Pictures of the past" by Alexander Vasylievich Sukhovo-Kobylin.

В последние десятилетия драматургия А.В. Сухово-Кобылина вызывает большой интерес как предмет разноаспектного театроведческого и литературоведческого анализа, однако исследования языка трилогии практически отсутствуют. Ученые отмечают жанровые особенности трилогии, не поддающиеся однозначной интерпретации, новаторство автора, показывающего сложный образ действительности посредством трагического гротеска, соединение разностилевых и разножанровых единиц в одном контексте. Е.Н. Пенская, размышляя в своей работе о ее жанровой природе и усматривая в ней соединение архаических и современных форм, приходит к выводу, что «площадной фарс, народная комедия масок, мистерия, оперные мотивы, казалось бы, хаотично проникают в водевиль, мелодраму и трагедию, а жанровые „двойники“ объединяются в сценическом пространстве сухово-кобылинской трилогии» [Пенская, 2016, с. 123]. В этом контексте становятся особо актуальными проблемы языкового воплощения авторского

видения трагической гротескности мира, анализ которых требует обращения к поэтике гротеска М.М. Бахтина и описанного им явления *разноречия*.

По теории М.М. Бахтина, усложненная амбивалентность является основой поэтики гротеска. Его ведущей чертой является снижение, при котором высокое, духовное переводится в материально-телесный план [Бахтин, 2010, с. 31]. Однако это характерно для классического (комического) гротеска. В трилогии А.В. Сухово-Кобылина стираются все грани, нет контрастных начал комического и трагического.

В речи всех персонажей А.В. Сухово-Кобылина наблюдается соединение различных пластов лексики: в одном контексте могут сочетаться церковнославянизмы и библеизмы, разговорные, просторечные и сниженные слова, прецедентные тексты, юридическая терминология, карточный жаргон. Еще более показательно использование фразеологии. Так, в первой части трилогии «Свадьба Кречинского» в монологе главного героя «...*Ведь это целый миллион в руку лезет. Миллион! Эка сила! форсировать или не форсировать – вот вопрос!.. Пучина, неизведомая пучина. Банк! Теория вероятностей – и только. Ну, а какие здесь вероятности? Против меня: папаша – раз; хоть и тупенек, да до фундаменту охотник. Нелькин – два. Ну этот, что говорится, ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец. Теперь за меня: вот этот вечевой колокол – раз; Лидочка – два... и да! мой бычок – три. О, бычок – штука важная: он произвел отличное моральное действие. <...> Как два к трем. Гм! надо полагать, женюсь...* (здесь и далее выделено нами. – Т.Ф.)» [Сухово-Кобылин, 1989, с. 22–23] органично объединены фраземы различной стилистической окраски (книжная *вечевой колокол* и разговорные *лезть в руку, до фундаменту*), терминосочетание *теория вероятностей*, пословичное выражение *ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец*, авторские трансформации прецедентного текста Шекспира *форсировать или не форсировать – вот вопрос!* и библейской фраземы *неизведомая пучина* (узуал. *неведомая пучина*).

Столь же «разнородна» речь Расплюева. Например, в монологе в третьей части трилогии «*Вижу, дело плохо – все хляби мои, стало-мол, разверзлись; и приказал, сударь, я подать по-нашему, по-русски: аржанова хлеба коврижину, три сельдины – по полену каждая, да квасу жбан – перекрестился – восчувствовал этак, съел; ну, будто и завязало. Так у меня тут ... огонь неугасимый и червь неуголимый*» [Сухово-Кобылин, 1989, с. 155] драматург сталкивает сниженные и просторечные фонетические, словообразовательные и лексические элементы (*стало-мол, коврижина аржанова хлеба, сельдина, завязало* в безличном значении 'прекратилось, успокоилось') и высокие старославянизмы *восчувствовал, огонь неугасимый и червь неуголимый*; трансформирует библеизм *разверзлись хляби небесные*, приводя его к дефразеологизации и утрате внутренней формы.

Сам драматург подчеркивает, что все его герои переживают трансформацию.

Тарелкин, разыграв собственную смерть, чтобы уйти от кредиторов, произносит речь на собственных похоронах: «*Да, почтенные посетители,*

восскорбим душами о Тарелкине!.. Не стало рьяного деятеля – не стало воеводы передового полку. Всегда и везде Тарелкин был впереди. Едва слышит он, бывало, шум свершающегося преобразования... как он уже тут и кричит: вперед!! Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявили прогресс, то он стал и пошел перед прогрессом – так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади! <...> Не стало Тарелкина, и теплейшие нуждаются в жаре; передовые остались без переду, а задние получили зад! Не стало Тарелкина, и заглодало в мире, задумался прогресс, овдовела гуманность...» [Сухово-Кобылин, 1989, с. 151]. Разноречие здесь проявляется в соединении, на первый взгляд, несовместимых по стилистической принадлежности и коннотации языковых средств: высокая церковнославянская фраза *восскорбеть душами* и штампы либеральной публицистики своего времени *рьяный деятель, воевода передового полку, нести знамя*; отсылка к евангельской фразе *Многие же будут первые последними, и последние первыми* в построенной на алогизмах конструкции *передовые остались без переду, а задние получили зад*; полная трансформация содержания понятия *теплый*, характерного для христианской литургии, во фразе *теплейшие нуждаются в жаре*. В итоге происходит явное гротескное переосмысление ситуации: слияние духовного и площадного, высокого и низкого превращают монолог героя в пародию на Огласительное слово на Пасху святителя Иоанна Златоуста:

Воскрес Христос, и ты низвержен! Воскрес Христос, и пали демоны! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и торжествует жизнь! [Огласительное слово на Пасху...].

Разноречие в речи героев создает противоречивый, неоднозначный образ героя. Мошенник и игрок может проявить неожиданное благородство, плут становится представителем власти, коллежский советник объявляет себя умершим и произносит речи на своих «похоронах», пытаясь уйти от долгов.

Данные характеристики становятся средством достижения авторской цели для создания совершенно абсурдного, гротескного образа всего чиновничьего судопроизводства, подчеркивают мастерство и новаторство писателя, а также создают неповторимый образ персонажа.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 4(2). М. : Языки славянских культур, 2010. С. 7–516.
2. Огласительное слово на Пасху святителя Иоанна Златоуста [Электронный ресурс]. URL: <https://www.paskha.ru/holies/izlat.html> (дата обращения 25.08.2021).
3. Пенская Е.Н. Синтез жанров в драматической трилогии А.В. Сухово-Кобылина «Картины прошедшего» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6(44). С. 112–127.
4. Сухово-Кобылин А. В. Картины прошедшего. Л. : Наука, 1989. 360 с.

Филиппова Ольга Викторовна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(г. Саранск, Россия)
filippovaov@mail.ru

БАХТИНСКАЯ ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. Статья раскрывает роль теории речевых жанров М.М. Бахтина в современной концепции иноязычного образования. Автор показывает, что теория речевых жанров составляет фундаментальную основу формирования коммуникативной компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: Бахтин, речевой жанр, русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция.

Filippova Olga V.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
filippovaov@mail.ru

BAKHTIN'S THEORY OF SPEECH GENRES IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article reveals the role of M.M. Bakhtin's theory of speech genres in the modern concept of foreign language education. The author shows that the theory of speech genres is the fundamental basis for the formation of communicative competence in the process of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Bakhtin, speech genre, Russian as a foreign language, communicative competence.

Согласно ФГОС по русскому языку как иностранному целью обучения русскому языку как иностранному является формирование коммуникативной компетенции как способности к эффективному общению, к участию в речевой деятельности. Применительно к каждому уровню подготовки определяется содержание коммуникативно-речевой компетенции: формулируются интенции, ситуации и темы общения, требования к речевым умениям в каждом виде речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении, письме [Государственный..., 2001, с. 7–10]. Формирование коммуникативной компетенции профессионально ориентированной направленности входит в цели образования по ФГОС ВО любого направления подготовки [Федеральные...].

Поскольку способность к коммуникации определяет коммуникативную личность в современном информационном обществе, постольку современная практика языкового обучения применительно к иностранным языкам основную задачу видит в формировании коммуникативной компетенции обучающегося, что выступает одной из сквозных целей иноязычного лингвистического образования. Коммуникативная компетенция в современной лингводидактике – сложное многоуровневое образование, рассматриваемое как комплекс составляющих ее компетенций: лингвистической, социокультурной, социальной, дискурсивной, стратегической, предметной [Макшанцева, 2013,

с. 448–449]. Такое дробление – результат многолетних исследований в области коммуникативистики, современного речеведения, лингводидактики и стремления современной методики повысить качество формирования последней на занятиях РКИ, используя весь арсенал средств и не упуская необходимые детали.

Процесс формирования коммуникативной компетенции, обучения речевому общению в современной лингводидактике приобрел стройную концепцию благодаря идеям М.М. Бахтина. Как известно, концепция в любом предметном образовании включает цели, подходы, принципы, содержание, технологии обучения и контроля. Как показывает анализ литературы и лингводидактической практики, теория речевых жанров М.М. Бахтина оказала влияние на понимание и того, чему следует учить, формируя коммуникативную компетенцию, и того, каким образом к этому следует подходить.

М.М. Бахтиным была определена единица, благодаря которой осуществляется общение, коммуникация и благодаря которой личность усваивает язык. Такой единицей выступает речевой жанр как непреходящий атрибут высказывания, текста. Усилил неизбежность речевого жанра утверждением «Если бы речевых жанров не существовало... ..речевое общение было бы почти невозможно» [Бахтин, 1996, с. 181], М.М. Бахтин тем самым сделал его атрибутом и самой коммуникации.

Понятия современной коммуникативистики и лингводидактики, важные для формирования коммуникативной компетенции, несут в себе элементы данной теории. Так, в получившем в последние десятилетия распространение фреймовом подходе к обучению иноязычному речевому общению можно усмотреть корреляцию с теорией речевых жанров. Если применительно к обучению устной иноязычной речи «фрейм» используется как «рамка», служащая для обозначения стереотипных ситуаций, то речевой жанр выступает вербализацией стереотипной ситуации, отражая в себе необходимые элементы коммуникации. Считается, что фреймовый подход позволяет оптимизировать понимание текста и формирование высказывания, при использовании фреймов происходит «быстрый процесс адаптации инофонов к действительности» [Коломейцева, 2019, с. 53]. Эта функция присуща и речевому жанру, поскольку речевой жанр как «упаковка» высказывания, содержащая информацию о коммуникативной ситуации, способствует адекватному пониманию содержания этого высказывания.

Идея ученого о том, что «чем лучше мы владеем жанрами... ..тем совершеннее осуществляем наш свободный речевой замысел» [Бахтин, 1996, с. 183], делает речевой жанр непреходящим атрибутом и самой коммуникативной личности, и коммуникативной компетенции. Так, прагматический уровень коммуникативной личности обучающегося в ее уровневой модели, давно и успешно применяемой в методике обучения профессиональному общению на русском языке автором настоящих материалов, включает владение речевыми жанрами, актуальными для личности будущего специалиста, и отличает, к примеру, коммуникативную личность педагога, врача, менеджера и т.п.

Благодаря выделению речевого жанра как единицы общения, методисты смогли сделать предметным и цели и содержание обучения речевому общению: обучение речевому общению – это обучение речевому жанру, обучение профессионально ориентированному общению, обучение языку специальности – это обучение профессионально ориентированному речевому жанру. Эта установка является перспективной в практике обучения РКИ. На начальном этапе актуальна задача обучения первичным речевым жанрам (*приветствие, просьба, благодарность, приглашение* и т.п.); на среднем и продвинутом этапах – вторичным речевым жанрам (*личное письмо, рассказ, отзыв, эссе, деловое письмо, реферат* и т.п.).

В практике преподавания РКИ для успешного формирования коммуникативной компетенции важно освоение обучающимися алгоритма изучения каждого нового речевого жанра, при таких условиях овладение им происходит успешнее. При этом в алгоритм распознавания речевого жанра целесообразно включать следующие признаки: условия и сфера функционирования / стереотипная коммуникативная ситуация, коммуникативная целеустановка, адресат, жанрообразующие языковые средства.

Таким образом, теория речевых жанров М.М. Бахтина, развиваемая современными учеными, является концептуальной основой в работе по обучению иноязычному речевому общению в школе, профессиональному общению в вузе. Речевой жанр как понятие, репертуар речевых жанров регулируют отбор конкретных текстов для обучения анализу и созданию речевых высказываний, наполняют конкретным содержанием технологии обучения языку и речи. Языковое образование, приобретя данную теорию, получило и инструмент для дальнейшего развития: перспективны паспортизация речевых жанров применительно к разным типам дискурса и целям образования, конструирование инновационных моделей обучения речевым жанрам с учетом процесса цифровизации образования и др.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
2. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Владимирова Т. Е. [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. ; СПб. : Златоуст, 2001. 28 с.
3. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / Нахабина М.М. [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. ; СПб. : Златоуст, 2001. 32 с.
4. Коломейцева Е.Б., Кривенцова М.В. Фреймовый подход к обучению языку специальности // Открытие русского мира: преподавание русского языка как иностранного и общеобразовательных дисциплин в современном образовательном пространстве : сб. науч. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. / Н.С. Степанова (отв. ред.) [и др.] ; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 49–54.
5. Макшанцева Н.В. Содержание коммуникативной компетенции при обучении РКИ // Актуальные проблемы социальной коммуникации : материалы третьей Всерос. науч.-практ. конф. / Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева. Н.Новгород, 2013. С. 447–449.
6. Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 24.01.2020).

УДК 82-131:398Бахтин

Шаронова Елена Александровна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
(Саранск, Россия)
sharon.ov@mail.ru

Шаронов Александр Маркович
ГКУ РМ «НЦСЭМ»
(Саранск, Россия)
sharon.ov@mail.ru

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ЭРЗЯНСКОГО И МОКШАНСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА В СВЕТЕ УЧЕНИЯ М.М. БАХТИНА О ХРОНОТОПЕ

Аннотация. В статье осмысливается проблема пространства и времени эрзянского и мокшанского героического эпоса в свете учения М.М. Бахтина о хронотопе. Делается вывод о том, что пространство в эпосе ассоциируется с местом действия, а время – со временем описываемых событий. В художественном произведении они не являются самостоятельными, но играют важную роль в решении концепции сюжета и действующих лиц, выступают их объективированными характеристиками.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, хронотоп, героический эпос, национальный фольклор.

Sharonova Elena A.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
sharon.ov@mail.ru

Sharonov Alexander M.
GKU RM "NTsSEM"
(Saransk, Russia)
sharon.ov@mail.ru

SPACE AND TIME OF THE ERZYAN AND MOSHAN HEROIC EPOS IN THE LIGHT OF M.M. BAKHTIN'S TEACHING ABOUT CHRONOTOPE

Abstract. The article comprehends the problem of space and time of the Erzya and Moksha heroic epics in the light of the teachings of M.M. Bakhtin about the chronotope. It is concluded that space in the epic is associated with the scene of action, and time – with the time of the described events. In a work of fiction, they are not independent, but play an important role in solving the concept of the plot and the characters, act as their objectified characteristics.

Keywords: Bakhtin, chronotope, heroic epic, national folklore.

Мир народа – мир его сознания, он существует в тех пределах, которые ему известны. Пространство и время эпического мира формируется по мере расширения географического и информационного горизонта создателей фольклора. С прогрессом знания восприятие местожительства и исторической эпохи становится все определенной. Оно обретает признаки конкретного времени и пространства, которые переносятся на отдельные явления. Появляются этническое социальное, культурное и пр. пространство и время.

Вместо сплошной бесконечности возникает прерывная бесконечность. Мир раздвигается, обретая количественные и качественные свойства, и становится понятней. В эрзянском героическом эпосе формируется время и пространство героического века, время и пространство Века Тюштяна, центрального понятия эпоса, характеризующегося образованием государственности и социума, мыслящего и осознающего себя разумным, живущим по установленным им законам. Поскольку социум мыслит себя в границах осознаваемых им временных и пространственных пределов, оформляется хронотоп [Бахтин, 2012].

Эпическое времяпространство подразделяется на времяпространство эпоса в целом – Век Тюштяна, времяпространство сюжета, воспроизводящего отдельное событие с действующими лицами, времяпространство народа, времяпространство человека – эрзянина, русского, мокшанина, татарина и т.д. Виды времяпространства представляют собой многообразное единство со сложными взаимодействиями. Художественное времяпространство – идеальная субстанция, живущая в сознании человека, она актуализируется в момент ее восприятия. Ввиду идеальности времяпространство подчиняется воле автора, а через него – воле персонажа: «Автор-создатель свободно движется в своем времени: он может начать свой рассказ с конца, с середины и с любого момента изображаемых событий» [Бахтин, 2012, с. 501].

Мысль человеческая перемещается через любые пространственные и временные пределы, переносится из одного пространства в другое, из одного времени в другое время. В результате происходят процессы сокращения или расширения пространства, изменения его структуры, замедления или ускорения течения времени, его остановки или исчезновения, взаимодействия различных пространств и времен. В Веке Тюштяна пространство раздвигается от царя Тюштяна и одновременно стремится к нему как к объединяющему ядру. Тюштян выступает как некий гравитационный источник, притягивающий к себе людей и события. Время в Веке Тюштяна как этносоциальное явление стабильно, ибо стабилен сам Век Тюштяна. Но внутри него текут потоки времени отдельных событий и персонажей.

Времяпространство героического эпоса содержит мифологические и исторические персонажи. Царь Тюштян – богочеловек, его родители бог грома и дождя Пурьгинепаз и земная девушка Литава. Покровительствует Тюштяну верховный бог Инешкипаз: наделяет магией, помогает преодолеть трудности. В результате времяпространство земли и человека соединяется с времяпространством Космоса и бога. Время движется от мифа – к истории, от бога – к человеку. Тюштян периодически изменяется в облике: при рождении месяца – он юн, при полнолунии – зрелый муж, при ущербе месяца – старец [Устное..., 1963, с. 199–200]. В этом образе он находится во власти космических сил, время его жизни зависит от фаз луны.

При появлении опасности Тюштян уводит народ за море от русского царя. Эпическое время вступает во взаимодействие с историческим, эпическое пространство с историческим пространством. Существует в эпосе утопическое времяпространство. Покинув эрзянскую землю, Тюштян посе-

ляется с народом на неведомом морском острове, где жизнь протекает в благоденствии [Шаронов, 2019, с. 329–336].

В некоторых текстах Тюштян уподоблен историческому царю, изображается как справедливый правитель [Дубасов, 1890, с. 122], указывается место его правления, называются конкретные противники. Образ Тюштяна обретал исторические признаки параллельно с развитием исторического сознания народа: Тюштян ходил с народом на город Владимир, покорил его, побил русских. На обратном пути на берегу озера увидел русскую красавицу, прельстился ею, и она погубила его [РФИ, Л-415, с. 102–104]. Здесь в эрзянское эпическое времяпространство включается русский мир.

При разнообразии времяпространства оно в эпическом сознании целостно и гармонично, соответствует идейной направленности эпоса, раскрывает народные идеалы. В эпосе не сбывается то, что не может сбыться, что не укладывается в логику социального процесса. Он рисует идеальное, не выходя за пределы опыта. Его назначение – в познании закономерностей жизни. «Фантастика фольклора – реалистическая фантастика: она ни в чем не выходит за пределы здешнего, реального, материального мира», она «опирается на действительные возможности человеческого развития» [Бахтин, 2012, с. 403].

Эпическое времяпространство претендует на связь с историческим временем и пространством. Земля Тюштяна в песнях располагается на реках Ра (Волга) и Сура [Mordwinische..., 1938, S. 96], на берегу моря, на морском острове (Балтийское, Белое моря). В мокшанской песне Тюштян живет на востоке, в серебряных палатах на вершине горы; сидит на белом коне в нарядной одежде. Раз посмотрит – город построит, другой раз взглянет – народ соберет [Mordwinische..., 1938, S. 199–200]. Сидя в палатах, Тюштян пишет эрзянские письма [Евсевьев, 1928, с. 4]. Письменность – атрибут государственности, и она указывает на цивилизационное, социальное и культурное время этноса.

Пространство в эпосе ассоциируется с местом действия, а время – с временем предполагаемых событий. Они в художественном произведении не являются самостоятельными, но играют важную роль в решении концепции сюжета и действующих лиц, выступают их объективированными характеристиками.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3. М. : Русские словари : Языки славянских культур, 2012. С. 340–503.
2. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 1. Тамбов : Тип. губ. правл., 1890. 225 с.
3. Евсевьев М.Е. Эрзянь морот. М. : Центриздат, 1928. 185 с.
4. Mordwinische Volksdichtung. Gesammelt von H. Paasonen. Herausgegeben und übersetzt von Paavo Ravila. Bd. 1. Helsinki, 1938. 509 S.
5. Рукописный фонд НИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия. Л-415. С. 102–104.

6. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 1. 399 с.
7. Шаронов А.М. Масторава. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 496 с.

УДК 82-94

Юрина Наталья Геннадьевна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(г. Саранск, Россия)
makarova-ng@yandex.ru

**«ВОСКРЕСНЫЕ ПИСЬМА» В.С. СОЛОВЬЕВА В РАКУРСЕ
КОНЦЕПЦИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ М.М. БАХТИНА***

Аннотация. В статье анализируется редко исследуемая в научной литературе публицистическая работа известного русского философа В.С. Соловьева «Воскресные письма». Опираясь на основные положения концепции речевых жанров М.М. Бахтина, автор рассматривает контекст речевого акта, который организует Соловьев-публицист, художественную и полемическую составляющие текста, характер использования в диалоге с читателем «чужого слова». Делается вывод об ориентацию автора «Воскресных писем» на открытый и равноправный диалог с собеседниками-современниками.

Ключевые слова: В.С. Соловьев, М.М. Бахтин, диалог, полемика, «чужое слово».

Yurina Natalya G.
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia)
makarova-ng@yandex.ru

**"SUNDAY LETTERS" BY V. S. SOLOVYOV IN THE PERSPECTIVE
OF THE CONCEPT OF SPEECH GENRES BY M. M. BAKHTIN**

Abstract. The article analyzes the publicist work of the famous Russian philosopher V.S. Solovyov "Sunday Letters", which is rarely studied in the scientific literature. Based on the main provisions of the concept of speech genres by M.M. Bakhtin, the author examines the context of the speech act organized by Solovyov, the publicist, the artistic and polemical components of the text, the nature of the use of "someone else's word" in the dialogue with the reader. The conclusion is made about the orientation of the author of "Sunday Letters" to an open and equal dialogue with contemporaries.

Keywords: V.S. Solovyov, M.M. Bakhtin, dialogue, polemics, "someone else's word".

Продуктивность бахтинской методологии при анализе разного рода текстов признана давно. В соловьевоведении она используется, но не очень часто, хотя именно к Соловьеву восходят некоторые основополагающие для М.М. Бахтина идеи (его «отход от Соловьева» [Эмерсон, 1995, с. 129] произошел в результате новой установки на двуголосое слово). Актуальность данного исследования обоснована необходимостью введения в поле научного осмысления малоизученного произведения В.С. Соловьева «Воскресные письма» и значимостью методологического наследия М.М. Бахтина, гений

* Полностью доклад опубликован в виде статьи [Юрина, 2021].

которого позволяет увидеть привычные литературные явления в принципиально новом ракурсе. В своей работе «Проблема речевых жанров» Бахтин предложил анализ жанра с точки зрения не литературно-художественной его специфики, а как определенного типа высказывания, отличного от других. Такой ракурс позволяет сфокусировать внимание исследователя на языковой природе текста, проследить его роль в акте коммуникации. Ранее мы проанализировали особенности диалога автора с читательской аудиторией в этом публицистическом цикле, отразили специфику реализации авторского речевого замысла, логику выбора жанровой формы [Юрина, 2021]. В рамках данной работы уточним ряд важных моментов, не обозначенных ранее, которые позволяет выявить бахтинская методология анализа текста.

1. *Контекст речевого акта.* Как отмечал М.М. Бахтин, для высказывания, в отличие от предложения, характерен определенный контекст. На выбор темы для первой работы соловьевского цикла значительно повлияли яркие общероссийские события уходящего и наступающего годов: коронация императора Николая II и предстоящая в феврале 1897 года первая всеобщая перепись населения. Для самого автора 1897 год – во многом пора подведения жизненных итогов. Непрерывная умственная работа, неупорядоченный образ жизни истощали его силы, но он до последнего оставался верен своей миссии общественного просветителя и пророка. Лирика и частная переписка Соловьева этой поры подтверждают, что он тяжело переживал уход поэтов-единомышленников, остро ощущал одиночество. В происходящих историко-общественных событиях (как внутрироссийских, так и мировых) он видел тайные знаки и символы начала конца мира. Апокалиптические ожидания публициста привели его к идее сплочения российской общественности перед надвигающейся угрозой. Еженедельная душевная беседа с читателем позволила поэтапно реализовывать свой коммуникативный замысел.

2. *Жанровые составляющие «Воскресных писем».* М.М. Бахтин считал, что любой вторичный письменный речевой жанр имеет сложную структуру [Бахтин, 1996, с. 161]. Свои публицистические выступления Соловьев соотнес с циклом писем, но включил в свое произведение в том числе журнальную полемику и художественные тексты. Необходимо обратить внимание на то, что большое количество художественных вкраплений в «Воскресных письмах» имеет особый смысл, связанный с авторским замыслом. Соловьев сознательно стремился усилить воздействующую функцию публицистики. Активно использовались пословицы и поговорки разговорного характера («Баба – дура» [Соловьев, 1914, с. 71]), которые способствовали фамильяризации стиля, спускали автора на уровень равного собеседника. В «Воскресных письмах» присутствует много поэтических вставок, развернутых художественных зарисовок. Журнальная полемика не была главной целью «Воскресных писем». Яркий полемист, виртуозно использовавший весь спектр смехового слова, осознавший, что «потенциал смеховой стихии давал... возможность открытого, отчасти провокационного диалога с читателем» [Юрина, 2019, с. 84], Соловьев использовал этот свой талант не в полной мере. Уже в первой его статье явно просматривается логика и образность, харак-

терные для славянофилов, во 2-й – попытка найти положительные моменты в позиции «патриотических» органов печати.

3. *«Чужое слово» в диалоге.* Как отмечал М.М. Бахтин, предмет речи говорящего никогда не является абсолютно новым: он «уже оговорен, оспорен, освещен и оценен по-разному» [Бахтин, 1996, с. 198]. Предшествующие тексты-высказывания привлекались Соловьевым для пояснения своих взглядов. Прежде всего это произведения, имеющие абсолютный духовный авторитет, признанную эстетическую ценность – Библия, поэтические шедевры. В полемических письмах Соловьев часто цитировал оппонентов: ему важно было показать суть дискуссии для других читателей, обстоятельства, которыми была обоснована его позиция. Границы «чужого слова» при этом, как правило, четко обозначались. Активно используемое «чужое слово» позволило Соловьеву диалогизировать собственное высказывание.

Итак, главная цель «Воскресных писем» – регулярное прямое общение с русской читающей публикой, обсуждение насущных общенациональных вопросов. Речевая воля говорящего во многом была определена конкретной ситуацией речевого общения. В отличие от ранней публицистики Соловьева, где часто «авторская позиция утверждалась... через полемически окрашенный воображаемый диалог-спор» [Ariskina O.L., Yurina N.G., 2020, с. 43], полемические задачи не были в «Воскресных письмах» первостепенными. Цикл можно по праву считать одним из самых полифонических произведений в его творчестве. Большой объем «чужого слова» в нем подтверждает сориентированность автора на открытый равноправный диалог.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
2. Соловьев В.С. Воскресные письма // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева : в 10 т. Т. 10. СПб. : Т-во «Просвещение», 1914. С. 3–80.
3. Эмерсон К. Против закономерности: Соловьев, Шестов, поздний Толстой, ранний Бахтин // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб. : Алетейя, 1995. С. 117–131.
4. Юрина Н.Г. «Воскресные письма» В. С. Соловьева: особенности диалога с читателем // Соловьевские исследования. 2021. № 2(70). С. 6–19.
5. Юрина Н. Г. Литературно-художественное творчество В.С. Соловьева в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 548 с.
6. Ariskina O.L., Yurina N.G. Features of the linguistic personality of V.S. Solovyov-publicist (speech: "three forces") // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25, №. 5. P. 39–50.

ИДЕИ М.М. БАХТИНА И ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

УДК 372.881.161.1

Бокатина Юлия Игоревна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
jibokatina@mail.ru

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М.М. БАХТИНА И ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. Автором показывается влияние философской концепции диалогизма М.М. Бахтина на методiku преподавания лингвистических дисциплин. В статье раскрываются особенности реализации идей выдающегося философа о полифонии, диалоге как инструменте согласования различных мнений в процессе интерактивного обучения русскому языку как иностранному. Выявляется специфика использования интерактивных методов при обучении иностранных студентов, показывается их роль в развитии творческих способностей и критического мышления обучающихся.

Ключевые слова: диалог, полифония, русский язык как иностранный, интерактивные методы обучения, речевой жанр.

Bokatina Yulia I.
National Reseach Mordovia State University
(Saransk, Russia)
jibokatina@mail.ru

M.M. BAKHTIN'S DIALOGIC CONCEPT AND INTERACTIVE METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The author shows the influence of M. M. Bakhtin's philosophical concept of dialogism on the methodology of teaching linguistic disciplines. The article reveals the features of the implementation of the ideas of the outstanding philosopher about polyphony, dialogue as a tool for coordinating different opinions in the process of interactive teaching of Russian as a foreign language. The specifics of the use of interactive methods in teaching foreign students are revealed, their role in the development of creative abilities and critical thinking of students is shown.

Keywords: dialogue, polyphony, Russian as a foreign language, interactive teaching methods, speech genre.

Имя Михаила Михайловича Бахтина, философа, культуролога, литературоведа, теоретика европейской культуры и искусства, в настоящее время широко известно во всем мире. Его по праву называют одним из выдающихся мыслителей XX века. Важное место в творчестве М.М. Бахтина занимают категория диалога и диалогические отношения. Общеизвестно, что его диалогическая концепция оказала огромное влияние на развитие современного гуманитарного знания.

По мнению М.М. Бахтина, диалог – неотъемлемая и основополагающая характеристика бытия человека. Философ выступает против узкого по-

нимания диалога как одной из композиционных форм речи. «Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершимый диалог. Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться...», – утверждал мыслитель [Бахтин, 1996, с. 351].

В научных трудах М.М. Бахтина понятие «диалог» раскрывается через категории «слово», «голос», «полифония», «карнавал». Слово представляет собой мост, соединяющий собеседников. В реализации его значения и смысла важную роль играет как говорящий, так и слушающий [Редкозубова, 2014]. Категория «голос» характеризует формы, которые приобретает язык в рамках диалога. Он связан с понятиями: «я», «личность», «смысловая установка», «другой». Каждое высказывание диалогично по своей сути, т.е. полифонично. В теории М.М. Бахтина диалог получает ассоциации с карнавалом: все участники активно участвуют в акте коммуникации, создают высказывания и реагируют на ответные реплики.

Важной является мысль М.М. Бахтина о том, что «диалог «человека с человеком» является ... интересным социологическим документом» [Бахтин, 2000, с. 173]. Каждое высказывание может существовать только в окружении других высказываний. «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту», – писал М.М. Бахтин [Бахтин, 2002, с. 434]. Как отмечает С.М. Богуславская, для участников диалога в трудах Бахтина характерна уникальность личностных позиций, их обусловленность конкретным социокультурным контекстом. Участники диалога проявляют неустанный интерес друг к другу, для них характерна позиция вопрошания [Богуславская, 2011, с. 18].

Бесспорным является тот факт, что диалогическая концепция М.М. Бахтина повлияла на педагогику и методику преподавания лингвистических дисциплин. Так, в настоящее время в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) важное место отводится использованию в образовательном процессе интерактивных методов обучения. При этом процесс обучения рассматривается учеными, методистами и педагогами-практиками как диалогическая деятельность, как взаимодействие. По мнению М.В. Кларина, интерактивность представляет собой взаимодействие участников образовательного процесса непосредственно или опосредованно с образовательной средой [Кларин, 2000, с. 13]. С одной стороны, это взаимодействие учителя и обучающихся, обучающихся друг с другом через включение в совместную деятельность. С другой стороны, интерактивное обучение предполагает взаимодействие обучающихся с информационной средой и ее составляющими (мультимедийным проектом, интерактивной доской, обучающей компьютерной программой).

Мы согласны с позицией Т.С. Паниной и Л.Н. Вавиловой, которые предлагают деление интерактивных методов обучения на три группы:

1) дискуссионные (диалог, дискуссия, дебаты, эвристическая беседа, «круглый стол», «мозговой штурм», кейс-метод, анализ ситуаций),

2) игровые (ролевые, ситуационные, организационно-деятельностные и деловые игры),

3) тренинговые (коммуникативные тренинги, групповые и индивидуальные упражнения) [Панина, 2007, с. 35–36].

Если рассматривать процесс обучения русскому языку как иностранному с использованием интерактивных методов сквозь призму диалогической концепции М.М. Бахтина, то следует отметить, что в процессе развития коммуникативной компетенции при освоении новых знаний обучающийся воспринимает различные речевые жанры и сам создает их [Бокатина, 2010, с. 50]. Как отмечают И.А. Кудряшов, Т.М. Редкозубова, в ходе дискуссии и рефлексии происходит формирование собственного опыта ученика через его самостоятельный убедительный дискурс [Редкозубова, 2014].

В ходе интерактивного обучения изменяются роли педагога и обучающегося в образовательном процессе. Студенты становятся субъектами своей познавательной деятельности. Педагог является помощником, фасилитатором, направляет процесс обмена информацией (см. труды М.В. Кларина). Сообразно концепции М.М. Бахтина, мнение педагога рассматривается как «другой голос» в бесперебойном диалоге. Реализуется требование равноправности общающихся сторон, наблюдается взаимное уважение к личности собеседника.

Большое место в учебном процессе, основанном на использовании интерактивных методов, отводится групповым формам работы. Интерактивное общение в группах осуществляется посредством диалога и полилога. Актуальной становится идея М.М. Бахтина о полифонии, о диалоге как инструменте согласования различных мнений. В процессе обучения РКИ участники учебного диалога общаются на русском языке, обмениваются знаниями, умениями, навыками, увеличивают свой словарный запас. Иностранцы студенты учатся взаимодействовать в учебном процессе, работать в группе, команде, быстрее адаптироваться к новой ситуации. Данный факт является важным, поскольку, по мнению М.М. Бахтина, для продуктивного диалога очень важны сотрудничество, взаимопонимание и взаимообогащение.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что диалогическая концепция М.М. Бахтина внесла неопределимый вклад в развитие гуманитарных дисциплин, стала основой современных педагогических стратегий, обусловила необходимость разработки современных методов обучения. В интерактивном обучении русскому языку как иностранному нашли воплощение идеи великого мыслителя о важности отношений человека с другими людьми, о необходимости уважения мнения собеседника, об активном и творческом начале личности, о принципах гуманистического общества. При этом происходит активизация познавательной деятельности иностранных студентов, формируются их творческие способности и критическое мышление. Несомненно, что философские и эстетические воззрения М.М. Бахтина о многогранной природе диалога опередили свое время. Поражает масштаб личности и глубина мысли этого выдающегося человека. К.Г. Исаупов справедливо пи-

сал: «Бахтин не просто „популярен“ и „известен“, как известны классики – писатели и философы XIX–XX вв. Бахтин – всепланетное явление...» [Исупов, 2001, с. 7].

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 2. М. : Русские словари, 2000. С. 6–175.
2. Бахтин М.М. Работы 1940-х – начала 1960-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. 732 с.
3. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. С. 371–439.
4. Богуславская С.М. Диалог в трудах М. М. Бахтина // Вестник Оренбургского государственного университета. № 7. 2011. С. 17–23.
5. Бокатина Ю.И. Историко-лингвистический компонент при реализации личностно-ориентированного подхода к обучению русскому языку : монография. – Саранск : Мордов. гос. пед. ин-т, 2010. 118 с.
6. Исупов К. Г. Уроки М.М. Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. 1. СПб. : РХГИ, 2001. С. 7–44.
7. Кларин М.В. Интерактивное обучение – инструмент освоение нового опыта // Педагогика. 2000. № 7. С. 12–18.
8. Панина Т.С., Вавилова Л.Н. Интерактивное обучение // Образование и наука. – 2007. № 6 (48). С. 32–41.
9. Редкозубова Т.М., Кудряшов И.А. Диалогическая теория М.М. Бахтина и ее методологическая действенность для современных методов обучения // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы IV Всерос. науч. конф. Ростов н/Д : Донское книжн. изд-во, 2014. Вып. 4. С. 256–266.

УДК 616.8-009.83:616-085

Watanabe Ryoko
Hamamatsu Gakuin University
(Hamamatsu, Japan)
Ryoko.wb@gmail.com

OCCUPATIONAL THERAPISTS AS A DIALOGIC AUTHORS IN DEMENTIA CARE

Abstract. Based on Bakhtin's idea of polyphonic author, this research focused on the dialogic practices organized by one Japanese experienced occupational therapist (OT) and his thoughts behind them. The findings suggest that the OT listened to and authored the unexpressed voices of people with dementia towards other people. In listening to their voices, he saw the people with dementia as whole persons and as equals and created a dialogic relationship with them and other therapists.

Keywords: dialogue, dementia, occupational therapy.

ЭРГОТЕРАПЕВТЫ КАК ДИАЛОГИЧЕСКИЕ АВТОРЫ В ЛЕЧЕНИИ ДЕМЕНЦИИ

Аннотация. Основанное на идее М.М. Бахтина о полифоническом авторе данное исследование рассматривает диалогические практики одного опытного японского эрготерапевта (ЭТ) и их теоретические основания. Полученные данные свидетельствуют о том, что ЭТ фиксировал молчаливые обращения лиц с деменцией к другим людям и растолковывал их на основе их мимики, телодвижений, показателей давления, пульса. Слушая эти молчаливые голоса, он воспринимал людей с деменцией как цельных личностей, равных себе и выстраивал диалогические отношения с ними и другими терапевтами.

Ключевые слова: диалог, деменция, эрготерапия.

Introduction: therapist as a dialogic being in dementia care

Recently, many studies have shown that people with dementia are sensitive to the relationship with others [Kitwood, 1997; Sabat, 2001]. The relationship with therapists also mentally and physically affects their performance [Tappen et al., 1997] and therefore, establishing a good relationship is the key to improving their quality of life. However, while the most literature has focused on the therapeutic relationship itself, little research has been conducted on the therapist's thoughts and expertise on how to construct it.

To shed light on the issue, Bakhtin's theory of polyphonic/dialogic author seems very suggestive. For Bakhtin, "polyphony demands a work in which several consciousnesses meet as equals and engage in a dialogue that is in principle unfinalizable [Morson, Emerson, 1990, p. 238]" and "he [the author] creates a world in which many disparate points of view enter into dialogue, and, in a quite distinct role, he himself participates in that dialogue" [Morson, Emerson, 1990, p. 239]. Based on my previous studies [Watanabe, 2016, 2017, 2018], when applying Bakhtin's idea of polyphonic author to dementia care, the therapist is seen as an equal dialogic being to participate in the dialogue as equal with listening and responding to both the expressed and unexpressed voices of people with dementia. Their relationship is also dialogic in the sense that they meet on the same plane and actively express their own ideas as voices beyond a therapist-patient relationship in general.

How are a dialogic being and relationship possible in reality? To examine it, the following research questions were formulated and analyzed:

- 1) How the therapist listens to the people's voices and creates dialogues and dialogic relationships with them?
- 2) What is the meaning of a dialogic author in dementia care?

Methodology

The study was carried out at a nursing home for the elderly in Japan. The home aimed to provide short-time physical rehabilitation for about 100 residents

and visitors and three occupational therapists and one care worker simultaneously worked in the therapy room.

One experienced occupational therapist, Mr. Junichi Kawaguchi (OT K) was selected as the key informant. Back home, he organized group and face-to-face activities and is well known for creating drama plays with handicapped people including children and elderly people.

The researcher observed and videotaped the therapy sessions and interviewed Mr. Kawaguchi over the period of two years. The recordings were transcribed and analysed focusing on therapist's interactions, including conversations with the people with dementia and his thoughts on dementia care in reference to Bakhtinian approaches to narrative analysis [Riessman, 2007].

For ethical considerations, all participants, including the therapists and caregivers, elderly clients, and their families granted permission for the implementation of the study.

Results

The following three key thoughts behind his therapeutic interventions were identified, mainly from the interview data. The observation data was used to check the accuracy and consistency of his accounts in the interview.

Occupational therapy as a job of eliciting reactions from people with dementia

First, Kawaguchi thinks his job is to elicit people's reactions. While he talked about the importance of reacting to people with dementia as a therapist, he emphasized that they were active respondents to others with their own expressions as the excerpt 1 shows.

Excerpt 1: Occupational therapy as eliciting people's reactions

OT K: What we can give back to the persons is the key... It's the job of eliciting reactions. It's not anything like the job of taking actions but the job of offering reactions... Then, what shall we do with unresponsive people ... Well, if they don't react at all.

Researcher: OK.

OT K: I think if you look at them closely, they surely express something. You can realize this ability to sense it matters... I hope the therapists develop it. Because they are alive and breathe...or, at a minimum, the respiration rate, heart rate, and blood pressure can be their expressions.

OT K: In fact, some people can only express themselves in such ways.

Researcher: Oh, yeah.

OT K: During a lifetime, they can express themselves. They are alive. Even the person without words can express and you can see it. Still, in human communication, people demand words. That's why they see no reaction and no expression in persons, but...I want, I feel compelled to catch, interpret, and give them a voice, because they can't speak.

For Kawaguchi, the therapist's job is to realize people's unique expressions, listen to their unexpressed voices, and give them actual voices, because they have "their expressions". In Bakhtin's discussion on Dostoevsky, dialogic author hears "both the loud, recognized, reigning voices of the epoch, ...as well as voices still weak, ideas to yet fully emerged, latent ideas heard as yet by no one but himself, and ideas that were just beginning to ripen, embryos of future worldviews [Bakhtin, 1984, p.90]." As a dialogic author, Kawaguchi encountered people with de-

mentia who have multiple and various voices and thus, he could often engage in long and meaningful conversations with them [Watanabe, 2016, 2018].

Occupational therapy as confronting people with dementia

In terms of the relationship between a dialogic author and characters, Bakhtin wrote, "The author creates (or rather re-creates) living beings who are independent of himself and with whom he is on equal terms [Bakhtin, 1984, p. 284]". It means that a dialogic author puts his characters equal and uncontrollable to him.

In the following excerpt 2, Kawaguchi also described his job not as controlling people with dementia but as confronting them as equals.

Excerpt 2: Confronting people with dementia

OT K: Considering therapists or care professionals, it is believed that they want to control or manipulate a person at any rate, but...

OT I: Hmmm...

OT K: It's totally wrong...After all, it is all about expressing, catching, and reacting. That's all.

Researcher: Yes.

OT K: In doing so, the unexpected happens, but... we also accept it and react to it again. It's just like a real fight or one-to-one fights ...One mistake and it would be all over...Without expressing ourselves, we can't elicit what they have in themselves.

OT I: Yes, that's right.

OT K: Yeah. We need to confront them with our own naked selves.

Researcher: Yes.

OT K: Otherwise, they don't express themselves. That's human nature, isn't it?

Here, Kawaguchi expressed his idea that therapist's job is not to control the people but to accept the unexpected situations, to see the people with dementia as a whole person and treat them as equals. As a dialogic author confronts his characters as equals, Kawaguchi meets the people who have unique voices without acting as an authority.

Collecting experiences rather than the correct answers

A dialogic author "engages in a dialogue that is in principle unfinalizable [Morson and Emerson, 1990, p.238–239]". The unfinalizable dialogue basically means open-ended and free interchange and for Kawaguchi, it also means the therapist's stance to open to many kinds of case experiences with other therapists.

Excerpt 3: Collecting experiences rather than the correct answers.

OT K: What is right is...you know, only the clients themselves know, so among the three or four of us [therapists]...we can't always know the right answer straight away. In my opinion, it's not always necessary to know it. So, how to care for someone ...is something like one way which went well.

Researcher: OK.

OT K: When we look for the correct answer... often the way is decided by the most senior coworker with most experience in the home. But, by discussing how the person had reacted when I said my suggestions to him like this, we can exchange a number of case experiences.

Researcher: I see.

OT K: Then we will gradually find out what is better for the client like becoming high-average hitters...It naturally unfolds. In order to achieve it, we don't dismiss other care workers, even when their batting average is so low.

In this excerpt, Kawaguchi mentioned that only the clients know what the right answer is for them and each case is unique, and therefore it's better to avoid pigeonholing the correct answers and instead to exchange case experiences between therapists. Seeing caring as an unfinalizable attempt to collect the experiences with other therapists, it seems that he works as a dialogic author who listens

to various voices from them and positions himself as equal. In reality, he sought the ideas from the therapists and clients and adopted some of their ideas when his therapeutic interventions didn't work [Watanabe, 2016].

Conclusions

As a dialogic author, the therapist tries to listen to the possible voices of people with dementia, to confront them as equals, and to create a dialogic relationship with them and other therapists. Meanwhile, he actively questions his own thoughts and learns from others' perspectives as voices. Being a dialogic author makes dementia care as a creative and unfinalizable work to explore multiple voices around him.

Acknowledgement

This work was supported by the Japan Society for the Promotion of Science (JSPS) Grant-in-Aid for Young Scientists Grant (Number 16730314 and 19K14395).

References

1. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics. Minneapolis, MN : Univ. of Minnesota Press. 1984.
2. Hyvärinen M., Watanabe R. Dementia, Positioning and the Narrative Self. *Style*, 2017. № 51(3). P. 337–356.
3. Kitwood T. Dementia Reconsidered: The Person Comes First. Buckingham, Philadelphia : Open Univ. Press. 1997.
4. Morson G., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford : Stanford Univ. Press. 1990.
5. Riessman C.K. Narrative methods for the human sciences. Thousand Oaks, CA : Sage Publications. 2007.
6. Sabat S.R. The Experience of Alzheimer's Disease: Life Through a Tangled Veil. Oxford, U.K. : Blackwell Publishers. 2001.
7. Tappen R.M., Williams-Burgess C., Edelstein J., Touhy T., Fishman S. Communicating with individuals with Alzheimer's disease: Examination of recommended strategies // *Archives of psychiatric nursing*. 1997. № 11(5). P. 249–256.
8. Watanabe R. Listening to the voices of dementia: the therapist's teaching-learning process through co-construction of narrative and the triadic relationship with Alzheimer's disease sufferers. Oulu : Oulu Univ., 2016.
9. Watanabe R. Authoring the Narrative Self in Dementia Care: A Bakhtinian Perspective // *DIEGESIS. Interdisciplinary E-Journal for NarrativeRe-search / Interdisziplinäres E-Journal für Erzählforschung*. 2018. № 7(1). P. 35–50.

УДК 378: 81'42(81)Бахтин

Guedes-Pinto Ana Lúcia
UNICAMP
(Campinas, Brazil)
alguedes@mpc.com.br

FROM THE SPEAKING OF TRAINEE TEACHERS TO ENUNCIATE THEMSELVES LIKE A TEACHER: CHALLENGES IN THE INITIAL BRAZILIAN TEACHER EDUCATION

Abstract. This article presents the partial results of the research project which aims to problematize written statements produced by undergraduates about their experiences at school,

in their reports, in the context of the supervised internship of the Pedagogy course of a public university in the state of São Paulo, Brazil. Given the theoretical perspective of discursive dialogic it can be settled that students' utterances present clues about the process of constructing teacher identity.

Keywords: teacher education, teacher identity, discursive dialogic, M. Bakhtin.

Гедеш-Пинту Ана Лусия
Университет Кампинаса
(Кампинас, Бразилия)
algedes@mpc.com.br

ОТ РАЗГОВОРА УЧИТЕЛЕЙ-СТАЖЕРОВ ДО ВЫСКАЗЫВАНИЯ СЕБЯ КАК УЧИТЕЛЯ: ВЫЗОВЫ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ В БРАЗИЛИИ

Аннотация. В этой статье представлены предварительные результаты исследовательского проекта, целью которого является проблематизация письменных высказываний студентов общественного университета штата Сан-Паулу, Бразилия, об опыте работы в школе на материале отчетов по педагогической практике. Учитывая теоретическую перспективу дискурсивной диалогии, можно утверждать, что высказывания учащихся представляют собой ключ к разгадке процесса конструирования идентичности учителя.

Ключевые слова: педагогическое образование, идентичность учителя, дискурсивная диалогика, М. Бахтин.

General context. Initial teacher education in the university context in Brazil develops amidst several challenges. These challenges refer to economic, political-ideological, curricular, didactic and identity aspects that are part of the Brazilian educational reality. In the specific area of Higher Education, we have taken initiatives in the investment of proposals for the disciplines of the theoretical and practical axis, especially the supervised internship, taken as a period of significant experience for a consistent preparation of the professional future. Studies about teacher education have highlighted the internship as an interdisciplinary time/space that takes place at the borders of both distinct knowledge and distinct school realities and, therefore, working with literacy practices becomes enriching in this context [Assis, 2018; Lopes, 2018; Reichmann, 2015]. This characteristic of constituting itself at the borders provides many possibilities for the development of didactic-pedagogical projects with undergraduates and schools. Regarding the experiences in the initial formation, the Bakhtinian perspective, as a way of conducting the formative work of the students – the vast majority constituted by women, has been configured as a powerful approach in the undergraduate teaching courses. The written production of the trainees about their experiences with the other subjects of the elementary school, limited to the genre internship reports and experience narratives, is a way of understanding and approaching the concrete reality of the elementary school [Bragança e Ossa, 2018; Serodio and Prado, 2015]. Bakhtin, taking into account the language in the novel and in discussing the genres of discourse, highlights the dialogical character of the utterances that constitute them [Bakhtin, 2017a, 2017b]. The utterance, for the author, reveals the hardcore of any discursive analysis as it is characterized by the living concreteness of the language. Each sub-

ject, in uttering utterances, dialogues with both an immediate interlocutor and the communicative situation in which they are produced. The sayings of one person, or rather of a student, are marked by the social sphere in which they are produced and the intention towards the other (s). The alternation of discourse subjects, Bakhtin points out is one of the definers of the utterance as a unit of the verbal communication chain [Bakhtin, 2017b].

Objective. This article presents the partial results of the research project entitled "Crossing discourses in teacher education – authorship in saying teacher". It aims to problematize written statements produced by undergraduates about their experiences at school, in their reports, in the context of the supervised internship of the Pedagogy course of a public university in the state of São Paulo, Brazil. These statements were selected based on the systematic follow-up of regular school work in the early elementary schools. The texts analyzed here were written in 2016, 2017 and 2018. The proposal that underlies the supervised internship project presupposes a partnership between the students of the university and the teachers of the school classroom and also with the students there. In the relationship with these others – students and teachers – the trainees seek to experience themselves as teaching learners, seeking to understand the profession of teacher in the early years of elementary school. From their experiences in the role of interns, the students record in a field diary the lived episodes, their impressions, doubts, and challenges. Based on these episodes, they produce reports (narratives in internship reports) in which they try to reflect on the various aspects that constitute the teaching profession and on their learning by living in this social position of being with the classroom teachers. From this perspective, we analyze their sayings by assuming them as constitutive statements of the communicative verbal chain of the academic sphere in which the initial formation of teachers is focused on the university. The research in question intends to approach and understand the meanings attributed to teaching by the trainees.

Identity constructions about being a teacher. In the texts of the trainees' reports, one of the aspects that stand out in their statements has to do with the type of relationship established in class. When reporting some of the moments of interaction, they use the verb "help" or often mention situations of mutual help, as follows: "...I helped the students to organize the game and during the observation, I noticed that they helped each other..." [student Cristina, 2018]; "Both the teacher and I were asked as doubts arose..." [student Carla, 2018]; "I confess that I felt lost and without authority over them, besides the feeling of fear of facing forty-five students, but everything went well. They listened to me and I assisted them with the activity proposed by the teacher" [student Núria, 2018]; "It was a semester in which without doubt my Friday mornings were happiest, I felt for the first time being a teacher, planning activities, helping each child, organizing the class notebooks" [student Lívia, 2016]; "In the fourth week, while working on some math textbook challenges, she asked me to stay with a student who had difficulties in some math operations. At that moment I was very happy, I was really being 'helpful' " [student Tânia, 2017].

In these excerpts, students narrate their experience from episodes in which they are immersed in the task of helping both the teacher and the classroom students in their exercises. The intonation value of their utterances becomes visible in several ways: in the verbal choice, which denotes typical acts of the teaching situation, such as clarifying doubts about lessons, organizing and planning activities and selecting the subject to report on. They report moments of teaching challenges such as acting in the classroom supervising the classes in the tasks given by the teacher. The words of his texts, therefore, bear the marks of the many others with whom they had experienced at school, bringing out their responsive attitude towards the demands of the supervised internship, within a specific discursive genre [Bakhtin, 2017b].

Given the theoretical perspective of discursive dialogic [Bakhtin, 2017a, 2017b] it can be settled that students' utterances present clues about the process of constructing teacher identity.

References

1. Assis J.A. Representações sociais sobre o professor na formação inicial docente: diálogos e confrontos // Horizontes (im)possíveis no estágio: práticas de letramento e formação de professores de língua / orgs.: C.L. Reichmann, A.L. Guedes-Pinto. Campinas : Pontes Editores, 2018. P. 67–83.
2. Bakhtin M. Teoria do romance: a estilística / trad. por P. Bezerra. 1ª ed. 2015. 1ª reimpressão 2017. São Paulo : Editora 34, 2017a. 256 p.
3. Bakhtin M. Os gêneros do discurso / trad. por P. Bezerra. 1ª ed. 2016, 1ª reimpressão 2017. São Paulo : Editora 34, 2017b. 176 p.
4. Bragança I.F.S, Ossa D.L.M. A duas vozes, todas as vozes: encontros biográfico-narrativos em formação entre Brasil e Colômbia // Revista Brasileira de Estudos Pedagógicos. Brasília, DF. 2018. Vol. 99, Nº 252 (maio/ago). P. 469–481.
5. Lopes M.A.P.T. Gêneros de discurso na formação – saberes em diálogo na constituição da identidade acadêmica profissional // Horizontes (im)possíveis no estágio: práticas de letramento e formação de professores de língua / orgs.: C.L. Reichmann, A.L. Guedes-Pinto. Campinas : Pontes Editores, 2018, P. 195–218.
6. Reichmann C. L. Letras e Letramentos. Campinas : Mercado de Letras, 2015. 200 p.
7. Serodio L.A., Prado G.V.T. Metodologia narrativa de pesquisa em Educação na perspectiva do gênero discursivo bakhtiniano // Metodologia narrativa de pesquisa em educação: uma perspectiva bakhtiniana / orgs. G.V.T. Prado, L.A. Serodio, H.H.M. Proença, N.C. Rodrigues. São Carlos : Pedro & João Editores, 2015. P. 91–128.

УДК 371.091.214:81

Janfada Mahtab
The University of Melbourne
(Melbourne, Australia)
mahtab.janfada@unimelb.edu.au

DIALOGIC APPROACH TO CURRICULUM DESIGN IN PLURILINGUAL ERA: FORTIFYING HETEROGLOSSIC NARRATIVES

Abstract. This presentation addresses the inherently ideological issues in the curriculum design for language education courses across sectors. These issues are uncovered through the lived experience of the teacher/researcher in the second language curriculum design subjects at

the tertiary level of an Australian University. This in turn led to a pedagogical intervention, informed by Bakhtin's dialogic approach to self and language in order to include heteroglossic voices for the multicultural and plurilingual context of education. Its impact is analyzed and discussed in how participants/teachers evolve this dialogic intervention into their own context of teaching and learning. One particular case study from an EAL secondary school context of Australia will be examined to provide some insights about the affordances of dialogic approach in curriculum design for language teachers locally and globally.

Keywords: dialogic approach, curriculum design, language teaching, heteroglossia, narrative.

Джанфада Махтаб
Университет Мельбурна
(Мельбурн, Австралия)
mahtab.janfada@unimelb.edu.au

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЗРАБОТКЕ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ В ЭПОХУ МНОГОЯЗЫЧИЯ: УКРЕПЛЕНИЕ НАРРАТИВОВ РАЗНОРЕЧИЯ

Аннотация. В презентации рассмотрены идеологические проблемы, связанные с разработкой учебных программ курсов языкового образования в различных секторах. Эти вопросы раскрываются на основе опыта преподавателя/исследователя в разработке учебных программ высшего образования по второму языку в австралийском университете. Эта деятельность привела к педагогическому вмешательству, основанному на диалогическом подходе Бахтина к себе и языку, позволившему включить гетерогенные голоса в мультикультурный и многоязычный контекст образования. Анализируется и обсуждается практика применения и развития метода диалогового вмешательства участниками/учителями в их собственном контексте преподавания и обучения. Рассмотрен конкретный пример из контекста английского языка как дополнительного предмета в средней школе Австралии, что позволяет дать представление о возможностях диалогового подхода при разработке учебных программ для учителей иностранных языков на местном и глобальном уровнях.

Ключевые слова: диалогический подход, разработка учебной программы, языковое обучение, гетероглоссия, повествование.

Statement of the problem. In the emerging global culture of education as multicultural, multilingual, and plurilingual, education is becoming a more contested and complex space. In this context, the complexity and intricacy of people's stories and their relationality matter more significantly than before. Particularly with the dominant neoliberal system of education, where the ultimate recognition is centered around identical "output" and the commercialization of education, the concept of "diversity" has somewhat reduced to a "demography" profile, or occasionally a deficit.

This ideology is explicitly and implicitly interwoven into the design of curriculum and is strongly evident in curriculum design for language courses across ages and sectors. Engaging in teaching and research practices of the field, and in second language curriculum design subject for years, I came up with a pedagogical intervention to review and revise the core ideological perspectives in the tertiary level to embrace more diverse and heteroglossic voices. The core theoretical premise of that intervention is explained next.

Theoretical, conceptual, and methodological framework. This work has been informed by Bakhtin's theory of dialogue [Bakhtin, 1981] as well as Van Lier's

concept of *curriculum as interaction* [Van Lier, 1996]. For Bakhtin, language is inherently dialogic and thus, it is dynamic, multi-voiced and contextual. Dialogue, therefore, is a "complex metaphor that incorporates the intricate relationship between speakers, between points of views, between social discourses, between past, present and future that are held together in language" [Hamston, 2006, p.56]. This perspective acknowledges that the world is contested and full of tensions and struggles, which results in multi-voicedness (the existence of multiple voices in one utterance). Therefore, in each utterance and dialogue, we face different ideologies, worldviews, and conceptual horizons which interact with each other [Wertsch, 1991]. True dialogue, in Bakhtin's terms, leads to transformation of the self, or what he calls *ideological becoming* [Bakhtin, 1986].

Bakhtin's notions which inform this work are heteroglossic perspective to self, being and culture, curriculum design as a becoming process and notion of insided-ness, outsided-ness in the curriculum design. This creates an addressivity of self-other. This "other" can be different in culture, time, space, accent, race, which is significant in language teaching contexts. This relationship and the way classroom community shapes this self-other relationship and "different degrees of others' otherness" [Holquist, 1990, p. 51], is paramount in the process of learning.

Bakhtin believes some process of appropriation of the other's voice (including power) shapes the self. In the same way, the idea of *outsideness* matters, because outsideness provides the possibility for dialogue. For Bakhtin, intercultural understanding means to enter another culture, but at the same time, to be outside of it; this is what Bakhtin calls as being in a "third space" [Bakhtin, 1981]. This third space is in important, yet unattended in the curriculum design for language courses where there is a constant chance to *be* and *live* at boundaries of two separate worlds.

A dialogic approach is translated into the level of the language curriculum through Van Lier's concept of *curriculum as interaction* [Van Lier, 1996]. In his influential book, *Interaction in the Language Curriculum* [1996] Van Lier firmly reinforces the dialogic nature of teaching, learning, and language education. He establishes the AAA principles, namely Awareness, Autonomy and Authenticity to underscore the multi-voiced narratives that teachers as curriculum designers can bring to their classrooms. He argues that this occurs, only, if they become critically *aware* of what drives their practice, ideologically, politically and socio-culturally; seek for *authentic* texts and authentic practices for particular people, context and times and exercise their *autonomous* pedagogical action which serves students best. Van Lier's suggestion of curriculum as the dynamic inter-relatedness of theory, research and practice [Van Lier, 1996 p. 55] reaffirms the important role teachers can and must play in shaping their own curriculum narrative.

It is worth noting that I am using Bakhtin's dialogism and AAA principles in multiple levels: firstly, as a meta-analysis platform to reflect on my own journey of teaching and researching curriculum design and how I gained awareness, autonomy and authenticity in the process and toward re-designing the subject. I also use Bakhtin's dialogism as a language educator to offer deep insights into the power of language beyond mere tools of communication.

Methodologically, dialogic approach informed my design of the course, including content, mode of delivery and assessment practices. In particular, democratic assessment principles [Shohami, 2008] was adopted which underscores the diverse multilingual and multicultural context of learning and creates more constructive, open policies to promote collaboration and cooperation in assessment process. This was strongly reinforcing students' sense of professional identity as educators, change-makers in policy and curriculum and promoting their competence and confidence in bringing to the fore their appropriation and understanding of dialogic approach as well as AAA principles in their design.

As a case study, I will share the experience of one of participants in the subject who conceptualised AAA in her context of teaching (EAL secondary space) as she examined how the teaching of narrative genres has been reductively and monologically implemented in the curriculum.

Affordances of dialogic approach to curriculum design. Through my reflections on the journey of applying a dialogic approach to curriculum design and the case study from the participant in the subject, I argue that curriculum design is a rich space for teachers bringing to the fore heterogenous voices, diverse narratives to argue, create, reflect, narrate and collaborate more fruitfully. It helps teachers appreciate what voices are in play in constructing a narrative, and in a curriculum, and what homogenized narratives students and teachers are encouraged to tell. I finally claim affordances of dialogic approach for expanding, extending and extrapolating ways in which knowledge can be (de/re) constructed by people (both learners and teachers) as active agents of change, inter/trans-culturally.

References

1. Bakhtin M.M. The dialogic imagination: four essays / ed. M. Holquist, C. Emerson ; transl. M. Holquist, Austin : Univ. of Texas Press, 1981. 444 p.
3. Hamston J. Pathways to multiliteracies: Student teachers' critical reflections on a multimodal text // Australian Journal of Language and Literacy. 2006. № 29(1). P. 38–51.
4. Holquist M. Dialogism: Bakhtin and his world. N.Y. : Routledge, 1990. 204 p.
5. Shohamy E. Language Policy and Language Assessment: The Relationship // Current Issues in Language Planning. 2008. № 9:3. P. 363–373.
6. Lier L. van. Interaction in the language curriculum: Awareness, autonomy, and authenticity. L. : Ringman, 1996. 248 p.
7. Wertsch J.V. Voices of the mind: A sociocultural approach to mediated action. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press. 1991. 169 p.

УДК 159.954:37.013

Zibell Linda Marrian
Federation University Australia
(Ballarat, Victoria, Australia)
lindazibz@gmail.com

M.M. BAKHTIN'S ACTION OF THE IMAGE: IMAGINATION'S SIGNIFICANCE FOR LEARNING

Abstract. This paper analyzes a short passage from "Discourse in the Novel" to suggest that Bakhtin portrays imagination as a dynamic in living meaning-making. As words conceptualize an object during a dialogic orientation of discourse, an emerging image activates and organ-

izes dialogic meaning-threads, enabling meaning to break through. When considered phenomenologically, the process translates to teacher-student meaning negotiation and has profound implications for education. I offer examples from my research into teacher pedagogies of imagination to illustrate the process.

Keywords: imagination, actions of the image, pedagogy, living discourse, learning and conceptualization.

Зибелл Линда Марриан
Университет Федерации Австралии
(Балларат, штат Виктория, Австралия)
lindazibz@gmail.com

ДЕЙСТВИЕ ОБРАЗА У М.М. БАХТИНА: ЗНАЧЕНИЕ ВООБРАЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется фрагмент работы «Слово в романе». Высказывается предположение, что в данном тексте М.М. Бахтин описывает воображение как динамику живого смыслообразования. По мере того, как в процессе диалогической ориентации дискурса слова концептуализируют объект, возникающий образ активизирует и организует диалогические смысловые потоки, позволяя пробиться смыслу. В феноменологическом аспекте данный процесс трансформируется в смысловые переговоры между учителем и учеником и имеет глубокие последствия для образования. Для иллюстрации этого процесса приводятся примеры из авторских исследований педагогики воображения учителей.

Ключевые слова: воображение, действие образа, педагогика, живой дискурс, обучение и концептуализация.

Introduction

Imagination was my pedagogy over a long teaching career yet I struggled for clarity: how did students actually learn? I met with other "teachers of imagination" in my PhD study [Zibell, 2016] to discuss their expressions, meanings and perceptions on this question.

In *Discourse in the Novel*, [1981, p. 259–422] Bakhtin suggests imagination is dynamically involved in conceptualization. As a speaker projects words to a listener: an "image" *activates* and *organizes* [p. 277] a meaning. His essay starts by discussing the "actualizing forces" of discourse that "unite / and centralize verbal-ideological thought", [p. 270–271]. One force struggles to secure meaning, the other opens us ever-outward toward further dialogue. Any utterance is thus a "contradiction-ridden, tension-filled unity".

The passage I examine forms the kernel of my thesis [p. 276–277]. I came upon it while reading with an intent to learn of imagination's involvement in meaning formation. Bakhtin is examining a "dialogic orientation in discourse", within which 'prose-art' has special potential. He posits a living conceptualization process with the trajectory of: 1. The utterance: a speaker's words conceive an intended object to a listener. 2. The listener's imagination arouses actualizing forces. 3. The words must negotiate these to transit their interplay. 4. The image organizes the dialogic turbulence. 5. The word breaks through to meaning. I translate the above to a teacher-student meaning negotiation and illustrate with research examples.

Responsive understanding is a fundamental force for meaning-making

Teaching is a dialogic act. Luke [2010] explains that, "no direct „hypodermic“ effect between ... official ... and ... enacted curriculum", exists, teachers must *remake* the abstractions named in official documents and bring them to life "*in relation* to ... students' cultural scripts ... [and] background schemata ..." [p. 1–2, my italics].

This requires "responsive understanding", which, Bakhtin says, "is a fundamental force", [p. 280]. A teacher's relational pedagogy forms a living, palpable, supportive matrix enabling students to think, speak and imagine *for themselves*. This teacher shapes utterances with a, "special conception of listeners' ... apperceptive background and ... responsiveness ... / a few changes in orientation and the internally persuasive word easily becomes an object of representation", [p. 346–347]. Miyazaki [2021], contrasts potential teacher reactions if a student is mistaken. One says: "That's wrong!" The other encourages vocalization and listens closely. As they persist in dialogic relation, this teacher catches meaning in the making and may adjust it.

My participant Lynn tells of teaching fractions using "straight forward ... structured" language. A student calls, "That's like an army!" "What?" she replies. "That's the whole army [with] his squadrons and there's eight, so one is an eighth of the lot". She says:

You've got to let them ... articulate it and try and understand ... I would never have thought of an army but [I thought], You're right! ... [I could have said, "No"] ... it's ... "One out of two equal parts!"

This negotiation of meaning, facilitated by Lynn's responsive understanding, shows her student conceptualizing with an activated imagination.

The teacher of imagination develops a narrative art: within it they conceptualize using persuasive words

Teachers often create curriculum in narrative form. Narrative is conducive to imagination. It allows learning to flow and integrate. In Peter's secondary science class students become pharmaceutical chemists with a task to develop a drug for an intractable illness. Lynn and her students co-author a scenario initiated from a picture book. Within it the whole syllabus unfolds. Linda is a school Ma'am in an Historical Outdoor Museum who must lead a tight, well-controlled narrative. Each student writes a letter to share their character's back story with her before arriving. Before they leave each experiences a curated imagining of life in the 1850's.

As leader the teacher stands in two worlds and integrates "*authoritative* discourse, [with] ... *internally persuasive discourse*". This invites centralizing and decentralizing language forces into living meaning-making and in the struggle of these "categories of ideological discourse" the "history of an individual ideological consciousness" [p. 342] may be determined.

Rich narrative experience elevates "social heteroglossia into an image ... / ... shot through with dialogized overtones [and] ... artistically calculated nuances", [p. 278–289].

The student imagines the teacher's speech plan as meaning is conceptualized Bakhtin's focus is on a speaker's (a teacher's) "living" conceptualization of meaning "at a particular historical moment in a socially specific environment", [p. 276]. In a later essay he depicts the listener's perspective, (a student's) as one in

which: ... we embrace, understand, and sense the speaker's speech plan ... We *imagine to ourselves* what [they wish] to say ... This plan ... [then] combines in an inseparable unity with the objective referentially semantic aspect ... [i.e. meaning forms], [1984, p. 77, my italics].

This receiver sees and hears the speaker with their imagination *activated*. Bakhtin's "*sound image*" is a fundamental "factor" in "verbal discourse", [1981, p. 259].

As a teacher conceptualizes, a student imagines: internal turmoil activates

Bakhtin states: The way in which the word conceptualizes its object is a complex act ... [it] ... is complicated by a dialogic interaction within the object ... [1981, p. 277].

Here the 'thick' of meaning is in process. As a teacher's words hang in the air, "various aspects of socio-verbal intelligibility", generate an "elastic environment of ... alien words" already spoken on its object, [p. 277]. Bakhtin envisages a myriad "living dialogic threads" that merge, recoil, intersect and weave "in and out of complex interrelationships". These embody discourse's "actualizing ... generative forces" [p. 276] acting upon the meaning negotiation.

I *know* this environment. In undertaking a pilot interview so as to experience a participant's perspective I was deep in conversation with my supervisor when she suddenly asked, "So what is imagination ... in a nutshell?" My mind flooded with memories of teaching, words from academic reading, a myriad possibilities. I was silent a long moment. Words finally emerged, bringing new meaning: "It's the *life* in the learning" ... Beyond dead facts, concepts and information, imagination is the "life" in the room!

This experience brought to life Bakhtin's "dialogically agitated and tension-filled environment", for me. The meaning, prompted by the "actualizing ... generative forces" [p. 276] of discourse, surprised me. Through it I became aware of Bakhtin's *life* of language, of *living* utterances, a *living* discourse [pp. 269, 272, 279]. I woke up to meaning *in process* and *feelings*: a thud at the heart, a momentary brain upheaval, tingles in legs, a stir of emotion at the belly.

In negotiation of meaning imagination activates and organizes

Bakhtin continues his trajectory of conceptualization, saying [p. 277]: ... an artistic representation, an "image" of the object ... penetrated by this dialogic play of verbal intentions ... need not stifle these forces, but ... may *activate and organize* them ... the living ... play of colors and light on the facets of the image ... makes [them] ... sparkle. We saw before how the image *activates* a complex swirl of dialogic threads; now as facets form, we see an "organizing" process crystallizes new meaning. *Unitary language* translates it to an utterance: as Bakhtin states, it is a force for overcoming heteroglossia and can "crystallize" a "relative, unity" [p. 270].

As image crystallizes, a sparkling meaning breaks through

At conceptualization words break through. Bakhtin speaks of a sparkling "social atmosphere", I imagine an "Ooooh!" of wonder. Or is this an "Aha" moment? Dewey [1934, cited in Eisner, 2017, p. 29], discerns two "modes of attention": one of "visual exploration ... perception leading to wonder", the other of "categorization ... recognition". Bakhtin's dialogic, living process is a form of be-

coming that "breaks through" the monologic to open a student to new learning in the now. This learner sees with the eyes of a child: they *do not know*, but allow wonder in. Categorization appropriates the new to make it "fit" existing reality, learning is acquisition and leads to monologism to which Bakhtin was opposed; the dialogic dynamic ensures human knowledge is ever expanded.

Conclusion

Contemporary science of learning seems compatible with Bakhtin's understanding of learning in negotiation. Illeris [2017, p. 6] states variously that "each sense forms images"; information is "re-activated" from long term memory and a "print ... with ... associated emotions and reactions" is an "impulse" to later learning when "new events" come to light [p. 14].

Although imagination's role in learning process is so thoroughly disregarded Bakhtin's insight brings profound implications for enacted learning and pedagogy. Substantial research and dialogue is needed, requiring close collaboration between global centres for dialogic pedagogy and imagination in education. At this critical turning point it is time for educators to give attention to imagination's deep relevance to learning.

References

1. Bakhtin M.M. The dialogic imagination, four essays. Austin : Univ. of Texas Press, 1981.
2. Bakhtin M.M. Speech genres and other late essays. Austin : Univ. of Texas Press, 1984.
3. Eisner E.W. The enlightened eye, qualitative inquiry and the enhancement of educational practice. N.Y. : Teachers College Press, 2017.
4. Luke A. Will the Australian curriculum up the intellectual ante in primary classrooms? Submitted to Curriculum perspectives. 2010. № 30(3) 59–64. URL: <http://eprints.qut.edu.au/32392/>
5. Miyazaki K. What does Bakhtin's view on dialogic author suggest on the way of dialogical teachers? Conference session, July 7, 17th International Bakhtin Conference, 2021.
6. Zibell L.M. Teacher Pedagogies of Dialogic Imagination, a Narrative Inquiry. Thesis. Federation Univ. Australia, 2016. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/213005789.pdf>

УДК 330.837:373.6

Campbell Bryan
University of Delaware
(Newark, DE, USA)
bcamp@udel.edu

ANALYSIS OF INSTITUTIONALIZATION OF PUBLIC SCHOOLS THROUGH A BAKHTINIAN LENS*

Abstract. A critical examination of a formal evaluation of a high school teacher in the US by a school administrator reveals an intrusion of institutionalism in the authorial teaching practice that displaces professionalism. Institutionalism coopts people into its human machinery by promoting theoreticism and suppressing Bakhtinian dialogue while pushing participants to become irresponsible. I present a dialogic analysis of a case involving exchanges between a high

* Полностью текст доклада опубликован в журнале «Бахтинский вестник» [2021].

school teacher and a school administrator in the US, involving a collision between an institutional discourse and an authorial professional discourse. My main finding is that when the administrators of the school willingly instituted an ideology that predetermined what good teaching is, regardless of the unique people and circumstances of the practice, they became irresponsible to ontological reality by allowing theoreticism to supplant their openness to being provoked by teachers' diverse, ontological perspectives.

Keywords: institutionalism, theoreticism, professionalism, Bakhtin, schools.

Кэмпбелл Брайан
Университет Делавэра
(Ньюарк, Делавэр, США)
bcamp@udel.edu

АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ШКОЛ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕЙ М.М. БАХТИНА

Аннотация. Критический анализ формальной оценки учителя средней школы в США администратором школы обнаруживает вытесняющее профессионализм вторжение институционализма в авторскую педагогическую практику. Институционализм вовлекает людей в свой механизм, продвигая теоретизм и подавляя бахтинский диалог, тем самым подталкивая участников образовательного процесса к безответственности. В статье представлен диалогический анализ кейса, связанного с обменом мнениями между учителем и администратором школы в США, являющегося иллюстрацией столкновения между институциональным и авторским профессиональным дискурсом. Мой главный вывод состоит в том, что, когда администраторы школы придерживаются идеологии, предопределяющей, что такое хорошее преподавание, независимо от уникальных людей и обстоятельств практики, они становятся безответственными по отношению к онтологической реальности, позволив теоретизму вытеснить открытость к многообразным, онтологическим точкам зрения учителей.

Ключевые слова: институционализм, теоретизм, профессионализм, Бахтин, школы.

For over many years, I have been a high school social study teacher in the United States.

Probably like many fellow teachers, I entered this profession with romantic ideas of how students would like me, simply because I was nice and kind to them. They would respect me, simply because I had knowledge to share. In theory, the whole experience would be easily as inspiring and liberating for my students as it would be fulfilling for me.

Like many romantic ideas, the truth is different.

What I found instead was, that teaching is very hard work. Students were much more complex than these idealized images I had in my mind and the issues we (they and I) faced were more nuanced, ambiguous and controversial than any simple theory could explain. These things very quickly became apparent to me. However, developing into a professional with substantial expertise to consistently teach my diverse and interesting students in a way that is valuable and meaningful to them, took many more years.

These years were spent struggling to better learn the content that I was teaching, reflect on my successes and failures in the classroom, be provoked by

colleagues, administrators, parents and, most importantly, my students as I tried to understand how I can be a good practitioner of my profession and what might be involved in it. My beliefs, sense of purpose and philosophies changed as I critically explored new ideas and accepted some while rejecting others.

Along the way, I resisted losing my responsible, authorial agency [Matusov, von Duyke, & Kayumova, 2016] to the latest trend brought by any outside "expert". I was surprised how difficult this resistance became as my administrators engaged in the institutionalization of an ideology for teaching practices called "Learning Focused Schools" (LFS).

Though initially I was open, if not even enthusiastic, to trying these new ideas, I found I had to resist my administrators' "creative efforts" to enforce their adopted ideology. At first, we were encouraged by our administrators to try some of the teaching practices included in Learning Focused Schools. Later, when our dissatisfaction with these practices started growing, we were forced to complete "professional development" activities that trapped us into producing Learning Focused lessons. Ultimately, our "professional" evaluation that secured our employment was used to enforce participation in the ideological practices.

I felt my value as a thoughtful professional was discarded in favor of the LFS machine my administrators hoped I would become.

In an effort to explore the problems I faced in exercising my profession as a teacher in this hostile context, I developed a presentation for an international audience of educationalists [Campbell et al., 2021] in which I explore a case study of a teacher in similar circumstances. I regard this teacher as a professional who has concerns about the prevailing ideology of teaching practices held by their administrators – in particular, their assistant principal. When this teacher attempted to engage in critical dialogue about their professional practice, the assistant principal persisted in their avoidance of discourse that deviated from the established ideology and attempted to suppress the teachers' voice in the process. In this paper, I inquire: Why could the assistant principal not recognize and engage in professional discourse with the teacher?

By protecting them from theoreticism, professional teachers play an important role as guardians to their students' diverse, ontological realities. If faced with a professionally hostile environment, it is incumbent of the professional not to acquiesce to the intrusion of institutionalism and its theoeticism. Dialogue, among teachers that recognizes their consciousnesses with equal rights, is important to the existence of their professionalism. If professionalism is to be supported and maintained, it is necessary to protect this Bakhtinian dialogue from institutional threats.

Portions of this paper are, itself, dialogic. The decision to do this was partially an effort to overcome some difficulties I have with writing. However, I see other benefits to this approach.

I have struggled to take the swarm of voices that comprise the complexities of interesting concepts and distill them into a monologic essay. To me, something is lost when this is done and my resistance to that loss takes the form of writer's block. Weeks of staring at a computer screen can pass before the necessary abandonment of interesting and diverse voices allows me to proceed to a singular per-

spective with its own, seemingly internally-constructed salience. Not only is this process painful but, the monologue it produces obscures the way I see truth as emergent and held between those in dialogue.

Though impossible and likely undesirable to capture everything that is shared in the excessive dialogic development of ideas [Bakhtin, 1984], the following paper represents my effort to give some transparency to that process in my present exploration of institutionalization. This paper takes the form of a modified transcript that explicitly retains the voices of others who were in dialogue with me. Their presence reveals how their provocations, interpretations and their perspective of salient connections to the content I shared developed my own thinking. They also provided direction for me when the “swarm of voices” in my blocked state was disorienting me with endless possibilities of what could be, theoretically, of importance to my audience.

The genre of a captured dialogue is not new to intellectual work. Plato [1997], Galilei [2001], Søren Kierkegaard [Howland, 2006] and, more recently, Bill Moyers with Joseph Campbell [1991] have used dialogue between real or fabricated participants as a means to express their thoughts.

This paper is not a pure transcription. The original transcription was edited for length and clarity as the conversion from an oral genre to a written one necessitated. Though my audience did much to guide my direction, I take responsibility for having added new points and details from field notes as well as having eliminated parts of the original transcript and reordering the conversation in a way that comprises what I hope to be a coherent paper.

This paper has two major parts. The first part is several pages that consists of a presentation by me that was originally shared at the XVII International Bakhtin Conference in Saransk, Russia and later with colleagues who appear in this text. The presentation portion of this paper serves as a provocation and focal orientation for the discussion among colleagues that comprises the bulk of this paper. I am thankful for their insights and questions. In the conclusion I considered implications of my findings and raised new questions.

References

1. Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A report on the banality of evil*. Penguin Books. 2006.
2. Bakhtin M. *Problems of Dostoevsky's poetics*. 8th ed. University of Minnesota Press. 1984.
3. Bakhtin M. *Toward a philosophy of the act*. University of Texas Press. 1993.
4. Campbell B., Matusov M. *Institutionalization of public schools through a Bakhtinian lens [Conference presentation] // XVII International Bakhtin Conference, Saransk, Russia. 2021, July 5–10.*
5. Campbell J., Moyers B. *Power of Myth*. Bantam Doubleday Dell Publishing Group. 1991.
6. Du Bois W.E.B. *The souls of black folks*. N.Y. : Dodd, Mead & Company. 1961.
7. Eckert P. *Jocks and burnouts: Social categories and identity in the high school*. N.Y. : Teachers College Press. 1989.
8. Galilei G., Drake S. *Dialogue concerning the two chief world systems, Ptolemaic and Copernican*. N.Y. : Modern Library. 2001.

9. Goffman E. Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates. 1st ed. Anchor Books. 1961.
10. Hargreaves D.H. Teaching as a research-based profession: Possibilities and prospects. URL:http://www.bera.ac.uk/files/resourcesfiles/educationalresearch/hargreaves_1996.pdf. 1996.
11. Howland J. Kierkegaard and Socrates: A Study in Philosophy and Faith. Cambridge, England : Cambridge Univ. Press. 2006.
12. Lof Der Zotheid Psychologenpraktijk. (2016, April 25). The Milgram experiment 1962 full documentary [Video]. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rdrKCilEhC0>
13. Matusov E. The teachers' pedagogical fiduciary duty to their students. Educational Practice & Theory. [2022, submitted].
14. Matusov E. A student's right to freedom of education and a teacher's fiduciary obligation to support it: Reply to the commentaries // Dialogic Pedagogy : An International Online Journal. 2020. № 8. SF97–SF114. URL: <https://dpj.pitt.edu/ojs/dpj1/article/view/357/220>.
15. Matusov E. Journey into dialogic pedagogy. Hauppauge, NY : Nova Science Publishers. 2009.
16. Matusov E., von Duyke K., Kayumova, S. Mapping concepts of agency in educational contexts // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2016. № 50(3). P. 420–446.
17. Milgram S. Obedience to authority: An experimental view. 1st ed. Harper & Row. 1974.
18. Oxford English Dictionary. Professionalism // OED.com dictionary. Retrieved July. 2021. № 6. URL: <https://www.oed.com/view/Entry/152054?redirectedFrom=professionalism#eid>.
19. Plato. Complete works / transl. J.M. Cooper, D. S. Hutchinson. Indianapolis, IN : Hackett Pub. 1997.
20. Popper K.R. The open society and its enemies. 5th ed. Princeton Univ. Press. 1966.

УДК 371.3

Марчукова Ольга Григорьевна
Тюменский государственный институт развития
регионального образования
(Тюмень, Россия)
vera-nadegda@bk.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОБУЧЕНИЯ КАК РАЗВИТИЕ ИДЕИ ТЕКСТОЦЕНТРИЗМА В ПОЗНАНИИ

Аннотация. Осмысление «пределов» человеческой способности *понимания* в контекстах вызовов XXI века выявляет потенциал обучения как организации учебно-познавательной деятельности *с текстом и создающей текст*. Необходимыми условиями такой организации являются рассмотрение дидактической единицы по законам текста и смещение фокуса внимания с деятельности учителя по *работе с классом* на логику «ответной» деятельности *ученика-субъекта* познания. Экспликация результатов его процесса познания становится возможной при изменении, переоценке роли *ученической тетради* – наделении ее статусом индивидуализированного учебно-наглядного пособия ученика.

Ключевые слова: понимание, содержательно-смысловой метод обучения, учение, текст, тетрадь.

CONTENT AND SEMANTIC FOUNDATIONS OF TEACHING AS THE DEVELOPMENT OF THE IDEA OF TEXTOCENTRISM IN COGNITION

Abstract: Understanding the "limits" of the human ability to understand in the context of the challenges of the 21st century reveals the potential of learning as an organization of educational and cognitive activities with a text and creating a text. The necessary conditions for such an organization are the consideration of the didactic unit according to the laws of the text and the shift of the focus of attention from the teacher's activity in working with the class to the logic of the "reciprocal" activity of the student-subject of cognition. Explication of the results of his cognition process becomes possible when the role of the student's notebook is changed, reassessed, – endowed with the status of an individualized educational visual aid for the student.

Keywords: understanding, meaningful and semantic teaching method, teaching, text, notebook.

Научно-педагогическому осмыслению наследия М.М. Бахтина, восходящего к «пределам» человеческой способности *понимания*, в контекстах вызовов XXI века противостоят все более явные тенденции технократизма. Абсолютизация технологий, строящихся на «правильном»/«эффективном» объяснении, нивелируя значение методов обучения, ведет к забвению гуманитарной сущности познания: «при объяснении – только *одно* сознание, один субъект; при *понимании* – *два* сознания, два субъекта» (отсюда – «принципиальная *ответность* всякого *понимания*») [Бахтин, 1996, с. 319]. Формируются противоречия, показывающие, что исследование вопросов организации образовательного процесса с позиции деятельности учителя (разработки рабочей программы, технологической карты урока и проч.) – не разворачивается в аналогичное исследование «ответной» деятельности ученика; выявление потенциалов информационного контента обучения (учебники, платформы, печатные предметные рабочие тетради) – не сопровождается аналогичным анализом знаниевого контента, приобретаемого учеником, и материально-вещественной формы, инструментально его опосредующего. Обозначение данных противоречий заостряет *проблему отчужденности ученика от процесса учения*, превращения его «из человека углубленного в человека расширенного» [Король, с. 21]. Исследование пути ее решения в контекстах ценностно-смыслового подхода в образовании (Е.Г. Белякова, Е.В. Бондаревская, В.П. Зинченко и др.) и осмысления природы текста (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман), выделяет два взаимообусловленных аспекта дидактико-методического содержания. Конкретизируем каждый из них.

1. Ученик *не может не быть отчужден*, поскольку включен в процесс *исполнения плана* урока, составленного учителем для работы с классом.

Готовясь к уроку, учитель формирует образ урока в контексте *своей работы с классом*, выстраивая логику *своей* деятельности по обучению. Вне поля зрения остается *образ урока в восприятии ученика-субъекта* познания.

На преодоление отчужденности ученика направлено введение *содержательно-смыслового метода обучения*. Сущностью его определяем *организацию активного и созидającego само-деятельного участия ребенка в понимании нового знания, при котором учитель выступает руководителем его понимающей деятельности*. Ключевую роль в реализации данного метода играет субъектно-личностный фокус, центрирующий внимание педагога *не на своей роли* в уроке и технологическом совершенствовании своей образовательной практики, а на характере и результате выполняемых конкретно каждым учеником учебно-познавательных действий. Логика *содержательно-смыслового метода обучения* генерализует следующие идеи:

- любая единица знания может быть представлена как *текст* и по законам текста (это означает, что физическая формула « $E = mc^2$ » может быть представлена, понята и осмыслена учеником как текст, который имеет авторство и биографические, исторические, социокультурные и другие контексты своего рождения);

- *прочтение и понимание* такого текста означает реализацию операций смыслоизвлечения и смыслопорождения в контекстах его бытия;

- смыслоизвлечение как выявление познавательной ценности текста – специально организуемая учителем деятельность ученика, нацеленная на усвоение им *пути рассуждения*, ведущего к усвоению *алгоритма учебной деятельности (формированию умения)*;

- смыслопорождение как демонстрация *понимания* атрибутируется в создании учеником собственных *продуктов текстовой деятельности*;

- разные тексты, используемые в процессе урока / освоения темы, должны быть связаны между собой по смыслу / *преемственны* по содержанию, обеспечивая дефрагментацию восприятия учеником предметного знания.

Обоснование содержательно-смыслового метода обучения, строящегося как организация учебно-познавательной деятельности ребенка *с текстом*, позволяет переоценить роль тетради *в жизни ученика*, что раскрывает второй аспект поставленной проблемы.

2. Ученик *отчуждается от процесса учения*, поскольку не определяет, *что* является носителем предметно-знаниевого содержания в *его* опыте, *что* и *как* воплощает *процесс* освоения знания и эксплицирует его *результаты*?

Введение содержательно-смысловой основы исполнения ученической тетради направлено на преодоление существенной недостаточности календарно-хронологической формы ее ведения (единственно существующей) – отсутствие дидактической целостности, системности в восприятии и накоплении знания. Этот тезис требует отсылки к постановке темы урока. В существующей практике дидактическая единица представляется ученику как тема *этого* урока, что *разрывает содержательное целое темы* (укрупненной дидактической единицы – УДЕ). Компенсирует такую «разорванность» предметного знания/содержания *контекстная постановка темы*, при которой данная дидактическая единица представляется в контексте более крупной

единицы содержания, иными словами – формулируется *в контексте содержания темы/раздела программы*. При этом *контекст измеряется содержанием темы/раздела школьной программы как в горизонтальном, так и в вертикальном ее измерении*. Контекстная формулировка темы *по горизонтали* преодолевает лакуны в восприятии учебного материала учеником, представляя для него содержание предмета не коллизией *про разное*, а единством *по-разному*.

Тематическая горизонталь содержания, охватывающая укрупненную дидактическую единицу, вырастает в *тему тетради*. Тетради, в которой тема становится ее названием и определяет ее наполнение, не допускающее / препятствующее избыточности информации (пример из образовательной практики: тематическая тетрадь в 5-м классе «Морфология. Имя прилагательное»). Однако полнота *роли* рабочей тетради в учебной деятельности школьника раскрывается при ее исполнении в контексте вертикали предметного содержания программы.

Таким образом, очерчивая границы содержания, тематическая тетрадь задает совершенно новый вектор в развитии ученической тетради: *оформление темы определяет ее содержание*. Это означает, что тетрадь ученика, имея свое название, *прирастает соответствующим содержанием* от класса к классу. Формирующие ее тексты и *входящие* в нее слова разрушают «целый переворот в истории слова, когда оно стало *выражением* и чистым (бездейственным) *осведомлением* (коммуникацией)» [Бахтин, 1996, с. 322]. Возвращая к осознанию *слова как деяния* (М.М. Бахтин), тетрадь преобразуется в индивидуализированное учебно-наглядного пособия ученика.

Очерченное нами содержание проблемы отчуждения ученика вводит в гуманитарный контекст постнеклассической парадигмы познания, ставящей вопросы не столько *что* и *как* познается, сколько *кто* познает, выявляющей «потребность антропологизации современной педагогической теории и практики» [Пичугина и др., 2016, с. 21]. В удовлетворении этой потребности мы видим назначение содержательно-смыслового метода обучения, позволяющего видеть процесс *делания своим* объективно существующего знания, которое, как отмечал В.В. Давыдов, «школьники не создают... а присваивают в процессе учебной деятельности» [Давыдов, 1996, с. 147].

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. С. 306–328.
2. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М. : ИНТОР, 1996. 544с.
3. Король А.Д. Какое знание способно изменить человека: уроки истории // Педагогика. 2018. № 4. С. 20–26.
4. Пичугина В.К., Сериков В.В. Гуманитарная парадигма как перспектива преодоления методологического кризиса в педагогике // Педагогика. 2016. № 1. С. 19–30.

Matsuo Catherine
Fukuoka University
(Fukuoka, Japan)
cath@adm.fukuoka-u.ac.jp

**THOUGHT "DIRECTED TOWARDS OTHER THOUGHTS, IDEAS, MEANINGS":
USING BAKHTIN'S "THE PROBLEM OF THE TEXT" AND VOLOSHINOV'S
"MARXISM AND THE PHILOSOPHY OF LANGUAGE"
IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION**

Abstract: This paper is the latest increment and iteration of a research project where I transcribe every intelligible word uttered over a four-month period in a Japanese English major university class on formal debate, which was taught using a dialogic pedagogy. The goal is to understand – and not to explain causally – the discursive relations of speech communication in a classroom using what the teacher considers to be a dialogic pedagogy. In this paper, then, I use Bakhtin's dialogic linguistics and metalinguistics to determine to what degree an utterance made in the classroom is dialogic. My focus is on how we might understand the relationship of metalinguistics with Voloshinov's [1986] "theme" and "meaning" and dialogic relations. Dialogue is a relation, so the actual response the utterance received constitutes part of the determination of the preceding utterance's degree of dialogicity. In this paper I also show the cognitive-ethical workings in the classroom of the relation between spirit, *dukh*, and soul, *dusha*, what Bakhtin refers to as "the science of the spirit" in the English version of *The Problem of the Text*, or PT, but elaborates more fully in Bakhtin [1990]. I see the spirit-soul relation as an organizing principle of a science of unique utterances.

Keywords: speech communication, dialogic linguistics, metalinguistics, spirit, soul.

Мацуо Кэтрин
Университет Фукуоки
(Фукуока, Япония)
cath@adm.fukuoka-u.ac.jp

**МЫСЛЬ, «НАПРАВЛЕННАЯ НА ЧУЖИЕ МЫСЛИ, СМЫСЛЫ, ЗНАЧЕНИЯ»:
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБОТ М.М. БАХТИНА («ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА»)
И ВОЛОШИНОВА («МАРКСИЗМ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА»)
В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Аннотация. Статья является продолжением и итерацией исследовательского проекта, в котором я расшифровываю каждое понятное слово, произнесенное в течение четырехмесячного курса в крупном японском английском университете на официальных дебатах, которые проводились с использованием диалогической педагогики. Цель статьи состоит в том, чтобы понять, а не каузально объяснить дискурсивные отношения речевого общения в классе, используя то, что учитель рассматривает как диалогическую педагогику. В данной статье я использую диалогическую лингвистику и металингвистику Бахтина, чтобы определить, в какой степени высказывание, сделанное в классе, является диалогическим. Я сосредоточиваюсь на том, как мы можем понять отношения металингвистики с «темой» и «значением» Волошинова [1986] и диалогическими отношениями. Диалог – это отношение, поэтому фактический ответ на полученное высказывание составляет часть определения степени диалогичности предыдущего высказывания. Я также показываю когнитивно-этическую работу в классе в плане отношения между духом и душой (то, что Бахтин называет «наукой о духе» в английской версии «Проблем текста» (*The Problem of*

the Text, or PT), но более подробно рассматривает в работах, включенных в английское издание 1990 г. [1990]. Я рассматриваю отношения духа и души как организующий принцип науки уникальных высказываний.

Ключевые слова: речевое общение, диалогическая лингвистика, металингвистика, дух, душа.

Towards a science of the unique unrepeatable utterance

Bakhtin's [1981, p. 275] "whole series of phenomena" that monologic linguistics fails to understand is his metalinguistics. These are the forces brought to bear on language as it becomes something which is not and can never be identical to language. This something is speech communication [Bakhtin, 1986, p. 108].

Metalinguistics is a continuously re-arranging architectonics of:

- heteroglossia as *raznorechivost*, the atmosphere into which every utterance must enter;
- heteroglossia as *raznorechiye* – speech genres and social languages;
- time in "microscopic dimensions" [Voloshinov, 1986, p. 99], moments that embodied subjects turn into events through verbal and non-verbal acts, and the tiny alterations these acts create that absorb into and act on *durée*;
- subjectivity, intersubjectivity, and subjects' chronotopic positions – differential physical locations, worldviews in time-space, and time *felt* differentially due to emotion-volition;
- literary chronotopes of deep socio-culture;
- heteroglossia in conditions of polyglossia;
- and moral answerability.

The metalinguistic elements must be specified, concretized and particularized by identifying and describing the particular arrangement of the architectonics in a particular instance of an exchange of unique, unrepeatable utterances.

Bakhtin [1981; 1984; 1986; 1990; 1993] and Voloshinov [1986] have laid the groundwork and outlined the method for a science of unique unrepeatable utterances. I suggest that an organizing principle for this science is another science – what Bakhtin [1986, p. 106] calls: "The science of the spirit".

For C. Emerson, what Bakhtin is calling the "science of the spirit" in PT is the result of dissolving Aristotle's binary to place spirit, *dukh*, and soul, *dusha*, on a horizontal plane. Every person has a surplus of spirit-energy...[which] when [a person] is properly realized as an individual...fuses itself to acts (acts of love and outreach) and thereby "gives" souls to others [personal communication, August 17, 2021].

Others' spirits do the same for my soul. There are multiple ways spirit-soul relations can play out, not all of them benevolent [Bakhtin, 1990]. The most ubiquitous way this spirit-soul relation materializes is through utterances. The acts that enter Being through the spirit-soul relations raise consequential, lifelong questions for the self's non-alibi in Being [Tulchinsky, 2021].

A dialogic analysis of the interrelations among dialogic utterances

In this paper, I present dialogic analyses of selected utterances – Sullivan's [2012] "key moments" – uttered in two classes in two consecutive lessons con-

ducted a week apart. Further details of the analytic framework I am developing can be found in Matsuo [2019].

Due to space considerations, the analyses here are extremely partial, concentrating on dialogic relations and the workings of spirit-soul relations. Similarly, the transcription notation is minimal, indicating only emphasis, pitch, emotion-volition (BLOCK CAPITALS) and pauses [Jefferson, 2004]. The original Japanese version of Text 2, Junko's response (all students' names have been changed), is available in Matsuo [2019]. Translations from Japanese into English use a Source Text, or ST method.

Bakhtin stipulates the two aspects that define the text as utterance: the subject's speech plan (or speech will) and the realization of this plan. It is the dynamic interrelations of these aspects – the plan and the steps it takes for its realization— which create the material of the words of the utterances that are used in that struggle. "Their divergence can reveal a great deal" [Bakhtin, 1986, p. 104].

At 24:21 minutes into lesson 1, the students' context of understanding is cultural blind spots which can lead a person to cause offence when making apologies without intending to or even noticing the offence. The utterance I make in Text 1 is dialogic only in so far as it is created "on the territory of [our] common theme, [our] common idea" [Bakhtin, 1986, p. 115], i.e., apologies. But it is not one formed out of a true or "substantial" dialogic relation to preceding utterances of others. Text 1 is an utterance directed forward to a pedagogic goal: introducing a debate "problem area". But it is nonetheless an act of verbal creativity.

Text 1. Teacher to the whole class, and then to one student, Arisu.

- Teacher: There's a big problem, isn't there. There's a big problem n:ow
- continues betwee:n Japan an China, (0.2) Yeah? China thi:nks: Jap:an
- didn't apologize (0.2) f:or the w:ar, (0.2) right? Japan thinks: We
- apologized several t:imes. (0.3) Yeah? その原因はなん
- ですか (4.00) どう思いますかその原因? yeah, わかりますか
- アリス? その – th-the situation. Yeah? その原因はなん
- ですか (5.00)

I translate the Japanese part of the text (without using lines) as follows: what is the cau:se of that? (4.00) What do you think about the cause? Yeah, do you know –Arisu? That – th-the situation. Yeah? What is the cau:se of that? (5.00)

Text 2. Source Text Translation of Junko's response to the teacher

8 Junko: Culture and (2.00) and the rest: s-it is probably connected with culture

but (1.00)

9 just how bad what was done [to China] the degree of suffering and the Japanese

10 what they think they did to China: the difference about the degree of the bad

11 so even if [Japan] apologizes, China is going to think they haven't been apologized to.

Text 2 is Junko's response to my question. This utterance breaks into heteroglossia – *raznorechivost* – the atmosphere of a long silence (filled, doubtless with inner speech in Japanese and/or English) that waits for an answer to a question directed at first to the class and then to someone else – *not her*. That Junko breaks this silence means she really wants to answer this question; it is not just an answer to me (I initially thought she was being a "good-hearted student" – which she is – that she was answering to "help me out" of the long – to me – silence).

Her response is a real, sincere answer to me *and* to/for herself. This is theme in Voloshinov's sense: "*Theme is a complex dynamic system of signs that attempts to be adequate to a given instant of generative process. Theme is reaction by the consciousness in its generative process to the generative process of existence*" [Voloshinov, 1986, p. 100, original emphasis].

The response's linguistic *structure* answers my question *and* mirrors my weaving between Japan and China in my preceding utterance. Junko's weaving back and forth at first makes me unsure as to whether I have understood her response, and I am also knocked off balance by its stark honesty. Lines 9 and 10 encapsulate a truth of the matter, but one that may cause people to balk. Nonetheless, it is a response – the response that that moment generated. It gives no explanation of the historical and cultural background, which my question arguably asks for (and I perhaps expected), but the utterance constitutes an answer to my question. The utterance's semantic structure is "open" – the semantic structure of an "internally persuasive discourse" [Bakhtin, 1981, 346]. Further:

In the everyday rounds of our consciousness, the internally persuasive word is half-ours and half-someone else's. Its creativity and productivity consist precisely in the fact that such a word awakens new and independent words, that it organizes masses of our words from within and does not remain in an isolated and static condition [Bakhtin, 1981, p. 345].

Junko's response means her and my utterances intersect and not just on a "common theme" (in Bakhtin's sense in PT). In fact, the theme in the context of the Second Sino-Japanese War/World War II is not entirely "common" – even the naming of the conflict is not shared; my chronotopic position as a (an older?) Westerner and/or debate teacher is "apology" – Japan's position, as my students tell me, is that World War II was ended by "the treaty". Junko's response creates a "contact zone" where the learners and I start the process of interlocating each other [Holquist, 1990]; we start to "meet, take on, and project elements of identity to and from one another" [Nielsen, 1995, p. 806].

Does Junko's dialogic response render my preceding utterance more dialogic than its speech plan intended? My utterance was not monologic, but can it be said that its dialogic coloration becomes stronger given that Junko creates a contact zone with it? Does or how does time affect an utterance's dialogicity?

Text 3. Week 2 Responses

1 Teacher (C): Shinnosuke, did you send me something? You didn't did you?

2 Right, can you tell me now?

3 S: I thought (2.0) in Japa:n had enough apology on China about what we

- 4 have done
 5 C: uhm?
 6 S: in World War II and but China didn't forgive us and (2.0) so they, I
 7 think they took advantage of what we have done so
 8 C: ㊀!
 9 S: And PLUS why they want to be being superior to Japan and (low)
 what
 10 fo:r↑?
 11 C: What fo:r? What's the purpose? (3.0)
 12 S: Ah: so (2.0) if if ah ah knowing the purpose is also we can get more
 13 (2:0) deeper argument
 14 C: So, knowing the purpose of what?
 15 S: Why they want to
 16 C: Why they want Japan to apologise
 17 S: (must nod)
 18 C: Yeah, thank you.

The something I refer to in Line 1 is “the homework,” which Shinnosuke has not sent me, so I am not feeling benevolent until Line 8, where I agree with him—he’s doing well speaking in English and the content is thoughtful. My agreement is directed at this – his doing well *now* and I agree *at this moment* about China’s motivations, but I will change perspectives through subsequent lessons. Line 8’s one word, “㊀!” meaning “yes!” or “right!” reflects the dynamic interrelations between Shinnosuke and me *and* between my speech plan and its fulfillment at *this* moment. But this utterance may encourage Shinnosuke’s heightened emotion of “PLUS” about China’s desire to remain superior in his third utterance, raising complex questions regarding the self’s non-alibi in Being.

Clearly, there are many important aspects of these utterances of Shinnosuke, including the students’ political and cultural understanding of apology as a matter of humiliation and superiority in the Sino-Japanese context in the post-World War II period. Shinnosuke’s fourth utterance, in Lines 12 and 13, is showing that already in lesson 2 he is attracted to debate. This utterance shows another dimension of dialogic pedagogy I want to highlight in this paper: the process of spirit and soul asking questions and answering, creating gifts for each other (including gifts by/for the teacher) for using knowledge in the furthering of understanding.

Understanding is wanting to grow, to reach beyond its present state: this is spirit, *dukh*. Shinnosuke wants to know what China’s purpose is. He is not satisfied with his own answer, which last week was the “class answer” – one of last week’s “consummations” – that China demands an/another apology [Fiefield, 2015] to maintain a position of superiority. Understanding for me, Shinnosuke, involves understanding you, China. Even if I, Shinnosuke, now see those ends as being purely to my individual advantage – “getting a more deeper argument [for debate]” – what our understanding of our advantage evolves through a dialogic pedagogy that promotes whenever possible, a benevolent relation of spirit and soul that consummates but then at once starts anew the process of becoming – this is our non-

finalization in Being. In fact, the students will go on to vote that there is a prima facie case – there are sufficient grounds – for debating the proposition: "The Japanese government should apologize to China for its conduct in World War II".

References

1. Bakhtin M. The dialogic imagination / ed. M. Holquist ; transl. C. Emerson, M. Holquist. Austin, TX : Univ. of Texas Press. 1981.
2. Bakhtin M. Problems of Dostoevsky's poetics / ed. and transl. C. Emerson. Minneapolis, MN : Univ. of Minnesota Press. 1984.
3. Bakhtin M. Speech genres and other late essays / eds.: C. Emerson, M. Holquist ; transl. V.W. McGee. Austin, TX : Univ. of Texas Press. 1986.
4. Bakhtin M. Art and Answerability: Early philosophical essays by M.M. Bakhtin / eds. M. Holquist, V. Liapunov ; transl. V. Liapunov. Austin, TX : Univ. of Texas Press. 1990.
5. Bakhtin M. Toward a philosophy of the act. / eds. V. Liapunov, M. Holquist ; transl. V. Liapunov. Austin, TX : Univ. of Texas Press. 1993.
6. Fifield A. A (very) short history of Japan's war apologies // Washington Post. 2015. August 13. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/08/12/a-very-short-history-of-japans-war-apologies/>
7. Holquist M. Introduction: The architectonics of answerability // M. Bakhtin. Art and Answerability: Early philosophical essays by M.M. Bakhtin / eds. M. Holquist, V. Liapunov ; transl. V. Liapunov. Austin, TX : Univ. of Texas Press, 1990. P. IX–XLIX.
8. Jefferson G. Glossary of transcript symbols with an introduction // Conversation Analysis: Studies from the First Generation / ed. G.H. Lerner. Amsterdam : John Benjamins. 2004. P. 13–31.
9. Matsuo C. Heteroglossia and chronotope in dialogic pedagogy and as dialogical analytic framework components for interpreting EFL/ELF classroom discourse // Central Research Institute of Fukuoka University. 2019. № 18. P. 51–76.
10. Nielsen G. Bakhtin and Habermas: Towards a transcultural ethics // Theory and Society. 1995. № 24(6) P. 803–835.
11. Sullivan P. Qualitative data analysis: Using a dialogical approach. Los Angeles, CA : Sage Publications, Inc. 2012.
12. Tulchinsky G.L. Action, responsibility and self-awareness: The self as a narration of non-alibi in being. Paper presented at the XVII International Bakhtin Conference, Saransk, Russian Federation. 2021, July.
13. Voloshinov V. Marxism and the philosophy of language / transl. L. Matejka, I.R. Titunik. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press. 1986.

УДК 372.881.111.1

Mello Layssa Gabriela Almeida e Silva
Federal University of Goiás
(Goiânia, Brazil)
layssagabriela@ufg.br

DIALOGICAL AND COLLABORATIVE PRACTICES AT A BRAZILIAN PUBLIC SCHOOL: INVESTIGATING THE PROCESS OF READING AND WRITING LITERARY TEXTS IN ENGLISH

Abstract. This study aims to identify and discuss the elements that contribute to reading comprehension and writing production of literary texts in English, from dialogical and collaborative practices. It is based on the studies of Bakhtin to discuss the dialogic essence of language and the formation of the dialogic subject; on Vygotsky and Figueiredo to discuss the sociocultur-

al theory and collaborative learning; and on Lazar, Kramer and Szundy to address the use of literary texts to promote education as a responsible response.

Keywords: linguistic education, literature, English, collaboration, dialogical practices, basic education.

Мелло Лайсса Габриэла Алмейда э Сильва
Федеральный университет Гояса
(Гояния, Бразилия)
layssagabriela@ufg.br

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ И СОВМЕСТНЫЕ ПРАКТИКИ В БРАЗИЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШКОЛЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА ЧТЕНИЯ И НАПИСАНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Это исследование направлено на выявление и обсуждение элементов, которые способствуют пониманию прочитанного и написанию литературных текстов на английском языке на основе диалогов и совместных практик. Оно основано на исследованиях Бахтина, посвященных диалогической сущности языка и формированию диалогического субъекта; Выготского и Фигейредо, позволяющих обсудить социокультурную теорию и совместное обучение; а также Лазара, Крамера и Шунды, в которых рассмотрено ответственное использование литературных текстов в образовательном процессе.

Ключевые слова: лингвистическое образование, литература, английский язык, сотрудничество, диалогические практики, начальное образование.

This study presents the partial results of my doctorate research developed in a Brazilian public school with a group of 8th grade students, between the months of September and December 2019. The questions that guide this study can be presented as follows: 1) What are the dialogic and intercultural relations triggered from the reading, discussion and written production of literary texts? 2) How are the students' worldviews, whose are unique and socio-historically situated subjects, represented in their written productions in English language? 3) How do collaborative practices assist in reading, discussing and writing literary texts in English Language?

The poem "to hate is an easy lazy thing" [Kaur, 2017] was selected to reflect upon the importance of respecting everyone; the fable "The lion and the four bulls", by Esop, was selected to reflect upon the importance of unity and group work; the book "Kode's Quest(ion): a story of respect" [Vermette, 2014] was selected to reflect upon the importance of respecting others and to present the students "The Seven Teachings", that are the guiding principles of many Aboriginal groups; and the song "Blowing in the wind", by Bob Dylan, was selected to reflect upon the possibility of a song be considered a literary text and some social and political issues related to Vietnam War.

All the literary texts were selected taking into account the criteria of linguistic level, that is, texts that were appropriate to the students' level; texts that would allow the discussion and reflection of current themes; and, extension, texts that were not very extensive and that could be read and produced in classroom.

The research has the following data collection instruments: an initial questionnaire to recognize students' profile as well as outline the experience they al-

ready have with literary texts; lesson plans; activities for understanding and discussing literary texts in English language carried out by students; literary texts produced by them in a collaborative way; a field diary to register the classes, students' participation and research progress; and a final questionnaire so they can expose the feasibility (or not) of understanding, discussing and producing literary texts in a collaborative way.

This study seeks to deep and improve English language teaching and learning practices through literary texts. It has, as a central feature, the proposal to help learners in their linguistic, communicative and intercultural development in English language in a way that they no longer occupy only the position of readers, but that they also become authors of their own texts.

According to Bakhtin, dialogic is "a relation of meaning that is established between statements in verbal communication. Any two statements, if juxtaposed in the sense plane (not as an object or linguistic example), will form a dialogical relationship" [Bakhtin, 1997, p. 345–346]. The dialogical principle "is revealed through the production and understanding of meanings, which are impregnated with singularities, always affected and altered by the relationships built between the self (the speaker) and the other (the receiver)" [Figueredo, 2012, p. 70]. In turn, collaborative practices should be promoted in the classroom, as they do not help "only less experienced students: they also lead more experienced students to discover new ways of learning" [Figueiredo, 2006, p. 17].

The proposal to combine dialogical and collaborative practices is possible, considering that both of them emphasizes "culture, language and the role of the 'other' in the formation of the individual inserted in the previous elements" [Figueredo, 2007, p. 91]. By its turn, to promote education as a responsible response [Kramer, 2013; Szundy, 2014] means to consider the student as a priority and promote ways for them to construct knowledge and project their voices.

The data revealed that the dialogic and collaborative activities enabled students to learn new words, test hypothesis about the language they are learning, reflect and discuss some current themes connected to their reality and reveal their creativity while creating and illustrating their own literary texts.

The contributions of this study extend to foreign language teachers who seek to promote activities grounded on literary texts so as to enable a critical-reflective positioning of learners and not only a grammatical knowledge of the language.

References

1. Bakhtin M. *Estética da criação verbal* / trad. Maria Ermantina Galvão G. Pereira. 2ª. São Paulo : Martins Fontes, 1997. 415 p.
2. Bakhtin M. (V.N. Volochínov). *Marxismo e Filosofia da Linguagem* / trad. Michel Lahud, Yara Frateschi Vieira. 13ª ed. São Paulo : Hucitec, 2009. 197 p.
3. Figueiredo F.J.Q. de. *A aprendizagem colaborativa de línguas: considerações conceituais e aplicações em distintos contextos* // *A aprendizagem colaborativa de línguas* / org. Figueiredo F.J.Q. de. 2ª ed. Goiânia : Editora UFG, 2018. P. 13–58.
4. Figueredo C.J. *Construindo pontes: a produção oral dialógica dos participantes do processo ensino-aprendizagem de inglês como língua-cultura estrangeira*. 2007. 300 f. Tese

(Doutorado em Letras). Programa de Pós-Graduação em Letras e Linguística. Goiânia : Universidade Federal de Goiás, 2007.

5. Kaur R. The sun and her flowers. Kansas : Andrews McMeel, 2017. 256 p.

6. Kramer S. A educação como resposta responsável: apontamentos do outro como prioridade // Freitas, Maria Teresa. Educação, arte e vida em Bakhtin. Belo Horizonte : Autêntica Editora, 2013. P. 29–46.

7. Lazar G. Literature and Language Teaching: a guide for teachers and trainers. Cambridge : Cambridge Univ. press, 2004. 267 p.

8. Vermette K. Kode's Quest(ion): a story of respect / Illustrated by I. Kuziw. Winnipeg, Canada : Highwater Press, 2014. 24 p.

9. Vygotsky L.S. The genesis of higher mental functions // The concept of activity in Soviet Psychology / ed. Wertsch. N.Y. : M.E. Sharp, 1981. P. 144–188.

10. Vygotsky L.S. Pensamento e linguagem. São Paulo : Martins Fontes, 1993. 216 p.

11. Vygotsky L.S. A formação social da mente. São Paulo : Martins Fontes, 1998. 224 p.

УДК 378

Miyazaki Kiyotaka
Waseda University
(Tokorozawa, Japan)
miyasan@waseda.jp

TEACHERS AS THE LISTENER TO STUDENTS' QUESTIONS

Abstract. This paper argues that the school lesson becomes dialogic when the teacher can listen to students' questions. To do so, we need to re-examine the nature of the question and the answer. Contrary to the common view, Bakhtin argued that new question emerges in the answer of the previous question because the answer is not the logical consequence of the question in the dialogue. Some Japanese educational practitioners have developed the similar view. According to their view, the teacher has to listen to the newly emerging question in the student's answer to be the listener of students.

Keywords: Dialogic pedagogy, Japanese teaching practice, teacher – student, question – answer.

Миядзаки Киётака
Университет Васэда
(Токио, Япония)
miyasan@waseda.jp

УЧИТЕЛЯ КАК СЛУШАТЕЛИ ВОПРОСОВ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В этой статье утверждается, что школьный урок становится диалогическим, когда учитель может выслушивать вопросы учеников. Для этого нам нужно еще раз изучить природу вопроса и ответа. Вопреки распространенному мнению, Бахтин утверждал, что новый вопрос возникает в ответе на предыдущий, потому что ответ не является логическим следствием вопроса в диалоге. Некоторые японские специалисты в области образования придерживаются аналогичной точки зрения. По их мнению, учитель должен прислушиваться к вновь возникающему вопросу в ответе ученика, чтобы быть слушателем учеников.

Ключевые слова: диалогическая педагогика, практика преподавания японского языка, учитель – ученик, вопрос – ответ.

Bakhtin's view on the question and the answer

This paper argues that the school lesson becomes dialogic when the teacher can listen to students' questions. To do so however, we need to re-examine the nature of the question and the answer. In the common view represented by the theories of argumentation [van Eemeren, Garssen, Krabbe, Henkemans, Verheij, & Wagemans, 2014; Schwartz, Michael, Baker, 2017; Walton, 2006], the questioner and the answerer must have the same question, and questioning ends when the answer is given. Not so for Bakhtin and some Japanese educational practitioners [Miyazaki, 2017]. For them, the answer is not the logical consequence of the question and the new question emerges in the answer of the previous question. The teacher has to listen to the newly emergent question in the student's answer. In the following, I will examine Bakhtin's view on the question and the answer first, and turn to the Japanese educational practitioners' view.

Bakhtin wrote on the question and the answer as follows. Questions and answers are not logical relations (categories); they cannot be placed in one consciousness (unified and closed in itself); any response gives rise to a new question. Question and answer presuppose mutual outsidedness. If an answer does not give rise to a new question from itself, it falls out of the dialogue and enters systemic cognition, which is essentially impersonal [Bakhtin, 1986, p.168].

What does it mean that questions and answers are not in the logical relations? When the answer connects logically to the question, whether the answer to the question is correct or not is determined logically. The questioner and the answerer are in the same, logical, systemic cognition so that they share the criterion of the correctness in principal at least. They are not in the dialogic but in the monologic relation.

When they are not in the logical relation, the answer deviates from what the question requires logically. The answer is no longer classified as correct or wrong. The questioner and the answerer are not in the unified consciousness. The answerer understands the question differently from the questioner's intention. New question arises in the answerer even if the answerer's new question is about the same "problematic situation [Dewey, 1951] to the questioner's. In the paragraph next to the above citation, Bakhtin suggested that the questioner and the answerer have the different questions because their chronotopes are different.

A Japanese educational practitioners' view

Some Japanese educational practitioners have developed the view on the question and answer similar to Bakhtin's in their educational practices. Here, a retired ex-elementary school principal Yukio Tsukamoto's view is introduced. Tsukamoto [2014] focuses on the relationship between the teacher's question and the student's answer. Similar to Bakhtin, Tsukamoto thinks that there are oftentimes the discrepancies between the teacher's question and the student's answer, in particular when the student's answer is "wrong" for the teacher's intended question. Tsukamoto wrote as follows.

Teacher's asked question has its expected answer. However, the asked question is possibly polysemous and can imply various other questions. A child interprets teacher's asked question, chooses one among many possible implied questions as her/his own, and answers to it. Sometimes, child's chosen question is dif-

ferent from the teacher's intended one. In that case, the answer of the child is off the intended answer of the teacher, and it is thought wrong by the teacher. [Tsukamoto, 2014, p. 25].

The student is not aware of the fact that she/he has a question different from the teacher's in most cases so that the student's question is hidden in her/his answer. Still, the student's hidden question is the result of the student's understanding of the teacher's original question and it is new and unique.

Example from the misconception of physics

Though I had already analyzed several class examples about the discrepancy between the teacher's question and the student's answers from the literature class and science class [Miyazaki, 2019; 2020], I will take the example from the research of the misconception of physics [Clement, 1981; McClosky, 1983]. The question is: Imagine you toss the coin straight up. Coin is still moving upward. Which force(s) is/are acting on the coin? Correct answer is the one in which only a downward force, or the gravity, acts on the coin. However, people often think incorrectly that there is one more force, the upward one acting on the coin at the same time. In short, these people do not understand the law of inertia though they must have learnt it in schools.

The point is that this "error" is reasonable and comprehensible. The law of inertia presupposes the ideal world in which there is no friction nor resistance at all. In the real world in which there are resistances and frictions, a uniform motion cannot continue without keeping force working on the object. In other word, when one asks the question what force is working on the coin moving upward, there is the implicit presupposition that the world in which this event occurs is the ideal world. So, for these people who answered wrongly that upward force also works, the question is understood as: Which force are acting on the coin in the real world in which there are many frictions and resistances? To this question, their answer is reasonable if not correct.

People's uniqueness as the cause of the discrepancy

Bakhtin suggested that the discrepancy between the question and the answer occurs because chronotopes of the questioner and the answerer are different. This view can be elaborated by using Gadamer's concept of "horizon of the question" [Gadamer, 1975]. Gadamer argued that asking a question means to bring into the open and the openness of a question is limited by the horizon of the question. In short, the horizon of the question is the known knowledge surrounding the unknown or the openness. The known knowledge relating to the unknown determine the sense of the question and the direction of exploring the answer. As any two persons are unique with their own unique experience, they have the different knowledges surrounding the unknown. So they have different questions, that is, questions with different senses and directions even if two have the same unknown. The discrepancy emerges consequently, in every cases in principal.

How about the case of the coin toss? For the people who answered correctly that only the down force works, the question should have been understood on the horizon that the event happens in the special world in which there is no friction nor resistance. On the contrary, for the people who answered wrongly that upward

force also works, the question should have been understood on the horizon that the event happens in the ordinary world in which there are frictions and resistances. Both parties understand differently the world surrounding the unknown, or "what force acts on the coin" so that they have the different questions.

Teacher as the dialogic being

People's uniqueness of their knowledge and experience is the basis for the class lesson to be dialogic. When people with different knowledge background encounter in the lesson, the discrepancy of questions emerge. In other words, the new directions of exploring the topic emerge. Once after people get noticed the discrepancy, they can get notice of the uniqueness of their own question and can explore their own question. They can also know the direction of exploration different from their own, and be influenced by others' question. Both process will make possible to create rich understanding on the world in people based on their own knowledge/experience.

The teacher's listening to the student's question is indispensable to activate the process described above, because it is not easy for the student to get notice of her/his unique question hidden in her/his answer to the teacher's question. Here comes the teacher's turn. Teacher's way of listening of the student's response determines if the class becomes dialogic or monologic. When the student's apparently wrong response is taken for the teacher as the wrong answer, the class will be monologic in which only the teacher's question dominates and the student's one is suppressed. On the other hand, when the teacher can identify the student's unique question, students and the teacher can share the question and explore collaboratively the question. The class becomes dialogic.

By discovering the student's unique question, the teacher learn from the student about the new direction of exploring the learning material which is new and different from the teacher's. In this sense, the teacher is the learner who learn about the learning material with the equal right vis-à-vis the truth of the learning material to the student [Bakhtin, 1984]. The teacher who can listen to the students' question is the dialogic being in Bakhtin's sense.

References

1. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics / ed. and transl. by C. Emerson. Minneapolis, MN : Univ. of Minnesota Press. 1984.
2. Bakhtin M.M. Speech genres and other late essays / ed. by C. Emerson, M. Holoquist ; transl. by V.W. McGee, TX : Univ. of Texas Press. 1986.
3. Clement J. Students' preconceptions in introductory mechanics // American Journal of physics. 1981. Vol. 50(1). P. 66–70.
4. Dewey J. Logic: The theory of inquiry. Henry Holt and Co. 1950.
5. Gadamer H.G. Truth and method / transl. by J. Weinsheimer, D.G. Marshall. L. : Continuum. 1975.
6. McCloskey M. Intuitive physics // Scientific American. 1983. Vol. 248. P.120–130
7. Miyazaki K. Questioning as the key for the dialogue to develop: Bahktin encountering with Gadamer. Paper presented at the 16th International Bakhtin Conference, Shanghai, China. 2017.
8. Miyazaki K. Dialogic lessons and triadic relationship among pupils, learning topic, and teacher // Dialogic Pedagogy : An International Online Journal. 2019. Vol. 7. P. 58–87.

9. Miyazaki K. How dialogic teachers create the dialogic classroom: Lessons from Japanese teachers // The Routledge International Handbook of Research on Dialogic Education / eds.: N. Mercer, R. Wegerif, L. Major. Abbingdon, Oxon : Routledge. 2020. 687 p. Chap. 16: p. 227–237.

10. Schwarz B.B., Michael J., Baker M.J. Dialogue, argumentation, and education: history, theory, and practice. Cambridge University Press. 2017.

11. Tsukamoto Y. Kodomo wa kyoushi no "hatsumon" towa kotonaru "toi" wo motsu. [Children have different questions from "teacher posed question"]. Chiba-Keisai-Daigaku-Tanki-Daigaku-bu Kiyo [the Proceedings of Chiba Keizai College], 2014. Vol. 10. P. 25–37.

12. Eemeren F.H. van, Garseen B., Krabbe E.C.W., Henkemans A. F. S., Verheji B., Wagemans, J.H.M. Handbook of argumentation theory, Dordrecht : Springer. 2014.

13. Walton D. Fundamentals of Critical Argumentation. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 2006.

81'42:37Бахтин

Nishimoto Yuichi
Kyoto University of Education
(Kyoto, Japan)
yuitsu@kyokyo-u.ac.jp

PEDAGOGICALLY-MOTIVATED ARCHITECTONIC OF CHRONOTOPE: PEREZHVIVANIE, MIMESIS, AND CONATUS

Abstract: The paper discusses how pedagogical chronotope is organized and constructed in the reality of education. The worldwide education absolutely requires a new paradigm because contemporary education is attempting to reform itself only by promoting standardization approaches (e.g. 21st century generic skills, OECD's key competencies). This trend forces scholars and practitioners to regard education as a prescription for various problems and challenges in the globalizing world. They become to think that education should serve to solve those problems and challenges in the world (e.g. Education 2030) and after all they degrade education to a lower position than economic and political positions. They are obsessed with an idea that education is a means of fulfilling something.

Keywords: M.M. Bakhtin, L.S. Vygotsky, chronotope, education, pedagogy, experience, mimesis, conatus.

Нисимото Юичи
Киотский университет
(Киото, Япония)
yuitsu@kyokyo-u.ac.jp

ПЕДАГОГИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННАЯ АРХИТЕКТОНИКА ХРОНОТОПА: ПЕРЕЖИВАНИЕ, МИМЕСИС И КОНАТУС

Аннотация. В статье рассматривается организация и конструирование педагогического хронотопа в реальности образования. Мировое образование требует абсолютно новой парадигмы, поскольку современное образование пытается реформировать себя лишь путем продвижения подходов к стандартизации (например, общих навыков XXI в., ключевых компетенций ОЭСР – Организации экономического сотрудничества и развития). Эта тенденция заставляет ученых и практиков рассматривать образование как рецепт решения различных проблем и вызовов в глобализирующемся мире. Они приходят к выводу, что образование должно служить для решения этих проблем и задач в мире (напри-

мер, «Образование 2030» – Рамочная программа действий в области образования на период до 2030 г., принятая в ноябре 2015 г.) и, в конце концов, они снижают значимость образования в сравнении с экономикой и политикой. Они одержимы идеей, что образование – это лишь средство для достижения чего-либо.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, хронотоп, образование, педагогика, переживание, мимесис, конатус.

Every entry into the sphere of meanings is accomplished only through the gates of the chronotope [Bakhtin, 1981, p. 258].

...the re-creation of a spatially and temporally adequate world able to provide a new chronotope for a new, whole and harmonious man, and for new forms of human communication [Bakhtin, 1981, p. 168].

A counter-tide for an alternative vision of education is meaning-centered education, where students and teachers engage in open meaning-making processes and self-organizing educational practices [Kovbasyuk, Blessinger, 2013]. As quoted in the prologue, meaning-centered education needs a chronotope. Although Bakhtin's concept of chronotope refers to the interwoven design of time-space in literary works, the author argues that chronotope in the realm of education should be supersized and shed light on epistemology, theory of act, and ontology. Holquist [2010] stresses that the chronotope is epistemological in nature. Steinby [2013] argues that the chronotope is rather an ethical and axiological category, which means the different possibilities of human action in a concrete situation. Furthermore, Stetsenko [2017] quotes Ukhtomsky:

from the point of view of chronotope, *what exists* is not some abstracted points [in time], but alive and indelible, irrevocable from existence events [со-бытия in Russian, literally co-beings, or co-existences], ... not abstract lines in space but "this-worldly" lines by which the events of the distant past are connected to the events of the given moment and through them, to the events of the disappearing in the distance future. (p. 188–189)

According to Stetsenko, chronotope concerns both theory of act and ontology in the sense that "life (or being), as chronotope, is coterminous and coextensive with human agentive actions/deeds at the intersection of collective and individual agency entailing an integration of past and ongoing actions with yet-to-be-accomplished ones" [Stetsenko, 2017, p. 189]. The orchestration of the above-mentioned prior research makes timbre of chronotope epistemological, agentive, and ontological.

The author, as a Bakhtinian and Vygotskian pedagogist, proposes three significant terms, namely, perezhivanie, mimesis, and conatus, which emerges out of epistemology, theory of act, and ontology respectively in the pedagogical chronotope.

In concrete settings of meaning-centered education, the significance of perezhivanie cannot be too emphasized. According to Vygotsky, perezhivanie is a process which integrates the relation of person and environment. "The emotional experience (perezhivanie) arising from any situation or from any aspect of his environment, determines what kind of influence this situation or this environment will have on the child" [Vygotsky, 1994, p. 339–340]. Perezhivanie can be an indi-

visible unity of personality. The author illustrates a metaphor of a coin. The top of a coin is assumed to be meaning (значение) and the back is considered to be sense (смысл), and the coin has a thickness (This thickness is important!). The very thickness can be *perezhivanie*. Meaning (значение) can be refracted and converted and crystalized into personalized sense (смысл) through *perezhivanie*. Thus, Vygotsky's terminology, *вращивание* is embodied in the process of *perezhivanie* as *a refracting prism*. The outer external meaning is transformed into the inner personalized sense and the sense in turn ingrows and eventually makes the microcosm of consciousness.

The process mentioned above is dynamic and even aesthetic from the point of view of mimesis. According to Ricoeur, "mimesis does not mean the duplication of reality; mimesis is not a copy; mimesis is poesis, that is construction, creation" [Robbins, 2003, p. 145]. What is created by mimesis is also personalized sense.

Perezhivanie and mimesis together inspire Spinoza's *conatus* (стремление) – power or effort toward self-preservation (Spinoza clearly stated in *Ethics*: "*Affectus, qui passio est, desinit esse passio simulatque eius claram et distinctam formamus ideam*". Emotion, which is suffering, ceases to be suffering as soon as we form a clear and precise picture of it.).

There is a strong and profound *conatus* principle. Dahlbeck (2017) explains: "the *conatus* principle entails that all finite modes strive to increase their power to exist and in doing so to secure a greater part of the overall power of substance. ...Remember that for Spinoza, to exist is to be explainable. The striving to persevere in being is therefore a striving to become more self-determined, more self-explained and more real" [Dahlbeck, 2017, p. 10–11].

A fundamental basis of pedagogy (education) can be this self-recognized *conatus* which is inspired by a mimetic dialogism between a student and a teacher. The author argues that an architectonic (*perezhivanie*–mimesis–*conatus*) of *chronotope* can make a significant contribution to meaning-centered education.

References

1. Bakhtin M.M. *The Dialogic Imagination* / transl. by C. Emerson, M. Holquist. Univ. of Texas Press, 1981.
2. Dahlbeck J. *Spinoza and Education: Freedom, Understanding and Empowerment*. Routledge, 2017.
3. Holquist M. *The Fugue of Chronotope // Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives* / eds.: N. Bemong [et al.]. Academia Press, 2010.
4. Kovbasyuk O., Blessinger P. *Meaning-centered Education: International Perspectives and Explorations in Higher Education*. Routledge, 2013.
5. Robbins D. *Vygotsky's and A.A. Leontiev's Semiotics and Psycholinguistics: Applications for Education, Second Language Acquisition, and Theories of Language*. Praeger, 2003.
6. Steinby L. *Bakhtin's Concept of the Chronotope: The Viewpoint of an Acting Subject // Bakhtin and His Others: (Inter)subjectivity, Chronotope, Dialogism* / eds.: L. Steinby, T. Klapuri. Anthem Press, 2013.
7. Stetsenko A. *The Transformative Mind: Expanding Vygotsky's Approach to Development and Education*. Cambridge Univ. Press, 2017.
8. Vygotsky L.S. *The Problem of the Environment // The Vygotsky Reader* / eds.: R. Van der Veer, J. Valsiner. Blackwell, 1994.

KINDERGARTEN TEACHER AS THE COLLABORATIVE CREATOR OF CHILDREN'S IMAGINATIVE WORLD

Abstract. This paper examines how the teacher produces the imaginative world collaboratively with children in early childhood education. The results in the art activities suggested that the teacher's listening to the possibilities in children's imaginative world is important. As the teacher is authentically interested in children's imaginative world, she/he can share and explore it with children, and find out what children can do to develop it. And teacher's proposals based on such a listening will provide cues for children to develop further their imaginative world.

Keywords: early childhood education and care, kindergarten teacher being, children's development, imaginative world, art and play.

ВОСПИТАТЕЛЬ ДЕТСКОГО САДА КАК СО-ТВОРЕЦ ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСКОГО МИРА

Аннотация. В статье рассматривается создание учителем воображаемого мира вместе с детьми в процессе дошкольного образования. Результаты художественной деятельности показали, насколько важным является изучение учителем возможностей творческого мира детей. Поскольку учитель искренне интересуется творческим миром детей, он/она может разделять его и исследовать вместе с детьми, а также узнавать, что дети могут сделать для его развития. Предложения учителя, основанные на таком изучении, помогут детям в дальнейшем развитии своего воображаемого мира.

Ключевые слова: дошкольное образование и уход, воспитатель детского сада, детское развитие, образный мир, искусство и игра.

"Proactive, interactive, and authentic learning" are the official goals of the Japanese education in these days and play is thought to be the key in the early childhood education and care [Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology, 2017]. Popular view is the free play centered education, in which the teacher's intervention should be minimum not to hinder the spontaneous development of children's play. Playworlds research group [Marjon, 2011], of which the author is its member, proposes the opposing view, in which the teacher's active participation helps children's play. Playworlds research group's central idea is that children's imaginative play activities and art activities facilitate children's development. In these activities, children explore, construct and live in the imaginative world. The teacher's participation into these activities is the key to develop children's imaginative activities.

In this paper, I focus on the teacher's way of being in the playworlds project. Miyazaki [2019] proposed that children, the teacher, and the curriculum content

form the triadic relationship. In the dialogic classroom, the teacher not only organizes the lesson from the outside but also enters into the triadic relation. In particular, the teacher engages/learns with the curriculum content authentically as children do, and becomes the participant of the dialogue with children as the one who has the equal right vis-à-vis the truth of the curriculum [Bakhtin, 1984].

In the case of playworlds practices, children explore and construct imaginative worlds, including "the world of pretend play", "the world of picture books", and "the world of artwork". For the teacher, assisting from the outside of the relationship between the children and the imaginative world is not enough. It is necessary for the teacher her/himself to engage with the imaginative world authentically, exploring what is interesting in it for the teacher her/himself and questioning what is important in the imaginative world not only for children but also for the teacher her/himself.

Based on the above, the following is the research question in this paper.

How does the teacher produce the imaginative world collaboratively with children in the early childhood education?

Method

Data was taken in one Japanese kindergarten which is the member of Playworlds Research group and is developing their unique curriculum under the title of Hakken to Boken, or the Discovery and Adventure [Saki, Miyazaki, 2015]. Its curriculum has two pillars: the imaginative play activities and art activities. It sets the theme of the year annually, and each class, particularly the eldest, is developing its unique imaginative play throughout the year. The art activities are embedded in the imaginative play activities and two main activities: Summer art workshop with the invited artist and the art class of "Kaite Tsukutte" or "Drawing and Constructing" in the autumn. In this paper, two cases from the Summer art workshop of 2018 and 2020 were picked up. In the Result 1 below, one episode was observed and analyzed from the 2018 workshop invited modeling artist, in which children constructed "Insects of Hearts" with clay individually. In the Result 2, the episode was from the 2020 workshop in which children construct collaboratively the scenery surrounding the pyramid and the Nile. Invited was the woodblock print artist so children printed many motives and put them on the large paper.

Result and discussion 1: The teacher experience the imaginative world with children

In 2018 workshop, children thought their theme of artwork first and temporarily decided their title. After that children drew on paper, then they made and colored three-dimensional clay modeling. As the artwork progressed, the meaning of those became richer, and many children changed the title in the middle. Analyzed episode was taken in one class on the first day in which one girl (C1) was thinking about the title of her artwork with the teacher. C1 temporarily decided her title "Umanoobachi (Bee with a long ovipositor) that is happy to beat the Asian giant hornet" and made artwork with very long ovipositor. The teacher (T1) came and was quite interested in C1's artwork.

T1: Why ?

C1 did not respond immediately. T1 looked really interested in C1's artwork, especially the part of very long ovipositor. So T1 rephrased her question, this time making her question more concrete. C1 answered, though not audible to the observer.

T1: It's really interesting ! Let's think about some reason! Why did this bee want to have such a long ovipositor?

C1: (Though inaudible, apparently answered to T1.)

C1's answer was really interesting to T1. T1 repeated the answer to C1, showing that she understood C1's intention very well.

T1: This bee wanted to make friends! I understand, his (this bee's) feelings. Yes, yes, we're happy to make many friends.

C1's answer was really interesting and understandable for T1. So, T1 noticed that C1's title was not enough to show C1's understanding of the bee, and there are other possibilities for the title to show C1's understanding more fully. So, T1 proposed to change the title, and C1 agreed.

T1: How do you think about title? Other than 'Happy because he (the bee) beat'. Hmm... You can change the title.

C1 nodded in agreement.

T1: Then, let's make 'such a happy Umanoobachi(Horse-tail Bee)' the title.

C1 gave her a big nod in agreement.

In the end, C1 and T1 titled "Happy feeling insect that prayed to God for its ovipositor to be longer to make many friends and realized it".

In this episode, the teacher found the girl's artwork really interesting. She asked the girl's reason of her artwork, to know the girl's imaginative world behind the artwork and its title. The girl's reason was fascinating for the teacher, which, it seems, made possible for the teacher to enter into and share the girl's imaginative world. As the teacher shared the imaginative world with the girl, the teacher explored the shared imaginative world, and felt the many possibilities of the bee the girl produced. The teacher felt the girl's title did not show the richness of the girl's imaginative world around the bee, so proposed the new title. The fact that the girl agreed to adopt the teacher's proposal showed that the teacher could enter into the girl's imaginative world successfully.

Result and discussion 2: The teacher's apparently one-sided proposal

The second episode was taken in the summer workshop of 2020, in which children produced the scenery around the pyramid collaboratively. The observed group were making the scenery of the Nile river. Children made small items like fishes and animals with printing technique, cut styrofoam and painted them on the large paper as the Nile river. There come the teacher (T2), proposed to change the form of the paper as the river to a bent one.

T2: This is the Nile river, isn't it? Is the Nile river straight?

A few children answered while thinking.

Children: No.

Children: Winding.

T2: I try to cut it!

T2 started cutting the paper into a bent shape.

Many children were watching the teacher's act. Some children insisted their thought.

A child: Don't cut that part! There is a crocodile I drew!

T2 avoided that part and cut the paper into a bent shape.

At first glance, T2 changed the form of the river without children's permission and forced it to children. It was, however, T2's action to children to think of

the Nile itself more. Children learned and explored many things about Pyramid and the Nile in their classroom activities before the art workshop. So, they must have known its bending form. But here in the art workshop, they focused only on putting small items on the river and missed making the river more river-like, trying to make the meaning of the whole artwork clearer.

Conclusion

This paper examined how the teacher produces the imaginative world collaboratively with children in the early childhood education. The analysis of the episodes in the art activities suggested that the teacher's listening to the possibilities in children's imaginative world is important. As the teacher is authentically interested in children's imaginative world, she can find out what children can do to develop their imaginative world. Proposals the teacher gave to children based on such a listening would provide cues for children to develop further their imaginative world.

References

1. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics / ed. and transl. by C. Emerson. Minneapolis, MN : Univ. of Minnesota Press, 1984.
2. Marjanovic-Shane A. [et al.]. Playworlds – An art of development // University Press of America. 2011. Vol. 11. P. 3–32.
3. Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology. Heisei 29 nen kokuji Shougakkou gakushu shidou youryou [Government notification at 2017, The Elementary school national curriculum standard], Chapter 1 General Provisions. 2017. URL: https://www.mext.go.jp/content/20201008-mxt_kyoiku02-000005241_1.pdf (September 1, 2021). (In Japanese).
4. Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology. Heisei 29 nen kokuji Youchien kyouiku youryou [Government notification at 2017, Course of study for Kindergarten]. 2017. (In Japanese).
5. Miyazaki K. Dialogic Lessons and Triadic Relationship Among Pupils, Learning Topic, and Teacher // Dialogic Pedagogy: An International Online Journal. 2019. Vol. 7. P. 58–87.
6. Miyazaki K. How dialogic teachers create the dialogic classroom: Lessons from Japanese teachers // The Routledge International Handbook of Research on Dialogic Education / eds.: N. Mercer, R. Wegerif, L. Major. Abingdon, Oxon : Routledge. 2019. P. 227–237.
7. Saki M., Miyazaki K. (eds). Hakken to Boken: Art to kyoudou suru hoiku no tankyu [Discovery and adventure: The exploration of early childhood education and care in collaboration with art]. Tokyo : Soseisha, 2015. (In Japanese).

УДК 37.013(520)

Satake Takaaki
Hokkaido University
(Sapporo, Japan)

takaaki.satake.2818@gmail.com

TEACHER'S LEARNING TO BE DIALOGIC: A SIMULATED LESSON IN THE "NOVELISTIC PEDAGOGY"

Abstract. This paper analyzes the Japanese dialogic elementary teacher's lesson-study, in particular simulated lesson developed by "novelistic pedagogy". Results showed, first, that the discussion in the simulated lesson developed through participants' discovery of new questions. Secondly, the simulated lesson can be an opportunity for participants to deepen their understand-

ing of the teaching material. Third, the results suggest that participants can make their own pedagogical views explicit and though it, they can reexamine their way of being as teachers.

Keywords: dialogic pedagogy, Japanese teaching practice, simulated lesson, inquiry into the teaching material, professional development.

Сатакэ Такааки
Университет Хоккайдо
(Саппоро, Япония)
takaaki.satake.2818@gmail.com

УЧИТЕЛЬ УЧИТСЯ БЫТЬ ДИАЛОГИЧНЫМ: МОДЕЛЬ УРОКА ПО ТЕМЕ «РОМАНИСТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА»

Аннотация. В статье анализируется японский диалоговый урок-исследование для учителей начальных классов, в частности смоделированный урок, разработанный с помощью «новеллистической педагогики». Результаты показали, что, во-первых, дискуссия на смоделированном уроке развивается благодаря тому, что участники открывают для себя новые вопросы. Во-вторых, имитация урока может стать для участников возможностью углубить понимание учебного материала. В-третьих, результаты показывают, что участники могут явно выразить свои собственные педагогические взгляды и, таким образом, пересмотреть свой образ жизни как учителя.

Ключевые слова: диалогическая педагогика, практика преподавания в Японии, моделируемый урок, исследование учебного материала, профессиональное развитие.

Introduction. Lewis argued that lesson study is conducted in a cycle of studying, planning, teaching and reflecting [Lewis, 2019]. Studying involves researching the teaching materials to be used in the class. Planning involves lesson planning for the lesson. Teaching is the lesson. Reflecting is to reflect on the lesson. In general, the simulation lessons are supposed to belong to planning phase. In the simulated lesson as the part of the planning, the flow and the endpoint of the lesson are set in advance. Its purpose is to refine the lesson plan for the actual classroom lesson. As the teacher one-sidedly decides the flow and the endpoint of the lesson, this type of the simulated lesson monologic [Matusov, 2009].

On the other hand, Yukio Tsukamoto and his colleagues, who advocate a dialogic pedagogy of teaching called "novelistic pedagogy," have developed a "dialogic" simulated lesson, whose purpose is to make participants inquire into new meanings about the teaching materials [Tsukamoto, 2014]. According to Miyazaki, "novelistic pedagogy" focus on the triadic relations between students, teacher and the topic of the lesson [Miyazaki, 2019]. The teacher discovers questions that are new to him or her in the children's answers, and presents them to the class. In so doing, children will create a new understanding of the teaching material.

The concept of questions is the key in this view. Collingwood pointed out that there is a corresponding question behind every statement [Collingwood, 1978]. Gadamer also pointed out that these questions have a certain direction [Gadamer, 1975]. Based on their discussions, the novelistic pedagogy thinks that "question" does not only refer to the teacher's and the children's explicitly presented question, but also to the possibility of a specific inquiry about a certain subject hidden in the teacher's and children's speech.

Contrary to the common view on the simulated lesson in which the direction of the lesson is fixed, the flow and the endpoint of the lesson are always changing and new questions keep emerging from the participants in the simulated lesson based on the novelistic pedagogy. In this type of the simulated lesson, all the participants, either the teacher-role or student-role, have the equal rights vis-à-vis the flow of the lesson and collaboratively deepen each one's understanding of the teaching material. So, this type of the simulated lesson is dialogic.

In this study, we set up the following two research questions about the simulated lessons based on the novelistic pedagogy.

a, In the simulated lesson based on the novelistic pedagogy, how do the participant's inquiries progress?

b, What do teachers experience in this simulated lesson?

Method. Subject of the study is the Chiba Ibaraki pedagogy study group, organized by Yukio Tsukamoto and his colleagues. The group has been developing novelistic pedagogy collaboratively so the group share the ideal image on teaching image the teacher collaborate with the learners to inquire the subject matters. Data was taken at the group's workshops in 2020 and 2021. The workshop was held online through Zoom. All the workshop was videotaped using the Zoom's record function. Data was transcribed, and the participants' discourse was analyzed. Participants' comments on the lesson were also videotaped, transcribed and analyzed.

Result and discussion. Results showed, first, that the discussion developed through participants' discovery of new questions. In the simulated lesson, there was no clear distinction among participants between the teacher-role one and the others. All the participants exchanged their views on how they interpreted, some sentence in some cases, or whole the story in other cases. Their discussion focused not on whose interpretation is more appropriate to others on, for example, a sentence. Rather, they focused on what questions are there behind each one's interpretation. Following is the example taken in the 2020 December workshop. The teaching material was the story titled "My Good Points" from the first grader's textbook of the moral education, lasted 60 minutes.

F read aloud the sentence in the story: "My good point is that my hands are warm", the main protagonist's line. This is the target sentence in the following discussion.

B: F read aloud the sentence as if F means that the protagonist was convinced of her good point. But I don't think so.

C: In the next line, Tomo-chan (the protagonist's friend) says "Yes".

B: That's right. In the next, the text says, "everyone shakes my hand, and I am convinced that the good point about me is that my hands are warm.

C: Oh, I see.

D: What you have said suggested me that there is a question in the target sentence.

B's argument in this example is as follows. F read this part as if the protagonist was convinced of her good points. But B thought that the protagonist wasn't still convinced of her good points. B thought that interacting with the other kids in the class after this target sentence had a big impact on the protagonist to convince of herself. Here, the difference of the interpretation of the target sentence between

F and B interpretation became explicit. The difference of the interpretation of the target sentence stimulated C to find out in the target sentence the question; Was the protagonist convinced of her good points at the time of this sentence?

Starting from this exchange, the participants have been inquiring how the protagonist became convinced of her good points. It became clear that the generation of new questions from the difference of the participants' understanding is important for creative understanding in dialogue, as Bakhtin pointed out [Bakhtin, 1986]. In this simulated lesson, unlike in the monologic simulated lesson, the endpoint of the lesson would change depending on the progress of the pursuit in the class. In other words, it is a process of creatively updating one's understanding of the teaching material.

Result also showed on the participants' experiences in simulated lessons on the way to re-examine one's own understanding of teaching materials and one's view of teaching. In the 2020 December workshop, C described his experience in the simulated lessons that he can discover new possibilities in discussing about the material with other participants, like the unique features of Tomo-chan which are difficult to find out when we read it alone. In the 2021 July workshop, D said that the simulated lesson is an opportunity for the participants to update their understanding of the teaching material through the questions of other participants.

Both B and C said that the participants dialogically inquire into the values of the teaching materials in the simulated lesson. The discovery of new questions provides an opportunity for participants to make aware of their own existing understanding and to update one's own understanding. The renewal of understanding here means not only the acquisition of new understanding, but also the re-examination of existing understanding. Their comments imply the view of the teaching material that the value of teaching materials is not preset, but is generated through dialogue among the participants.

Also, in the 2021 July workshop, B said that the simulated lesson is an opportunity for the participants to practice of responding to children's statements in the actual lesson. In the same workshop, D said that the simulated lessons are conducted in preparation for the actual lesson, but the way how he inquired into the teaching material with the other participants in the simulated lesson was the same as the way he felt inquiring into the teaching material with the children in the actual lesson. They said that discovering the new questions in other participants' statement is a good way to train themselves to respond to children's statements in the actual lesson. Their comment implies that such experience enable participants to anticipate how the children participate dialogically in the actual lesson in which the participants work as the teachers.

The result in this research implies that the simulated lesson can be an opportunity for participants to deepen their understanding of the teaching materials. They cannot only enrich their understanding by knowing other ways of understanding from other participants. More importantly, they can make aware their own existing way of understanding explicitly. Secondly, the results suggest that participants can make their own pedagogical views explicitly and though it, they can reexamine their way of being as teachers.

References

1. Collingwood R.G. An autobiography. Oxford Univ. Press, 1978. 167 p.
2. Gadamer H.G. Truth and method / transl. by J. Weinsheimer, D.G. Marshall. L. : Continuum. 1975. 551 p.
3. Lewis C. [et al.]. How Does Lesson Study Work? Toward a Theory of Lesson Study Process and Impact // Theory and Practice of Lesson Study in Mathematics. N.Y. : Springer, 2019. P. 13–37.
4. Tsukamoto Y. Kodomo wa kyoushi no "hatsumon" towa kotonaru "toi" wo motsu. [Children have different questions from "teacher posed question"] // Chiba-Keisai-Daigaku-Tanki-Daigaku-bu Kiyo [the Proceedings of Chiba Keizai College]. 2014. Vol. 10. P. 25–37.
5. Miyazaki K. Dialogic Lessons and Triadic Relationship Among Pupils, Learning Topic, and Teacher // Dialogic Pedagogy. 2019. Vol.7. P. 58–88.
6. Voloshinov V.N., Bakhtin M.M. Marxism and the Philosophy of Language. Harvard Univ. Press, 1986. 205 p.

УДК 37.016:82

Обласова Татьяна Владимировна
Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)
tatianaoblasowa@yandex.ru

«ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА» В ШКОЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ: ЦЕЛИ, СОДЕРЖАНИЕ, МЕТОДЫ

Аннотация. Автор раскрывает продуктивность идей диалогической герменевтики М.М. Бахтина для обновления содержания литературного образования в школе. Показано, как опора на понятия *диалог*, *Другой*, *понимание* позволяет переакцентировать цели урока литературы с освоения школьниками теоретико- и историко-литературных знаний и аналитических умений на понимание мира Другого и самих себя. Предложен критерий отбора текстов и примерный список «диалогически ориентированных» произведений для включения в школьный курс.

Ключевые слова: бахтинская концепция диалога, понимание Другого, диалогически ориентированные художественные тексты, интертекстуальный анализ, ценностная позиция читателя.

Oblasova Tatyana V.
Tyumen State University
(Tyumen, Russia)
tatianaoblasowa@yandex.ru

"DIALOGIC METHODOLOGY" IN THE SCHOOL STUDY OF LITERATURE: PURPOSES, CONTENT, METHODS

Abstract. The author reveals the productivity of the ideas of dialogic hermeneutics of M. M. Bakhtin for updating the content of literary education in school. It is shown: the reliance on the concepts of dialogue, Other, understanding allows us to re focus the purposes of the literature lesson from the development of theoretical and historical-literary knowledge and analytical skills by schoolchildren to the understanding of the Other world and themselves. A texts selection criteria and an approximate list of "dialogic oriented" works are proposed for inclusion in the school course.

Keywords: Bakhtin's concept of dialogue, understanding of the Other, orientation of a literary text to a dialogue, intertextual analysis, value position of the reader.

Кризис чтения, трудности постижения классики современными подростками, неуспехи литературного образования в целом доказывают недостаточность исторически сложившихся в школьной методике преподавания литературы подходов – воспитательного и академического, фактически разведенных уже по уровням обучения: базовому и профильному.

Для выстраивания содержания литературного образования в эпоху «четвертой антропологической революции», придавшей новый смысл идее человека-творца, чьи творческие силы обращены прежде всего на себя самое как «автопроект» [Гульчинский], на наш взгляд, являются продуктивными идеи диалогической герменевтики М.М. Бахтина. Прежде всего это утверждение диалога, «то есть отношения человека к человеку как отношения актуальных субъектов, как „Я-Ты“, «исходной архитектурной структурой человеческого существования» [Бахтин, 1979, с. 391], пути самопознания «через Другого» [Бахтин, 1979, с. 290] и текста как единственной формы существования «духа» («дух (и свой, и чужой) не может быть дан как вещь, а только в знаковом выражении», и реализация «человеческой специфики человека» возможна в процессе создания текста) [Бахтин, 1986, с. 478].

Следуя за Бахтиным, мы неизбежно выйдем к пониманию школьного урока литературы как места трехсторонней встречи: ребенка – автора произведения – учителя, в ходе которой происходит обучение не теории и истории литературы, а также навыкам анализа художественного текста, а пониманию Другого. Поскольку мы принимаем текст как субъективную проекцию мира этого Другого, мы начинаем работать не столько с сюжетом, персонажами, средствами выразительности сколько с авторской концепцией мира, с его ценностями и смыслами и пытаемся помочь ребенку в хоре, как ему кажется, трудноразличимых голосов, говорящих *про природу, любовь к родине и сострадание к маленькому человеку*, «индивидуальный голос» каждого поэта и писателя. В литературном образовании в эпоху размывания границ авторства важно передать школьникам бахтинскую установку на восприятие всех вещей и явлений в мире как могущих быть представленными только с точки зрения определенного человека: «ничьих» или «всеобщих» представлений, образов, мыслей, чувств, отношений, концепций не бывает. В свою очередь восприятие, чувствование, действие всегда обусловлены определенными диспозициями, предпосылками, отношениями. Таким образом, художественный текст предлагается школьникам как способ существования чьей-то напряженной вопрошающей мысли. Цель изучения литературы – подведение читателя к тексту, чтобы текст и читатель начали говорить друг с другом, чтобы мысль Другого ожила в мыслях читателя и стала началом его собственных. Именно это является, на наш взгляд, условием противостояния широко распространяющемуся прагматическому подходу к художественному тексту как источнику правильных цитат для экзаменационных сочинений, как источнику морально-этических выводов, полезных для жизни, к которым

часто и сводится вульгарно понятое духовно-нравственное развитие школьника средствами литературы.

Исходя из положения о том, что «сама гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, знаках, проявляющих себя богов (откровение) или людей (законы властителей, заповеди предков, безыменные изречения и загадки и т. п.)» [Бахтин, 1986, с. 473], содержанием обучения становится рефлексия понимания того или иного текста как «выражения духа Другого», взаимодействие с исследуемым материалом на основе *субъективного* понимания и интерпретации, которое предполагает *пристрастное, заинтересованное* познавательное действие. Поэтому важным оказывается не только осмысление собственного понимания, но и понимания других читателей. Доминирующей становится установка, что в художественно-историческом, литературно-эстетическом творчестве «предел не я, а я во взаимоотношении с другими личностями, то есть я и *другой*, я и *ты*» [Бахтин, 1979, с. 391].

В связи с этим требуется расширение круга изучаемых в школе текстов за счет таких, на которых можно продемонстрировать, как Другой понимает Другого. Особое внимание при таком подходе уделяется «диалогически ориентированным» художественным явлениям. Так, интертекстуальному изучению подлежат стихотворение А.А. Фета «Уснуло озеро» и пародия на него Д. Минаева (как пример «непонимания» Другого), стихотворения А. Кушнера о «Войне и мире», стихотворения Фета «На стоге сена ночью южной» и А. Кушнера «Стог», «Юноша бледный со взором горящим» В. Брюсова и «Юноша бледный, в печать выходящий» Т. Кибирова, эссе К.Г. Паустовского о Бунине и др. Названные тексты отражают не столько результаты умственного постижения творчества того или иного художника, сколько рефлексию эмоционального и ценностного переживания того, какую внутреннюю работу они произвели в читателе. Благодаря этому появляется возможность частично снять издержки все более «интеллектуализируемого» обучения литературе.

Главным результатом подобного изучения литературы «Другого через Другого» является не чеканная формулировка ответа на любимый вопрос многих учителей литературы «чему учит автор?», или «в чем смысл нравственных исканий...?», или «какова тема и идея произведения?», а осознание подростком самой возможности полюбить Другого (писателя, поэта), какую-то его мысль, какой-то образ, его взгляд на мир, его способ описания мира и человека, заглянуть в себя и отрефлексировать свое восприятие того же самого и через Другого стать самим собой.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // М.М. Бахтин Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература, 1986. С. 473–500.
3. Тульчинский Г.Л. Духовные итоги XX столетия и новый парадигмальный сдвиг. URL: <http://hpsy.ru/public/x3117.htm>

White Jayne
Canterbury University
(Canterbury, New Zealand)
jayne.white@canterbury.ac.nz

Janfada Mahtab
The University of Melbourne
(Melbourne, Australia)
mahtab.janfada@unimelb.edu.au

DIALOGIC METHOD(OLOGIE) FOR UNDERSTANDING PRACTICE: A DIALOGUE EXCHANGE ACROSS DISCIPLINES

Abstract. This paper aims to act as an initial platform for a dialogic discussion around the notion of "dialogic methodology" and questioning its significance as well as avenues through which we can (or not) implement a "dialogic methodology" across disciplines in educational contexts. Here we explain the original questions which led us to create this project and how we proceeded the idea conceptually and structurally to date. It then invites participants into a dialogue to share their insights, concerns, and questions, which in turn will shed light on different aspects of this work. The proposed textbook will be grounded in dialogic philosophy and theory as the orienting platform for supporting scholars to engage in and with practice-based research and inquiry across the disciplines. To do so we draw on a series of dialogic concepts which were developed by Mikhail Bakhtin during his lifetime, culminating in his final book "Speech Genres and other late essays" (1984). Here Bakhtin established a methodological pathway for his important ideas concerning aspects of human practice which he conceptualises as an event of "in-betweenness" that are best encountered in thresholds of encounter with "other". A Bakhtinian approach will be introduced as an alternative methodological framework for research in educational contexts. A significant feature of our prospective book will be an emphasis on the tensions and struggles that take place within research processes in educational contexts and the potential of these to contribute to research activity. Instead of providing a template to be used by students in their research, we intend to manifest these struggles as a source of inspiration through real-life examples through which a template for future research will emerge. Evident in narratives inserted throughout the text, we consider that such struggles underpin dialogic methodology which calls upon researchers to engage fully with the interplay between internal and authoritative discourses that comprise all practice.

Keywords: dialogic methodology; Bakhtin, ontology, epistemology.

Уайт Джейн
Кентерберийский университет
(Кентербери, Новая Зеландия)
jayne.white@canterbury.ac.nz

Джанфада Махтаб
Мельбурнский университет
(Мельбурн, Австралия)
mahtab.janfada@unimelb.edu.au

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ(АЯ) МЕТОД(ОЛОГИЯ) ПОНИМАНИЯ ПРАКТИКИ: ОБМЕН ДИАЛОГОМ МЕЖДУ ДИСЦИПЛИНАМИ

Аннотация. Эта статья призвана выступить в качестве начальной платформы для диалогической дискуссии вокруг понятия «диалогическая методология» и проанализиро-

вать ее значимость, а также способы, с помощью которых мы можем (или не можем) реализовать «диалогическую методологию» в различных дисциплинах в образовательных контекстах. Здесь мы объясняем исходные вопросы, которые привели нас к созданию данного проекта, и то, как мы концептуально и структурно реализовали эту идею к настоящему времени. Статья приглашает к диалогу новых участников, готовых поделиться своими мыслями, проблемами и вопросами, которые, в свою очередь, по-новому осветят различные аспекты данной работы. Предлагаемый учебник будет основан на диалогической философии и теории в качестве ориентировочной платформы для поддержки ученых, участвующих в практических и теоретических исследованиях. Для этого мы опираемся на серию диалогических концепций, разработанных Михаилом Бахтиным на протяжении всей его жизни, кульминацией которых стала его последняя книга «Речевые жанры и другие поздние эссе» (1984). Здесь Бахтин проложил методологический путь для своих важных идей, касающихся аспектов человеческой практики, концептуализируемых как событие «промежуточности», которое ярче всего проявляется на пороге встречи с «другим». Бахтинский подход будет представлен в качестве альтернативной методологической основы для исследования в образовательном контексте. Важной особенностью нашей будущей книги будет акцент на напряженности и борьбе, которые возникают в исследовательских процессах в образовательных контекстах, и их потенциальном вкладе в исследовательскую деятельность. Вместо того, чтобы предоставлять шаблон для использования студентами в их исследованиях, мы намерены продемонстрировать эту борьбу как источник вдохновения на примерах из реальной жизни, на основе которых появится шаблон для будущих исследований. Как видно из нарративов, проходящих по всему тексту, мы считаем, что такая борьба лежит в основе диалогической методологии, которая призывает исследователей в полной мере участвовать во взаимодействии между внутренними и авторитетными дискурсами, составляющими всю практику.

Ключевые слова: диалогическая методология, Бахтин, онтология, эпистемология.

Introduction. This symposium aims to act as an initial platform for a dialogic discussion around the notion of "dialogic methodology" and questioning its significance as well as avenues through which we can (or not) implement a 'dialogic methodology' across disciplines in educational contexts. Here we explain the original questions which led us to create this project and how we proceeded the idea conceptually and structurally to date. It then invites participants into a dialogue to share their insights, concerns, and questions, which in turn will shed light on different aspects of this work.

Our original idea/question. At the last Bakhtin Conference [China, 2011] as we were engaged in dialogues with colleagues, we were issued with two challenges – the first concerning the question "Is there such a thing as a dialogic methodology and, importantly, should there be?" and secondly in relation to its existence in contemporary research. We were convinced that there IS such a thing and that it is alive and well within a variety of disciplines. Indeed, our analysis and lived experiences suggested to us that there was much to be gained in the recognition of its influence on how practices are understood and interpreted as dialogic events of being and becoming. The second question resonated with us as past PhD students and present supervisors of students who want to work with us because of our applied interests in dialogic methodology and its routes in the writings of Bakhtin [1981] and his circles. However, we also knew that this route brought with it certain risks in academies where methods as opposed to methodologies are prioritised, and in

working with attitudes that locate such approaches as a form of 'Bakhtinology' that sits in deference to more popular structuralist or post-structuralist divides. As a consequence, we have committed to write a book to support our students in taking this route (or not), and in sharing the stories of ourselves and others who have walked this oft lonely path. This workshop is our way of inviting these stories into the text, through exchanges of dialogue – for or against – dialogic methodologies in research across the disciplines concerning practice in all its forms.

Our conceptual framework. The proposed textbook will be grounded in dialogic philosophy and theory as the orienting platform for supporting scholars to engage in and with practice-based research and inquiry across the disciplines. While Bakhtin has been extensively used in existing research as an orienting or co-orienting conceptual/theoretical framework, this proposal employs Bakhtin as a methodological basis for interdisciplinary research in education. Drawing on Bakhtin's original writings, culminating in his final book "Speech Genres and other late essays" [1986], we will set out an alternative pathway for scholars (especially research students) to contemplate the relevance of dialogism for their research. Along this route, we are offering an expansive possibility for contemplating issues, paradoxes or problems across diverse practice contexts through a re-emphasis on ontology and axiology as well as epistemology. We are therefore drawing on Bakhtin not merely as the conceptual/theoretical framework of the book, but also as the basis of a methodological pathway to studies of human practice. A significant feature of our prospective book will be an emphasis on the tensions and struggles that take place within research processes in educational contexts and the potential of these to contribute to research activity. Instead of providing a template to be used by students in their research, we intend to manifest these struggles as a source of inspiration through real-life examples through which a template for future research will emerge. Evident in narratives inserted throughout the text, we consider that such struggles underpin dialogic methodology which calls upon researchers to engage fully with the interplay between internal and authoritative discourses that comprise all practice. Related to this emphasis, alternative approaches the dialogical approach is 'in-dialogue' with is also introduced and explored throughout the book. We deal with the potential and pitfalls for inter-animations between dialogism and other theories (e.g. post-structuralism, 'Dialogical Self' theory, Vygotskian perspectives and, socio-cultural theories, more broadly.). We consult body of scholarship around dialogic methodology, and we are mostly inspired by the work of Sullivan [2012] in this area.

Our organizational framework. We envisage that the book will open up a dialogue with readers on what 'is' or 'is not' a dialogic methodology and what key concepts shape or create that methodology. We then aim to delve into people's lived experiences of these key concepts to explore how dialogic methodology can unfold in methods. This can unpack through stories on engaging with 'diverse voices, I-you/I-thou encounters, discourse and ideology, creative thresholds, and genre as a source of insight'. We aim to leave the dialogic discussion of the book open by proposing alternatives for dialogic methodology for the future, and im-

portantly dialogic approaches in post-pandemic world of education and being/becoming.

Embracing comments/suggestions/ ongoing dialogues. Our attempt is to persuade both novice and experienced researchers to try exploring dialogic methodology in their educational research by minimising dense theoretical debates and engaging them with meaningful, real-life applications of dialogic ideas. Hence, we are inviting people's experiences and exposures to the notion of "struggle", shown through reflective narratives, observations and the actual dialogue happening between researchers and practitioners as they engage in research of this nature.

Thus, we are interested to promulgate a discussion that will lend support to scholars who may be tantalised into this field, and for whom there is currently very little orientations in scholarly literature. Participants are encouraged to come prepared to share rather than be presenting to, therefore.

References

1. Bakhtin, M.M. *The dialogic imagination* / eds.: M. Holquist, C. Emerson ; transl. M. Holquist. Austin, Texas : Univ. of Texas Press, 1981.
2. Bakhtin M.M. *Speech genres and other late essays* / eds.: C. Emerson, M. Holquist ; trans. V.W. McGee. Austin : Univ. of Texas Press, 1986.
3. Sullivan P. *Qualitative data analysis using a dialogical approach*. L. : SAGE, 2012.

УДК 330.831.8:811.1

Figueredo Carla Janaina
Federal University of Goiás
(Goiânia, Brazil)
carlajanaina@ufg.br

TACKLING NEOLIBERAL FORCES IN A SECOND LANGUAGE EDUCATION PROGRAM IN BRAZIL: RESPONSIBLE SITUATED AGENCY AS A DIALOGICAL AND DECOLONIAL COUNTER-ACTION

Abstract. This article discusses how urgent it is for language educators to focus on the agency of their socioeconomically underprivileged students towards a neoliberal society. This investigation reveals how the participants responded to learning and teaching challenges entrenched by neoliberal forces, such as the constraints of a poor second language education prior to college and the devaluation of their bilingualism. The study findings highlight students' situated agency that, despite being exercised by means of ordinary educational resources, could overcome much of their limited access to English practice and lead them to broaden their awareness of who they are, and the roles played by their English in a society where decolonial practices are paramount.

Keywords: neoliberalism, second language education, agency, dialogicity, decoloniality.

**СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫМ СИЛАМ
В ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ ВТОРОМУ ЯЗЫКУ В БРАЗИЛИИ:
ОТВЕТСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК ДИАЛОГИЧЕСКОЕ И ДЕКОЛОНИАЛЬНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ**

Аннотация. В статье ставится вопрос о том, насколько важно для преподавателей языковых курсов учитывать фактор социально и экономически неблагополучных студентов в неолиберальном обществе. Исследование показывает, как участники реагируют на проблемы обучения и преподавания, поставленные неолиберальными силами, такие как низкий уровень обучения второму языку до их поступления в колледж и девальвация их двуязычия. Результаты исследования показывают, что такие учащиеся, представляя собой определенную силу и действуя в рамках обычных образовательных ресурсов, смогли преодолеть ограниченность их доступа к практике английского языка и прийти к расширению своего понимания ими самих себя, понимания роли, которую они играют благодаря своему знанию английского языка, в обществе, где первостепенное значение имеют практики деколонизации.

Ключевые слова: неолиберализм, обучение второму языку, деятельность, диалогичность, деколонизальность.

When it comes to interacting with our interlocutors as well as affecting them with our discourses and being affected by theirs, agency is certainly one of the most significant features that marks out our human nature. This understanding along with my own experiences as a learner, a teacher, and a researcher of the language education field have led me to carry out a four-year case study (from 2014 to 2017) with Brazilian undergraduates majoring in English teaching in a public university located in the State of Goiás, Brazil. This study aimed to discuss the ways these students of English acted towards some of the most striking 21st century neoliberal challenges affecting their learning and teaching practices, namely: poor second language education background and delegitimization of their bilingual condition.

Given the urgency for more proactive research in the language education field [Kumaravadivelu, 2016], these socioeconomically underprivileged students should represent an important target when it comes to reducing social inequalities. Besides that, by understanding their agency in relation to their English appropriation process, I can also be able to reflect about the implications of this agency to the sociocultural contexts they occupy. The research in question was fundamentally grounded on the tenets of neoliberalism as it has been discussed by second language education scholars [Block, 2012; Kubota, Miller, 2017; Kumaravadivelu, 2016] and on the sociointeractionist views of the Bakhtin Circle concerning the concepts of language as a social practice, the dialogical subject, their responsible and responsive constitution, and the notions of centripetal and centrifugal forces. Since the outcomes of this case study surpasses the scope of this article, only two neoliberal forces are going to be emphasized, namely: unequal levels of access to

economic and linguistic capitals regarding second language education [Bourdieu, 1986]; the neoliberal ideology that entrenches the figure of the native speaker of English [Selvi, 2014].

As for the method, I chose the case study, for it focuses on the analysis of a single unit that gives me the chance of applying the principle of generalizability, by which what is learned from the local context can be related to similar phenomena happening in other places [Duff, 2014; Denzin, Lincoln, 2000]. The single unit under investigation was a group of three socioeconomically underprivileged undergraduates who undertook a four-year second language education program to get a degree in English Teaching. The following criteria were used to define the participants: their English education prior to entering college occurred only in public regular schools, and they depended on the university alone to both appropriate English and to become a professional teacher. Out of twenty-five students who started the program, Rafaela, Felipe, and Raul (pseudonyms) were the only ones who completed the curriculum within four years. As for the data generation, the research participants answered a profile questionnaire so as to register their first experiences with the English language. They also contributed with essays that exposed their relationships with English, their appropriation process, and teaching practices throughout each year of the program. A semi-structured interview was also held with the participants so that they could express their critical evaluations on how this second language education program worked for them and what they could offer to it.

The results point out that Rafaela, Felipe, and Raul faced, among other neoliberal forces, the following challenges: firstly, they were excluded from higher social classes that could afford diverse material, cultural and linguistic commodities. According to the data provided by the participants' profile questionnaire, their educational background in English was constrained to grammar-centred classes, which prevented them from developing varied communicative skills. Due to their families' poor financial conditions, they could never afford the actual use of English in different communicative contexts. In other words, they started university studies with very limited comprehension of English in addition to their basic knowledge of normative grammar and decontextualized vocabulary. What the participants' stories reveal is that a neoliberal-driven society, which defends the lessening of the roles of a nation-state in order to strengthen private property rights [Block, Holborow, 2012], not only defines which social class is going to have access to material capital but also which way the deprived are supposed to follow. By taking these facts into account, I consider this neoliberal power as an example of a centripetal force, that is, a centralizing and hierarchizing force that shackles dialogical practices able to provide spaces for other voices' participation and access to the same assets [Bakhtin, 1983]. The participants' responses to those neoliberal challenges were to use the resources they had at hand and make them work in their favour, such as attempting to memorize dictionaries, songs, and TV series extracts as well as forming groups with their colleagues to put English into practice. Though their responses may sound an ordinary sort of agency against something apparently impossible to be overtaken, students' responsible situated agency repre-

sents a centrifugal force that pushes back what is causing constraints, for it is characterized by its decentralizing and dispersing nature. Besides that, not only does this responsible situated agency show the responsiveness embedded in students' own social behaviour, but it also demonstrates how it affects the localities they are taking part in.

Secondly, regarding the discourses that privilege the native speaker of English as a language authority, Rafaela, Felipe, and Raul felt, for a long time, marginalized and uncertain of their legitimacy as speakers/users of English. Although the participants demonstrated their agency in searching for different strategies that could meet their learning needs, some data from their first two years at the university point out their uncertainty in relation to their value as bilinguals, and they indicate that when the native speaker of English is seen as the only actual authority in linguistic matters, the participants tend to believe the English language is out of their reach. Since discursive practices are able to colour one's judgments [Vološinov, 1973], I learn from the data that the students' agency is affected by the power of belittling discourses that aim to keep capitalist interests, no matter their abilities to act in English. That makes me realize that though scholarly research has extensively discussed the myth of nativity [Rajagopalan, 1997; Figueredo, 2011], there are learners of English who still struggle to recognize the effectiveness of their second language. However, after Rafaela, Felipe, and Raul started taking part in critical studies concerning the roles played by English in the current globalization, they got more involved in discussions that proposed decolonial practices as an option to resist and overcome centripetal neoliberal currents. From the decoloniality perspective [Mignolo, 2009], the study participants began reflecting on how valuable their bilingualism can be for the spaces they occupy. In other words, they started to see that their roles as teachers of English could be exercised as a responsible situated agency able to turn colonial educational paradigms into dialogical practices that both consider who they are and help them oppose the dominancy of socio-cultural values set up by English-speaking countries.

These findings have led me to conclude that the agency of socioeconomically underprivileged undergraduates depends primarily on how social spaces and their occupants interact with one another. In other words, the struggles they have been through to appropriate English reveal that their agency towards neoliberal challenges is paramount; however, their efforts alone are not able to overcome what the whole society is supposed to combat: the unequal distribution of material and cultural capitals. Moreover, the research outcomes highlight that if teachers and students, regardless of their socioeconomic positions, strive for common places, equal rights can become a reality. Thus, I believe this study's results can guide the faculty to different language education perspectives by which the whole student body can be better prepared to exercise their second language identities in this globalizing world.

References

1. Block D., Gray J., Holborow M. *Neoliberalism and Applied Linguistics*. N.Y. : Routledge. 2012.

2. Bakhtin M.M. *The Dialogic Imagination : Four Essays*. Austin, TX : Univ. of Texas Press. 1981.
3. Bourdieu P. The forms of capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / ed. J. Richardson. Westport, CT : Greenwood, 1986. P. 241–258.
4. Denzin N.K., Lincoln Y.S. Introduction: The discipline and practice of qualitative research // *The Sage Handbook of Qualitative Research* / eds.: N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2000. P. 1–32.
5. Duff P. Case study research on language learning and use // *Annual Review on Applied Linguistics*. 2014. Vol. 34. P. 233–255.
6. Figueredo C.J. O falante nativo de inglês versus o falante não-nativo: representações e percepções em uma sala de aula de inglês // *Linguagem & Ensino*. 2011. Vol. 14(1). P. 67–92.
7. Holborow M. What is neoliberalism? Discourse, ideology and the real world // *Neoliberalism and Applied Linguistics* / eds.: D. Block, J. Gray, M. Holborow. N.Y., NY : Routledge, 2012. P. 14–32.
8. Kubota R., Miller E.R. Re-examining and re-envisioning criticality in language studies: Theories and praxis // *Critical Inquiry in Language Studies*. 2017. Vol. 14. P. 129–157.
9. Kumaravadivelu B. The Decolonial Option in English Teaching: Can the Subaltern Act? // *Tesol Quarterly*. 2016. Vol. 50, № 1, March. P. 66–85.
10. Mignolo W.D. Contexts: Coloniality is far from over, and so must be decoloniality // *Afterall : A Journal of Art, Content and Enquiry*. 2009. Vol. 43. P. 39–45.
11. Rajagopalan K. Linguistics and the myth of nativity: comments on the controversy over "new/non-native Englishes" // *Journal of Pragmatics*. 1997. Vol. 27. P. 225–231.
12. Selvi A.F. Myths and misconceptions about nonnative English speakers in the TESOL (NNEST) Movement // *TESOL Journal*. 2014. № 5(3). P. 573–611.
13. Vološinov V.N. *Marxism and the Philosophy of Language*. Cambridge ; Massachusetts : Harvard Univ. Press. 1973.

ЖИЗНЬ ИДЕЙ М.М. БАХТИНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 177.61:004.512.4

Atsushi Tajima
Tokyo University of Foreign Studies
(Tokyo, Japan)
tajima.atsushi@tufs.ac.jp

BAKHTIN'S VIEWS OF LOVE TOWARDS ALIEN OTHERS: GENERATING DIALOGUE BEYOND CRITICAL EVALUATION FROM THE OUTSIDE WORLD

Abstract. This paper examines Bakhtin's views on love, as inferred from parts of his work. Bakhtin discussed two types of love: domestic love, which involves monologic interactions that transfer existing ideologies from parents to children without any critique, and love towards non-family members, which involves dialogic interactions with mutual critiques of each speaker's perspective. My discussion focuses on the latter type of love, which maintains and promotes interactions that sustain productive dialogue with others who hold conflicting views in today's multicultural world.

Keywords: love, dialogue, development, wise fool, carnival, Socrates.

Ацуши Тадзима
Токийский университет международных исследований
(Токио, Япония)
tajima.atsushi@tufs.ac.jp

ВЗГЛЯДЫ БАХТИНА НА ЛЮБОВЬ К ЧУЖИМ: СОЗДАНИЕ ДИАЛОГА ЗА ПРЕДЕЛАМИ КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ИЗ ВНЕШНЕГО МИРА

Аннотация. В статье на основании анализа работ Бахтина исследуются его взгляды на любовь. Бахтин обсуждал два типа любви: домашнюю любовь, которая предполагает монологические взаимодействия, позволяющие транслировать системы идей от родителей к детям без какой-либо критики, и любовь за пределами семьи, которая включает диалогические взаимодействия с взаимной критикой точки зрения каждого собеседника. Мое обсуждение сосредоточено на втором типе любви, который способствует налаживанию продуктивного диалога с другими людьми, придерживающимися конфликтующих взглядов в современном многокультурном мире.

Ключевые слова: любовь, диалог, развитие, мудрый дурак, карнавал, Сократ.

Love in this article refers to the affection that accompanies verbal exchanges between speakers. On the theme of love, Bakhtin occasionally commented on domestic love, the innate affections of children towards their families, and on the trust acquired by adolescents of others in the outside world.

Bakhtin argued that parents' conversations with young children assume that the latter know nothing of the world, and that they accept information from their parents without critical reflection [Bakhtin, 1990, p. 169–171], particularly with regard to discipline and cultural mores. Although Bakhtin maintained that each person has a unique and irreplaceable perspective [Bakhtin, 1990, p. 22–23], children are expected to agree with authoritative parents. In fact, parents may silence their children's protests with "No argument!". Morson argued that parental dis-

course with children functioned as "authoritative discourse" or "monologue" [Morson, 2004]. Thus, children's own self-image is verbally defined by their parents through this discourse of natural love ("I-for-the-other").

"What renders the other an authoritative and inwardly intelligible of my life is the fact that represents and axiological force (like the axiological force of my mother that determines my life in childhood). The one who governs me internally is the lovingly authoritative other within me, and not I myself" [Bakhtin, 1990, p. 153]

The loving authoritative discourse of parents may become compulsive power, however, because children find it difficult to separate their parents' ideologies from their affection and care. This instinctual affection may be referred to as "homophonic love", which is related to "storge", the Greek concept of family love.

Bakhtin used the term "outsideness" to denote others with alien ideologies [1990, p. 15–18]. I refer to such people as "alien others", as compared to "peers" (including family members) who have similar ideas [Tajima, 2020, 2021]. Speakers need to explain their intentions logically in response to critical questions from alien others. Such verbalisations are not necessary in conversation with peers, however, because the speakers share ideologies and values, and thus expect to understand one another.

The response to the critical analysis of alien others raises the speaker's consciousness ("I-for-myself") because they frame their original perspectives using the words obtained in their own investigations responding to others' critiques. Speakers cease to be part of their families, wherein ideologies are automatically agreed, and make contact with the outside world via their autonomous self-consciousness. Bakhtin referred to communication based on autonomous critical thinking as "internally persuasive discourse" or simply, "dialogue" [Morson, Emerson, 1990; Tajima, 2020].

However, internally persuasive discourse does not necessarily oppose authoritative discourse; rather, they are interdependent [Holquist, 1990].

"...The process of distinguishing one's own and another's discourse is activated rather late in development. When thought begins to work in independent, experimenting and discriminating way, what first occurs is a separation between internally persuasive discourse and authoritarian enforced discourse" [Bakhtin, 1981, p. 345]. Authoritative discourse, as cultivated during parental communication, is the seedbed for internally persuasive discourse, which provides a basis for autonomous self-consciousness. Young people begin to question the ideologies fostered by their parents as their own consciousness develops [Holquist, 1990]. They come into conflict with homophonic love, which awakens their own perspectives and leads to creation of their own "I-for-myself" concept, by rejecting and reconstructing the "I-for-the-other" concept provided by their parents ("I love my mother, but I am unwilling to adopt her beliefs"). Thus, children become alien others to parents, which disrupts relationships in traditional communities.

Dialogue with alien others inevitably causes emotional pain because the speaker's views may be criticised or negated. Bakhtin also uses the word "transgression" to refer to outsideness [Bakhtin, 1990, p. 100–103], suggesting an inva-

sion of safe, familiar environments (e.g. family). Thus, speakers must learn to instil trust in alien others to ensure an accepting environment, and celebrate differences in perspectives to promote critical dialogue. Bakhtin referred to this acquired affection towards alien others as "love" or "benevolence", because it facilitates dialogue that is respectful of both speakers' perspectives.

"Love loves and caresses borders. Borders have significance of getting new meanings". [Бахтин, 1996, с. 66] "The more demarcation the better, but benevolent demarcation. Without border disputes. Cooperation. The existence of border zone (new trends and disciplines usually originate in them)". [Bakhtin, 1986, p. 137]

I differentiate between acquired affection towards alien others, or "polyphonic love", which is related to "philia", i.e. the Greek concept of friendship love [White, Gradovski, 2018], and the natural "homophonic love" of families. Critical discourse without polyphonic love may result in unilateral attacks and rejection of the perspectives of alien others [Bakhtin, 1996, p. 66]. Such attacks may be underpinned by the desire to avoid the pain accompanying critical transgressions of the speakers' self-consciousness.

Socrates was one of the earliest philosophers to provide examples of Bakhtin's alien other, as described in the early works of Plato [Tajima, 2020, 2021]. Socrates criticised the traditional social values and norms of Athenians, which were unconsciously accepted. In so doing, he became an alien other who held perspectives that conflicted with the views of ordinary Athenian citizens [Cornford, 1932]. He challenged the one-sided moral ideologies of his discussion partners by proposing conflicting perspectives. At the same time, he endeavoured to show that he was not an opponent but a partner, and maintained a friendly demeanour, even when discussion partners were angered by his criticism.

"I myself do not say what I say as knowing it (truth), but as joining in the search with you you must at any rate pull me up, if it seems to you that my statements are wrong. And if you refute me, I shall not be vexed (irritated) with you as you were with me; you will only be recorded in my mind as my greatest benefactor" [Plato, 1925, p. 463–465].

A key aspect of Socrates' method was respect for his discussion partner's ideology. He used critical discourse to reveal common aims, to allow the investigation of fixed ideas and opposing ideologies and thus create new ideologies that bridged the gap between the traditional Athenian worldview and the perspectives of alien others. Thus, his criticism was not aimed at attacking others or demonstrating his superior intelligence. Polyphonic love, which I referred to earlier, should be established through the method such as Socrates deployed in order to promote productive dialogue. Discussion partners who understood Socrates' intentions were welcoming of his critique of their views during their exchanges.

In this way, Socrates was not perceived as an authority figure or parent who taught a one-sided "true" ideology while repressing the opposing perspective. [Bakhtin, 1981, p. 24–25]. Moreover, Socrates was aware of his own ignorance and criticised his ideas in a light-hearted and ambivalent/non-judgmental manner, as shown in the following excerpt, and his perspectives were not fixed and open to

criticism. Thus, Socrates may be considered a "wise fool" who has flexible perspectives allowing him to critique worldviews in a joyful air [Kaiser, 1973; Zappen, 2004].

"Socrates: Yes, I daresay; but if we were not right in agreeing to that?

Meno: Well, it seemed to be a correct statement a moment ago.

Socrates: Yes, but it must seem correct not only a moment ago, but now and hereafter, if it is to be at all sound.

Meno: Why, what reason have you to make a difficulty about it, and feel a doubt as to virtue being knowledge?" [Plato, 1924, p. 333].

Bakhtin [1984, p. 220] referred to carnival speech as the dialogic space wherein fixed perspectives are temporally suspended to allow free and open assessment of opposing cultural ideologies. Openness fosters the trust consistent with polyphonic love that provides the freedom to critique each other's ideologies, to create a new ideology. [Morson, Emerson, 1990]. Bakhtin referred to the response elicited by the ambivalent fool's criticism as "laughter".

"Thus, distrust of the serious tone and confidence in the truth of laughter had a spontaneous, elemental character. It was understood that fear never lurks behind laughter • finally it was related to the future of things to come and was to clear the way for them. Seriousness was therefore elementally distrusted, while trust was placed in festive laughter" [Bakhtin, 1984, p. 95].

In conclusion, one of the best ways to promote polyphonic love via discourse between alien others is for the speakers to respect each other's unique perspectives, understand common aims for discussion, and take pleasure in investigating other ideologies without prejudice or malice. We live in a multicultural world, in which it is essential that alien others can readily communicate with each other. To this end, I suggest that adoption of the "wise fool" attitude would promote polyphonic love and productive dialogue among alien others. Furthermore, this attitude may be effective for parents with rebellious children who are struggling to achieve their own autonomous self-consciousness and perspectives in the outside world.

Acknowledgements

This paper was presented at the panel discussion "Love and Visual Surplus in Bakhtin's Dialogism" in collaboration with Dr. Mikhail Gradovski (University of Stavanger, Norway) and Dr. Youske Kumakura (The University of Tokyo). I appreciate precious comments and feedbacks especially by Dr. Caryl Emerson (Princeton University), Sergio Mas Diaz (University of Barcelona) and Denis Zhernokleyev (Vanderbilt University) in this session. This work was supported by KAKENHI Grant Number JP26780353 from The Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (MEXT) / Japan Society for the Promotion of Science (JSPS).

References

1. Bakhtin M.M. The dialogic imagination: four essays by M.M. Bakhtin / eds.: M. Holquist, C. Emerson ; transl. M. Holquist. Austin : Univ. of Texas Press, 1981. 444 p.
2. Bakhtin M.M. Rabelais and his world / transl. H. Iswolsky. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1984. 484 p.
3. Bakhtin M.M. Speech genres and other late essays / transl. V.W. McGee Austin : Univ. of Texas Press, 1986. 178 p.

4. Bakhtin M.M. Art and answerability: Early philosophical essays by M.M. Bakhtin / transl. V. Liapunov. Austin : Univ. of Texas Press. 1990. 332 p.
5. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 2. М. : Русские словари, 1996. 732 с.
6. Cornford F.M. Before and after Socrates. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1932. 113 p.
7. Holquist M. Dialogism: Bakhtin and his world. Routledge, 1990. 204 p.
8. Kaiser W. Wisdom of the fool // Dictionary of the history of ideas: studies of selected pivotal ideas / ed. P.P. Wiener. Vol. IV. N.Y. : Charles Scribner's Sons, 1973. P. 515–520.
9. Morson G.S. The process of ideological becoming // Bakhtinian perspectives on language, literacy and learning / eds.: A.F. Ball, S.W. Freedman. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. P. 315–333,
10. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford : Stanford Univ. Press, 1990. 530 p.
11. Plato. Laches; Protagoras; Meno; Euthydemus / transl. W.R.M. Lamb. N.Y. : G.P. Putnam ; L. : W. Heinemann, 1924. 507 p.
12. Plato. Lysis; Symposium; Gorgias / transl. W.R.M. Lamb. N.Y. : G.P. Putnam ; L. : W. Heinemann, 1925. 535 p.
13. Sullivan P., Smith M., Matusov E. Bakhtin, Socrates and the carnivalesque in education // New Ideas in Psychology. 2009. Vol. 27. P. 326–342.
14. Tajima A. On the meaning of poetry and the novel as concepts in M.M. Bakhtin's works: Perspectives on Socratic dialogues and carnivalesque laughter // Trans-Cultural Studies. 2020. Vol. 23. P. 102–124.
15. Tajima A. A sustainable consciousness promoting dialogue with alien others: Bakhtin's views on laughter and Euripides' Tragi-comedy // International Review of Theoretical Psychologies. 2021. № 1. P. 225–242.
16. White E.J., Gradovski M. Untangling (some) philosophical knots concerning love and care in early childhood education // International Journal of Early Years Education. 2018. Vol. 26(2). P. 201–211.
17. Zappen J.P. The rebirth of dialogue: Bakhtin, Socrates and the rhetorical tradition. N.Y. : State Univ. of New York Press, 2004. 229 p.

УДК 82-91

Беломоева Ольга Герольдовна
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
(г. Саранск, Россия)
o.belomoeva@mail.ru

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Аннотация. Статья посвящена проблеме диалога различных типов культур на современном этапе. Рассмотрены основные варианты конфликтов, существующих в художественном процессе, выявлены основания для диалога различных типов художественной культуры на рубеже XX–XXI вв., названы области плодотворного диалога традиционного и постмодернистского искусства.

Ключевые слова: традиционное искусство, профессиональное искусство, постмодернистское искусство, диалог культур, диалог-согласие, диалог-спор.

FOLK ART IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF CULTURAL DIALOGUE

Abstract. The article is devoted to the problem of dialogue between different types of cultures at the present stage. The main types of conflicts that exist in the artistic process are considered, the grounds for the dialogue of various types of artistic culture at the turn of the XX–XXI centuries are revealed, the areas of fruitful dialogue between traditional and postmodern art are named.

Key words: traditional art, professional art, postmodern art, dialogue of cultures, dialogue-consent, dialogue-dispute.

На протяжении столетий народное (традиционное) искусство является полноправным участником художественного процесса, представляя собой исток как профессионального искусства, так и различных типов народной художественной культуры.

Развиваясь в рамках традиции, опираясь на каноны, отшлифованные временем, оно всегда находилось в активном диалоге с другими феноменами культуры. Формируясь в различных природных условиях, в ходе развития индивидуальных исторических судеб разных народов, оно выработало универсальные образы, сконцентрировавшие в себе общепонятные для всего человечества ценности.

Именно это обстоятельство – всечеловечность образов народного искусства – лежит в основе процесса его диалога с художественными культурами других народов, является одним из главных факторов его способности адаптироваться к социокультурной ситуации рубежа XX–XXI вв., которая открыла для него новые перспективы.

Наука XX–XXI вв. активно разрабатывает идею диалога культур как способа разрешения конфликтных ситуаций в ходе их взаимодействия, как способа достижения взаимопонимания между ними. При этом новая эпоха, отказываясь от иерархических систем, предлагает сетевое взаимодействие элементов, при котором все явления, вовлеченные в процесс, рассматриваются как рядоположенные, равнонеобходимые. Однако диалог культур, учитывая сложность структуры современной мировой культуры, включающей в себя и этнические, и национальные, и формирующуюся глобальную культуры, не игнорирует проблему конфликтных отношений между ними.

Каждая из них родилась в свою эпоху, в соответствии с социально-культурными изменениями человеческого сообщества, и каждая обладает определенными качествами. Так, в доиндустриальную эпоху рождаются культуры этнические (донациональные). Они закрыты для взаимодействия и контакта, опираются на канонические формы, отличаются медленными темпами развития. В области художественной культуры они представлены народным искусством, этноцентричным по своей природе. Родившись в до-

индустриальном обществе, оно формировалось в теснейшей связи с природой, в основе его лежат мифологические представления о мире и циклическая концепция времени. Образы народного искусства, сложившиеся в древности, по мере развития социума, приобрели многозначность.

Культуры национальные возникли позднее, в пространстве индустриальной эпохи, в ходе становления и развития национальных государств, в рамках городской культуры. Они более открыты для взаимодействия, более динамичны в своем развитии. С ними связывают понятие профессионального искусства. Кроме того, начинают активно формироваться такие типы народной художественной культуры, как городской фольклор, любительство, самодеятельность.

Постиндустриальная, информационная эпоха породила культуру глобальную, постмодернистскую, распространяющуюся поверх национальных границ, космополитичную по своей природе.

Выделяют три вида контактов между ними: между этнической (донациональной) и национальной культурой, между национальной и глобальной (постмодернистской) культурой, а также между этнической (донациональной) и глобальной (постмодернистской) культурой.

В пространстве художественной культуры, это, во-первых, взаимодействие народного искусства, с одной стороны, и профессионального искусства, а также городского фольклора, любительства и самодеятельности, с другой. Во втором случае, это – взаимодействие национальных художественных школ и постмодернистского искусства. Третий тип контакта происходит в ходе столкновения народного искусства и постмодернистского искусства, декларирующего отказ художников от традиционных культурных ценностей, неприятие их рационалистического характера.

С одной стороны, между типами художественной культуры, родившимися на разных этапах художественного процесса и сосуществующих в реальности, нет непроходимых границ. Они вырастают один из другого, сохраняя пусть в изменившемся виде, некоторые черты предшественников. Так, народное искусство является наиболее этноцентричным по своей природе, в то же время этнические черты в трансформированном виде присутствуют в искусстве национальном. В свою очередь, постмодернистское искусство нередко опирается на мотивы и образы архаики, народного искусства, обладающие отчетливо выраженным символическим характером, знаковостью. С искусством национальным его роднят профессионализм творчества, многообразие проблематики и художественных подходов, нередко становящихся основой постмодернистских произведений, обращающихся к принципу интермедиальности, для которого характерны «приемы цитирования известных, классических тем, мотивов, форм, элементов декора, фрагмента одного художественного произведения в другом» [Власов, Лукина, 2005, с. 103].

Это обстоятельство создает потенциальную основу для осуществления диалога различных пластов художественной культуры.

С другой стороны, поскольку данные феномены родились каждый в свою эпоху, отличную от других, они не обязательно вступают в контакт в

форме диалога-согласия, которую М.М. Бахтин считал одной «из важнейших форм диалога» [Бахтин, 1996, с. 336], приобретая нередко форму диалога-спора. Диапазон разрешения противоречий может колебаться от полного отрицания права участников диалога на существование до гармоничного соединения традиции и инновации.

Представляется, что наиболее остро стоит проблема взаимодействия традиционных культур и культуры постмодернизма, в силу их временной удаленности друг от друга, колоссальной разницы социально-экономических, социокультурных контекстов их формирования и т. п. [Липец, 2014].

Тем не менее на рубеже XX–XXI вв. сложился некоторый опыт взаимодействия традиционного и постмодернистского искусства. Так, он проявился в развитии у финно-угорских народов такого явления, как этнофутуризм, успешно сочетавшего достижения нового художественного языка и архаических образов, рожденных в глубокой древности. Известно также активное освоение художниками разных стран образов, материалов и техник традиционного искусства народов мира в области дизайна одежды, искусства интерьера [Кожушко, Иващенко, 2016].

Таким образом, народное искусство является активным участником диалога культур современности, позиционируя себя в социокультурной среде как актуальная художественная практика.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. 1961 год. Заметки // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. С. 329–360.
2. Власов В.Г., Лукина Н.Ю. Авангардизм. Модернизм. Постмодернизм: Терминологический словарь. СПб. : Азбука-классика, 2005. 320 с.
3. Кожушко Д.А., Иващенко, Я.С. Диалогичность современного костюма: развитие, направления и специфика этнического стиля // Наука и социум. 2016. № 1. С. 91–97.
4. Липец Е.Ю. Этнос и этническая культура: традиционные и современные формы существования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 1, ч. 2. С. 113–116.

УДК 81'42 Бахтин

Bernabe M. Mijares Jr
Bohol Island State University
(Bohol, Philippines)
mijaresjrb@gmail.com

THE DYNAMICS OF DIALOGISM AND CARNIVAL LAUGHTER: A BAKHTINIAN INTERPRETATION OF A FILIPINO WORLDVIEW

Abstract. This study is an attempt to re-examine the Filipino worldview in order to achieve a fuller understanding of the very nature of the Filipino as a distinct people. Propelled at one hand by the spirit of postmodernism that calls for a critical evaluation of the body of knowledge laid before the very surrounding of one's existence and on the other hand by the partiality of both local and international observers that label the Filipino's way of thinking and acting as unsystematic and illogical, this research employs an objective, disinterested and extralo-

calized going over how a Filipino looks at reality and the manner by which he conducts himself in the ambit of real and existential situations. To realize this, M.M. Bakhtin's Dialogism and Carnival Laughter are invoked to shed light.

Keywords: dialogism, carnival, laughter, Filipino worldview, M. Bakhtin.

Бернабе М. Михарес мл.
Государственный университет острова Бохол
(Бохол, Филиппины)
mijaresjrb@gmail.com

**ДИНАМИКА ДИАЛОГИЗМА И КАРНАВАЛЬНОГО СМЕХА:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФИЛИППИНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
В СВЕТЕ ТЕОРИИ М. БАХТИНА**

Аннотация. Это исследование представляет собой попытку переосмысления мировоззрения филиппинцев с целью достижения более полного понимания природы филиппинцев как отдельного народа. Это исследование является реакцией, с одной стороны, на постмодернистские идеи, которые призывают к критической оценке совокупности знаний, лежащих в основе понимания окружающего человека мира, а с другой – на предвзятость местных и зарубежных исследователей, которые называют филиппинское мышление бессистемным и иллогичным. Оно предлагает объективный, незаинтересованный и экстралокализованный анализ того, как филиппинцы смотрят на реальность и на то, как он ведет себя в реальных и экзистенциальных ситуациях. Для этого использованы бахтинские концепции диалогизма и карнавального смеха.

Ключевые слова: диалогизм, карнавал, смех, филиппинское мировоззрение, М. Бахтин.

This study is an attempt to re-examine the Filipino worldview in order to achieve a fuller understanding of the very nature of the Filipino as a distinct people. Propelled at one hand by the spirit of postmodernism that calls for a critical evaluation of the body of knowledge laid before the very surrounding of one's existence and on the other hand by the partiality of both local and international observers that label the Filipino's way of thinking and acting as unsystematic and illogical, this research employs an objective, disinterested and extralocalized going over how a Filipino looks at reality and the manner by which he conducts himself in the ambit of real and existential situations.

To realize this, M.M. Bakhtin's Dialogism and Carnival Laughter are invoked to shed light [Bakhtin, 1982, 1984a, 1984b]. The concepts are favorably chosen to explicate the Filipino worldview because of their uniqueness and sense of hospitality as modes of analyses.

Through Bakhtin's Dialogism and Carnival Laughter, this study finds out that the Filipino culture is dialogic. The values of *Bahala na*, *Utang na loob*, *Pakikisama*, and *Hiya* which are the Filipino self's or *Sarili's* way of constituting itself distinctly identify with Bakhtin's dynamic interaction of I and the other. Moreover, standing for others in public or *Paninindigan* and the Filipino's way of circumventing the law in order to favorably accommodate the other or *Lusot* existentially translates Bakhtin's moral answerability as being with the other first before granting volitional and emotional tonality or moral, social, and even aesthetic value to the law. Likewise, the Filipino religiosity, hospitality, and socio-

communal practices of *Bayanihan*, *Sakop System*, and *Tsismis*, and social processes in the family all reflect the dynamics of Bakhtin's dialogism.

Moreover, Filipino laughter in the overall noise of fiesta celebration and in everyday life difficulties parallels with Carnival Laughter. It is festive as it is the laughter or the disposition to laugh by all those who attend the fiesta and ambivalent as it affirms the official and the unofficial, the present and the previous socio-cultural Filipino ties and predispositions. It is universal as a Filipino laughs not only to others but also to himself to affirm even the difficult side of life.

In the light of Bakhtinian Dialogism and Carnival Laughter, Filipino culture is dialogic. And logically, the Filipino worldview is thus dialogic. This claim however remains an interpretation that could be disproved by an equally forceful opposite claim. Real and authentic dialogic Filipino worldview remains a challenge that Filipinos themselves should work out by translating the interpretation into the concrete.

References

1. Bakhtin M.M. The dialogic imagination: four essays by M.M. Bakhtin / eds.: M. Holquist, C. Emerson ; transl. M. Holquist. Austin : Univ. of Texas Press, 1981. 444 p.
2. Bakhtin M.M. Rabelais and his world / transl. H. Iswolsky. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1984a. 484 p.
3. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics / ed., transl. by C. Emerson. Minnesota : Univ. of Minnesota Press, 1984b. 333 p.

УДК 82-31Бахтин

Бурлина Елена Яковлевна
Самарский государственный медицинский университет
(Самара, Россия)
e.va.burlina@samsmu.ru

ХРОНОТОП РОМАНА – ХРОНОТОПИЯ ГОРОДА

Аннотация. Автор обращает внимание на междисциплинарное влияние идей и научных образов М.М. Бахтина. Наряду с «хронотопом романа» в современных постнеклассических научных статьях и монографиях можно встретить понятие «хронотопия города». Данный подход важен как для проектантов и просветителей (архитекторов, экскурсоводов, медийщиков), так и для исследований идентичности горожан. Результаты исследований самарской группы были опубликованы в монографии «Хронотопия города» (2016), в сборнике статей «Город как сцена» (2015), а также в многочисленных научных статьях. Методология самарской научной школы культурологов, с одной стороны, опирается на идеи Бахтина, а с другой стороны, на междисциплинарную разработку трехслойной модели ценностных ориентаций, по В. А. Ядову, адаптированную к практикам изучения города. «Хронотопия города» в нашей трактовке – это культурфилософская интерпретация общего плана города, а также его ключевых объектов (площади, памятники, памятные доски и др.), активно влияющих на горожан. Например, хронотоп многих российских городов-миллионников имеет характерный раскол на «старый город» и индустриальную «безымянку». Рассматривается также смысловая насыщенность конкретного городского района художественными институтами (музеи, театры) и влияние общественных пространств (востребованность набережных, скверов, парков). В линейке проведенных

Самарской группой исследований был представлен также хронотоп «малых городов», катастрофически теряющих население, в том числе из-за непривлекательности старого города. В других работах названной группы самарских культурологов изучалась роль театра в малом индустриальном городе, привлекающая горожан (хронотоп Новокуйбышевского театра-студии «Грань»). В итоге по тематике «пространственно-временной диагностики города» была подготовлена линейка диссертационных работ, выполненных молодыми Самарскими исследователями. В большинстве своем они защищали свои концепции «хронотопии города» в МГУ имени Н.П. Огарёва, поскольку «хронотопия города» прямо базировалась на идеях М.М. Бахтина. В Самарских проектах пространственно-временной диагностики города принимали участие также коллеги из многих российских университетов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Пермь, Саранск, Ярославль и др.), а также зарубежные исследователи (Германия, Израиль, Франция и др.). На всех названных авторов, имевших разный опыт и научный кругозор, идеи и методология М.М. Бахтина оказали огромное влияние.

Ключевые слова: Бахтин, хронотоп романа и хронотопия города, сохранение наследий, институциональная насыщенность, наличие общественных пространств, город как сцена, хронотопия города.

Burlina Elena Ya.
Samara State Medical University
(Samara, Russia)
e.ya.burlina@samsmu.ru

CHRONOTOPE OF THE NOVEL – CHRONOTOPIA OF THE CITY

Abstract. The author draws attention to the interdisciplinary influence of M.M. Bakhtin's ideas and scientific images. Along with the "chronotope of the novel" in modern post-non-classical scientific articles and monographs, one can find the concept of "chronotopia of the city". This approach is important both for designers and educators (architects, guides, media specialists), and for the identity of citizens. The results of the research of the Samara group were published in the monograph "Chronotopia of the city" (2016), in the collection of articles "The City as a scene" (2015), as well as in numerous articles. The methodology of the Samara Scientific School of Cultural Studies, on the one hand, is based on the ideas of Bakhtin, and on the other hand, on the interdisciplinary development of a three-layer model of "chronotopia" adapted to the practices of studying the city. "Chronotopia of the city", in our interpretation, is a cultural and philosophical interpretation of the general plan of the city, as well as its key objects (squares, monuments, commemorative plaques). For example, the chronotope of many Russian cities with millions of people has a characteristic split into the "old city" and the industrial "nameless". The semantic saturation of a particular urban area with art institutions (museums, theaters) and the influence of public spaces (the demand for embankments, squares, parks) are also considered. The chronotope of "small towns" that are catastrophically losing their population was also presented in the lineup of the research conducted by the Samara Group. In other works, the role of the theater in a small industrial city, which attracts citizens, was studied (the chronotope of the Novokuibyshevsky theater-studio "Gran"). As a result, a line of dissertations performed by young Samara researchers was prepared on the topic of "spatial and temporal diagnostics of the city". For the most part, they defended their concepts of the "chronotopy of the city" at the N.P. Ogarev MSU, since the "chronotopy of the city" was directly based on the ideas of M.M. Bakhtin. Colleagues from many Russian universities (Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Perm, Saransk, Yaroslavl, etc.) also took part in Samara projects of spatial and temporal diagnostics of the city, as well as foreign researchers (Germany, Israel, France, etc.). For all these authors, who had different experience and scientific background, ideas and methodology had a huge impact.

Keywords: Bakhtin, the chronotope of the novel and the chronotopia of the city, preservation of legacies, institutional saturation, the presence of public spaces, the city as a scene, the chronotopia of the city.

М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман и Д.С. Лихачев – несомненные лидеры отечественной гуманитаристики XX в. Новые методологии, выдвинутые ими, получили признание на родине и обрели мировой статус, крепнувший в XXI в.

Семиотика, по Лотману, открыла принципиально новые методы научного анализа художественных текстов. Семиотика стала новой научной ветвью XX в. и имела мировой резонанс.

Борьба за культурные наследия России, по Лихачеву, институализировала сохранение памятников культуры и изменила отношение соотечественников к культуре прошлого.

Методологические подходы Бахтина заморозили отечественную и мировую гуманитаристику. Речь идет не только о филологии и культурологии, искусствознании и этике поступка, но и о принципиально новых, постклассических научных подходах, как считает О.Е. Осовский [Осовский, 2018, с. 53–63]. Известны специальные исследования терминологии Бахтина, далеко выходящей за пределы гуманитаристики [Бахтинский тезаурус, 1997]

Примечательно, что методология бахтинского анализа, сопрягающая простые и сложные, минимальные и максимальные аспекты бытия, анализ общих процессов культуры с использованием музыкальных терминов и др., имеет множество сторонников как в среде гуманитариев, так и в естествоиспытателей. В целом известна отзывчивость Бахтина к новым научным отраслям, теориям, понятиям, связанным с культурой и искусством. Однако о его исследовательском, более того, методологическом интересе к музыке и философии свидетельствуют разные авторы. Особенности коммуникации Бахтина с миром уже много лет фиксирует научная школа бахтиноведения в МГУ имени Н.П. Огарёва, обобщает и дополняет личными воспоминаниями Н.И. Воронина [Воронина, 2019, с. 49–52].

Нельзя не зафиксировать, что многие современные научные концепции самого разного толка совпадают с подходами Бахтина: идет ли речь об этике науки и поступка либо об изоморфизме макро- и микромиров в естественных науках и др. Приведем один пример, свидетелем которого мы стали в ходе интернациональных практик российских студентов-медиков в Дюссельдорфском университете. Трудно представить себе образовательное пространство, более далекое от великого гуманитария Бахтина. Сошлемся на общение с немецкими профессорами – цитологами, травматологами, хирургами, которые расспрашивали российских гуманитариев о Бахтине. Они исходили из того, что структурное подобие малых и больших социальных процессов совпадает с принципами современных естественных наук [Егер и др., 2015].

Попытавшись дифференцировать разные научные подходы, сосуществующие в бахтиниаде, позволим себе выдвинуть несколько тезисов о «полях влияния» бахтиноведения в современном мировом контексте.

Первый тезис: культура и жанр. В трактовке Бахтина, жанр кристаллизует в себе пространственно-временные формы культуры. Хронотоп, как будто, «всего лишь» фон, атмосфера, сцена, на которой действует герой. Либо это тип города, в котором люди живут, действуют и совершают поступки. Однако все, чем живут люди, фиксируется не только в словах, политических декларациях, трудовых буднях и праздниках, но также в особом переживании людьми времени-пространства.

Классический жанровый анализ романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» показывает, как ученый конструирует хронотоп Петербурга, как учит постижению антиномий русской культуры в целом. Хронотоп – не фон, но кристаллизация и побудитель происходящего.

Совсем другой мир, другая культура и другое переживание пространства-времени в книге Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», задуманной в конце 1920-х гг., завершённой в 1940 г., а напечатанной в 1965 г. Жанровый анализ романа Ф. Рабле открывает жесткие каноны повседневности и Карнавал, освобождающий любые физические и моральные гиперболы. Народ, затухая и умирая в повседневности, вновь рождается и обновляется в Карнавале.

Что же следует из этого анализа? Мощная культурфилософская теория: жанр – память культуры, транслируемая из поколения в поколение. Психологи будут говорить об архетипах, переживающих тысячелетия. Но «жанр» – не менее важный способ трансляции опыта культуры, что замечательно оценил С.С. Аверинцев [Аверинцев, с. 104–116]. Маленькая клеточка культуры – «жанр» – оказывается **изоморфна** культуре в целом, как считал М.М. Бахтин. Это – фундаментальное открытие Бахтина, вошедшее в мировое науковедение [Бурлина, 1987; Бурлина и др., 2012–2016].

Второй тезис: хронотопия города – одна из современных социокультурных концепций города. Прошлое города транслируется в настоящее и будущее. В некоторых старых и бережно сохраняемых городах можно встретить мощные сооружения, построенные в начале нашей эры. В городе Трире, одном из старейших городов Европы, на старые римские стены надстроены новые барочные формы. Хронотопы города, заимствованные по аналогии с хронотопом романа у Бахтина, оказались востребованы как в урбанистике, так и в культурологии. Сошлемся на диссертацию С.А. Капкова, посвящённую свободным пространствам Москвы (МГПУ, 2020); упомянем линейку диссертационных исследований, подготовленных в Самаре и защищённых в МГУ имени Н.П. Огарёва*.

Хронотопия города – полезный инструмент диагностики города. С ним коррелирует научный слоган «**Город как сцена**», показывающий связи прошлого – настоящего – будущего в пространстве и времени города. Каж-

* Авторы диссертационных исследований по тематике «Город и хронотоп», выполненных на кафедре философии и культурологии СамГМУ и защищённых в диссертационном совете МГУ им. Н.П. Огарёва: Ю.А. Кузовенкова (2009), Л.Г. Иливицкая (2011, 2021), Н.В. Барабошина (2013), Д.С. Бокурадзе (2015), Е.А. Гранкина (2016), О.С. Наумова (2019), Н.Д. Лигостаева (2021).

дый житель города воспроизводит эту связь. Более всего обделены преемственностью и историей «безымянки» – гигантские индустриальные районы городов России. Житейское потребительское удобство проживания в подобных индустриальных ареалах далеко не всегда замещает дефицит прошлого, традиций, памятников, свободных пространств и целого ряда институтов, связанных с культурой. Дефицит институтов, связанных с культурой, отрицательно сказывается на ценностных ориентациях горожан.

Перспективный тезис. Научная модель хронотопа, по Бахтину, имеет целый ряд аналогов в науковедении. Экспериментальная работа в новых научных областях основана, как правило, на изоморфности предельно малых и предельно больших структур. Например, научные модели современной цитологии строятся на том, что, исследуя хронотоп микроклетки, исследователи ставят макродиагнозы. Диагностика в медицине прямо сопоставима с моделями распознавания, сопоставления больших и малых объектов, выдвинутыми М.М. Бахтиным [Киященко, 2009].

И все же наиболее актуальным объектом пространственно-временной диагностики является институциональная насыщенность города культурно-образовательными и свободными пространствами. Город, в котором некого любить и нечем любоваться, далек от образа города-палимпсеста.

Библиографические ссылки

1. Аверинцев С.С. Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М. : Наука, 1986. С. 104–116.
2. Бахтинский тезаурус: материалы и исследования : сб. ст. / ред.: Н.Д. Тамарченко, С.Н. Бройтман, А. Садецкий. М. : РГГУ, 1997.
3. Бурлина Е. (руководитель проекта). Город как сцена. История. Повседневность. Будущее. Интернациональный научно-исследовательский альманах / авторская группа: Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова, Я. Голубинов : в 2 т. Т. 1. Самара : Медиа-книга, 2015. 388 с.
4. Бурлина Е.Я. Жанры как память культуры. Антропология «мы» в русском романе, хоровой картине и народной музыкальной драме. Саарбрюккен : Academic Publishing. Lap-Lambertus, 2011. 156 с.
5. Бурлина Е.Я. Культура и жанр. Проблемы жанрообразования и жанрового синтеза: монография. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 165 с.
6. Воронина Н.И. «Проживание» Бахтина в музыке // Известия Самарского научного центра РАН. 2019. № 64. С. 49–52.
7. Время в городе: темпоральная диагностика, хронотипы, молодежь / Е.Я. Бурлина [и др.] Монография. Самара, 2012. 112 с.
8. Город как сцена. История. Повседневность. Будущее. Интернациональный научно-исследовательский альманах / Е. Бурлина (руководитель проекта, структура, введение и эпилог). Самара, 2015.
9. Егер М, Бурлина Е.Я. Что такое интернационализация высшего образования? Формы и доверие // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 1–1. С. 30–33.
10. Злотникова Т.С. Человек. Хронотоп. Культура: Введение в культурологию : учеб. пособие. Изд. 3-е, доп. и перераб. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. 231 с.
11. Капков С.А. Развитие городских общественных пространств: социально-философские аспекты // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11. С. 58–63.
12. Кудряшев И.А., Бессонова Т.М. Концепция хронотопа М.М. Бахтина: история, сферы применения и перспективы исследования // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2014. С. 64–71.

13. Летина Н.Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.) : монография. Ярославль : Изд-во ГОУ ВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», 2009. 257 с.
14. Осовский О.Е. За пределами «маленького мирка»: М.М. Бахтин и современная западная теория // Вестник северного (Арктического) Федерального университета. № 6. 2018. С. 5–63.
15. Римон Е. Освещение времени: штрихи к описанию хроно типа малого города // Интернациональный научный альманах «Город и время». Т. II. Самара, 2012. С. 187–204.
16. Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives / eds.: N. Bemong, P. Borghart, M. De Dobbeleer, K. Demoen, K. De Temmerman, V. Keunen. Gent : Academia Press, 2010. V. 213 p.
17. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin : Creation of a prosaics. Stanford, Calif. : Stanford univ. press, 1990. XX, 530 с.
18. Scholz B.F. Bakhtin's Concept of 'Chronotope': The Kantian Connection. Mikhail Bakhtin (Sage Masters of Modern Social Thought) / ed. Michael E. Gardiner. Vol. 2. L. : Sage, 2003.

УДК 130.2:141.5

Власкина Ольга Николаевна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
Olgavlackina@rambler.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ Г.П. ФЕДОТОВА И М.М. БАХТИНА

Аннотация. В статье говорится о возрождении русской религиозной культуры начала XX в. Русская религиозная антропология во главе с В.С. Соловьёвым стала развиваться в рамках направления «метафизики всеединства». Г.П. Федотов и М.М. Бахтин были членами кружка А.А. Мейера «Воскресение», идеей которого было не допустить уничтожение «христианской культуры». Поэтому они строят модель культуры, которая поможет человеку выйти из кризисного состояния. Смысл культуры, по Г.П. Федотову, состоит в том, что она является срединным царством между Богом и природой, миром человека. М.М. Бахтин выходит на новый этап понимания культуры и считает, что только личность есть субстанциональная действительность всех феноменологически понимаемых элементов бытия. Поэтому только личность несет ответственность за свое бытие в мире и культуре. Начиная с 20-х гг. XX столетия философы строят модели видения современной личности для того, чтобы постигнуть через нее обновленное бытие.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Г.П. Федотов, культура, антропология, русский религиозный ренессанс, творческое начало, личность.

Vlaskina Olga N.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
Olgavlackina@rambler.ru

CULTURAL CONCEPTS OF G.P. FEDOTOV AND M.M. BAKHTIN

Abstract. The article talks about the revival of the Russian religious culture of the early twentieth century. Russian religious anthropology, headed by Vl. Solovyov, began to develop within the framework of the "metaphysics of unity" direction. G.P. Fedotov and M.M. Bakhtin

were members of the circle of A.A. Meyer and A.V. Kartashev "Resurrection", the idea of which was to prevent the destruction of "Christian culture". Therefore, they each in their own way, having one ideological beginning, build a model of culture that will help a person get out of a crisis state. The meaning of culture, according to G.P. Fedotov. M.M. Bakhtin enters a new stage of understanding culture and believes that only personality is the substantial reality of all phenomenologically understood elements of being. Therefore, only the individual is responsible for his existence in the world and culture. Since the 20 ss. of the XX century, philosophers have been building models of the vision of a modern personality in order to comprehend a renewed being through it.

Keywords: culture, anthropology, russian religious renaissance, creativity, personality.

XX в. – это сложное соединение материальной и духовной культуры, продукт своего рода виртуозной творческой деятельности человека. Чтобы соответствовать основным ценностям этого века, личности требовалось гораздо больше усилий на самовоспитание и саморазвитие. Уровень технологического развития позволял существовать людям, которые не подходили ни по духовным, ни по нравственным параметрам, своему времени. Ни в одном веке не были столь разведены бытие и знание, мораль и наука. Подобное состояние культуры приводит к жестоким потрясениям, поэтому задачей философии было диагностировать это положение и заняться поисками его причин и истоков, и предложить возможные пути выхода из кризиса

Русский религиозный ренессанс в философии начала XX в. пронизан темой гуманизма в ее культурологической перспективе общечеловеческих ценностей, темой поиска индивидуальности и утверждения достоинства человеческой личности, определением возможностей для свободного проявления изобретательности и предприимчивости, – но все это есть попытка найти новую форму социальной жизни, новых измерений человеческой общности.

Русская философия этого времени, во главе с Вл. Соловьевым, работает над созданием новой религиозной антропологии, которая противостояла бы антропологическому материализму и представляла бы новую форму религии. Таким образом, русская религиозная антропология стала развиваться в рамках направления так называемой «метафизики всеединства», где концепция мира, человека и сверхбытия представлена в виде единого органического целого. Основной мотив этой философии – «Связь всех индивидуальных душ, всех „Я“ так, что они выступают интегрированными частями сверхиндивидуального целого, образуя субстанциальное „Мы-философию“» [Франк, 1990, с. 90–91]. Эта философия утверждает наличие определенного детерминанта, условного существования каждого отдельного человека. А связующим звеном выступает божественное начало. Философия всеединства утверждает единую веру – в Бога и в человека. Обе эти стороны сходятся в единой, полной и всецелой истине Богочеловечества.

В.С. Соловьев ввел это направление в русскую мысль, «зачаровал им, как чарует греза, созидающая мифы». На этом фундаменте выросли многие философские системы: М.М. Бахтина, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Г.П. Федотова. Русская религиозно-философская мысль в качестве основного антропогенного фактора эволюции – свободы человеческого духа – видела

стремление человека превзойти свою природу. Свобода человеческого духа выступала в их концепции условием обновления мира в целом.

Г.П. Федотов и М.М. Бахтин были активными членами кружка А.А. Мейера и А.В. Карташева «Воскресение», который существовал в Санкт-Петербурге в начале XX в. Идеей существования кружка было не допустить уничтожение «христианской культуры». Поэтому они каждый посвоему, имея одно идеологическое начало, строят модель культуры, которая поможет человеку выйти из кризисного состояния.

Смысл культуры, по Федотову, состоит в том, что она является срединным царством между Богом и природой, миром человека. В культурном творчестве природная жизнь одухотворяется, преображается. Человек как бы восходит по ступеням духовной иерархии к божественной, духовной перво-сущности культуры.

Свободное творческое начало выделяет человека из рода ему подобных. Этот вопрос решается философом в контексте его учения об отношении человека к Богу как сотрудничестве – в этом один из основных моментов близости концепции Соловьева и идеи Федотова. У последнего на вопрос «Кем же создается культура? Богом или человеком?» мы находим ответ: «Да, культура по преимуществу дело человека – человека, поставленного между Богом и космосом, – но Богом вдохновленного на творчество» [Федотов, 1973, с. 220]. Здесь для Федотова проходит следующее разграничение: Бог – культура (человек) – природа (цивилизация), которое позволяет видеть пневматологические искания философа.

Итак, с точки зрения Федотова, культура направляется импульсами Святого Духа, который объединяет все человечество и действует через всех живущих на Земле людей, через все народы, – в этом основа экуменических взглядов философа, активно проводимых им в своей деятельности.

Эсхатология Федотова дает ключ к пониманию культурного делания. Только понимание эсхатологии как сотворчества человека и Бога, созидание культуры и победы над смертью, по мнению философа, дает возможность построения христианской культуры. Человек, свободно самоопределяющий себя в истории, обладает двоякой направленностью воли. С одной стороны, он устремлен к созиданию, творчеству, добру, вечности, с другой – к разрушению, злу и смерти. Очевидно, первое усилие воли есть созидание «нового неба и новой земли», второе – выпадение в небытие, ад.

То есть для Федотова характерно дискретное понимание исторического процесса. Каждый культурный феномен периода истории рассматривается как дискретный акт, взятый независимо и вне причинно-следственной связи с другими, то есть как нравственный акт. Причем не последующие события определяют смысл предыдущих (например, факт революции «объясняет» всю предреволюционную эпоху), а, напротив, содержание, в том числе нравственное, самих событий определяет характер последующих (например, жестокость и бесчеловечность революционной эпохи определяет культурный и духовный упадок эпохи постреволюционной). Логическая схема «причина – следствие» заменяется схемой «безнравственность – следствие».

«Горизонтальная» развертка исторического движения сменяется «вертикальной», пределы которой у Федотова обозначены понятиями «вечность» и «смерть». В такой модели культурного движения ведущую роль играют люди, от конкретных нравственных усилий которых зависит характер культурной эпохи, и духовная (ментальная) составляющая исторических и культурных форм. Место глобальной метафизической схемы культурного процесса занимает конкретное исследование духовных процессов.

Бахтин выходит на новый этап понимания культуры путем вытеснения божественной сущности и всего религиозного понятийного аппарата. Только личность (а не творец этой Личности) есть субстанциональная действительность всех феноменологически понимаемых элементов бытия. Личность, производное Абсолюта, есть все, есть единственная правда, есть само бытие. Поэтому только личность несет ответственность за свое бытие в мире и культуре. Назначение философии, по Бахтину, – изучать жизнь как деятельность (духовную), как сплошное «поступление».

Бахтин пытался отъединить два мира – мир культуры и мир жизни, уничтожить «бездну» между поступком и его продуктом. Долг каждого человека – признать свою «единственность» и претворить в жизнь ответственным поступком, которым должна стать жизнь каждого отдельного человека. Основное понятие своей философии – поступок – он трактует как результат ответственно воспринятого, а не навязанного извне должностования. Если мир культуры заменяется миром рассудочных категорий, социальной необходимостью, то с человека снимается всякая ответственность.

Нравственная философия Бахтина строится на том, что каждый феномен человеческой жизни есть феномен культуры. А культура – это синтез духовных смыслов бытия – логических, эстетических, религиозных, нравственных, эмоциональных. Поэтому только человек владеет культурой и сама жизнь пронизана культурой.

Начиная с 20-х гг. XX столетия человек утрачивает религиозное чувство, что порождает поиск новой субстанции. Происходит замещение объективного бытия онтогносеологической ценностью человека, который является строителем новой культуры. Философы этого периода (Федотов, Бахтин и др.) строят модели видения современной личности для того, чтобы постигнуть через нее обновленное бытие.

Библиографические ссылки

1. Александрова Р.И. Нравственная философия и творческое наследие М.М. Бахтина. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1995. 172 с.
2. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 1996. 958 с.
3. Колесниченко Ю.В. Философия личности как преодоленная феноменология Вл. Соловьева и М.М. Бахтина // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 105–116.
4. Федотов Г.П. О Святом Духе в природе и культуре // Федотов Г.П. Полное собрание статей : в 6 т. Т. 2 : Россия, Европа и мы. Р. : УМСА-press, 1973. С. 215–231.
5. Философы России XIX–XX столетий (биографии, идеи, труды) // под ред. П.В. Алексеева [и др.], 2-е изд. М. : Книга и бизнес, 1995. С. 735–739.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА М.М.БАХТИНА

Аннотация. В статье представлена проблема социологического осмысления творчества М.М. Бахтина, особое внимание уделено использованию социологического метода в изучении языка, перспективам субъективного и объективного подходов, делается вывод об эвристичности использования интегративной парадигмы.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, социологический метод, действительный мир жизни, текст, социологизм языка, объективизм, субъективизм.

Dadaeva Tatyana M.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
dadaeva13@mail.ru

SOCIOLOGICAL UNDERSTANDING OF M.M. BAKHTIN'S WORK

Abstract. The article presents the problem of sociological understanding of M.M. Bakhtin's work, special attention is paid to the use of the sociological method in language learning, the prospects of subjective and objective approaches, the conclusion is made about the heuristic use of the integrative paradigm.

Keywords: M.M. Bakhtin, sociological method, the real world of life, text, sociology of language, objectivism, subjectivism.

Междисциплинарное наследие М.М. Бахтина заставляет вновь и вновь к нему обращаться. Его творчество можно изучать, используя различные рамки или, как сегодня модно говорить, оптику. Если философское и лингвистическое осмысление его творчества более или менее состоялось, социологическая оптика становится весьма уместной. Некоторые скоттомы (слепые зоны) его наследия, на мой взгляд, нуждаются в данном переосмыслении.

К социологической интерпретации творчества Бахтина обращались Ю.Н. Давыдов, А.С. Зубарев, З.З. Каримова, С.В. Легеза, Ю. Сорока и др.

Начнем с того, что многие категории Бахтина созвучны социологическим или близки к ним по значению: «действительный мир жизни» (категория «жизненный мир» у А. Шюца), категория «другого» (понятие «чужак» у Г. Зиммеля, А. Шюца). Текст выступает у Бахтина как слепок жизненного мира, поэтому согласно ученому, анализируя текст, мы анализируем жизненный мир. Вне текста нет человека, человек выражает себя через говорение по Бахтину. Это значит, что мыслитель во многом разделяет позиции символического интеракционизма в социологии (Дж. Г. Мид, Г. Блумер, И. Гофман), представители которого считали, что интеракция (взаимодействие) происходит посредством языка, через говорение. Текст по Бахтину выступает знаковой системой, созданной человеком, который необходимо понять, ос-

мыслить, прежде чем интерпретировать. Историзм Бахтина выражался в том, что понимание текста всегда имеет контекстуальный и исторический характер. Кроме того, Бахтину принадлежит и ряд социологических работ, таких как «Социологизм без социологии», «По ту сторону социального» и др.

По мысли Ю.Н. Давыдова, Бахтин следовал неокантианской традиции, так же, как и М. Вебер, Г. Зиммель, и искал выход из кризиса гуманитарного знания [Давыдов, 1996, с. 5–7]. Так же он обращался к феноменологической традиции и был знаком с работами Э. Гуссерля, М. Шеллера. Проблематизация категории жизненного мира у него связана с пониманием разных миров: мира культуры, куда относится наука, искусство, история и другой объективный мир, и мира жизни, где живут и умирают люди, как субъективного мира [Бахтин, 2003, с. 7].

Самой социологической работой Бахтина является книга «Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке». Остановимся на ее анализе более подробно. Бахтин выделяет два направления в изучении языка в рамках социально-философского подхода, по сути разрабатывая, с одной стороны, методологию социологии лингвистики или лингвистического поворота в социологии, а с другой стороны, на примере исследования языка, Бахтин практически предложил вариант объединительной парадигмы объективизма и субъективизма. Первое направление в изучении языка – индивидуалистический субъективизм, второе – абстрактный объективизм [Бахтин, 1993, с. 52].

Язык в рамках первого направления рассматривается как идеологическое явление (наряду с искусством, эстетической деятельностью и т. д.) по четырем положениям: 1) язык есть деятельность, непрерывный творческий процесс созидания, осуществляемый индивидуальным и речевыми актами; 2) законы языкового творчества суть индивидуально-психологические законы; 3) творчество языка – осмысленное творчество, аналогичное художественному; 4) язык как готовый продукт, как устойчивая система языка (словарь, грамматика, фонетика) является как бы омертвевшим отложением, застывшей лавой языкового творчества, абстрактно конструируемым лингвистикой в целях практического научения языку как готовому орудию.

В рамках второго направления – абстрактного объективизма – язык рассматривается как языковая нормативная система фонетических, грамматических и лексических форм языка [Бахтин, 1993, с. 57]. Второе направление основывается на следующих положениях: 1) язык есть устойчивая неизменная система нормативно тождественных языковых форм, преднаходимая индивидуальным сознанием и непререкаемая для него; 2) законы языка суть специфические лингвистические законы связи между языковыми знаками внутри данной замкнутой языковой системы. Эти законы объективны по отношению ко всякому субъективному сознанию; 3) специфические языковые связи не имеют ничего общего с идеологическими ценностями (художественными, познавательными и иными). Никакие идеологические мотивы не обосновывают явления языка. Между словом и его значением нет ни естественной и понятной сознанию, ни художественной связи; 4) индивидуальные

акты говорения являются, с точки зрения языка, лишь случайными преломлениями и вариациями или просто искажениями нормативно тождественных форм; но именно эти акты индивидуального говорения объясняют историческую изменчивость языковых форм, которая как таковая с точки зрения системы языка иррациональна и бессмысленна. При таком подходе система языка является совершенно независимой от каких бы то ни было индивидуально-творческих актов, намерений и мотивов [Бахтин, 1993, с. 59].

«Если для первого направления язык – это вечно текущий поток речевых актов, в котором ничто не остается устойчивым и тождественным себе, то для второго направления язык – это та неподвижная радуга, которая высится над потолком» [Бахтин, 1993, с.58]. Социологически переосмысливая данное высказывание, можно с уверенностью сказать, что в первом случае язык рассматривается с позиций феноменологии, а во втором, в рамках структурного функционализма – язык это жесткая, неизменяемая структура, как структура общества. Индивид получает нормативную систему языка от говорящего коллектива совершенно готовой, которую с точки зрения индивида можно только принять и всякое изменение внутри этой системы лежит за пределами его индивидуального сознания. Следовательно, с точки зрения объективизма язык является внешним и принудительным по отношению к каждому индивидуальному сознанию, что выступает основными социальными характеристиками языка. В данном контексте язык выступает как социальный факт (в трактовке Э. Дюркгейма).

Социологизм языка хорошо выражается в следующей цитате: «Каждый индивидуальный творческий акт, каждое высказывание – индивидуально и неповторимо, но в каждом высказывании есть элементы, тождественные с элементами других высказываний данной речевой группы. Именно эти, тождественные и потому нормативные для всех высказываний моменты – фонетические, грамматические, лексические – и обеспечивают единство данного языка и его понимание всеми членами данного коллектива [Бахтин, 1993, с. 58].

Бахтин задается вопросом: «Что же является истинным центром языковой действительности: индивидуальный речевой акт – высказывание – или система языка? И какова форма бытия языковой действительности: непрерывное творческое становление или неподвижная неизменность себестождественных норм?» [Бахтин, 1993, с. 70]. Ученый отвечает, что язык, как и другие виды норм, существуют лишь в отношении к субъективным сознаниям членов данного коллектива, данной группы, в данный исторический момент. Другими словами, Бахтин подразумевает использование интегративного подхода к анализу языка, поскольку язык как нормативная система не существует вне акта говорения, т.е. вне субъективного сознания, так и наоборот, акт речевого говорения невозможен без существования грамматической языковой системы, предвосхитив во многом, разработку объединительной парадигмы в социологии (Э. Гидденс, П. Бурдьё).

В заключение необходимо сказать, что социологическая интерпретация творчества Бахтина имеет большой потенциал и может развиваться в разных

направлениях: социология языка, текста, жизненный мир, социология идентичности.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. (под маской Волошинов В.Н.) Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке / коммент. В. Махлина. М. : Лабиринт, 1993. 640 с.
2. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. 957 с.
3. Давыдов Ю.Н. М. Вебер и М. Бахтин (к введению социологии XX века) // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 3–14.
4. Зубарев А.С. Возможности и перспективы использования концепции М. Бахтина в социологической интерпретации жизненного мира // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3 (19). С. 102–109.
5. Каримова З.З. Бахтин М. В зеркале социологии и диалогии // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 1. URL: <http://www.nevmenandr.net/.dkx/y?=1999&n=4&abs=KARIMOVA> (дата обращения: 20.08.2021)
6. Легеза С.В. Хронотоп виртуальных ролевых игр: «вымысел реальности» и «новая мифопоэтика» // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества : сб. науч. работ. Харьков : Изд. центр. Харьк. нац. ун-та им. В.Н. Каразина. 2002. С. 485–489.
7. Сорока Ю. Свои, чужие, разные: социокультурная перспектива восприятия Другого : монография. Харьков : Изд. центр. Харьк. нац. ун-та им. В.Н. Каразина. 2012. 332 с.

УДК 781.4

Delaram Hosseinioun
Leiden University (Leiden, Netherlands)
d.hosseinioun@hum.leidenuniv.nl

UNVEILING THE OTHER: THE METAMORPHOSIS OF FEMINIST PERSIAN ART FROM THE MID-TWENTIETH CENTURY TO THE PRESENT DAY

Abstract. By adopting Bakhtin's doctrines, namely the "carnavalesque" and "chronotope" as the chosen mise en scene of the artists and "heteroglossia" as the suppressed feminine voice narrated through art, the article analyses the works of Persian women-artists.

Keywords: Mikhail Bakhtin, contemporary art, polyphony, carnival, chronotope.

Деларам Хоссейниун
Лейденский университет
(Лейден, Нидерланды)
d.hosseinioun@hum.leidenuniv.nl

ОТКРЫТИЕ ДРУГОГО: МЕТАМОРФОЗЫ ПЕРСИДСКОГО ФЕМИНИСТСКОГО ИСКУССТВА С СЕРЕДИНЫ XX в. ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Используя бахтинские концепты «карнавал» и «хронотоп» как избранную художником мизансцену, а также его концепт «гетероглоссия» как подавляемый

женский голос, находящий свое выражение в искусстве, автор статьи анализирует произведения персидских женщин-художниц.

Ключевые слова: Михаил Бахтин, современное искусство, многоголосие, карнавал, хронотоп.

This project aims to trace the trajectory of Persian female artists from 1950 to the present day. The focus is on how conceptual art mirrors artists' endeavour for regaining neglected feminine integrity. Thus, by depicting the Other, a persona that has been imposed on women, the collective portrait unveils the identity of Persian woman as the marginalised members of the society. Accordingly, by adopting doctrines of Mikhail Bakhtin (1895–1975) the eminent Russian philosopher, namely, the carnivalesque discourse as the primary frame, along with post structuralist French Psychoanalysis, namely the analysis of the female identity as the Other in works of Butler, Kristeva and Cixous, the work of art becomes artists' entwined platform for announcing and embracing the prohibited.

As a result of a fragmented identity, in this analysis, the Other stands as a metaphorical stigma inflicted upon women, who have been deprived of the right to embrace their womanhood. In this case study, the focus is on Persian female artists who have had to live and craft their views within the coils of this Otherness. Thus by dividing the artists based on the dominant cultural and social crisis, namely in three epochs, the collective perspective illustrates the oscillations of Persian women's hidden utterance, as Bakhtin asserts "Existence is not only an event, it is an utterance" (M. Holquist).

Given the perpetual and extensive level of censorship and cultural taboos upon the female figure, the polyphonic dialogue of the Self and the Other grants the artists with the opportunity to both consciously and unconsciously surpass and depict banned narratives. Thus the pictorial narrative of the Other embarks the metamorphosis of the female persona, consequently by rendering the Other with a distinct visage, artists reclaim their selves.

When individuals are hushed and deprived of the notion of the self, then the silent but physical aspects of art either pigments, canvas and paper aid the creative spirit to surpass spatial and temporal axioms, urging the artist to riot, embody, and redeem the Other.

To better grasp the metamorphosis of the self and Other's discourse, the artists in my current study are divided into three generations, based on the prevailing social and cultural atmosphere of their time and the concurrent alterations of the feminine in Iran from the early twentieth century to the present moment. Among the first generation of artists studied would be Monir Farmanfarmanian (1922–2019) and Farideh Lashai (1944–2013) who represent a golden period for feminist Iranian artists. The second generation experienced the soaring upheavals of the Iranian Revolution of 1979 including Samira Abbassy (1965) and Poursan Jinch (1959). The third generation would include artists who live within Iran but exhibit on an international level, such as Shadi Ghadirian (1974), Newsha Tavakolian (1981) and Niloufar Bani Sadr (1973).

As Judith Butler declares "Our capacity to reflect upon ourselves, to tell the truth about ourselves, is correspondingly limited by what the discourse, the regime,

cannot allow into speakability" (Giving an Account of Oneself 132). On the other hand, according to Bakhtin, this situatedness as an outsider (but not an indifferent outsider) grants artistic self-activity the chance to unite, give a form to, and consummate an event from outside. Hence this unification and consummation are impossible from mere self-cognition or the action itself, but requires both. Bakhtin understands the aesthetic form as an intuitively uniting and consummating form for the conscious artist. Further Butler concludes: thus the desire for recognition is one in which desire seeks its reaction in the Other. This is at once a desire that seeks to negate the alterity of the Other. Hence, the aim is to analyse the evolution and the depiction of the Other as each generation encountered homogenous dilemmas and the visage of the female persona altered in accordance.

As a Persian girl, coming from the fourth generation, I witnessed not only in my country yet across the globe, Persian women have become the Exotic Other. The lack of a perpetual interdisciplinary analysis of Persian feminine visage urged me to delve into the inner realm of these artists and seek the prohibited glance, to seek the notion of art by women and for the sake of women, which my generation was deprived of and was left to wonder about. Aside from the occidental or mere oriental perspectives, by merging and extending the archetypes with contemporary conflicts and current issues, through comparative psychoanalytical perspective, this project would be the primary approach embarking the complete collective journey of Persian feminist art. Most importantly, by tracing the metamorphosis of the Other, the pictorial heteroglossia embraces the latent angles of each artist's vision, whose art was camouflaged by the social flux and could lead to further extensive discourses.

УДК 81'42:82.01Бахтин

Злотникова Татьяна Семеновна
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского
(Ярославль, Россия)
cij_var@mail.ru

АВТОР И КОНТЕКСТ: ВЫБОР М.М. БАХТИНА И ПОСЛЕДУЮЩИЙ ОПЫТ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Интеллектуальное наследие М.М. Бахтина представлено через дискурс автора и непосредственно связанный с ним дискурс контекста. Подчеркнуто значение обоих дискурсов для понимания концепта творчества как процесса и творца как субъекта деятельности. В качестве контекста идей Бахтина представлены, с одной стороны, суждения его предшественников и современников (К. Юнг, А. Моль), с другой стороны, развивавшие бахтинскую проблематику творчества суждения более поздних отечественных исследователей (Г. Стернин, И. Кондаков, Г. Бродская).

Ключевые слова: творчество, автор, контекст, дискурс, эстетические исследования.

AUTHOR AND CONTEXT: THE CHOICE OF M.M. BAKHTIN AND THE SUBSEQUENT EXPERIENCE OF AESTHETIC RESEARCH

Zlotnikova Tatyana S.
Yaroslavl State Pedagogical
University named after K.D. Ushinsky
(Yaroslavl, Russia)
cij_var@mail.ru

Annotation. The intellectual heritage of M.M. Bakhtin is presented through the author's discourse and the context discourse directly related to it. The importance of both discourses for understanding the concept of creativity as a process and the creator as a subject of activity is emphasized. As a context of Bakhtin's ideas, on the one hand, the judgments of his predecessors and contemporaries (K. Jung, A. Mol) are presented, on the other hand, the judgments of later domestic researchers (G. Sternin, I. Kondakov, G. Brodskaya), which developed the Bakhtin problems of creativity, are presented.

Keywords: creativity, author, context, discourse, aesthetic research.

Среди дефиниций, которыми М.М. Бахтин «облагодетельствовал» российскую и мировую науку, современные ученые легко и органично пользуются теми, которые еще тридцать лет назад выглядели экзотично: «хроно-топ» (не его, но им актуализированный термин), «диалог», «полифония». Для эстетического знания особо важными являются *автор/творец* и *контекст*. Подчеркиваем: эти категории осмысливаются не только в самостоянии, но и в интеграции, что особенно важно.

Напомним, что в XX столетии стало характерно усиление тенденции социологизированного подхода к творческой личности. Даже если отбросить высказанное в русле вульгарного социологизма суждение советского автора 1920-х годов (те, кому лучше других удастся обслуживать продуктами своего творчества, и есть истинные таланты [Шмит, 1925]), то нельзя не заметить тонкость и последовательность более позднего американского исследователя А. Моля, с социометрической точки зрения определяющего творца «как человека, который отправляет гораздо большее число сообщений, чем получает» [Моль, 1973, с. 91]. Следовательно, социолог культуры придает особое значение той активности, с какой происходит самоактуализация художника. И знаменательно, что эстетическая мысль (у Бахтина), все-таки предлагая дефиницию таланта, строит ее на внимании к тем же параметрам: талант, считает Бахтин, «это активная индивидуальность видения и оформления, а не видимая и оформленная индивидуальность...» [Бахтин, 2003, с. 261].

Творец, по Бахтину, связан с контекстом и детерминирован им. В качестве контекста выступают не только внешние явления, но сам продукт творчества: «Творца мы видим только в его творении, но никак не вне его» [Бахтин, 2002, с. 423]. Бахтин соотносит индивидуальность автора с созданным им миром героев, а значимость контекста определяется диалогизмом, который связывает автора с миром, в котором он живет и который создает. Но, естественно, Бахтин не был чужд представлениям о внешнем характере контекстуальности как времени и места пребывания художественного образа:

«произведение не может жить в будущих веках, если оно не вобрало в себя как-то и прошлых веков. <...> Все, что принадлежит только к настоящему, умирает вместе с ним», причем в контекст включается временная и культурная вневременность [Бахтин, 2002а, с. 454]. Поиск контекста – творческий дискурс автора, в этой мысли Бахтин совпадает с К.-Г. Юнгом и другими исследователями. Стремление к преодолению дисгармонии более чем естественно именно для творца художественных ценностей, способного гармонию создать «собственноручно». Как замечает Юнг, «тоска художника, возникающая из-за неудовлетворенности современностью, исчезает, как только она достигает в бессознательном первообраза, который способен самым действенным образом компенсировать несовершенство и однобокость духа времени» [Юнг, 1996, с. 59].

Выбор Бахтина в отношении проблемы «автор и контекст» как эстетически значимой и неустаревающей повлиял (не обязательно со ссылками на классика, но явно и сущностно) на те исследования, которые носят междисциплинарный характер и опираются на эстетическую методологию, как это было у самого Бахтина, будучи обращенными как к широкой культурно-исторической проблематике, так и к локальным культурным феноменам-персонам. Применительно к проблеме «автор и контекст» обозначим номинативный ряд эстетических по своей сути трудов, унаследовавших, с нашей точки зрения, парадигму Бахтина: это культурно-исторические сочинения И.В. Кондакова, основанные на признании бинарности культуры и учете *контекста* – филология и философия, философия и история, история и эстетика); подлинно междисциплинарные работы о разных видах искусства, принадлежащие перу Б. Зингермана на основе соотнесения персоны автора в его психологической и культурной специфике и контекста; исследования художественной культуры Г.Ю. Стерниным, у которого видим междисциплинарное (искусствоведение + культурология + история + эстетика) в своем послании положение о том, что, рассматривая художественную жизнь, исследователь видел изобразительное искусство органической частью художественной культуры своего времени, ее общих духовных устремлений, ее общественно-го бытия, ее жизнестроительных усилий [Стернин, 2005]; работы театроведа Г.Ю. Бродской, которая, не афишируя этого, решала в своем, по сути эстетическом, исследовании локальной актерской судьбы вопрос о выборе точки отсчета для изучения истории культуры, для соотнесения этой точки отсчета с обыденными (в том числе имманентно сложившимися) и общенаучными представлениями. Названные и немногие, особенно прозорливые другие авторы, следуя за Бахтиным, пытались ответить на эстетически детерминированный вопрос об авторе и контексте: относительно чего или кого рассматривается художественный процесс?

Так идеи Бахтина влияют и контекстуально растворяются в исследованиях и суждениях других отечественных ученых, предлагая все новые аспекты и принципы изучения автора и контекста.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. 958 с.
2. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. С. 371–439.
3. Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002а. С. 451–457.
4. Моль А. Социодинамика культуры. М. : Прогресс, 1973. 407 с.
5. Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России 30–40-х годов XIX века. М. : ГАЛАРТ, 2005. 240 с.
6. Шмит Ф.И. Искусство: Основные проблемы теории и истории. Л. : ГИИИ, 1925. 312 с.
7. Юнг К. Проблемы души нашего времени. М. : Прогресс : Универс, 1996. 329 с.

УДК 1:81'42(81) Бахтин

José Antonio Rodrigues Luciano
São Paulo State University
(Araraquara, Brazil)
j.luciano@unesp.br

THE RECEPTION OF BAKHTIN'S THOUGHT IN BRAZIL: VERBIVOCOVISUAL PROPOSALS

Abstract. This investigation reflects the conception of language in the philosophy of the Bakhtin Circle. The objective is to understand how Russian thinkers delimit the notion of language constituted by the verbalvocovisual dimensions, and how they materialize in different genres, according to the subject's architectural project. Thus, we consider the excerpts that point to a general notion of language, called here verbivocovisual, common among the authors. The relevance of the work consists in thinking about Bakhtin's philosophy in the analytical foundation of statements from different semiosis.

Keywords: Bakhtin's Circle, Philosophy of language, Dialogue, Subject, Verbivoco-visibility.

Жозе Антониу Родригеш Лусиану
Государственный университет Сан-Паулу
(Араракуара, Бразилия)
j.luciano@unesp.br

РЕЦЕПЦИЯ МЫСЛИ БАХТИНА В БРАЗИЛИИ: ВЕРБАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Аннотация. Это исследование отражает концепцию языка в философии Круга Бахтина. Цель состоит в том, чтобы понять, как русские мыслители разграничивают понятие языка, состоящее из словесно-ковизуальных измерений, и как они материализуются в разных жанрах в соответствии с архитектурным проектом субъекта. Таким образом, мы рассматриваем отрывки, которые указывают на общее понятие языка, называемое здесь вербивоковизуальным, распространенным среди авторов. Актуальность работы состоит в осмыслении философии Бахтина в аналитическом обосновании высказываний из разных семиозисов.

Ключевые слова: Круг Бахтина, философия языка, диалог, предмет, вербиво-визуальность.

Some socio-historical elements by way of introduction

As Ivanova's (2001) study points out, the Soviet Union of the 1920s and 1930s lived a scenario of intense research and experimentation with/on language, in which artists and thinkers from different areas sought to understand signs not only as an instrument of semiotic representation, but as the very material constitution of human reality, that is, of existence. This situation is made explicit in the passage by Boris Schnaiderman [Schnaiderman, 2010, p. 18–19, our translation], in which "the interpenetration of the arts finds its privileged moment". For example, the Russian cub-futurist poets and cinema; the acting of the poet Maiakovsky in cinema, as an actor, stage designer and director theatrical experiences of Meyerhold, and others, that expand theater's field of action, seen in the totality of visual and sound elements; El Lissitzky's graphic experiments with the integration of word and image, etc. Certainly, as continues Schnaiderman, "there are achievements and more achievements, all in the sense of expressing one of the greatest aspirations of the century: art, science and technique, merged into a totality and offered to man for daily use".

Furthermore, in this period, the readings of authors such as Baudelaire (who articulates the verbal with the imagery together with the symbolist sound), Richard Wagner (who understands opera as a musical drama constituted in the equi-potent relationship of verbal, sonorous and visual) and Nietzsche (with his study of the musical choir in the tragedies of Ancient Greece).

In this sense, as part of this context, the Bakhtin Circle composes this set of studies on language in an interactional way. Among the thinkers who formed the "thought collective", in the words of Medvedev and Medvedeva (2014), there were philosophers, poets, linguists, musicians, biologists.

Consequently, due to the context and the heterogeneous formation itself, the construction of a Bakhtinian philosophy of language could only take place through a dialogical understanding of the sign, that is, three-dimensional. This conception appears in at least two ways: from concepts such as voice (we remember that Yudina was a great Bach interpreter, known for his polyphonic style in voice orchestration), intonation, polyphony, author image, architectural, among others; and also from the notion of subject, in which the Bakhtinian Philosophy of Language becomes overtly three-dimensional, as it explains that the architecture of the real world is constituted by the three fundamental moments, "I-to-me", "me-for-the-other" and "the other-for-me". Thus, in the first Bakhtinian philosophy, we see the idea of three-dimensionality.

The problem of subject, language and utterance

When we think about the concept of subject, through the conscience, in relation to language, this understanding of ours becomes even clearer. In *Marxism and Philosophy of Language*, Voloshinov states that "The objective social laws of ideological creation, misunderstood as laws of individual consciousness, were forcibly forced to lose their real place in existence, now passing to the supraexistential

heights of transcendentalism, now to the pre-social depths of the biological and psychophysical subject" [Volóchinov, 2017, p. 96, our translation].

As the real place is the world of signs, once consciousness and existence can only materialize themselves, it becomes objective in certain semiotic material of word, sound, drawing, color etc. Thus, simultaneously, the subject is incarnated through language, language is concretized through and in the subject. This reveals to us the relationship between internal and external, conscience and ideology, individual and social, considered by the Circle and confirmed in Voloshinov's passage.

There is no outer sign without the inner sign. An outer sign, incapable of entering the context of inner signs, that is, of being understood and experienced, ceases to be a sign and becomes a physical object.

"The ideological sign lives through its psychic realization, just as psychic realization lives through its ideological content. The psychic experience is the internal that becomes external; the ideological sign is the external that becomes internal" [Volóchinov, 2017, p. 137–138, our translation].

This is the dialectical synthesis performed by the Bakhtin Circle, which takes place in language: "This living dialectical synthesis between the psychic and the ideological, between the internal and the external, is always carried out repeatedly in the word, in each utterance, however insignificant it may be. In each discursive act, the subjective experience is eliminated in the objective fact of the spoken-word; the spoken word, in turn, is subjectivated in the act of responsive understanding, to generate sooner or later a responsive reply" [Volóchinov, 2017, p. 140, our translation].

Thus, it is in this sense that, later, Bakhtin will indicate to an general conception of language, that we will denominate three-dimensional verbivocovisual: "Every sign system (that is, any language), although its convention is based on a narrow collectivity, at first, it can always be codified, that is, translated into other sign systems (other languages); consequently, there is a general logic of sign systems, a potential language of single languages... the potential language of languages is unquestionable" [Bakhtin, 2011, p. 311, our translation].

Ours hypothesis can still be confirmed from notes from studies made by another thinkers of Circle as the analysis of opera (materially verbivocovisual) realized by Sollertinsky, *The Magic Flute* and *Don Giovanni*, both from Mozart. There are also two articles by Volóchinov, for example, Problems of Beethoven's Work (1923) – six years before Bakhtin's Problems of Dostoyevsky's Work – and On Concert Styles (1923), in this later article, the marxist author says be legitimate the combination between the music and others languages like word, line and colour.

Conclusions

Furthermore, works as Anthony Wall's Eavesdropping on Painting, and Deborah Haynes' *Bakhtin and the visual arts* (1995) and *Bakhtin Reframed* (2013), as well as the Craig Brandist's (2002) claim about the existence of a philosophy of language and of signification in general, with particular reference to literary material reiterate our understanding of philosophical conception of verbivocovisual three-dimensionality of language in the Bakhtin's Circle.

Therefore, considering the points presented throughout our speech, the Circle's dialogued production, the areas of activity of its members, the interest in thinking broadly about language, even if taken from and through the study of literature, it is that we understand the philosophical conception of Bakhtinian language in a three-dimensional verbivocovisual.

The verbivocovisual relationship covers the utterance/enunciation, regardless of its materiality because the three dimensions are organized in their evaluative potential, so that they occur in any materiality – visual, vocal, verbal or syncretic – according to the discursive project of the subject, linked to the general rule of its inseparable architectural interweaving.

References

1. Bakhtin M. *Estética da Criação Verbal*. 6ª ed. São Paulo : Martins Fontes, 2011. 476 p.
2. Brandist C. *The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics*. L. : Pluto Press, 2002. 221 p.
3. Ivanova I. O diálogo na linguística soviética dos anos 1920–1930 // From Bakhtiniana. *Revista de Estudos do Discurso*. São Paulo : PUC-SP, 2011. P. 239–267.
4. Luciano J.A.R. *Filosofia da linguagem bakhtiniana: concepções verbivocovisuais*. São Paulo : Universidade Estadual de São Paulo (Unesp), 2021. 279 p.
5. Medvedev I., Medvedeva D. The M.M. Bakhtin Circle: on the Foundation of a Phenomenon // From Bakhtiniana. *Revista de Estudos do Discurso*. São Paulo : PUC-SP, 2014. P. 28–48.
6. Schnaiderman B. (ed.). *Semiótica russa*. 2ª edição. São Paulo : Perspectiva, 2010. P. 9–27.
7. Volóchinov V. *Marxismo e Filosofia da Linguagem*. São Paulo : Editora 34, 2017. 376 p.
8. Wall A. Eavesdropping on Painting // From Bakhtiniana. *Revista de Estudos do Discurso*. São Paulo : PUC-SP, 2015. P. 200–233.

УДК 17.026.2

Коваль Екатерина Александровна
Средне-Волжский институт (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России)
(Саранск, Россия)
nwifesc@yandex.ru

НОРМОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАРНАВАЛА*

Аннотация. Карнавал – не только форма народно-смеховой культуры, но и явление, связанное с коллективным нормотворчеством. Нормотворческий потенциал карнавала объясняется тем, что он неинституционален, амбивалентен, позволяет расширять границы социального воображаемого, стимулируя индивидуальную и коллективную нормотворческую деятельность.

Ключевые слова: нормотворчество, карнавал, закон, свобода, социальное воображаемое.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00082).

NORMATIVITY POTENTIAL OF CARNIVAL

Abstract. Carnival is not only a form of culture of popular laughter, but also a phenomenon associated with collective norm-creating. The norm-creating potential of the carnival is explained by the fact that it is non-institutional, ambivalent, expands the boundaries of the social imaginariy, thereby stimulating individual and collective norm-creating activity.

Keywords: norm-creating; carnival; law; freedom; social imaginariy.

Нормотворчество представляет собой деятельность индивидуальных или коллективных субъектов, в результате которой появляются, изменяются или упраздняются социальные нормы. Такая деятельность, как правило, является осознанной и целенаправленной, особенно если речь идет о правовом нормотворчестве. Однако другие нормы могут появляться иначе. Так, например, О.Г. Дробницкий, характеризуя нормотворчество в морали, отмечает, что оно может быть неосознанным, потому что осуществляется на протяжении жизни нескольких поколений [Дробницкий, 2002, с. 240]. При этом «нормотворчество как способ кристаллизации исторического опыта общества является одним из самых древних и поначалу наиболее простых орудий, посредством которых люди практически овладевают и управляют механизмами социальной жизни, противопоставляя полиморфной стихии случайных факторов поведения упорядочивающие это поведение законы» [Дробницкий, 2002, с. 221].

Такое орудие принадлежит не только власти, но и крупным социальным общностям и может использоваться в различных контекстах. Рассмотрим в качестве одного из таких контекстов карнавал.

Данное явление – не просто форма народно-смеховой культуры. Карнавал имеет нормотворческий потенциал, потому что он типичен для средневекового общества. Карнавалы чередуются с периодами серьезной жизни, в которой действуют иные законы.

Несмотря на то что карнавал неинституционален, по словам М.М. Бахтина, «во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальная свободы» [Бахтин, 2010, с. 15]. Их создателем является локальная общность – люди, вышедшие на площадь или оставшиеся в своих домах, но, так или иначе, включенные в праздник.

Нормотворческие проекции карнавала проявляются при столкновении законов карнавала и властных нормативных установлений. В интерпретации Бахтина карнавал и система власти наделяются противоположными аксиологическими модальностями Бахтин, 2010, с. 18]. На это обращает внимание, в частности, С.С. Аверинцев: «Построения Бахтина имеют в виду только тот случай, когда освободиться надо от социальной маски, навязанной испуган-

ному человеку „официальной культурой“, т.е., говоря на простом русском языке, начальством» [Аверинцев, 1992, с. 9–10].

Однако если посмотреть на анализируемое противопоставление через призму нормотворчества, можно выявить новые грани взаимодействия карнавального и официального. Ключевым фактором здесь является «срочность» карнавала: все его участники понимают, что карнавал закончится, и все вернется к тем нормативным границам, которые существовали до его начала.

Временная отмена норм – это не просто игра в ненормативность, но стимул к трансформации нормы. Когда норма временно отменяется, появляется опыт жизни без нее, который должен показать, насколько важна или не важна та или иная норма в регуляции общественных отношений. Что принципиально меняется, когда конкретная норма перестает существовать? К чему это приводит? Карнавал – колоссальный опыт бытия без устоявшихся норм. Это позволяет заново переоценить их роль в системе социального контроля.

При этом карнавал – амбивалентен, поэтому может порождать не только нормы, но и так называемые антинормы – основанные на антиидеях [Титаренко, 1984] предписания, дозволения и запреты. Бахтин неоднократно подчеркивает, что карнавал освобождает человека: это если не образ свободы, то образ перехода (пусть временного) от несвободы к свободе. С.В. Сандлер идет дальше и в попытке примирить персоналистскую философию поступка и идею карнавала сопоставляет карнавальную образ с образом поступающего человека [Сандлер, 2016, с. 22]. Но свободный человек может сделать выбор как в пользу добра, так и в пользу зла. Поэтому не следует безраздельно доверять карнавалу как носителю позитивных нормативных начал. Однако понимание бытия карнавала, который есть «сама жизнь, но оформленная особым игровым образом» [Бахтин, 2010, с. 17], изучение правил карнавальной игры может помочь официальной культуре избежать многих ошибок нормотворческого и управленческого характера.

Еще одним аргументом в пользу наличия у карнавала нормотворческого потенциала является то, что он раздвигает границы социального воображаемого, тем самым стимулируя индивидуально-коллективную творческую (в том числе нормотворческую) деятельность. Под социальным воображаемым понимается совокупность обыденных коллективных представлений о должном и сущем, о приемлемых и неприемлемых социальных практиках, о том, как устроено общество, каковы его ценностно-нормативные основания.

Нормотворческая деятельность может быть инициирована как в социальном воображаемом, так и на уровне практик. В первом случае сначала появляется норма, которая затем трансформирует практики; во втором – зарождающиеся в повседневности практики порождают потребность в их осмыслении, типизации и нормативном регулировании.

Как отмечает Бахтин, карнавальное мироощущение освобождает «...человеческое сознание, мысль и воображение для новых возможностей.

Вот почему большим переверотам даже в области науки всегда предшествует, подготавливая их, известная карнавализация сознания» [Бахтин, 2010, с. 61]. Учитывая данный фактор, можно прогнозировать всплески нормотворческой деятельности и целые нормотворческие перевероты, основываясь на выявлении признаков карнавализации сознания.

Однако можно предположить, что работает и обратный процесс: активная нормотворческая деятельность может породить карнавализацию сознания. Парадоксальным образом жесткое нормативное регулирование тех или иных общественных отношений в ряде случаев ведет за собой появление новых, порой, уродливых форм обхода нормативных границ и установлений.

Итак, карнавал имеет серьезный нормотворческий потенциал. Несмотря на то что для российского национального самосознания карнавализация характерна в меньшей степени, чем для европейского, понимание карнавального бытия необходимо для оценки его нормотворческого потенциала. Такое понимание жизненно необходимо в кризисные периоды для официальной власти. Мудрая власть фиксирует, какие нормы отменяет карнавал, исследует области сакрального, над которыми смеется толпа, анализирует причины данного явления и принимает конструктивные решения. Если власть этого не делает – в любой момент карнавал может трансформироваться в бунт, который в случае удачи неизбежно оканчивается не естественными процессами нормативного обновления в социальном воображаемом, но глобальным «приступом» нормотворчества, влекущим за собой болезненную резкую смену социальных практик и многочисленные разрывы в «ткани» социальной реальности.

Библиографические ссылки

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 719.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970). Комментарии и приложение // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4(2). М.: Языки славянских культур, 2010. 752 с.
3. Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избр. труды / сост. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. 5–23 с.
4. Сандлер С.В. Тема карнавала в контексте философии М.М. Бахтина // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 3–4. С. 10–28.
5. Титаренко А.И. Антиидеи. Опыт социально-этического анализа. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 478 с.

Кондратенко Юрий Алексеевич
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
yurkondr@gmail.com

ТИПЫ ХРОНОТОПОВ В СЮЖЕТАХ БАЛЕТНЫХ СПЕКТАКЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. Одним из возможных способов анализа текста в искусстве служит процесс проникновения «через ворота хронотопов» в центр «изобразительной конкретизации» всех абстрактных элементов текста и сообщения им художественной образности. Отражение реальности человеческого опыта в реальности художественного текста требует интерпретации и толкования возникающего в этом пространстве смысла, который в знаковой (слышимой или видимой) форме искусства после такой интерпретации будет включен в наш опыт. Анализ отношений частей к целому позволяет переосмыслить выразительность балетного спектакля. Хронотоп каждой картины создает различные уровни пластической напряженности, последовательно собираемые в большое повествование. Благодаря этому конструировалась не простая история героя в застывших во времени обстоятельствах, а динамичная структура с глубокими трансформациями образа героя в контексте большой длительности внешних событий.

Ключевые слова: хронотоп, часть и целое, балетный спектакль, выразительность текста, интерпретация текста.

Kondratenko Yuri A.
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia)
yurkondr@gmail.com

TYPES OF CHRONOTOPES IN THE PLOTS OF BALLET PERFORMANCES OF CLASSICAL HERITAGE

Abstract. One of the possible ways of analyzing the text in art is the process of penetrating "through the gates of chronotopes" into the center of "pictorial concretization" of all abstract elements of the text and communicating to them artistic imagery. The reflection of the reality of human experience in the reality of a literary text requires interpretation and interpretation of the meaning arising in this space, which in a symbolic (audible or visible) form of art after such an interpretation will be included in our experience. The analysis of the relations of parts to the whole allows us to rethink the expressiveness of a ballet performance. The chronotope of each painting creates different levels of plastic tension, consistently assembled into a large narrative. Thanks to this, a difficult story of the hero was constructed in circumstances frozen in time, and a dynamic structure with deep transformations of the hero's image in the context of a long duration of external events.

Keywords: chronotope, part and whole, ballet performance, expressiveness of the text, interpretation of the text.

Отражение реальности человеческого опыта в реальности художественного текста требует интерпретации и толкования возникающего в этом пространстве смысла, который в знаковой (слышимой или видимой) форме искусства после такой интерпретации будет включен в наш опыт. Одним из возможных способов анализа служит процесс проникновения «через ворота хронотопов» в центр «изобразительной конкретизации» всех абстрактных

элементов текста и сообщения им художественной образности [Бахтин, 2012, с. 503].

Искусство танца отражает человеческий опыт в пластических образах. Здесь временная длительность музыкальных структур (ритм и метр) трансформирует в физическом пространстве пластику тела, создавая новое пространство художественного текста. Пластика тела «сковывает» опыт жизни, останавливает событие и овеществляет его, при этом концентрация времени в ограниченном теле «провоцирует взрыв» чувственных сторон пластики. Таким образом, внешний опыт становится индивидуальным опытом жизни тела, а затем это новое пластическое тело продуцирует смысл, обращенный к каждому.

В этой системе необходимо обратить внимание на способы интерпретации смысловых структур художественного текста с помощью хронотопа произведения на различных уровнях. Один из них – конструкция сюжета, в которой событийная концентрация с помощью хронотопа создает пространство для раскрытия смысла изображения в действии – основы любого сценического представления.

Ярким примером служит классический сюжет балетного спектакля XIX столетия. Его временная структура наследует классицистическому канону единства времени. В силу этого обстоятельства мы не задаемся вопросом о том, какое количество времени проходит в ряду событий от экспозиции до разрешения конфликта в спектакле.

В спектаклях романтического периода и большом спектакле эпохи академизма время всего повествования действительно застывает (замедляется) и перестает течь (все происходит «сейчас»; нет «до» и «после», «тем временем», «параллельно с этим» и т.п.). В этой системе отсутствует и большое историческое время. Для балетного сюжета указанного периода характерен тип времени сказочно-мифологического или эпического плана с его определением времени «когда-то давным-давно», «в незапамятные времена». Любые уточнения времени, указания на его длительность или соотносимость с событиями реального мира сделает повествование запутанным и недоступным для восприятия. Время без уточнения, остановленное и оторванное от реальности необходимо для того, чтобы создать иное время, конструирующее условное пространство действия, более насыщенное и способное сконцентрировать наше внимание на событийном ряду повествования в целом.

Чтобы усилить динамику изменений, проникнуть в их смысл, создается не один хронотоп событий, а конфликтные типы хронотопа (например, в романтизме – противостоящие друг другу сцены в реальном мире и мире фантазии, различны по скорости изменений и пластическим характеристикам). Ситуацией остановки времени действия на уровне законченных по форме хореографических сцен рождает еще один тип хронотопа. Исторически пантомимные сцены в балете выполняли изобразительную функцию, замещали собой речь персонажа, тогда как хореографические сцены служили лишь красочным фоном. Романтизм сменил акценты. Для полноты раскрытия эмоционально-чувственного мира героя хореографические сцены выдвинулись на

первый план. Для этого внешнее повествование останавливалось и уступало место хореографическому монологу или диалогу – пластике, до предела насыщенной эмоциями и чувствами. Смена регистра динамики событий предельно «напрягало» временную структуру и увеличивало выразительность пластических изменений. Так достигается ясность понимания зрителем глубины смысла. Подобный тип хронотопа, изменяющий глубину пластического выражения, начинает формироваться во второй период романтизма и достигает своей вершины в академических балетах М. Петипа.

К концу XIX столетия складывается новая форма спектакля – балет-феерия, ставшая знаком кризиса балетного театра. С одной стороны, перед нами доведенная до предела форма академического большого балета, с другой – дань реализму, способ ответить на вызовы времени. В новом типе хронотопа балета-феерии появляются указания на время реальности, условное время спектакля конкретно физически и длиться исторически долго. Например, в балете «Спящая красавица» действия переносит нас в конкретные эпохи – в XVII и XVIII века, в картинах есть указания на конкретные временные промежутки жизни персонажей – рождение и восемнадцатилетие героини, ее пробуждение через сто лет.

Каждый отрезок повествования в масштабе большой длительности времени рождал свой тип хронотопа. Такое внимание к частям целого усилило выразительность отдельных хореографических сцен. Хронотоп каждой картины создавал различные уровни пластической напряженности, последовательно собираемые в большое повествование. Благодаря чему конструировалась не простая история героя в застывших во времени обстоятельствах, а динамичная структура с глубокими трансформациями образа героя в контексте большой длительности внешних событий.

Библиографические ссылки

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3. М. : Русские словари : Языки славянских культур, 2012. С. 340–503.

УДК 394.014

Кузовенкова Юлия Александровна
Самарский государственный медицинский университет
(Самара, Россия)
yu.a.kuzovenkova@samsmu.ru

ХРОНОТОП КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ УЛИЧНЫХ АРТ-ПРАКТИК

Аннотация. Данная работа посвящена вопросу о том, как хронотоп («время-пространство» городской культурной среды) отражает суть и характер субкультуры граффити и нелегального стрит-арта и каким образом он связан с их функциями. В хронотопе граффити запечатлена маскулинность как желаемая черта образа граффитчика и креативность как черта образа стрит-артиста. Переход практик из нелегальной формы в легальную находит отражение и в трансформации их хронотопов.

Ключевые слова: город, молодежь, хронотоп, граффити, время-пространство.

CHRONOTOPE AS A RESEARCH TOOL YOUTH STREET ART PRACTICES

Abstract. This paper is devoted to the question of how the chronotope ("time-space" of the urban cultural environment) reflects the essence and nature of the subculture of graffiti and illegal street art and how it is related to their functions. The chronotope of the graffiti captures masculinity as a desirable trait of the graffiti artist's image and creativity as a trait of the street artist's image. The transition of practices from an illegal form to a legal one is also reflected in the transformation of their chronotopes.

Keywords: city, youth, chronotope, graffiti, time-space.

Хронотоп может быть не только средством выразительности, используемым в литературе, но и методологическим инструментарием для диагностики городской культуры, примером чему могут служить работы научной группы под руководством профессора Е.Я. Бурлиной [Полифония городских пространств, 2014]. Хронотоп порождает смысл, является средством выразительности, конституирует суть феномена культуры и т.д. В нашем исследовании мы постарались проследить, как «время-пространство» определяет суть и характер арт-практик граффити и нелегального стрит-арта и каким образом он связан с их функциями.

Граффити зарождаются как средство коммуникации социально незащищенных слоев с властью: им пользовались в первую очередь афроамериканское и латиноамериканское население США в 70-х гг. XX в. [Chalfant, Prigoff, 1999]. Позднее под влиянием граффити возникает стрит-арт – муралы (фрески), плакаты, трафареты, наклейки, картины и др. Эти арт-практики изначально носили маргинальный характер, являясь, с одной стороны, средством противостояния официальной власти, борьбы за свои права, с другой – выражением своего индивидуализма. Суть этих арт-практик запечатлена в их хронотопе: место – стены общественных и частных зданий (способ выйти в общественное пространство, чтобы сделать свое высказывание публичным), время – ночь (отражала их маргинальный, протестный характер, символизировала оппозицию их создателей официальной власти, а также была средством избежать ареста за порчу городского или частного имущества).

В российском культурном пространстве граффити и стрит-арт потеряли политическое содержание, превратившись в средство формирования маскулинного образа граффитчика и образа «креативной личности» стрит-артиста.

Маскулинность традиционно связывается с такими чертами, как сила, бесстрашие, бунтарство, смелость и т.п., поэтому в хронотопе российского граффити становится важна трудность в достижении места для нанесения рисунка: чем место опаснее, тем лучше. Таким образом, наиболее престижные места для граффити в городе – это пространства под крышами домов (трудно

попасть, опасно передвигаться в процессе нанесения рисунка), а также вагоны трамваев и метро (они хорошо охраняются).

От хронотопа граффити несколько отличен хронотоп нелегального стрит-арта. Так же, как граффитчики, стрит-артисты стремятся разместить свои работы на хорошо просматриваемых и труднодоступных местах. Однако территориально город осваивается по-иному. Стрит-арт-работ больше в исторической части города по сравнению с другими его зонами, в отличие от граффити-работ, которые в большом количестве можно найти в разных частях города. Некоторые представители стрит-арта объясняют свое предпочтение исторической части города ее эстетичностью, отмечая, что лирика, перекликающаяся с эстетикой исторической среды и Волги, может присутствовать в произведениях стрит-арта (в первую очередь в сюжетных работах), в отличие от граффити, которое ориентировано исключительно на шрифты.

Одно из изменений, произошедших с граффити и стрит-артом в начале XXI в., – появление практик их легитимации (выставки, аукционы, фестивали, коммерческие росписи стен и др.), которые также сказались на хронотопе. Ночь может использоваться художниками, участвующими в выставках и аукционах, чтобы сохранить анонимность, тем самым сформировать и поддерживать интерес к своей персоне (например, Бэнкси и так называемый «партизанский» маркетинг), т.е. для достижения коммерческого успеха. Но чаще всего в легальном направлении граффити и стрит-арта происходит замена ночи на день. И такое изменение выглядит предсказуемым и логичным. У легализованного уличного искусства нет необходимости прятаться от правоохранительных органов и изначально отсутствует конфронтация с официальной властью. Таким образом, прослеживается связь между легальностью и временем суток: нелегальность – ночь, легальность – день. Легальность дает возможность публичности, присутствия в пространстве, наполненном социальной активностью, что очень важно, так как цель художников в данном случае – приобрести известность и заработать на своем творчестве. Эти уличные арт-практики в последнее десятилетие начинают входить в сферу официального современного искусства, получать признание у арт-критиков, галеристов и арт-менеджеров. Это сделало возможным вовлечение граффити и стрит-арта в сферу искусства через коммерциализацию.

Но все же на сегодняшний день большинство граффитчиков и стрит-артистов продолжает существовать в рамках изначального хронотопа – «ночь и запрещенные публичные пространства». Поэтому по поводу граффити и стрит-арта до сих пор идут споры: это искусство или вандализм?

На стыке двух типов хронотопа случаются курьезы. Так, самарский граффитчик Уби сначала нелегально рисовал на стенах, через несколько месяцев устроил свою официальную выставку, т.е. попытался совершить переход из одного хронотопа в другой. Но, выйдя на публику, он оказался доступен и для полиции. Его оштрафовали за вандализм. А работы самого дорогого стрит-артиста Бэнкси, появляющиеся периодически на домах разных го-

родов мира, муниципальные службы и правоохранительные органы квалифицируют как вандализм и стремятся уничтожить, в то время как другая часть жителей, ценящих граффити, пытаются их запечатлеть на фотоаппарат, а в некоторых случаях украсть вместе с куском стены. В частности, это произошло с трафаретным рисунком Бэнкси «Рабский труд». Он исчез со стены одного из магазинов в британской столице. А через несколько месяцев картина была продана на частном аукционе в Лондоне за 1,1 миллиона долларов.

Таким образом, можно говорить о том, что представители молодежной субкультуры граффити и стрит-арта «перекодируют» городские локусы, меняя их назначение и функции. Улица становится не только местом транзита, но и пространством саморепрезентации. Такие практики редко бывают укоренены в «большом» времени. Их ценность в акте здесь и сейчас. Главная цель – получение адреналина и творческое самовыражение. Однако на примере жизненных траекторий некоторых представителей стрит-арта (например, Кирилл Кто, Миша Мост, Денис Вертиго) можно сказать, что нелегальная уличная активность становится для них частью жизненной стратегии самореализации, переходя из досуга в профессиональную деятельность и источник заработка. Обращение к хронотопу позволяет выявить смыслы, которые молодежь вкладывает в свою субкультурную активность.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 340–512.
2. Полифония городских пространств. Философско-культурологические теории и хронотопия : сб. науч. ст. : в 2 т. Самара : Медиа-книга, 2014.
3. Chalfant H., Prigoff J. *Spraycan Art*. L. : Thames and Hudson Ltd, 1999. 96 p.

УДК 316.472

Kumakura Yousuke
The University of Tokyo
(Tokyo, Japan)

kumakumakuma311@yahoo.co.jp

"HOUSING FIRST" AS A WAY OF "DIALOGUE" FOR PEOPLE TO LIVE TOGETHER IN THE COMMUNITY

Abstract. The author is engaged in homeless support as a psychiatrist in Japan. Various paradigm shifts have occurred in mental health services. This study focuses on the project "Housing First" (HF). This is a study not just on staying in a psychiatric hospital or staying on the streets, but also on "dialogue" for people to live together in the community.

Keywords: psychiatry, "Housing First", dialogue, living in the community.

Юске Кумакура
Университет Токио
(Токио, Япония)
kumakumakuma311@yahoo.co.jp

«ЖИЛЬЕ ПРЕЖДЕ ВСЕГО» КАК СПОСОБ «ДИАЛОГА», ПОЗВОЛЯЮЩЕГО ЖИТЬ В СООБЩЕСТВЕ

Аннотация. Автор занимается поддержкой бездомных в Японии в качестве психиатра. В статье основное внимание уделяется проекту «Жилье прежде всего» ("Housing First", HF). Это исследование не только пребывания людей в психиатрической больнице или на улице, но и «диалога» с целью их проживания в сообществе.

Ключевые слова: психиатрия, «Жилье прежде всего», диалог, проживание в сообществе.

The author is engaged in homeless support as a psychiatrist in Japan. It is reported that there are about 4,500 homeless people in Japan. The number of psychiatric beds of Japan is still among the highest in the world, and the mean length of a hospital stay for a psychiatric admission is long.

Various paradigm shifts have occurred in mental health services. This study focuses on the project "Housing First" (HF). HF is a new approach in the area of homeless support. HF is a simple model that provides stable housing and provides various visiting health care services when needed. HF does not make receiving treatment a requirement for housing. HF does not make any judgment if anyone can live in his apartment.

This is a study not just on staying in a psychiatric hospital or staying on the streets, but also on "dialogue" [Bakhtin, 1981, 281–285] for people to live together in the community. The research questions are: a) How did the paradigm shift in mental health services emerge? b) How our rigid health care services can be flexible and be optimized for the most vulnerable people? I consider this paradigm shift as a part of "dialogue" to keep people living together in the community, and the "love" which Bakhtin terms would be useful to think about the future of mental health. I look at the relationship between micro-level dialogue in the field of health care and the change of macro-level healthcare service systems.

References

Bakhtin M.M. The dialogic imagination : four essays. / eds.: C. Emerson, M. Holquist. Austin : Univ. of Texas Press. 1981.

Левина Людмила Демьяновна
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
(Саранск, Россия)
levinaludmila62@mail.ru

ХУДОЖНИК И ТВОРЧЕСТВО: ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВА РУБЕЖА XX–XXI вв.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению развития современного искусства на рубеже XX–XXI веков. Исследуются связи единства искусства и жизни; выявляются проблемы ответственности художника и его произведений перед обществом в контексте трудов М. М. Бахтина.

Ключевые слова: ответственность, М.М. Бахтин, художник, культура, искусство, творческий процесс, индивидуальность, авторский стиль.

Levina Ludmila D.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
levinaludmila62@mail.ru

ARTIST AND CREATIVITY: THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF THE ART OF THE BORDER OF THE XX–XXI CENTURIES

Abstract. The article is devoted to understanding the development of modern art at the turn of the XX–XXI centuries. The author examines the connections between the unity of art and life; identifies the problems of the responsibility of the artist and his works to society in the context of the works of M. M. Bakhtin.

Keywords: responsibility, M.M. Bakhtin, artist, culture, art, creative process, individuality, author's style.

Искусство рубежа XX–XXI веков стало переходной эпохой в развитии художественной культуры России и стран зарубежья. Традиционные формы творческой деятельности требуют перемен, выявляя проблемы дальнейшего развития. «Другое» искусство выводит на сцену истории новые имена. Культурное пространство насытилось небывалой интенсивностью творческого процесса, ориентированного на художественный и коммерческий успех. Интерес ко всему новому вызвал к жизни новые направления в искусстве, новые школы, что проявилось в многочисленных выставочных проектах: триеннале, биеннале, симпозиумы, арт-салоны. Частные галереи, экспозиционные площадки, а порой известные музеи устраивают вернисажи художников, чье творчество не бесспорно, эпатажно и даже скандально. В таких условиях остро стоит вопрос об ответственности художника перед обществом. Что привнес он в этот мир своим творчеством: гармонию или хаос? Заставил ли зрителя ощутить великую силу искусства, делая человека красивым душой и разумом, или променял свой талант на сиюминутную моду, поразив бездуховным произведением?

Вопросы единства искусства и жизни, ответственности творческой личности и воздействия его произведений на общество ставил в своих трудах М.М. Бахтин. В статье «Искусство и ответственность» Михаил Михайлович пишет: «Три области человеческой культуры – наука, искусство и жизнь – обретают единство только в личности, которая приобщает их к своему единству» [Бахтин, 2003, с. 5]. Он считал, что только единство ответственности гарантирует внутреннюю связь элементов личности. Жизнь творца – вот мера платы за пережитое в искусстве. Применяя мысли М.М. Бахтина к изобразительному искусству, можно сказать: художник должен помнить, что в пошлости, бесплодности его произведений виновата нетребовательность к себе и несерьезное отношение к своей жизни в творчестве. Нельзя оправдывать свою безответственность отсутствием вдохновения, а нужно, чтобы искусство и жизнь стали непреложным ориентиром в единстве ответственности мастера перед обществом и природой бытия.

Новое тысячелетие изменило социальные, экономические условия развития искусства, которые в свою очередь изменили условия и формы деятельности художников. Изменились творческие ориентиры, понятия и смыслы. Теоретики и практики ведут дискуссии о том, что же можно считать современным искусством и искусством вообще. Традиционное, устоявшееся не только неспровергается, но и порицается. Произведения, выполненные высокопрофессионально технически, но в традиционном ключе, называют ныне «ремеслухой». Новое, еще не сформировавшееся явление агрессивно ворвалось в мир культуры.

Л.В. Казакова – ведущий сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств РАХ, член-корреспондент РАХ видит особенно острой проблему авторского стиля в современном искусстве: «В этой „озабоченности“ быть узнаваемым, оригинальным, запоминающимся, замеченным в условиях жесткой конкуренции, формирования художественного рынка видится и высокое стремление „приобщиться к вечности“, и житейская необходимость заработать на жизнь. Отсюда возникает ситуация „неуправляемой оригинальности“. Стиль работы художника сегодня – это активность, раритетность, индивидуальность выражения» [Казакова, 2013, с. 6]. Она отмечает, что в современных условиях нет единых критериев оценки творчества, которые были возможны при анализе больших стилей. Искусствоведение и критика коренным образом меняют лексику искусства: игра, ирония, гротеск – эти понятия активно входят в обиход, тогда как вытесняются традиционные критерии, такие как красота, образ, гармония. Эксперты ныне выявляют, в первую очередь, коммерческую ценность работ, так как не выработаны универсальные методы оценки произведений. А какова их ценность как художественного произведения, знает лишь сам художник.

Концептуальное начало все глубже проникает в современное искусство. Аналитики отмечают, что в России оно развивается не так активно, как на Западе. Абстрактные идеи и образы в произведениях отечественных авторов в большинстве своем изображаются в контексте эстетической формы. Изобразительность теряет свою основополагающую роль, на смену ей актив-

но приходит геометрическое начало, происходит создание абстрактной гармонии. Нефигуративное искусство запустило процесс отмирания прежней художественной культуры. Применение новых технических возможностей, материалов, инструментов позволило расширить границы творчества, следствием чего явился размах технического эксперимента. Предлагаемые условия привели к необходимости роста исполнительского мастерства, качеству ремесленной составляющей произведения. «Новая классика» приветствует самые разные направления.

Рассматривая искусство конца XX – начала XXI века, вопросы отношения между двумя составляющими процесса художник – творчество, можно отметить, что современное искусство характеризуется большим разнообразием стилевых тенденций. Перемены в развитии искусства стимулировали появление яркой творческой личности, наделенной выраженной индивидуальностью (иногда небесспорной), способной создавать уникальные, оригинальные произведения. Нужно отметить, что, несмотря на неизбежность перемен пришедшего «нового искусства», некоторые его характеристики не всегда оправдывают ожидаемое. В условиях неограниченной внутренней свободы действия нередко у творца появляется искушение достичь успеха любой ценой, но при этом порой нивелируется ответственность художника за созданное им произведение перед обществом, а оценка происходящих творческих явлений может быть неоднозначной. В этой связи как никогда актуальны мысли и слова М. М. Бахтина, обращенные к личности, создающей художественное произведение: «Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [Бахтин, 2003, с. 6]. Искусство нашего времени многомерно и, несомненно, имеет художественную значимость. В этом состоит его культурная миссия.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. 957 с.
2. Казакова Л.В. Декоративное искусство России в контексте мирового студийного творчества. М. : Гнозис. 2013.160 с.

УДК 76.01:7.012

Лысова Надежда Юрьевна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)
lysova-nu@mail.ru

ДИАЛОГ АВТОРА И ГЕРОЯ В ГРАФИЧЕСКОЙ СЕРИИ А.С. АЛЕШКИНА «ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО»

Аннотация. В данной статье анализируется серия литографий «Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского» известного мордовского художника, члена Союза художников России А.С. Алешкина в контексте взглядов М.М. Бахтина на творчество великого отечественного писателя. Лейтмотивом статьи стал диалог автора и героя, позволивший акцен-

тировать восприятие Достоевского с точки зрения современной художественной культуры.

Ключевые слова: графика, литография, образ, автор, герой, самосознание, диалог.

Lysova Nadezhda Yu.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
lysova-nu@mail.ru

**THE DIALOGUE BETWEEN THE AUTHOR AND THE HERO
IN THE GRAPHIC SERIES BY A.S. ALESHKIN
"THE LIFE AND WORK OF F.M. DOSTOEVSKY"**

Annotation. This article analyzes the series of lithographs "The Life and work of F.M. Dostoevsky" by the famous Mordovian artist, member of the Union of Artists of Russia A.S. Aleshkin in the context of M.M. Bakhtin's views on the work of the great Russian writer. The leitmotif of the article was the dialogue between the author and the hero, which allowed us to emphasize the perception of Dostoevsky from the point of view of modern art culture.

Keywords: graphics, lithography, image, author, hero, self-consciousness, dialogue.

Андрей Степанович Алешкин (1959–2021) – известный отечественный график и живописец, член Союза художников России, живший и работавший в Саранске с 1988 г. до конца своих дней. Художник родился в Челябинске. Профессиональное образование получил в Ленинграде, где окончил сначала художественное училище им. В.А. Серова (1979), затем – графический факультет Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Академии художеств СССР (1988). Серия литографий «Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского» была выполнена тридцатилетним художником в качестве дипломной работы, которая стала большим творческим достижением Алешкина, продемонстрировав художественную зрелость и глубину его образного мышления.

В годы учебы в Академии Алешкин серьезно изучал историю отечественной культуры и искусства, литературу, посещал лекции Д.С. Лихачева в Пушкинском доме и Л.Н. Гумилева в Ленинградском университете, по его рассказам, был близко знаком с ними, консультировался по творческим вопросам. Труды М.М. Бахтина тогда еще не были ему знакомы. Однако, анализируя сегодня серию о Достоевском, можно наблюдать созвучие восприятия произведений и личности писателя молодым художником со взглядами на его творчество великого литературоведа и философа.

В «Проблемах поэтики Достоевского» Бахтин отмечает, что «герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого» [Бахтин, 2002, с. 56].

В серии литографий «Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского» Алешкин выбрал подобные координаты осмысления своего героя, которые позже

станут основными на протяжении всего творческого пути мастера. В девяти графических листах художник восстает против традиционного визуального жизнеописания, *иллюстрирования* биографических событий, схожести портретных черт. Между автором и писателем завязывается своеобразный диалог, в котором и та и другая позиции звучат в пределах личностного «самосознания».

Лейтмотив графической серии связан не столько с ключевыми моментами биографии писателя, сколько с его мироощущением, сложившимся в их контексте. Алешкину было важно показать образ Достоевского через преодоление, осознание мира через переживание. Поэтому сюжетная концепция сложилась как продуманный контрапункт, объединенный художником в полифоническом многозвучии.

В композиции первого листа – «Мойка, 12» – Достоевский изображен на набережной перед домом боготворимого им великого поэта. Причем фасад дома, в котором находилась последняя квартира А.С. Пушкина, нарисован не реалистично, с натуры, а в виде отражения в водах Мойки. Его формы вибрируют, ломаются течением воды. Образ Достоевского, напротив, в традициях строгого портретного сходства. Писатель размышляет о Пушкине, для которого, прокомментировал Алешкин, «великий поэт на самом деле стал ... истоком Духа русской литературы...» [Алешкин, 2006, с. 63].

Во втором листе серии – «Письма» – в диалог вступает художник. Его размышления о творчестве и жизни любимого писателя перерастают в размышления о роли творца вообще. Это подчеркивается тем, что в композиции нет визуального присутствия Достоевского, формально она носит натюрмортный характер. Говорят предметы, которые могли окружать Достоевского в жизни: вскрытые и запаянные сургучом письма, два гусиных пера, пресс-папье, печать, окно, выходящее во двор петербургского колодца. «Какой-то надрыв, что-то случилось», – передает настроение художник [Алешкин, 2006, с. 64].

Предчувствие трагедии усиливается в следующей, третьей, композиции: «В ночь перед арестом...». Художник вновь изображает Достоевского, но не портрет в реальном пространстве, а отражение в большом настенном зеркале, погружая писателя в собственное самосознание. В зазеркальном мире писатель, которому всего 27 лет, один. Он молод, талантлив, доволен собой. Недавно опубликована его первая повесть «Бедные люди». Волшебное стекло с фигурой писателя отгорожено от реальности тяжелой шторой. Действительность же предметна, и вещи интерьера в квартире дома Шилля воспринимаются как говорящие персоналии: книжный шкаф, оплывшая свеча, раскрытые на письменном столе книги. За окном – стена Исаакиевского собора с ангелами, держащими светильники. Алешкин чувствует: Достоевский «еще не знает, что в ночь, когда светильники ангелов будут погашены, его арестуют...» [Алешкин, 2006, с. 65].

Четвертый лист графической серии – «Семеновский плац» – вновь лишен изображения главного героя. Его присутствие ощущается через визуализацию места действия: здесь должна была свершиться казнь Достоевского.

«Может быть так видел Достоевский место своей казни?» – спрашивает художник [Алешкин, 2006, с 66] и рисует панораму Петербурга с узнаваемым силуэтом Исаакия под зловеще-облачным предрассветным небом, с пустынной площадью и врытыми в центре ее тремя столбами для приговоренных к расстрелу, с всадником-жандармом («человекоконом») и ждущими наживы воронами.

Образ Достоевского вновь появляется в пятой композиции трагической сюиты – «Каторга». Три столба на месте несвершившейся казни разрастаются в нескончаемый частокол, превращающий реальное пространство в тупик, заставляющий писателя воспринимать «каждый день как казнь» [Алешкин, 2006, с. 67]. Профильный ракурс ссутулившейся фигуры Достоевского с закованными в цепи руками позволяет художнику погрузить писателя в свои думы, замкнуть в его внутреннем мире. «Он проходит череду каторжных дней, бережно прижимая к груди светлую книгу – Евангелие, которую подарила ему жена декабриста Фонвизина», – пишет Алешкин [Алешкин, 2006, с. 67].

В следующей композиции – «Пророк» – звучит авторская реплика молодого художника. В центре композиции на первом плане – портретное изображение Достоевского. Его образ возникает на ассоциациях с петербургским пейзажем, с тем же перисто-облачным небом над Семеновским плацем, как в день казни петрашевцев. Символичны фигуры Иоанна Крестителя и головы мертвого Христа с картины Гольбейна, которую «так ненавидел Достоевский: „от этой картины вера пропадает“. Эта голова как продолжение облаков, воздуха, духа Петербурга», – поясняет Алешкин [Алешкин, 2006, с. 68]. Для него, нашего современника, Достоевский близок и нужен, художник стремится понять его. Столетие не разделяет писателя и автора.

«Для Достоевского понятие времени было чем-то особенным... У него были свои отношения со временем», – считает Алешкин, погружая своего героя в осмысление прожитого, в предвидение будущего, в осознание достигнутого в композиции «Время» [Алешкин, 2006, с. 69]. В ней три персоналии: Достоевский, напольные часы с циферблатом без стрелок («время вообще») и Петербург за оконной рамой с главной достопримечательностью – незабываемым Исаакиевским собором.

Символикой наполнен и предпоследний лист серии – «Рукописи», решенный без визуального присутствия героя. Оно вновь ощущается через предметные персонажи, как и в композиции «Письма». Фолиант Библии, очки, «знак обостренного видения», репродукция картины Тициана «Динарий кесаря», рукописные листки с перьевой ручкой, лежащей на них – все артефакты осознаются вне времени. Для достижения подобного эффекта художник вводит в композицию все то же «небо казни», заставляя парить бесценные рукописи в пространстве.

Композиция «Апостол» включает серию литографий «Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского». По сути, это портрет великого писателя, «последнее слово героя о себе самом и о своем мире» [Бахтин, 2002, с. 57]. Его полуфигура занимает все пространство листа, ей тесно в реальном мире, ли-

шенном каких-либо обозначений (лишь дверное полотно намеком). В лучших традициях отечественной рисовальной школы проработаны лицо и руки, достигнуто сходство. Однако образное решение далеко от программной описательности официального портрета. Огромный, акцентированный светом лоб мыслителя, жестко сомкнутые губы, недоверчивый взгляд, больше обращенный внутрь себя, чем на зрителя. «Руки, сухие, почти птичьи, держат высокую свечу. Достоевский и сам как свеча... Апостол для ищущих», – делает вывод Алешкин [Алешкин, 2006, с. 71].

Большая графическая серия, созданная молодым художником, воспринимается целостным полотном, наполненным внутренней жизнью. В череде сменяющихся сюжетов, очевидно, пересекаются два сознания, два самостоятельных взгляда – автора и героя. Это ощущается как в формальном построении серии – монологи Достоевского сменяются символическими натюрмортными композициями, ассоциирующимися с авторской речью, так и в решении и психологическом наполнении образов. Алешкин не пытается поставить «авторскую точку» в осмыслении темы. Он интуитивно чувствует, что диалог незавершен, поскольку, по словам М.М. Бахтина, «подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» [Бахтин, 2002, с. 70].

Серия литографий «Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского» была удостоена в 1988 г. Большой бронзовой медали Академии художеств СССР.

Библиографические ссылки

1. Алешкин А.С. Мой Достоевский // Андрей Алешкин. По незримому следу. Саранск : [б.и.], 2006. С. 60–71.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. 800 с.

УДК 81'42:7Бахтин

Paula de Luciane
São Paulo State University
(São Paulo, Brasil)
lucianedepaula1@gmail.com

Villarta-Neder Marco Antonio
Federal University of Lavras
(Lavras, Brasil)
marcovillarta@yahoo.com.br

BOUNDARIES BETWEEN ART AND LIFE: A BAKHTINIAN POINT OF VIEW ON THE MOVIE *SELMA*

Abstract. This article aims to analyze verbivocovisual utterances (Paula [2017], Villarta-Neder [2019] and Paula & Luciano [2020a, 2020b, 2020c, 2020d]) in the film "Selma", which deals with the civil rights of black Americans marching towards the city of Selma, in 1964. Through the analysis of some film frames, it is intended to discuss how verbal, vocal and visual languages, more than a semiotic combination, make it possible to see the intonation (*интонация*) of the film's authors.

Keywords: utterance, intonation, verbivocovisuality, Bakhtin Circle.

Паула де Лучиане
Государственный университет Сан-Паулу
(Сан-Паулу, Бразилия)
lucianedepaula1@gmail.com

Вилларта-Недер Марко Антонио
Федеральный университет Лавраса
(Лаврас, Бразилия)
marcovillarta@yahoo.com.br

ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ИСКУССТВОМ И ЖИЗНЬЮ: ФИЛЬМ «СЕЛЬМА» В СВЕТЕ ИДЕЙ БАХТИНА

Аннотация. В статье анализируются вербивоковизуальные высказывания (Паула [2017], Вилларта-Недер [2019] и Паула и Лучиано [2020a, 2020b, 2020c, 2020d]) в фильме «Сельма», рассказывающем о марше за гражданские права чернокожих американцев в городе Сельма в 1964 г. Посредством анализа некоторых кадров, предполагается обсудить, как вербальные, вокальные и визуальные языки в большей степени, чем семиотическая комбинация, позволяют понять интонацию авторов фильма.

Ключевые слова: высказывание, интонация, вербивоковизуальность, круг Бахтина.

Since his first published text, *Art and Answerability*, Bakhtin puts in a dialogical perspective the boundary between ethics and aesthetics and casts the grain of his philosophical proposal in cultural soil, focused on artistic utterances (which can be extended to studies of language as a whole).

As an initial project of constructing an ethical-aesthetic *philosophia*, Bakhtin establishes like *leitmotiv* of this frontier a responsive active *subject*, constituted by and in language and alterity, acting in relation to other subjects and himself as another (which, in *Toward a philosophy of the act*, can be understood by the alteritarian/architectonic relationship: "*I-for-myself*", "*I-for-the-other*", "*other-for-me*" and, adding, *other-for-the-other*), situated in a specific time-space.

This subject stands for his ethical responsibility (*ответственность*): art, life and science are mutually constituted in a dialogue without *alibi* that, in aesthetic utterances, are composed by a specific *finalizability* (BAKHTIN, 2011). This inter-relational conception appears in texts written by the authors of the Bakhtinian Circle (Medviédev, Volóchinov and Sollertinsky, for example).

One of the concepts of the Bakhtinian field from which this relationship can be addressed is that of *intonation* (*интонация*). For Bakhtin [2017, p. 73–74],

"[...] the expression of axiological-emotional relations may not be explicit-verbal in nature, but, as it were, implicit in intonation. The most substantial and stable intonations form the intonational background of a particular social group (nation, social class, professional group, circle, etc)"

As Paula [2017], Villarta-Neder [2019] and Paula & Luciano [2020a, 2020b, 2020c, 2020d] study, this conception presupposes that the positions of the subjects are constituted in ethical-aesthetic relations, either in an explicit way or in an implicit, even if in a potential way (perceived since the prosodic event even

silencing, configured in several dimensions, depending on the enunciative architecture and the authorial and generic discursive *project of saying*).

In this article, we discuss how such intonations are produced as syncretic utterances (*Высказывание*) in an audiovisual production, in this case, the movie *Selma* [2014], which portrays the context of the march organized by Martin Luther King, in 1964, in the United States of America, for recognizing and respecting the rights of black americans.

This essay turns to the relevance of Bakhtinian studies in contemporary times, specifically focused on audiovisual utterances, explicitly constituted by the verbal (narration etc), vocal/sound (the intonation of the speeches of the characters and the narrator, the songs etc) and visual (camera, lighting etc).

By giving some examples, this first frame is about a visit to a black guy who was victim of racial violence. The colour palette is brown based, in a kind of sepia. The black men's suits are black, as well. There is no soundtrack (musical silence) and there are the voices of some characters (verbal). All of these elements compose the integral unit of the verbivocovisual utterance, with its systemic criticism in a tone of homage (golden) to Martin Luther King in defense of the civil rights of North American blacks.

Figure 1 – Sepia (a little Golden way): enlightener historical glance

In this second frame, a palette is used to the sign, integrated into several languages [lighting of a visual language plus the verbal statements of White House's counsellors (white men) and the absence of soundtrack], composes a verbivocovisual utterance. The floor, as a chess keyboard (black and white), also marks the strategic functioning of the system, as it captures the racist power games criticized in the film: a shot taken diagonally almost kicks the black man out.

Figure 2 – *Black and White: opposition settings*

The conception that a global analysis of utterances is plausible and necessary, based on the interrelationship within which coexist in different semiosis, finds in the authors of Bakhtinian circle some initial, indicative discussions [as in *Marxism and Philosophy of Language* [2017]; Volóchinov's essay *Problems of Bethoven's work; Dostoevsky's Work* [2019]; Bakhtin's *Problems of Dostoevsky's Poetics* [2015]; Medviédev's *Formal Method in Literary Studies* [2012]; and Sollertinski's studies of opera, for example].

This enunciative dialogue is syncretic, not only because it combines different semiosis, but because the very acts that bring these subjects together are also, from the notion of intonation, themselves utterances.

In the movie *Selma*, we reflect on how different processes (colour palette, camera movements, framing, soundtrack etc) make up an enunciative dialogue that marks an intonation, such singular as cultural-ideological.

The analysis undertaken is justified by experimenting, in a practical way, a metalinguistic reflexive exercise on the notion of intonation, taken as one of the elements that compose the *aesthetic saying* in an ethical way with a certain axiological positioning assumed architectonically.

The analytical approach adopted here represents an extension of a conception of philosophy of art, already initiated by Bakhtin and the Circle, in view of contemporary audiovisual utterances.

This essay is a sample of the studies undertaken by Paula [2017], Villarta-Neder [2019] and Paula & Luciano [2020a, 2020b, 2020c, 2020d], who depart from the compositional form, thematic content and style, authorial and generic, to reflect on the ethical-aesthetic architecture because they understand, like the Circle, that art semiotizes life, from a singular and cultural point of view. In *Selma*, a intonation in defense of black people rights. This is the heuristic left by Bakhtinian studies with regard to aesthetic language in its ethics: the assumption social, historical, political and cultural of life.

References

1. Bakhtin M.M. Notas sobre a literatura, cultura e ciências humanas. São Paulo : 34, 2017.
2. Bakhtin, M.M. Estética da Criação Verbal. São Paulo : Martins Fontes, 2011.
3. Bakhtin M.M. Problemas da Poética de Dostoiévski. Rio de Janeiro : Forense Universitária, 2015.
4. Medviédev P.O Método Formal nos Estudos Literários. São Paulo : Contexto, 2012.
5. Paula L. de. O enunciado verbivocovisual de animação: a valoração do "amor verdadeiro" Disney, uma análise de Frozen // Discursividades Contemporâneas: política, corpo e diálogo / orgs.: Jr.A. Fernandes, G.B. Stafuzza. Campinas : Mercado de Letras, 2017. P. 287–314.
6. Paula L. De, Luciano J.A.R. A filosofia da linguagem bakhtiniana e sua tridimensionalidade verbivocovisual // Estudos Linguísticos. São Paulo. 2020. Vol. 49, № 2. P. 706–722.
7. Paula L. De, Luciano, J.A.R. A tridimensionalidade verbivocovisual da linguagem bakhtiniana // Linha D'Água. São Paulo. 2020b. Vol. 33, № 3. P. 105–134.
8. Paula L. De, Luciano J.A.R. Filosofia da linguagem bakhtiniana: concepção verbivocovisual // Revista Diálogos – RevDia. Cuiabá. 2020c. Vol. 8, № 3. P. 132–151.
9. Paula L. De, Luciano J.A.R. // Dialogismo verbivocovisual: uma proposta bakhtiniana // Polifonia. Cuiabá. 2020d. Vol. 27, № 49. P. 15–46.
10. SELMA / Direção: Ava DuVernay. 128 minutos. Coprodução EUA/Reino Unido/Irlanda do Norte. Cor. 2014.
11. Volóchinov V.A palavra na vida e a palavra na poesia. Ensaios, artigo, resenhas e poemas. São Paulo : 34, 2019.
12. Volóchinov V. Marxismo e Filosofia da Linguagem. São Paulo : 34, 2017.
13. Villarta-Neder M.A. Verbivocovisualidade no documentário Histórias de quando a água chegou: ato responsável e diálogo na constituição intersemiótica // Estudos Linguísticos. 2019. Vol. 48, № 3, dez. P. 1657–1672.

УДК 1:81'42(81) Бахтин

Razuck Fernando Barcellos
Ministry of Science, Technology and Innovations – MCTI
(Rio de Janeiro, Brazil)
fernandor@ird.gov.br

Razuck Renata Cardoso de Sá Ribeiro
Federal University of Rio de Janeiro – UFRJ
(Rio de Janeiro, Brazil)
razuckdabrasilia@hotmail.com

THE IMPORTANCE OF MIKHAIL BAKHTIN'S IDEOLOGY IN SCIENTIFIC COMMUNICATION IN BRAZIL

Abstract. We intend to show how the discourse is related to the construction of meanings in Scientific Education. The main tool for the study of dialogue in science classes would be Bakhtin's concept of "discourse genre".

Keywords: scientific education, discourse genre, dialogical relationships, M. Bakhtin.

Разук Фернанду
Министерство науки, технологии и инноваций
(Рио-де-Жанейро, Бразилия)
fernandor@ird.gov.br

Разук Рената
Федеральный университет Рио-де-Жанейро
(Рио-де-Жанейро, Бразилия)
razuckdabrasilia@hotmail.com

ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ МИХАИЛА БАХТИНА ДЛЯ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В БРАЗИЛИИ

Аннотация. Мы намерены показать связь дискурса с конструированием значений в естественно-научном образовании. Основным инструментом, используемым при изучении диалога на занятиях по естествознанию, является концепт М. Бахтина «дискурсивный жанр».

Ключевые слова: естественно-научное образование, дискурсивный жанр, диалогические отношения, М. Бахтин.

According to socio-historical or socio-cultural psychology, the student has a central role in the teaching-learning process, since he is seen as an active and participative being. The focus of this psychology is on special attention to the dialogical relationships that derive from the interaction between students and students with teachers.

From the student's social interaction it is possible to refer to their intellectual development during the teaching and learning process, as defended by the authors who follow this line of socio-historical psychology, such as Bakhtin and Vygotsky.

In this sense, it is important to study the media, especially when one understands education as a process of dialogic construction of knowledge. In this way, the learning process would occur through the negotiation of meanings in a communicative space (in this case, discursive interactions are considered as constituents of the meaning making process), and not as a simple substitution of previous conceptions.

Thus, the process of meaning is related to the construction of meanings (conceptualization), since meanings are understood as polysemic and polyphonic, created from social interaction, so that they can be internalized by individuals. It should then be taken into consideration that the student builds in his daily social practice a knowledge of the world around him. This everyday knowledge or common sense allows him to interact very effectively with his natural and social reality [Rocha, 2010].

So, contemporary education has been adopting different paths to its realization, not restricting itself anymore to the school environment, so it is becoming increasingly common to use various means of communication to achieve educational goals. As an example of this new form of education, socio-historical or socio-cultural psychology has influenced, in recent years, research in Scientific Education on the issue of meaning, especially in the classroom [Mortimer and Scott, 2002].

That is, we intend to understand how the discourse is related to the construction of meanings in Scientific Education. Thus, a tool presented in the study of language in science classes would be through Bakhtin's definition of "discourse genre", since for Bakhtin "every sphere in which language is used develops its types relatively stable statements. This we may call discourse genres" [Bakhtin, 1988, p. 60].

For Marandino et al., scientific education is a social practice that has been increasingly developed in the so-called non-formal spaces of education, and there is practically a consensus regarding its importance for the understanding of scientific knowledge [Marandino et al., 2004]. It is thus understood to be important to understand how the dialogical aspect is perceived in the communicational processes of science.

Linked to this, for Rocha, technological advances eventually democratize access to information, generating new paradigms in the field of education, losing the sense, for example, of offering a segmented education based on the accumulation of information [Rocha, 2010]. The concepts presented, according to the author, should now consider the social, economic, historical and technological contexts present in the student's reality, generating possibilities for insertion in a society permeated by scientific discourse, with the objective of developing the conditions for exercise of citizenship.

Thus, scientific education, carried out through scientific communication, for example, by having the ability to stimulate curiosity, ends up helping to develop the skills needed to debate the issues of Science and Technology (S&T) present in the citizen's daily life, thus assisting in the construction of the so-called scientific culture.

The author also highlights the various spaces where non-formal education activities are carried out, such as neighborhood associations, unions, non-governmental organizations, cultural spaces and schools themselves, that is, in interactive spaces with the educational community. Thus, non-formal education would presuppose the formation of citizenship, and learning would take place through social practices, so that citizens have the competence to understand information and to be able to make a critical reading of the world, so as to be able to read. the exercise of citizenship.

Thus, there is evidence today that the process of non-formal education, such as what happens in public S&T exhibition spaces, science magazines and newspapers, for example, contributes to students' interest in science and also to scientific learning [Sabatini, 2007].

Therefore, disseminating science would not only be limited to informing about its practices and advances, but also assisting in the construction of a theoretical knowledge that involves the population to the point of involving it in the S&T discussion spheres. This is in line with science teaching with an emphasis on STS (Science-Technology-Society).

For Santos and Mortimer, the central objective of STS education would be to develop citizens' scientific and technological literacy, helping to build the knowledge, skills and values needed to make decisions about S&T issues in socie-

ty, not actively. restricting this debate necessarily to traditional education, since the most important is the formation of a participatory citizen to act in the solution of such questions [Santos and Mortimer, 2002]. However, as pointed out by both Marandino et al. and by Santos and Mortimer, one must take into account the range of interests contained in the S&T discourses, including ideological ones, so that the general population should be alerted and informed about the possibilities and risks inherent in scientific practices [Marandino et al., 2004; Santos and Mortimer, 2002].

In this sense, at first, the communication process would occur in a certain way for a specific target. There would actually be three terms directly related to science communication: diffusion, dissemination, and popularization.

The author understands that these terms, even if articulated in common ground to the universe of science, assume their own contours. In this case, diffusion would be divided into dissemination and popularization; dissemination would be more focused on scientific communication among scientists (intrapares), while popularization would be communication directed at the lay public. Thus, scientific dissemination would be the term related to communication to the general public.

References

1. Bakhtin M. (Volochínov V.N.) *Marxismo e filosofia da linguagem. Problemas fundamentais do método sociológico na ciência da linguagem.* 4^a ed. / trad. M. Lahud e Y.F. Vieira. São Paulo : Hucitec, 1988. 197 p.
2. Marandino M., Silveira R.V.M., Chelini M.J., Garcia V.A.R., Martins L.C., Lourenço M.F., Florentino H.A. *A Educação Não Formal e a Divulgação Científica: o que pensa quem faz? // IV Encontro Nacional de Pesquisa em Ensino de Ciências – ENPEC, 2004, Bauru. Atas do IV Encontro Nacional de Pesquisa em Ensino de Ciências – ENPEC. 2004. P. 1–13.*
3. Mortimer E.F., Scott P.H. *Atividade discursiva nas salas de aula de ciências: uma ferramenta sociocultural para analisar e planejar o ensino // Investigações em Ensino de Ciências (Online), Porto Alegre – RS. 2002. Vol. 7, № 3. P. 283–306.*
4. Rocha M.B. *Textos de divulgação científica na sala: a visão dos professores de ciências // Revista Augustus (Rio de Janeiro. Impresso). 2010. Vol. 14. P. 24–34.*
5. Sabbatini M. *Museus e centros de Ciência virtuais: uma nova fronteira para a cultura científica. 2007. URL: <http://www.comciencia.br/reportagens/cultura/cultura14.shtml> (acesso em 15 de setembro de 2007).*
6. Santos W.L.P., Mortimer E.F. *Uma análise de pressupostos teóricos da abordagem C-T-S (Ciência – Tecnologia – sociedade) no contexto da educação brasileira // Ensaio – Pesquisa em Educação em Ciências. 2002. Vol. 2, № 2. P. 1–23.*

УДК 82-655

Семенова Елена Александровна
НИ «Театр-ЭКС»
(Москва, Россия)
semenova05@list.ru

КАРНАВАЛЬНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИНВЕКТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Аннотация. Доклад посвящен анализу современных российских субкультур и интернет-сообществ, консолидирующихся вокруг смехового творчества. В центре внимания

автора – субкультура российского рэп-баттла, а также сегмент русскоязычных пользователей мобильного приложения TikTok. Сделан вывод, что в данных сообществах инвектива используется участниками коммуникации в качестве карнавальной маски, способствуя образованию новых субкультур, ядром которых выступает смеховая самодеятельность.

Ключевые слова: карнавальная амбивалентность, интернет-субкультура, инвектива, рэп-баттл, TikTok.

Semenova Elena A.
NP «Theatre-EX»
(Moscow, Russia)
semenova05@list.ru

CARNIVAL AMBIVALENCE OF THE INVECTIVE IN THE MODERN RUSSIAN SUBCULTURE

Abstract. The report is devoted to the analysis of subcultures and Internet communities consolidating around the laughter creativity. The author focuses on the subculture of the Russian rap battle, as well as the segment of Russian-speaking users of the TikTok mobile application. It is concluded that in these communities, invective is used by communication participants as a carnival mask, contributing to the formation of new subcultures, the core of which is laughter amateur performance.

Keywords: carnival ambivalence, internet subculture, invective, rap battle, TikTok.

Слово «инвектива» в переводе с латинского «*invectives*» означает бранное, ругательное выражение [Семенова, 2020, с. 91]. Во многих случаях инвектива является неотъемлемым компонентом агрессивной, оскорбительной речевой коммуникации.

Однако инвектива не всегда связана с агрессивной речевой атакой и враждебностью. Нередко вербальная агрессия снимает эмоциональное напряжение. Мат для русского человека является наиболее приемлемым способом разрядки [Жельвис, 2001]. «Матерное выражение может служить... дружеским приветствием» [Успенский, 1994, с. 55], гарантом искренности; выражением доверия, солидарности; способом наладить контакт с собеседником [Жельвис, 1997].

Встречаемая в творчестве А.С. Пушкина фамильярность «выдает родственное мироощущение: нестесненность, обращение к миру как среде доброжелательной» [Гачев, 1968, с. 57–58]. Инвективы-прозвища распространены в дружественном общении.

К.И. Чуковский отмечает, что А.П. Чехов, «разговаривая с близкими, заменял обычные их имена фамильярными кличками. <...> Себя самого Чехов величал в своих письмах то Гунияди Янос, то Достойнов-Благонравов, то Бокль... Клички раздавались родным и приятелям, ...на основе взаимности. <...> Здесь дело не столько в кличках, сколько в той „вакханалии“ веселости, которая их породила» [Чуковский, 1990, с. 214].

Традиционно инвектива является частью праздничных церемоний в различных культурах. Например, во время римских триумфов воинам разрешалась так называемая «ритуальная, пёсья ругань». В такие моменты инвек-

тива в адрес предводителя была не только официально разрешена, но являлась неотъемлемой частью праздничного обряда, согласно которому, войны должны были выругаться в адрес правителя, или, другими словами, «тявкнуть» [Михайлин, 2010, с. 33].

Фамильярная речь, описанная М.М. Бахтиным в работе о Рабле, содержащая «ругательства, божбу и клятвы», «речевые жанры площади» («крики Парижа», «рекламы ярмарочных шарлатанов и продавцов снадобий») [Бахтин, 2010, с.167], была уместной только в карнавальном пространстве.

В «Проблемах поэтики Достоевского» Бахтин подчеркивает, что только в карнавале «вырабатывается... новый модус взаимоотношений человека с человеком, противопоставляемый всемогущим социально-иерархическим отношениям внекарнавальной жизни» [Бахтин, 2002, с. 139].

Ценными являются рассуждения Бахтина о том, что в карнавальном мире каждому высокому имени официальной сферы соответствует низкое (прозвище фамильярной сферы).

Итак, инвектива может выходить из разряда оскорбления, употребляясь в пространстве приватном (доверительном), публичном, карнавальном (праздничном) и художественном.

В контексте изучения проблемы инвективы в российской субкультуре представляется важной мысль о мате, как территориально обусловленном мужском речевом коде [Михайлин, 2005, с. 333], языке пёсией лаи, где псы, находясь на территории «Дикого поля», «не „бранятся“, а так „разговаривают“» [Михайлин, 2010, с. 20].

Сегодня инвектива в российской субкультуре является платформой для конструирования ядра идентичности новых сообществ, интуитивно стремящихся не утратить связь с карнавальным сознанием.

Особый интерес для нас представляют причины, по которым в таких субкультурах, как байк-культура, субкультура уличного театра, рэп- и рок-культура, инвектива является адекватным речевым кодом, где общение происходит на языке «Дикого поля». Характерно, что данные субкультуры тяготеют к театральным проявлениям, к оборотничеству, маске, использованию инвективных метафор в качестве комплементарных, дружелюбных игровых сигналов коммуникации.

Наше внимание привлёк процесс консолидации отдельных сообществ вокруг карнавальной инвективы, в числе которых рэп-баттл-культура и производная от нее общность анонимных интернет-комментаторов рэп-дуэлей. Интерес вызвали у нас также интернет-пользователи мобильного приложения

TikTok, поставившего в 2020 году рекорд по количеству созданных на его платформе комических видеороликов на тему пандемии, вызванной Covid-19.

В докладе анализируются псевдонимы (самоинвективы) участников рэп-поединков, исполняющие функцию прозвища и клоунской маски, провоцирующие интернет-комментаторов баттлов на собственное юмористическое творчество [Семенова, 2020]. Рассматривается российский сегмент социальной сети TikTok, в котором пользователи используют чужой юмористиче-

ский продукт в качестве основы для своего собственного смехового творчества, выдерживая в роликах ярко выраженный, узнаваемый TikTok-стиль, отличающийся самоуничижительным юмором и самоинвективами.

Исследование базируется на суждениях Ж. Делёза о юморе и иронии [Делёз, 2011]; трудах М.М. Бахтина [Бахтин, 2002; Бахтин, 2010]; метасемантическом подходе к юмору А.Г. Козинцева [Козинцев, 2007].

В процессе исследования сделан вывод, что в данных интернет-сообществах инвектива выполняет функцию карнавальной маски и игрового сигнала, способствуя образованию новых субкультур, ядром которых выступает смеховая самодеятельность в области карнавального хвалебно-бранного слова.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т.6. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. С. 5–300.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 4(2). М. : Языки славянских культур, 2010. С. 7–516.
3. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. (Эпос. Лирика. Театр). М. : Просвещение, 1968. 302 с.
4. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академический проект, 2011. 472 с.
5. Жельвис В.И. Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи. 1997. № 1. С. 137–144.
6. Жельвис В.И. После брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Ладомир, 2001. 348 с.
7. Козинцев А.Г. Юмор: до и после иронии // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. РАН. М. : Индрик, 2007. С. 238–253.
8. Михайлин В.Ю. Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса. Саратов : Издательство Лаборатории исторической, социальной и культурной антропологии, 2010. 69 с.
9. Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 528 с.
10. Семенова Е.А. Клоун vs рэпер: (инвективы в онлайн и офлайн рэп-поединках) // Наука телевидения. 2020. № 16(3). С. 89–104.
11. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные труды. Т. 2 : Язык и культура. М. : Гнозис, 1994. С. 53–128.
12. Чуковский К. Чехов // Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Правда, 1990. С. 205–285.

УДК 81`34:781.42

Сорокина Софья Сергеевна
ИОН РАНХиГС
(Москва, Россия)
ss.sorokina.psy@gmail.com

УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА ПО БАХТИНУ: ПОЛИФОНΙΑ ИЛИ КАКОФОНΙΑ?

Аннотация. Понятия полифонии и диалога Михаила Бахтина преимущественно используются современными исследователями для анализа рисков монизма как теорети-

ческой или ценностной позиции. Вместе с тем менее раскрытыми остаются риски, связанные с радикальной релятивизацией элементов разнообразия, которая может предполагать солипсическую замкнутость каждого отдельного элемента разнообразия. Наше исследование посвящено пересмотру отношений между диалогом, полифонией и какофонией.

Ключевые слова: Михаил Бахтин, полифония, какофония, диалог, разнообразие, толерантность.

Sorokina Sofya S.
Institute for Social Sciences
(Moscow, Russia)
ss.sorokina.psy@gmail.com

THE CONDITION OF POSSIBILITY OF DIALOGUE ACCORDING TO BAKHTIN: POLYPHONY OR CACOPHONY?

Abstract. The majority of contemporary researchers use Bakhtinian concepts of polyphony and dialogue to analyse risks, imposed by monism as a theoretical and axiological position. However, another risks, related to the radical relativisation of diversity elements that, in turn, may be a condition of a solipsistic isolation of each element of diversity, are usually not taken into consideration. Our research is dedicated to the revision of relations between a dialogue, a polyphony and a cacophony.

Keywords: Mikhail Bakhtin, polyphony, cacophony, dialogue, diversity, tolerance.

Понятие полифонии Михаила Бахтина преимущественно рассматривается в современных работах как приглашение к уходу от теоретического и ценностного монизма. Вероятно, именно с этим связана возросшая за последние годы популярность сближения мысли Бахтина с различными вариантами решений проблемы межкультурных и межпарадигмальных связей. Оптика, предлагаемая Бахтиным, используется в таких случаях для наведения мостов между различными ценностными или эпистемологическими системами. Термины «полифония», «диалогизм», «гетероглоссия» преимущественно интерпретируются исследователями как приглашение к преодолению эгоцентризма, уходу от представления о том, что истина едина. Иными словами, диалогизм Бахтина используется для решения проблемы увеличения разнообразия посредством релятивизации ценностных и теоретических оснований.

Вместе с тем, на наш взгляд, меньшее внимание уделяется рискам, связанным с искусственной гибридизацией различных элементов разнообразия и радикальной релятивизацией истины. Сам Бахтин явным образом отличал такого рода совладание с разнообразием от диалога и полифонии. Так, в «Проблемах поэтики Достоевского» автор подчеркивает: «Мы не видим никакой надобности особо говорить о том, что полифонический подход не имеет ничего общего с релятивизмом (как и с догматизмом). Нужно сказать, что и релятивизм, и догматизм одинаково исключают всякий спор, всякий подлинный диалог, делая его либо ненужным (релятивизм), либо невозможным (догматизм). Полифония же как художественный метод вообще лежит в другой плоскости» [Бахтин, 2002, с. 81]. Иначе говоря, Бахтин четко отличает полифонический подход не только от догматизма, но и от релятивизма. Более

того, по ходу исследования релятивизм связывается Бахтиным с метафорой какофонии, искусственного сосуществования различных элементов, противоположного тому сосуществованию, которое предполагается полифонией.

С этим же связана и та особенность, что в анализе Бахтина явным образом присутствует мысль – истина не принадлежит каждому герою в отдельности, а устанавливается в самом действии романа. Одной из функций романтического героя в анализе Бахтина является проверка истины в конкретных обстоятельствах. Герой не ограничивается собственными мыслями и мнением, а вовлекается во взаимодействие с другими действующими лицами, проверяя таким образом свои изначальные убеждения.

Иначе говоря, в рамках анализа Бахтина истина не является неизменной и изначально принадлежащей каждому персонажу, а она имеет свойство устанавливаться в рамках конкретного романа. Это установление возможно за счет особой позиции персонажа, позволяющей ему не сливаться с окружающим миром и иными голосами, а прислушиваться к ним, сохраняя свой собственный голос. По сути дела, «голосовой» релятивизм, если позволить себе прибегнуть к такому термину*, предполагал бы стирание границ между Я и Ты и, как следствие, отсутствие возможности проверки истины, о которой говорилось выше. Голоса сохраняют свою неслиянность, однако они соприсутствуют в рамках некоторого *события*. Последнее, в свою очередь, предполагает для Бахтина структурное и смысловое *единство*, отличное от разноголосицы.

Само устройство диалога для Бахтина необходимым образом предполагает возможность развития представлений участников истины, а не сохранения изначальных точек зрения. Инструментом для развития представления об истине, в свою очередь, является контрответ. Он делает возможным сомнение в правильности суждения каждого и является условием развития отдельных представлений. При этом, как отмечает Л.А. Гоготишвили, диалог совершенно не тождественен дву- или полиголосию. «Сами по себе двуголосые конструкции не составляют специфику полифонической речи» [Гоготишвили, 2013, с. 11], в противном случае большинство романов можно было бы описывать как полифонические. Разница между монологичным и диалогичным обхождением с двуголосием, по мнению Л.А. Гоготишвили, заключается в том, используется ли двуголосие для равномерного проведения единой позиции по всему дискурсу или же, как в романе Достоевского, для обеспечения возможности для того, чтобы доминирующую позицию занимали в составе разных двуголосий все голоса по очереди (не одновременно). Последнее предполагает, что исходящий голос и объективирован чужими субъективными позициями за счет их звучания, поскольку вынужденно занимает «подавляемую» позицию в тот момент, когда говорят другие, и остается субъективным в своем звучании. В диалоге говорящий голос в данный мо-

* То есть релятивизм различных голосов, различных «Я» романа, или, если продолжить метафору за пределы ее исходного употребления, ценностный и культурный релятивизм.

мент времени «доминирует над пассивным» (там же), а не оба сосуществует одновременно во взаимной неуслышанности.

В связи с вышеперечисленными пунктами встает вопрос о том, возможно ли теоретически отличить полифонические отношения от какофонических. К каким бы единицам анализа мы ни прибегали – к голосам в романе, различным культурам, ценностным нормам или научным парадигмам, можно предположить, что не любые из их форм способны вступать в полифонические отношения. Само по себе разнообразие не является достаточным условием для полифонических и диалогических отношений. Напротив, радикальная релятивизация может предполагать отсутствие возможности для диалога, солипсическую замкнутость каждого элемента разнообразия.

О логической сложности диалогизации свидетельствуют поиски исследователей, не обязательно связанные с творчеством Михаила Бахтина. Одной из ярких иллюстраций является описанный Карлом Поппером парадокс толерантности [Поппер, 1992]. Последний заключается в том, что диалогические отношения между фашистом и антифашистом затруднительны, а игнорирование этого факта может означать подмену понятия толерантности понятием терпимости, или, в рамках терминологии данной работы, – понятия полифонии и диалога понятием какофонии и замкнутых в себе монологов, формально сосуществующих вместе. Последний случай рискован тем, что создает иллюзию взаимодействия между элементами разнообразия, в то время как является его полной противоположностью.

Описанный исследовательский вопрос представляется тем более интригующим, что Михаил Бахтин явным образом противопоставлял свой метод гегелевской процедуре снятия [см. в том числе Библер, 1991]. Если снятие подразумевает единую в данный исторический момент форму, полифония предполагает одновременное сосуществование элементов разнообразия. Как уже отмечалось, последнее, будучи понято буквально, оказывается противоположностью тому, что Бахтин описывал в качестве полифонии и в качестве условия возможности диалога.

При этом сам Михаил Бахтин обращается к этой проблеме в рамках жанровой постановки вопроса, то есть рассматривая, каким образом полифония может возникать в рамках романа. Отдельно автор поднимал проблему времени: возможно ли темпоральное развитие полифонии или же она представляет собой лишь сиюминутный срез и следующий момент ее развития может обернуться какофонией? В связи с этим возникает потребность обратиться к тем областям, в которых предпринимаются попытки актуализировать диалогизм Бахтина, и проверить, учитывают ли они упомянутую сложность темпоральности.

Наше исследование посвящено пересмотру отношений между диалогом, полифонией и какофонией. Мы настаиваем, что диалог не способен возникнуть в отношениях, которые могут быть описаны как какофонические. Между какофонией и полифонией существует теоретическая и эмпирическая разница, о которой стоит помнить каждый раз, когда мы пытаемся навести мосты между взаимно исключаящими элементами разнообразия. Такого ро-

да попытки рискуют создать искусственных гибридов и привести к исключению возможности диалога – ситуации, которой Бахтин, можно предполагать, избегал.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Русские словари, 2002. С. 6–300.
2. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры. На путях к гуманитарному разуму. М. : Прогресс : Гнозис, 1991. 169 с.
3. Гоготишвили Л.А. К ситуации вокруг полифонии // Vox. Философский журнал. 2013. Вып. 15. С. 39–69. URL: <http://vox-journal.org>
4. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. 1–2 / пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. М. : Феникс, 1992.

УДК 316.4

Фофанова Катерина Владиславовна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(г. Саранск, Россия)
kateri02@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ М.М. БАХТИНА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы методологии социологических исследований в контексте идей М.М. Бахтина. Показано, что в трудах Бахтина был предугадан перспективный путь развития социологической методологии, а выдвинутые им идеи созвучны положениям многих направлений социологической мысли. Автор делает вывод, что возможности концепции Бахтина для развития социологической методологии не исчерпаны и многие его положения крайне актуальны на современном этапе развития методологии социогуманитарного познания.

Ключевые слова: методология, социальное познание, социологическое исследование, этнометодология, качественная методология.

Fofanova Katerina V.
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
kateri02@yandex.ru

METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE CONTEXT OF M.M. BAKHTIN'S IDEAS

Abstract. The article deals with the methodology of sociological research in the context of the ideas of M. M. Bakhtin. It is shown that the ideas of M. M. Bakhtin predicted a promising path of development of sociological methodology, and that they are consonant with many contemporary trends in sociological thought. The author concludes that the possibilities of Bakhtin's concept for the development of sociological methodology are not exhausted and many of his ideas are extremely relevant for the development of the methodology of social cognition.

Keywords: methodology, social cognition, sociological research, ethnomethodology, qualitative methodology.

Состояние современной методологии социального познания все чаще характеризуется как очередной кризис, как ситуация «растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности» [Татарова, 2006, с. 6]. Утверждается, что современная социология нуждается в создании «новой теоретической основы, которая обеспечила бы иной взгляд на социологическую теорию и которая могла бы впитать и оценить широкое множество существующих теоретических подходов» [Шумборт, 2021, с. 11].

Действительно, с одной стороны, социальное познание движется в магистральном русле объективистского вектора, используя классические количественные методы исследования, чья объяснительная и предсказывающая сила многократно усилена возможностями, предоставленными новыми информационными технологиями. С другой стороны, этот вектор не позволяет раскрыть, даже уловить уникальное, высветить субъективные смыслы и значения, понять человеческое измерение социальных процессов и явлений. Здесь особое значение приобретают качественные методы и исследования в русле методологии гуманитарного знания М.М. Бахтина.

Анализ развития социологии в XIX–XX вв. показывает, что ее методы и подходы изменялись преимущественно в том направлении, которое было предложено Бахтиным. В определенном смысле их даже можно рассматривать как разворачивание и конкретизацию бахтинских положений. Это не обозначает, что творчество Бахтина оказало непосредственное влияние на социологическую методологию (хотя в последнее десятилетие и о таком влиянии уже можно говорить); это скорее показывает, что он предугадал наиболее перспективный путь развития методологии социогуманитарных, в том числе социологии.

Основные положения бахтинской методологии гуманитарных наук в кратком виде можно выразить в таком списке характеристик: «направленность познания на личность; необходимость вживания в ее внутренний мир; акцентирование внимание на конкретных и уникальных событиях; субъективность познания; приоритет понимания перед объяснением; диалогичность; контекстуальность; учет культурной специфики познания и творческого характера познавательной деятельности; осознание ее принципиальной незавершенности; принятие исследователем ответственности за свои действия или бездействие» [Сычев, 2018, с. 85].

В этом контексте можно провести параллель между методологическим подходом Бахтина и теоретико-методологической платформой «понимающей социологии» у В. Дильтея, Г. Зиммеля, М. Вебера, которая переместила фокус исследований на действующую личность и признала *приоритет понимания перед объяснением*. С этой позиции поведение человека не является всецело детерминированным внешними факторами. Такой подход, очевидно, был попыткой преодолеть кризис в социологии в начале XX в. Ю.Н. Давыдов пишет, что Бахтин и Вебер – каждый по-своему – пытались связать науки о культуре и науки об обществе [Давыдов, 1996]. При этом Бахтин шел от

культурной специфики к социологической, а Вебер – от социологической к культурной. Оба в качестве связующего звена между этими сторонами социогуманитарного познания использовали этику – отсюда их интерес к личности и конкретным проявлениям ее деятельности (социальному действию у Вебера, поступку у Бахтина). Разработанные этими мыслителями методологические подходы можно считать определяющим для развития социологического знания в XX в. Именно в их работах в наиболее четком виде проявился поворот от теоретико-методологического принципа примата общества над индивидом к идее о первенстве индивида. Заметим, что *поворот к личности* почти не подвергался серьезному осмыслению в отечественной социологии, базовые подходы которой сложились на основе синтеза методологических идей позитивизма и марксизма.

Близки по духу идеям Бахтина и многие положения символического интеракционизма; более того – в определенном смысле идеи интеракционизма можно рассматривать лишь как развитие отдельных элементов более широкой системы бахтинской социальной теории. Г. Нильсен, посвятивший в своей книге «Нормы ответственности» отдельную главу сравнению идеям Бахтина и Мида, делает такой вывод: «Теория норм ответственности Бахтина представляет собой богатый источник, из которого те, кто следует традиции, начатой частично Зиммелем и Вебером и затем более подробно развитой Джорджем Гербертом Мидом, могут черпать идеи с большой пользой для себя» [Nielsen, 2002, p. 21]. Мид, различая «действие» и «социальное действие», указывает, что главной отличительной чертой последнего является вовлеченность двух и более индивидов. Иными словами, социальное действие с необходимостью имеет *диалогический характер*. Прежде чем понять самих себя, мы должны быть поняты другими и учесть их понимание. Эту идею Мид резюмирует в словах: «Я (Self) существую только по отношению к Другим» [Mead, 1981, p. 278.].

Для Бахтина центром познания гуманитарных наук является личность, которую можно понять только диалогически. При этом *глубина понимания внутреннего мира личности* выступает в качестве своеобразного аналога точности в естественных науках. Внутренний мир является не столько «отражением» внешнего социального мира, сколько результатом интерпретирующей работы индивидуального сознания. Этот подход (в своей основе феноменологический) в дальнейшем подробно разворачивается у А. Шюца. Понимание Другого в этой традиции предполагает необходимость понимания его жизненного мира таким, каким он его сам создает. Попытка вчувствования Я в Другого (и наоборот) придает миру интерсубъективный характер. Для того чтобы узнать перспективу Другого, необходима коммуникация. Социальное для Шюца – это собственно и есть интерсубъективность, конструируемая через «коммуникативные акты, в которых Я обращено к Другим, предполагая их в качестве лиц, обращенных к нему, и обе стороны знают об этом» [Шюц, 2003, с. 68]. Таким образом, в интерпретации жизненного мира («действительного мира поступка») Шюц и Бахтин приходят к близким выводам [Зубарев, 2014].

Бахтин, в отличие от представителей классической социологии, требовавшей изучать «устойчивые и повторяющиеся образцы поведения людей в обществе», полагает, что гуманитарные науки должны концентрироваться не на общем, а на уникальном событии, которое происходит в конкретном жизненном хронотопе. Одна из вариаций социологической методологии, использующих эту идею, – этнометодология. Активное участие исследователя в конструировании новых смыслов при изучении общества ставит под вопрос объективность, которая постулировалась в качестве важнейшей предпосылки социологического знания. В реальности из познания невозможно изъять *элементы субъективности*: и это верно не только для таких направлений, как феноменологическая социология или символический интеракционизм, но и для всей традиционной социологии XIX в., между строк (и в строках) которой по прошествии времени прочитываются предрассудки, предвзятость и политические убеждения исследователей.

Многие идеи Бахтина оказались созвучны методологическим построениям различных направлений социологии XX в., более того, возможности методологических идей М.М. Бахтина для развития социологической теории далеко не исчерпаны. Многие выдвинутые им положения могут быть востребованы и сейчас, когда перед социологией, вооруженной новыми технологиями получения и обработки больших данных, ставятся проблемы их адекватной и ответственной интерпретации.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М.М. Работы 1940-х – начала 1960-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. 732 с.
2. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и Михаил Бахтин (к введению в социологию XX века) // Социологические исследования. 1996. № 10. С. 3–15.
3. Зубарев А.С. Возможности и перспективы использования концепции М. Бахтина в социологической интерпретации жизненного мира // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 19. С. 102–109.
4. Сычев А.А. М.М. Бахтин об особенностях методологии гуманитарных наук // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20, № 6. С. 85–90.
5. Татарова Г. Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3–12.
6. Шумбарт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах // Социологические исследования. 2021. С. 5–15.
7. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М. : Институт Фонда «Общественное мнение». 2003. 336 с.
8. Mead G. H. Selected Writings. Chicago, 1981. 416 p.
9. Nielsen G.M. The Norms of Answerability: Social Theory between Bakhtin and Habermas. N.Y., 2002. 272 p.